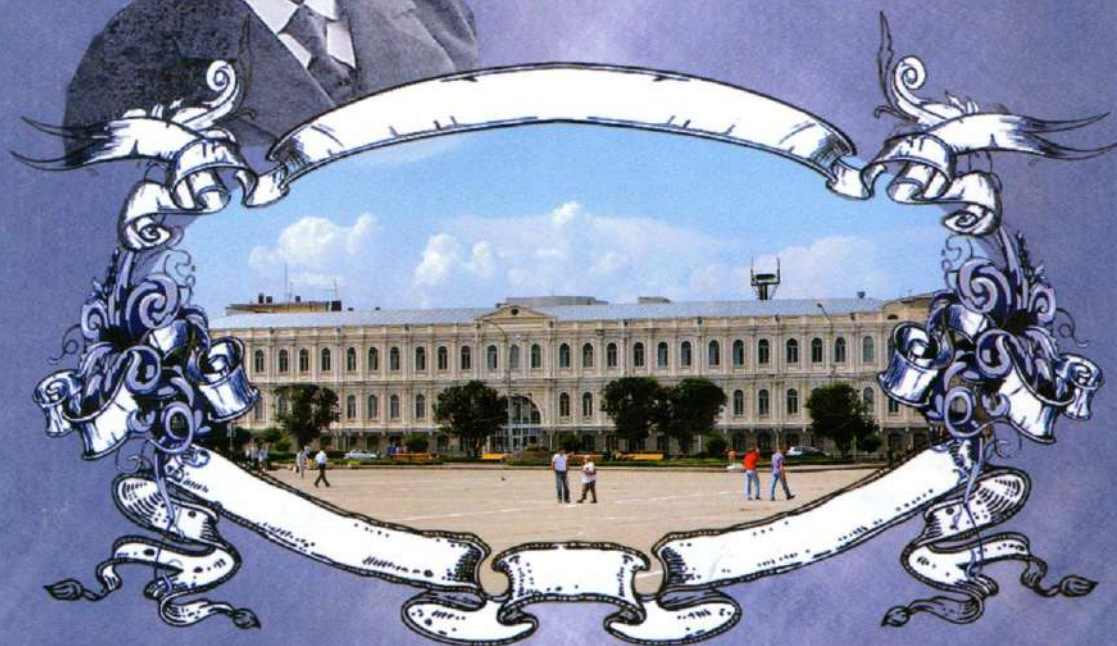

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ СТАВРОПОЛЬСКОГО КРАЯ
СТАВРОПОЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ
И ПРИРОДНО-ЛАНДШАФТНЫЙ МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК ИМ. Г. Н. ПРОЗРИТЕЛЕВА И Г. К. ПРАВЕ

ПЯТЫЕ ПРОЗРИТЕЛЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ

СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ
26-27 НОЯБРЯ 2008 г.

*Министерство культуры Ставропольского края
Ставропольский государственный
историко-культурный и природно-ландшафтный музей-заповедник
имени Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве*

**ПЯТЫЕ
ПРОЗРИТЕЛЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ**

материалы
научно-практической конференции
26–27 ноября 2008 г.

К 300-летию института губернаторства
в России

НАЙТИ ♦ СОХРАНИТЬ

Ставрополь – 2008

ББК 63.3 (2Р-4Ст)
П 75

Научное издание.

Печатается по решению ученого совета Ставропольского государственного историко-культурного и природно-ландшафтного музея-заповедника им. Г. Н. Прозрителева и Г. К. Паве

П 75 **Прозрителевские чтения:** Сборник материалов научно-практической конференции. Выпуск 5: (научное издание). – Ставрополь: «Графа», 2011. – 176 с.

ISBN 978-5-904241-48-3

Ответственный редактор – Н. А. Охонько
Научный редактор – С. Н. Савенко
Литературный редактор – Л. Н. Котовская
Компьютерный набор – Н. Д. Симонова

Материалы сборника посвящены краеведческой тематике и музейному делу, представляют культурное и природное наследие, историческое прошлое и настоящее, социально-культурную жизнь города, края, региона

ISBN 978-5-904241-48-3

© Ставропольский государственный музей-заповедник им. Г. Н. Прозрителева и Г. К. Паве, 2011 г.
© Авторы, 2011 г.
© Издательство «Графа», 2011 г.
© Типография «Печатный Двор», 2011 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Савенко С.Н. [От редактора](#)

ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ

ИНСТИТУТА ГУБЕРНАТОРСТВА НА ЮГЕ РОССИИ

- Васильева Е.И. [Институт губернаторства в России и судебная реформа 1864 г.](#)
- Илиади И.Х. [Губернаторское правление на Ставрополье в конце XIX – начале XX столетия](#)
- Марченко А.В. [Вклад губернатора Н.Е. Никифораки в культурное и социально-экономическое развитие Ставропольской губернии](#)
- Карагодин Е.В. [Институт губернаторства в России: история и перспективы](#)
- Охонько Я.Н.,
Охонько Н.А. [Особенности института губернаторства в Кавказской губернии и Кавказской области \(первая половина XIX в.\)](#)
- Штайн К.Э.,
Петренко Д.И. [Галерея портретов губернаторов в очерке И.В. Бентковского «Ставрополь в географическом, историческом, топографическом и статистическом отношениях» \(1854\)](#)

ИСТОРИЧЕСКОЕ И ЛИТЕРАТУРНОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ

- Андрющенко Т.Н. [Формирование 2-го Ставропольского полка Кавказского линейного казачьего войска и станиц Татарской и Николаевской](#)
- Антонова Е.Е. [Терский областной статистический комитет: к истории создания](#)
- Боровцова А.Е. [Общие черты и особенности библиотечной политики Ставрополья 20–30 годов XX века](#)
- Волкова С.М. [Человек с большой буквы \(о Герое Социалистического Труда Г.К. Горлове\)](#)
- Денисенко М.Ю. [Семейные традиции предпринимательства в среде ставропольского купечества](#)
- Драчева О.Н. [К истории заселения и государственного освоения земель на Северном Кавказе \(на примере села Татарка\)](#)
- Животовская Л.В. [Воспоминания Г.В. Смирновой о К.Л. Хетагурове](#)
- Кожемяко Т.Н. [Феномен советскости \(на примере Ставрополья\)](#)
- Кухтарева Ж.А. [Роль Евдокимова Е.Г. и Пивоварова И.Н. в социально-политической истории региона](#)
- Мешечко Н.В. [Герой своего времени Василий Павлович Бондарев](#)

- Никонова А.Ф. [Иван Антонович Толстой](#)
- Приходько Н.О. [Исследование «К истории села Сунжа»](#)
- Ряснянская Н.А. [Роль органов местного самоуправления в благоустройстве российских городов в XIX веке \(на примере Ставропольской шестигласной думы\)](#)
- Состин Д.И. [Роль органов власти и самоуправления в общественно-политической жизни Ставропольской губернии в период революций 1917 года](#)
- Стрекалова Е.Н. [Особенности памяти о Великой Отечественной войне в устных свидетельствах ставропольчан](#)
- Стрекалова Е.Н. [Оккупация по данным «устных историй» \(на материалах Ставрополя и Кубани\)](#)
- Ткаченко Д.С.,
Колосовская Т.А. [Военная администрация в социокультурном развитии Кавказской области в период Кавказской войны](#)

ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

- Галаева В.Н.,
Отюцкий И.В.,
Ермолаев Н.И. [Результаты разведок в балке Грушевой в 2008 году](#)
- Годзевич Б.Л.,
Дронов А.В. [Природно-климатические факторы заселения Ставрополя в каменном веке](#)
- Дронов А.В. [О находках каменного века на Ставрополе. Сообщение I](#)
- Прокопенко Ю.А. [Новые находки скифского звериного стиля V–IV вв. до н. э. в районе Кавминвод](#)
- Прокопенко Ю.А.,
Лубова С.Ф. [О торговых связях населения Центрального Предкавказья с древнерусскими княжествами в IX – начале XIII вв.](#)
- Савенко С.Н. [Виды взаимодействия высшего местного руководства Ставрополя, Терека и Кубани с Императорской Археологической комиссией в деле сохранения древностей региона \(к 150-летию ИАК\)](#)

ИЗУЧЕНИЕ МУЗЕЙНЫХ КОЛЛЕКЦИЙ

- Барabanова Е.Г. [Боевые награды самурцев \(из коллекции наградной фалеристики музея\)](#)
- Бармина Т.Б. [Коллекция документов ставропольского купца Г.И. Третьякова как источник по изучению семейной истории](#)
- Гальфингер Н.А. [Шашки в коллекции оружия Ставропольского](#)

государственного музея-заповедника

- Гордиенко А.Б. Устные источники о деятельности краевых и местных властей на Ставрополье в фондах СГМЗ
- Нафталиева О. М. История одного предмета (тфилин) в коллекции Г.Н. Прозрителева

**ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ, СОХРАНЕНИЯ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ
КУЛЬТУРНОГО И ПРИРОДНОГО НАСЛЕДИЯ**

- Белоус В.Н.,
Дронов А.В. Флора и растительность донскобалковского лесостепного ландшафта
- Бурков С.Б. Деятельность органов государственной власти и управления Ингушетии в области обеспечения сохранности историко-культурного наследия
- Гайденок А.В. Павлова дача как объект эколого-эстетического воспитания
- Галушко М.А. К истории изучения и антропогенного преобразования долины реки Ташлы
- Данилевич В.Г.,
Данилевич А.А. Историческая ретроспектива Павловой дачи и ее современное состояние
- Доронин И.В. Вклад П. А. Резника и Н. К. Верещагина в изучение амфибий и рептилий Северного Кавказа
- Колесниченко А.Е. История изучения лесов Ставропольской возвышенности как объектов природного наследия
- Мозгова Т.В. Физико-географическая характеристика ст. Боргустанской и ее окрестностей (по материалам историко-этнографической экспедиции 2006 г.).
- Проконова Т.В. К вопросу сохранения и рационального использования почвенных ресурсов Предкавказья
- Шальнев В.А.,
Ляшенко Е.А. Проблемы сохранения природного наследия в Ставропольском крае
- Шевченко Н.Е. История лесопользования пойменных лесов реки Кумы

РАБОТЫ СТУДЕНТОВ И ШКОЛЬНИКОВ

- Калашова Д.А. Ставропольская краевая администрация в деле сохранения и использования историко-культурного и природно-ландшафтного наследия города Ставрополя
- Липенцев Д. История моей семьи в истории моей страны

- Липенцев Д. [Происхождение названий и прозвищ в микрорайоне Бузиновое города Светлограда](#)
- Ляшенко В.С. [Социум города Ставрополя на грани XIX – XX вв.](#)
- Перевертайло А. [Федор Давыдович Кулаков – первый секретарь Ставропольского крайкома КПСС](#)

[Список сокращений](#)

От редактора

26–27 ноября 2008 года в Ставропольском государственном историко-культурном и природно-ландшафтном музее-заповедника имени Г. Н. Прозрителева и Г. К. Пправе прошли очередные, Пятые, музейно-краеведческие чтения памяти основного создателя данного учреждения Григория Николаевича Прозрителева (1849–1933). На этот раз в конференции приняло участие около 80 музейных и библиотечных работников, ученых, преподавателей различных учебных заведений, студентов и учащихся из Ставрополя, городов и районов края, города Владикавказа.

Всего заслушано 50 докладов 56 специалистов, аспирантов и студентов. Содержание 49 из них, 55 авторов (4 из которых выступили авторами или соавторами двух (Прокопенко Ю. А., Савенко С. Н., Стрекалова Е. Н.), или трех (Дронов А. В.) сообщений), представлено в данном сборнике.

Пленарные и часть секционных докладов были посвящены приоритетной проблематике, связанной с 300-летием института губернаторства в России. Их авторы (Илиади И. Х., Марченко А. В., Штайн К. Э., Петренко Д. И. и другие) рассматривали тему, в основном, в преломлении через ставропольский опыт функционирования губернаторской и иной высшей местной власти, через персоналии ставропольских губернаторов. Но были и сообщения общего характера: о влиянии судебной реформы 1864 года на институт губернаторства в России (главный библиограф Ставропольской краевой универсальной научной библиотеки им. М. Ю. Лермонтова Васильева Е. И.), об исторических перспективах этого института (младший научный сотрудник Ставропольского музея-заповедника Карагодин Е. В.).

Работало несколько тематических секций: сохранения, изучения и использования природного наследия, проблем региональной археологии, этнографии и сохранения культурного наследия, изучения музейных и архивных коллекций, локальной истории и краеведения и секция учащихся средних учебных заведений. В разделах данного сборника материалы состоявшихся докладов и сообщений построены в основном с учетом тематической направленности секций.

С большим вниманием и живым интересом секционные аудитории отнеслись к выступлениям по темам: «Проблемы сохранения природного наследия в Ставропольском крае» – доктора географических наук, профессора Шальнева В. А. и кандидата географических наук Ставропольского государственного университета Ляшенко Е. А., «Природно-климатический фактор в заселении Ставрополя в каменном веке» – кандидата геолого-минералогических наук, доцента СГУ Годзевича Б. Л. и педагога

Ставропольского краевого центра экологии, туризма и краеведения Дронова А. В., «Шашки в коллекции оружия Ставропольского государственного музея-заповедника» – главного хранителя СГМЗ Гальфингер Н. А., «Роль органов власти и местного самоуправления в общественно-политической жизни Ставропольской губернии в период революций 1917 года» – кандидата исторических наук, доцента Ставропольского филиала Краснодарского университета МВД РФ Состина Д. И., «К истории села Сунжа» – Приходько Н. О., учителя истории СОШ № 17 с. Сунжа Минераловодского района и многие другие. Доклады, конечно, различались по уровню научной разработки рассматриваемой проблематики. Наряду с солидными, глубокими исследованиями были и выступления, которые носили преимущественно информационный характер. Проявлялось и существенное своеобразие подхода авторов к изучаемым темам. Мы сохраняем содержание представленных текстов выступлений без принципиальных изменений, хотя у редакции к некоторым из них возникали определенные вопросы. Так, например, в материале о «феномене советскости» на примере Ставропольского края аспиранта Ставропольского государственного университета Кожемяко Т. Н. не чувствуется учет мнений оппонентов по излагаемым положениям. Но мы оставляем все работы на суд читателей и предлагаем им при желании вступать в дискуссии с авторами.

На секции учащихся состоялось 16 сообщений. Многие из них прозвучали живо и эмоционально, выступления сопровождались яркими видеопрезентациями и показом наглядных материалов. Но в сборник, как и ранее, были включены только лучшие по содержанию и наиболее самостоятельные работы школьников. Традиционно вместе с ними помещены и две публикации студентов.

Нам представляется, что и этот, очередной, «юбилейный» сборник материалов «Прозрителевских чтений» будет пользоваться вниманием со стороны заинтересованных читателей, и они смогут извлечь из него новую и нужную информацию.

Савенко С. Н.,
заместитель директора
СГМЗ им. Г. Н. Прозрителева и Г. К. Пправе
по научной работе,
кандидат исторических наук

ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТА ГУБЕРНАТОРСТВА НА ЮГЕ РОССИИ

Васильева Е. И.,

г. Ставрополь,

СГК УНБ им. М.Ю. Лермонтова,

главный библиограф отдела правовой и деловой информации,

Ставропольский государственный университет,

соискатель

Институт губернаторства в России и судебная реформа 1864 г.

Говоря о трехсотлетней истории института губернаторства в России, нельзя не остановиться на одном важном и значительном ее периоде. Это время реформ 60–70-х гг. XIX столетия, затронувших и модернизировавших буквально все сферы общественной жизни, в том числе и систему губернского управления на местах. Весьма существенной для института губернаторства из той череды преобразований, по нашему мнению, является судебная реформа 1864 г. Александра II.

Одним из главных принципов реформирования судопроизводства и судоустройства, по мысли его идейных вдохновителей, было полное отделение власти судебной от административной и законодательной. Создавая принципиально новые внесословные суды, вводя суд присяжных заседателей, гласность судопроизводства, адвокатуру, мировую юстицию, законодатель тем самым значительно изменил и традиционные судебные прерогативы губернаторов, существовавшие еще с петровских времен. Отныне власть губернатора становилась в большей мере исполнительной. «...Следя за исполнением законов, он не имел права быть автором новых постановлений, не мог нарушать существующие, не имел права учреждать налоги или какие-либо сборы с населения, а также изменять судебные приговоры...» (1, с. 223).

В сфере уголовного судопроизводства Судебными уставами от 20 ноября 1864 г. из административных ведомств губерний изымалась значительная часть дел по суду и следствию. А деятельность губернаторов ограничивалась лишь участием в определенных законом случаях в заседаниях суда, которыми руководили старшие председатели палат. В частности, из их ведения было изъято рассмотрение тех приговоров уголовных палат, которые по силе самого закона подлежали ревизии Сената (2, с.104–105). С этого момента из уголовных палат они поступали напрямую в Сенат, минуя начальников губернской администрации всех уровней. Таким образом, губернатор утратил право ревизий уголовных дел, что существенным образом улучшало, например, положение судебных

следователей, которые ранее целиком и полностью находились в подчинении губернаторов. Согласно новому Уставу уголовного судопроизводства, введенного по судебной реформе 1864 г., судебные следователи приравнивались к членам окружных судов. Назначать и смещать следователей мог только царь по представлению министра юстиции.

Кроме того, губернатор мог на основании ст. 94 Учреждения судебных установлений (далее – УСУ) проверять, соблюдены ли при составлении списков присяжных заседателей предписанные законом условия, и имел право исключать из списков лиц, неправильно туда внесенных, с обязательной мотивировкой решения. После чего они возвращались тем же временным комиссиям и публиковались в местных губернских ведомостях. При этом законом оговаривалось: в случае несогласия с данными исключениями подавать жалобы на действия губернатора первому департаменту Правительствующего Сената (ст. 95 УСУ).

Комментируя данную правовую норму, нетрудно заметить, что порядок привлечения к ответственности губернаторов по сравнению с ранее действующей нормой закона был явно изменен. Если раньше они привлекались к суду лишь по приказу императора, то, начиная с 1864 г., это право было предоставлено первому департаменту Сената.

В области гражданского судопроизводства в компетенцию губернаторов входило теперь, согласно ст. ст. 26–29 УСУ, лишь утверждение списков лиц, имеющих право быть избранными в мировые судьи, который составлялся за три месяца до выборов, по каждому округу отдельно, уездным предводителем дворянства по согласованию с городским головой и местными мировыми судьями. И только после этого мировые судьи утверждались в должности первым департаментом Правительствующего Сената (3, с. 16–17). Вместе с тем финансирование мировых судей и их аппарата из местных бюджетов в некоторых случаях отрицательно сказывалось на становлении их независимости, поскольку при помощи финансовых рычагов местная администрация могла оказывать давление на принятие ими судебных решений, а также влиять на качество их исполнения.

В целом, утрата губернаторами несвойственных им функций по осуществлению правосудия позволила основной акцент в их деятельности перенести на другие жизненно необходимые для населения губерний сферы: народно-хозяйственную, социальную, здравоохранение, просвещение, благотворительность и т. д. Иными словами, «...произошло перераспределение предметов ведения: органы самоуправления брали на себя основной массив вопросов, связанных с непосредственной жизнью населения...» (4, с. 120–121). Подверглась изменениям и структура губернского правления, которое

окончательно утратило права самостоятельного учреждения и превратилось в исполнительный орган при губернаторе. Канцелярия губернатора стала функционировать более чем в полутора десятках различных совещательных учреждений – комитетов, комиссий, присутствий, которыми дополнялась деятельность губернского правления. С их помощью губернатор и осуществлял надзор за новыми, пореформенными учреждениями. Считаю важным также подчеркнуть, что нередко статус и опыт губернаторов, ушедших в отставку, позволял им впоследствии занимать должности в новых судебных ведомствах. Иллюстрацией сказанному может служить пример, приведенный известным юристом того времени А. Ф. Кони в одном из своих мемуаров о том, что на должность по Валковскому уезду Харьковской губернии почетным мировым судьей был избран тульский губернатор Михаил Романович Шидловский (5, с. 438).

В Ставропольской губернии эпоха российских реформ пришлась на время правления Георгия Константиновича Властова, который находился на посту гражданского губернатора в период с 1868 по 1872 год. Как свидетельствуют факты истории, наша губерния одной из первых приступила к преобразованиям прежних сословных судов, следуя правилам Судебных уставов от 20 ноября 1864 г. При торжественном открытии новых судебных учреждений, 17 апреля 1868 г., присутствовал и сам ставропольский губернатор Властов. В помещении Окружного суда были прочитаны предложение Наместника Кавказского об открытии новых судебных учреждений, а также именной Высочайший Указ от 9 декабря 1867 г. о преобразовании судебной части и приказы о личном составе окружного суда (6). На основании этого же указа были открыты мировые суды и съезды мировых судей. После благодарственного молебствия с освящением здания окружного суда ставропольский губернатор вместе с председателем окружного суда присутствовали также при освящении помещений мировых съездов (7). О поддержке губернатором новых судебных установлений говорит и то обстоятельство, что им было дано предписание всем учреждениям, городским и земским полициям «следовать рекомендациям по правильному и быстрому действию судебных учреждений» (8). Современники еще при жизни оценили выдающиеся заслуги своего губернатора, в том числе и в деле создания и преобразования судебной системы Ставропольской губернии по реформе 1864 г. Ставропольское городское общество купцов и дворян на одном из своих собраний выступило с рапортом «...просить Его Превосходительство Господина Ставропольского Губернатора Георгия Константиновича Властова принять на себя звание почетного гражданина города Ставрополя, за оказанные обществу благодеяния...» (9). В память о знаменитом земляке ставропольчане

переименовали улицу Базарную и продолжение ее до улицы Ольгинской во Властовскую (10, с. 106–107).

Преемники Властова в своей деятельности стремились так же придерживаться политики сотрудничества с новыми судебными институтами. При этом губернаторы нередко сами выступали инициаторами по улучшению уже существовавших судебных учреждений. Например, в одном из своих докладов, представленном на имя Государя императора во время поездки в Санкт-Петербург, ставропольский губернатор Карл Львович Зиссерман (1883–1887 гг.) большую заботу проявлял о мировых судебных учреждениях, обосновывая, во-первых, необходимость увеличения в Ставропольской губернии штата мировых судей путем учреждения пятой должности участкового мирового судьи ввиду расширения их подсудности; во-вторых, увеличения отпуска канцелярии сумм на канцелярские расходы и разъезды мировых судей; в-третьих, усиления личного состава судебной канцелярии посредством введения должности помощника секретаря (11). Особо следует отметить опеку губернатора над учрежденным по судебной реформе 1864 г. институтом судебных приставов. Вот как говорит он об этом в своем Всеподданнейшем докладе: «При изыскании мер в правильной организации мировой юстиции в губернии нельзя не обратить особенного внимания и на судебную исполнительную власть, в лице судебных приставов. Нужно сознаться, что в настоящее время исполнение судебных решений находится далеко не в удовлетворительном состоянии и оставляет желать очень многого к улучшению, как в скорости, так и в самом качестве исполнения» (12). При этом К. Л. Зиссерман предлагал в устранение означенных недостатков увеличить число судебных приставов по два на каждый округ съезда, для того, чтобы два из них могли постоянно пребывать в уездах, по одному в каждом, а третий в городе, так как один город Ставрополь давал в то время более исполнительных листов, чем каждый уезд.

А при другом ставропольском губернаторе – генерал-майоре Александре Николаевиче Вельяминове (1904–1906 гг.), в 1906 году в Ставропольской губернии был наконец-то введен долгожданный для местных жителей суд присяжных заседателей, при этом губернатор заявил, что «находит распространение на Ставропольскую губернию суда присяжных мерою для края полезною, желательною, своевременною и практически легко осуществимою» (13, с. 46).

Таким образом, судебная реформа 1864 г., создавая правовые гарантии, обеспечивающие с одной стороны самостоятельность суда и судопроизводства от местных властей, а с другой – основы их совместного ведения, доказала весьма существенное и благотворное влияние на развитие и дальнейшее становление института губернаторства в России. Одним из наиболее важных нововведений

реформаторов можно назвать разграничение компетенции и функций исполнительной власти в лице губернского правления и новых судебных учреждений, которые в конечном итоге приближали Россию к истинно правовому государству, отвечая одному из его главнейших принципов разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную. И хотя последовавший затем период контрреформ 80–90-х гг. XIX в. фактически свел на нет многие прогрессивные начинания реформаторов, некоторые из новых демократичных преобразований в сфере суда и судоустройства все же продолжали существовать вплоть до октября 1917 года.

Ставропольская губернская администрация, вводя одной из первых новые судебные учреждения по судебной реформе 1864 г., в дальнейшем также старалась идти по пути сотрудничества и поддержки с представителями судебной власти. И не последнюю роль в этом сыграли ставропольские губернаторы, которые много личных сил и усердия прилагали к обустройству и преобразованию суда и судопроизводства во вверенной им губернии на различных периодах ее истории.

Использованная литература и источники

1. Манько А. В. Блюстители верховной власти. Институт губернаторства в России: исторический очерк / А. В. Манько. – М.: Аграф, 2004. – 240 с.
2. Полное собрание законов Российской империи. Т. 39. Собр. II. Отд. I. № 40584 от 10 февраля 1864 г. – СПб., 1867. – 784 с.
3. Учреждение Судебных Установлений. Свод законов, правил, распоряжений и разъяснений, относящихся до учреждения судебных установлений и судебного управления/Сост. С.Г. Громачевский. – СПб.: Издание Юридического книжного магазина Н.К. Мартынова, 1897. – 154 с.
4. Лысенко Л.М. Губернаторы и генерал-губернаторы Российской империи (XVIII–начало XX века) / Л.М. Лысенко. – М.: МПГУ, 2001. – 358 с.
5. Кони А.Ф. На жизненном пути. Т.1. Из записок судебного деятеля. Житейские встречи / А.Ф. Кони. – СПб., 1912. – 679 с.
6. ГАСК. Ф.398. Оп.3. Д.137. Л.11.
7. ГАСК. Ф.398. Оп.3. Д.137. Л.11об.
8. Там же.
9. ГАСК. Ф.101. Оп.4. Д.180. Л.1.
10. Илиади И. Самый блистательный губернатор / И. Илиади, В. Кайшев, Г. Беликов. – М.: Илекса, 2002. – 384 с.
11. ГАСК. Ф.101. Оп. 4. Д.1088. Л.7, 13.
12. Там же. Л.13,14.
13. Зозуля И.В. Суд присяжных в Ставропольской губернии: из истории открытия и деятельности в начале XX века / И.В. Зозуля // Суд присяжных на Северном Кавказе: история и современность (к 100-летию со дня введения на Кубани и Ставрополье): материалы межрегиональной научно-практической конференции, 10–11 ноября 2006 г. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2007. – С. 40–47.

Губернаторское правление на Ставрополье в конце XIX – начале XX столетия

Губернаторское правление впервые было создано в старой Франции королем Франциском I в XVI веке. Губернаторами там стали называть представителей короля в провинциях. Должность эта обычно поручалась наиболее доверенным королю дворянам. В России губернаторы тоже назначались высшей властью по представлению сената, который проводил отбор кандидатов в среде российского дворянства.

Губернии в России, как высшую из местных административных единиц, в пределах которой действуют власти, непосредственно подчиненные центральному правительству, ввел Петр I. Первая губерния им была учреждена в 1702 г., на территории, отвоеванной у Швеции, – Ингерманландская, а с 1708 г. на территории России уже было 8 губерний. К 1719 г. их стало 11 (1, с.840). Оправдывая учреждение губерний, Петр I говорил, что «человеку трудно за очи все выразуметь и править» одному из одного центра (2, с. 450).

Император стремился так организовать территорию страны, чтобы на обширных просторах российского государства воля центральных властей в точности доводилась до самых отдаленных, медвежьих углов, при одновременной мобилизации людей и ресурсов в интересах центра. Непосредственным начальником на местах назначался губернатор, которому поручалось быть первым блюстителем «неприкосновенности прав верховной власти, пользы государства и повсеместного, точного исполнения законов, уставов, Высочайших повелений, указов правительствующего сената» (1, с. 839).

Административный принцип, введенный Петром I, продолжила императрица Екатерина Великая. Увеличив, начиная с 1775 г., количество губерний до 40, она еще более усилила власть губернаторов, считая их главой и хозяином всей врученной им губернии, видя в губернаторах, прежде всего и в первую очередь, государевых наместников (1, с. 840). В этом же направлении действовали все последующие государи всероссийские. По наказу Николая I, утвержденному в 1837 г., губернатор, как главный представитель верховной власти в губернии, осуществлял надзор за всеми учреждениями, ведавшими делами благосостояния и благоустройства на местах. В силу обширности задач, определяемых государством губернатору, он вынужден был вмешиваться фактически во все без исключения сферы народной жизни находившейся в его

ведении территории. При этом следует отметить, что общий характер власти губернаторов в дореформенный период имел ту особенность, при которой «она являлась лишь исполнительницею закона и представлений высшего правительства, без права действовать самостоятельно, под собственную ответственность» (1, с. 840.).

После 1864 г. объем власти губернаторов был ограничен судебными и земскими учреждениями. Судебные уставы устранили губернаторов от участия в отправлении правосудия на местах. Однако такое положение дел было подвергнуто ревизии в правление императора Александра III. Земское положение 1890 г. присоединяло к надзору губернатора значительную долю вмешательства в земские дела, а положение о земских начальниках 1889 г., увеличивая влияние губернатора на уездное управление, вновь предоставило ему роль судьи в качестве председателя губернского присутствия.

Роль и назначение губернаторского правления значительно усилилась, но при этом, в отличие от дореформенного периода, губернаторам предоставлялась возможность, оставаясь в рамках предписанных наместнических полномочий верховной власти, проявлять известную долю самостоятельности, под личную ответственность перед императором. Это обстоятельство способствовало появлению в губернаторской среде выдающихся фигур, сумевших повести дело к всеобщей пользе и сохранить в памяти потомков отрадное чувство признательности.

Ставрополье имело губернаторское правление, которое здесь было учреждено в 1847 г., когда прежде существовавшая с 1822 г. Кавказская область была преобразована в Ставропольскую губернию. Необходимость в таком преобразовании вызывалась как ходом Кавказской войны, так и колонизационными процессами, которые продолжались на территории Ставрополья безостановочно в течение всего периода существования губернии.

В административном отношении губерния делилась на 5 уездов и 3 территории кочующих народов. По данным Первой всеобщей переписи населения России, к 1897 г. в Ставропольской губернии проживало 873 тыс. чел., из них 771 тыс. – крестьян. Колонизационные потоки приводили в губернию все новых переселенцев, численность которых с 1886 по 1897 год увеличилась на 210 тыс. чел. (3, С. III).

Основным административным учреждением в губернии было губернское правление, осуществлявшее свои полномочия под председательством губернатора. Все основные дела губернского правления сосредоточивались в губернской канцелярии, штат которой делился на 4 отделения: 1-е обнародовало законы и наблюдало за исполнением распоряжений губернатора; через 2-е губернатор руководил полицией; 3-е осуществляло связь губернской

администрации с местными судами; 4-е поддерживало связь с финансово-хозяйственными органами губернии.

В целом управлялась Ставропольская губерния на общем основании с другими губерниями России. Территории кочующих народов (ногайцев, калмыков, туркмен) находились под управлением главного пристава, подчиненного губернатору.

С 1887 г., в течение 17 лет, возглавлял Ставропольскую губернию Н. Е. Никифораки. По общему признанию современников (4, с.10–12), его отличали обширные административные познания, которые он приобрел, осуществляя руководство Черноморией, широкий кругозор, доступность и простота в общении. Что касается последнего, то здесь сказывалось кавказское армейское прошлое Н. Е. Никифораки. Будучи армейским офицером и пройдя многие ступени служебной иерархии, этот человек сохранил лучшие качества российского офицерства, которые были присущи командному составу Отдельного Кавказского корпуса.

Во главе Ставропольской губернии Н. Е. Никифораки проявил себя энергичным и волевым администратором, настойчиво и последовательно проводившим цели и задачи правительства, способствуя преобразованию Ставрополя в один из надежнейших оплотов российского государства на южных рубежах империи.

Современники и официальные власти в Петербурге были чрезвычайно высокого мнения о деятельности Ставропольского губернатора, имея в виду способность Н. Е. Никифораки высоко держать имя и честь местного представителя верховной власти, способствовать росту и упрочению ее авторитета.

Не было ни одной самой незначительной отрасли внутренней жизни губернии или какого-либо проявления общественности, которые бы обходились без ведома или контроля губернатора. Такое отношение Н. Е. Никифораки к своим обязанностям не только не препятствовало положительному развитию, но создавало в обществе уверенность в том, что власть понимает нужды общества, всячески готова им содействовать, а действия властей не являются результатом случайного настроения, но представляют продуманное воззрение на данный предмет.

Ставропольская губерния по характеру социально-экономического устройства была весьма непростым местом для реализации административно-управленческих функций. Сложностей добавляла перманентная подвижность населения, переселявшегося на Ставрополье из различных частей Российской империи и из-за границы, его полиэтничность и поликонфессиональность. Кроме того, на территории Ставрополя сталкивались не только разные культуры, но

различные по степени своего развития цивилизационные уклады жизни, которые губернским властям предстояло соединить единством государственной воли.

Семнадцатилетнее заведование нуждами Ставропольской губернии со стороны Н. Е. Никифораки стало временем активного содействия развитию предпринимательства, благоустройства и благотворительности. Благодаря участливому рдению губернатора строились разнохарактерные предприятия по переработке сельскохозяйственного сырья. В 1888 г. началось строительство шоссе от г. Ставрополя до ст. Невинномысской. Ставрополь все более приобретал черты капиталистического города. К 90-м гг. XIX в. Ставропольская губерния сделалась «запасным хлебным магазином империи» (5, с.7). Это обстоятельство стало особенно заметным в 1892 г., когда ставропольский хлеб спас многие пострадавшие от неурожая местности России.

Н. Е. Никифораки проявлял заботу о здравоохранении и народном образовании. В 1900 г. им был инициирован сбор средств для строительства нового здания психиатрической больницы в г. Ставрополе. Эта инициатива принесла 250 тыс. руб. серебром средств от населения (6, с. 123).

Пребывание Н. Е. Никифораки на посту ставропольского губернатора способствовало выдающемуся подъему экономического и интеллектуального развития губернии, какого не достигали многие губернии империи, находившиеся в более благоприятных условиях своего существования.

Только эта одна черта способствовала высокой оценке деятельности Н. Е. Никифораки его современниками, и одновременно это стало одной из причин замалчивания его имени и положительной по результатам деятельности в последующее время существования советской власти. Советское, как местное, так и центральное руководство, видели в Н. Е. Никифораки опасного конкурента, обличителя их социальной демагогии.

Очищаясь от лжи, свергая фальсификации со скрижалей отечественной истории, следует возратить имена деятелей, чей труд действительно способствовал благополучию народной жизни. В ряду таких деятелей Н. Е. Никифораки должен стоять среди первых лиц. Вот почему мы с сегодняшним председателем правительства КЧР В. Кайшевым инициировали в свое время установку памятника Н. Е. Никифораки и издание книги «Самый блистательный губернатор».

Использованная литература и источники

1. Энциклопедический словарь/Под ред. Ф.А. Брокгауза и И.А Ефрона. – СПб., 1898. –Т. IX.
2. Ключевский В.О. Русская история: Полный курс лекций: В 2-х кн.: Кн. 2. –М.: АСТ, Минск: Харвест, 2000.
3. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897г.–Т.LXVII. – Ставропольская губерния – СПб., 1905.
4. Памятная книжка Ставропольской губернии на 1898 г Ставрополь. – 1898. – Отдел П.

5. Цит. по: Шацкий П.А., Муравьев В.Н. Ставрополь. Исторический очерк. – Ставрополь, 1977.
6. Беликов Г.А., Савенко С.Н. Облик старого Ставрополя. – Ставрополь, 2007.

Марченко А. В.,
г. Ставрополь,
Ставропольский государственный музей-заповедник,
младший научный сотрудник

Вклад губернатора Н. Е. Никифораки в культурное и социально-экономическое развитие Ставропольской губернии

Николай Егорович Никифораки – генерал-лейтенант, ставропольский губернатор родился 4 января 1838 г. в обрусевшей греческой дворянской семье известного боевого генерал-лейтенанта Егора Николаевича Никифораки. Сын решил идти по стопам отца, выбрав для обучения одно из самых престижных военных учебных заведений России – Санкт-Петербургское Михайловское артиллерийское училище (позже преобразованное в артиллерийскую академию), которое он окончил в 1855 г. с присвоением ему звания прапорщика. В 1857 г. он был направлен на Кавказ, где в течение почти двух лет принимал активное участие в боевых действиях против горцев в составе 20-й Кавказской гренадерской артиллерийской бригады. В августе 1859 г. его отозвали в академию для продолжения учебы. В 1861 г., после ее окончания, он был направлен служить на Дальний Восток, в Приамурье, где произведен в поручики. Затем он перевелся на службу в легкую артиллерию в Забайкалье. В это время на Кавказе начался активный процесс по завершению Кавказской войны. В 1862 г. Никифораки снова появился на Кавказе, где активно участвовал в боевых действиях. После окончания Кавказской войны он был назначен попечителем черноморских прибрежных поселений, где им многое было сделано по заселению мест, покинутых коренными жителями, подавляющая часть которых эмигрировала в Турцию. В 1879 г. полковник Никифораки был назначен начальником Черноморского округа. За заслуги в руководстве Черноморским округом он был награжден орденом св. Владимира и в 1885 г. произведен в генерал-майоры.

Новый этап в жизни Никифораки начался в 1887 г., когда он был назначен ставропольским губернатором. Прибыв в Ставрополь, он оказался в весьма трудном положении. К этому времени, в связи с окончанием Кавказской войны и особенно строительством Ростово-Владикавказской железной дороги через станцию Невинномысскую, Ставрополь оказался на отшибе, в стороне от важных путей и стал терять свое былое значение центра Северного Кавказа, постепенно превращаясь в захолустный провинциальный город. Стали даже поговаривать о переносе центра губернии в другое место, непосредственно на железную дорогу. Это беспокоило общественность, предпринимателей, купцов города. Поэтому перед новым губернатором с первых дней пребывания на новом месте очень

остро встал вопрос о том, чтобы провести в Ставрополь железную дорогу. Поскольку сразу решить эту проблему было сложно, то им было приложено немало усилий по строительству хорошей шоссейной дороги от губернского центра до станицы Невинномысской. Новую дорогу планировалось проложить по западной окраине Татарского поселения, по седловине гор Недреманной и Стрижамент, затем дорога должна была следовать до казачьей станицы Барсуковской, а от нее – к станции Невинномысской. Расстояние это составляло 54,5 версты, что было короче старого тракта. Дорога строилась основательно, одновременно устраивались каменные дождевые лотки, трубы, железные, бетонные и деревянные мосты. На протяжении всего пути были построены несколько караулок с ночлежными домами и колодцами для водопоя лошадей и две почтовые станции. В Ставрополе, как грибы после дождя, стали расти извозные конторы, перевозившие к станции пассажиров и различный груз.

Позже пришло время и для строительства железнодорожной ветки от Ростово-Владикавказской железной дороги на Ставрополь. В 1889 г. инженер В. Воробьев начал изыскания по трассе дороги от ст. Кавказской до Ставрополя, протяженностью в 130 верст. Новая железнодорожная ветка была открыта 10 мая 1895 г. Правда, поезда доходили лишь до станции Михайловской (Пелагиада), а далее, на Ставрополь, курсировали линейки и дилижансы. Прошло еще два года, прежде чем рельсы подошли, наконец, к Ставрополю. К этому времени по проекту архитекторов М. И. Бржезицкого и С. Д. Лазарева было возведено здание железнодорожного вокзала. Новая железнодорожная ветка решила многие транспортные проблемы, способствовала доставке в губернский центр разнообразной продукции из Великороссии, Урала и других концов необъятной страны.

Основным видом освещения в Ставрополе были керосиновые лампы, сальные, стеариновые и восковые свечи, но это не решало проблемы освещения города и тем более проблем совершенствования местного промышленного производства. А Н. Е. Никифораки не мог забыть выставку в Париже 1889 г., где демонстрировался новый вид энергии – электричество. Вернувшись в Ставрополь из Турина в 1897 г., после Международной электрической выставки, Никифораки обсудил проблему освещения с местными инженерами Павлом Черновым и Георгием Ивановым. И уже скоро центральные улицы Ставрополя, некоторые общественные здания и дома городской элиты засияли светом двух первых небольших электростанций. Электричество сразу нашло свое применение на скотофермах, заводах, фабриках и в частных имениях, таких, например, как имение барона В. Р. Штейнгеля и т. д.

17 июля 1894 г. в городе начала работать первая телефонная линия, от губернаторского дома до присутственных мест, а в 1898 г., к моменту открытия

городской телефонной станции, уже насчитывалось более 60 абонентов. В 1895 г. было открыто Ставропольское отделение Государственного банка Российской империи.

Н. Е. Никифораки, «приняв» Ставропольскую губернию, помимо других вопросов, требующих скорых решений, столкнулся и с проблемами обеспечения губернского центра новыми источниками водоснабжения. По его инициативе и при его поддержке были реконструированы старые водопроводы из родников Аульчик и Карабин, устроен еще один, из родника Новый Карабин в Мутнянской долине. И все же с начала XX века «водяной голод» стал приобретать реальные очертания. Назрел вопрос устройства канализации в городе. Н. Е. Никифораки настаивает на привлечении к строительству водопровода немецкой компании «К. Зигель», филиалы которой работали в России. В 1903 г. акционерное общество «К. Зигель» приступило к работам. Новый городской водопровод от Холодного родника должен был пройти по многим улицам и площадям города. На трассе водопровода предполагалось установить 16 водозаборных чугунных тумб с кранами и 10 противопожарных кранов-гидрантов. Начавшиеся работы вскоре были прерваны в связи со смертью Н. Е. Никифораки и продолжены лишь много лет спустя.

Поселившись в Ставрополе, в старом губернаторском доме на Николаевском проспекте, он первым делом благоустроил старый сад при доме. По вечерам губернатор любил незамеченным переходить Александровскую улицу и бродить по Воронцовскому саду (Бабина роща). В роще было построено здание для проведения концертов, музыкальных и танцевальных вечеров, банкетов, собраний. Это было любимое место городских гуляний. Но все же роща была недостаточно обустроена. И когда городские власти в 1887 г. пригласили в рощу садовником Константина Стасенкова, имевшего прекрасный фруктовый сад на углу улицы Бярятинской и Европейского переулка, то губернатор способствовал благоустройству Воронцовской рощи. Здесь строится цветочная оранжерея и разбивается первый цветник, устраивается новый родниковый пруд с декоративным мостиком через него. Позже обустройством рощи начинает заниматься садовник Бернад Иосифович Новак. Со своими помощниками Новак устроил в роще новую каштановую аллею от Воронцовской улицы, которая до сих пор дарит людям прохладу в знойные летние дни. Недалеко от входа строится каменная оранжерея, куда высаживаются семена и луковицы различных культур из Чехии, Голландии, Италии. К каждому летнему сезону садовником создавались сложные по инженерному замыслу и композиции клумбы. Усилиями того же Константина Стасенкова был реконструирован Бярятинский парк. После смерти известного предпринимателя Лавра Павлова городу переходит его дача на юго-западной окраине города Ставрополя. Садовником на даче становится все тот же

Бернард Новак, который превращает этот райский уголок города в излюбленное место отдыха горожан. Еще одним зеленым уголком Ставрополя была не менее старая Ртищева дача. Внимание губернатора к садам, рощам, паркам и лесам города способствовало превращению Ставрополя в цветущий сад.

Особой заботой губернатора было здравоохранение. Н. Е. Никифораки неоднократно ставил перед правительством вопросы о проведении преобразований в этой сфере. Наконец, 17 февраля 1897 г. было принято решение правительства о новом положении сельско-врачебной части Ставропольской губернии. Главным в реформе было учреждение в губернии 12 врачебных участков и введение должности врача для командировок. В состав участков вошли 12 участковых врачей, 12 фельдшерниц-акушеров, 12 участковых фельдшеров и 10 фельдшерских пунктов для обслуживания больных в отдаленных от врачебного участка поселениях. И все же эта реформа далеко не удовлетворяла потребности времени, так как на Ставрополье шел активный процесс образования новых селений. Со времени введения сельской врачебной реформы 1897 г. и к 1900 г. население губернии возросло с 780 000 до 910 000 душ. С конца XIX в. в практику начали входить летучие отряды, включавшие в свой состав узких специалистов и выезжавшие непосредственно в уезды для приема больных на месте. С преобразованиями в медицинской службе губернии значительно возросло доверие населения к медицинскому персоналу, резко увеличилось количество больных, обращающихся за врачебной помощью. При генерал-губернаторе Н. Е. Никифораки открылись такие лечебные центры, как Александровская лечебница для проходящих больных, прообраз будущей поликлиники, женская лечебница, родильный приют – в доме Пейсаховича, Ставропольский военный госпиталь пополнился самым современным медицинским оборудованием. В 1901 г. на пожертвования населения губернии был заложен первый камень психиатрической больницы.

Губернатор Н. Е. Никифораки уделял внимание также и сфере культуры и образования. В Ставрополе открываются детская музыкальная школа и музыкальные классы при отделении Императорского музыкального общества, строится Народный дом имени А. С. Пушкина. В 1897 г. открывается новое среднее женское учебное заведение – Ольгинская гимназия, открывались новые начальные школы, а также начала функционировать учительская семинария, для подготовки учителей начальных училищ, в которых ощущалась острая нехватка. В 1898 г. начинает работать первая городская Родиноведческая выставка, организатором которой являлся Г. Н. Прозрителев, она послужила прообразом будущего краеведческого музея.

Добросовестная служба Н. Е. Никифораки в должности губернатора неоднократно отмечалась правительством высокими наградами. В декабре 1895 г.

последовал орден св. Владимира 2-й степени, в мае 1897 г. ему было присвоено звание генерал-лейтенанта. Губернатором была проведена большая организаторская работа по проведению первой Всероссийской переписи населения, и он был отмечен медалью, учрежденной по этому случаю.

Н. Е. Никифораки были присущи высокое чувство долга, ответственность за порученное дело, инициативность в работе, настойчивость в достижении поставленной цели, строгость к себе и требовательность к окружающим за исполнение порученного дела.

Умер Николай Егорович Никифораки в городе Ставрополе 12 февраля 1904 г. Он был погребен при огромном стечении народа, со всеми воинскими почестями, в ограде храма св. Андрея Первозванного, который также был построен при его содействии. А через год на его могиле был воздвигнут памятник, сооруженный на народные пожертвования. Однако в 1930-е гг. памятник и могила Н. Е. Никифораки были разрушены. И только в 2000 г. на территории Андреевского собора было установлено надгробье на месте предполагаемого захоронения Н. Е. Никифораки.

Память о Н. Е. Никифораки, о его созидательной деятельности сохранилась у ставропольцев. На площади у железнодорожного вокзала, где он встречал первый поезд, прибывший в Ставрополь по железнодорожной ветке, проложенной по его настойчивому требованию, установлен на высоком постаменте памятник самому «блистательному» генерал-губернатору Ставропольской губернии.

Использованная литература и источники

1. Беликов Г.А., Савенко С.Н. Облик старого Ставрополя. Книга 1. – Ставрополь, 2007.
2. Илиади И.Х., Кайшев В.Г., Беликов Г.А. Самый блистательный губернатор. – Москва, 2002.
3. Твалчрелидзе А. Ставропольская губерния. – Ставрополь, 1897.
4. Сургучев И.Д. Губернатор. – Ставрополь, 1983.

НАЙТИ ♦ СОХРАНИТЬ

Карагодин Е. В.,
г. Ставрополь,
Ставропольский государственный музей-заповедник,
младший научный сотрудник

Институт губернаторства в России: история и перспективы

В 2008 году отмечалась одна из знаменательных дат в истории российской государственности – 300-летие института губернаторства. Срок весьма почтенный и потому закономерно обязывал специалистов в области исторических и политических наук задуматься не только об истории данного политического института, но и о перспективах его дальнейшего существования.

А перспективы эти далеко неоднозначны. И не только потому, что любая перспектива сродни предсказанию, а, следовательно, изначально несет в себе изрядную долю человеческого лукавства и тенденциозности. Но также и потому, что, начиная с 2004 года, а именно с момента, когда были внесены изменения в порядок замещения должности главы субъекта Российской Федерации, и до сих пор идет, по сути, конституционная реформа региональной власти. И то, каким будет грядущий облик этой власти, в том числе зависит и от будущих решений российских властей на самых высших – президентском и парламентском – уровнях.

И все же, рассмотрев историю института губернаторства в России, на основании имеющихся фактов можно попробовать создать некую общую модель, которую может обрести этот институт в недалеком будущем.

Итак, для начала немного истории. В 1708 году царь Петр I учредил деление России на губернии. Всего было образовано 8 губерний: Московская, Ингерманландская (с 1710 года Петербургская), Архангелогородская, Киевская, Смоленская, Казанская, Азовская и Сибирская. Причем в двух «прифронтовых» губерниях (Азовской и Ингерманландской) учреждались генерал-губернаторства, с исключительными полномочиями исполняющих эту должность. Губернии, в свою очередь, имели деление на более мелкие образования – провинции, а позже на уезды и дистрикты.

Великий преобразователь в целом очень последовательно продолжал дело своих предшественников, стремившихся к созданию унитарного, централизованного государства. Однако Петр изменил бы себе, если бы и в этой сфере не пошел наперекор сложившейся при предшественниках системе управления страной.

Новое губернское деление было нацелено, прежде всего, на обеспечение значительно увеличившихся при новом царствовании нужд армии, решение

проблем финансирования, рекрутирования и других потребностей воюющей и реформируемой страны. Но, решая при помощи новой системы внутреннего управления некоторые текущие проблемы, достичь главной цели – создать сколько-нибудь стабильную и действенную систему органов управления на местах – Петру так и не удалось.

Огромные по территории губернии были отданы под власть губернаторов, сконцентрировавших в своих руках всю полноту власти во всех сферах управления. Им подчинялся весьма обширный штат чиновников, деятельность которых, однако, так и не была толком скоординирована. Это породило новую проблему, а именно утрату эффективного контроля над действиями новых областных начальников.

Петр пытался ограничить произвол губернаторов посредством передачи части контрольных функций образованному в 1711 г. Сенату и его комиссарам, а также с помощью образования на местах выборных органов дворянства – ландратов, консультация с которыми считалась обязательной для губернатора. Однако последнее нововведение оказалось совершенно нежизнеспособным: ландраты почти никогда не избирались, их членов назначал Сенат из числа «кандидатов», указанных губернатором.

Никаким противовесом губернскому начальству эти органы местного дворянства служить не могли, ибо на местах вообще не существовало никакого организованного дворянского сообщества, способного отстаивать свои интересы перед администрацией.

Тем не менее, новая система управления была юридически подкреплена инструкцией от 12 сентября 1728 года, где дополнительно подтверждалось, что в руках губернатора сосредоточивается вся власть в подведомственной губернии. Осуществляя свои полномочия через систему губернских канцелярий, губернаторы должны были, прежде всего, проводить в жизнь указы императора и сенатские законы, а также распоряжения коллегий. Кроме того, в их распоряжение были предоставлены широкие полицейские функции и некоторые обязанности военных управляющих (рекрутские наборы, распределение воинских частей на постой и т. д.). На губернаторов также было возложено взимание всех прямых и косвенных налогов.

Таким образом, губернаторская власть обретала некое подобие власти монаршей, представителем которой она выступала. Бесконтрольная, реально ничем не ограниченная, она неизбежно скатывалась к грубому произволу.

В таком неприглядном состоянии российское губернаторство просуществовало полвека, пока за новую реформу системы административного управления не взялось правительство Екатерины II. Помимо общего комплекса проблем, обеспокоенность высшей власти ситуацией в губерниях усилилась после

восстания Пугачева, предотвратить и подавить которое местная власть сама, как известно, оказалась неспособна.

В екатерининскую эпоху система губернаторской власти претерпела крупнейшую реформу, в 1775 году. «Учреждение для управления губерниями Всероссийской империи» в 1775 году вводило, помимо местного надзора за учреждениями и сословиями, осуществляемого самими губернаторами и независимыми от него прокурорами, еще и надзор политический, призванный направлять деятельность администрации сообразно видам высшей государственной власти. Накануне реформы было произведено новое членение территории России на губернии, провинции и уезды, по количеству проживающего в них населения (в среднем 300–400 тысяч душ в губернии).

Главное нововведение Екатерины заключалось в создании института наместника в должности генерал-губернатора, которому поручалось осуществлять надзор за деятельностью всех должностных лиц на вверенной ему территории. На генерал-губернатора налагались обязанности «попечения об исполнении законов». Наместник, в отличие от прокурора, обладал полнотой власти для того, чтобы самостоятельно отменить распоряжение губернатора, он имел право возбуждать преследования и утверждать приговор по уголовным делам. Генерал-губернатор являлся главнокомандующим на своей территории, если там отсутствовал монарх. Он же был и руководителем всей полиции. Он мог вводить чрезвычайные меры, непосредственно обращаться к императору с докладом. Понятно, что на практике генерал-губернатор вынужден был чаще обращаться к административному управлению наместничеством, вторгаясь в сферу компетенции губернаторов.

В 1781 г. количество губерний было увеличено примерно вдвое (до 40), причем наместничества включали в себя, как правило, две губернии. Генерал-губернаторами становились люди, которые обладали неограниченным расположением императрицы – такие, как князь Григорий Потемкин или граф Петр Румянцев-Задунайский. Вообще эта система соответствовала общему характеру правления Екатерины II, с его ориентацией не на бюрократические, отчужденные, а скорее на неформальные личные отношения императрицы с ее ближайшими помощниками. И потому личному произволу генерал-губернаторов не ставилось в принципе никакого законодательного ограничения. Местные власти попадали в полную и безоговорочную зависимость от них; а они, при доверительном отношении к ним императрицы, были, по сути, совершенно бесконтрольны (надзор над ними со стороны Сената при таких обстоятельствах носил характер совершенно формальный). Ну а поскольку на этот пост императрица вполне сознательно подбирала людей предельно энергичных и деятельных, почти сразу выяснилось, что реально управляют именно они;

губернские же учреждения превратились в исполнительные органы при генерал-губернаторах.

Новый император, Павел I, опасаясь чрезвычайных полномочий наместников, в 1797 году отменил эту должность, сохранив при этом новое губернское деление и вновь усилив губернаторскую власть.

Таким образом, рассмотрев генезис российского губернаторства в XVIII веке, можно отметить, что в период становления этого института в России губернатор был ставленником императора и назначался из числа наиболее доверенных людей. Отношения между центральной и губернской властью строились во многом на личном отношении императора к тому или иному вельможе, назначенному управлять в провинцию. Полномочия губернаторов были колоссальны. Это создавало постоянную проблему контроля над губернской администрацией, которая не только злоупотребляла своими полномочиями, но иногда действовала вопреки центральным органам власти. Система, созданная Петром и Екатериной Великими, нуждалась в доработке.

Эта доработка была осуществлена в ходе реформ в первые годы правления Александра I. В 1802 г. двумя указами – об учреждении министерств и о правах Сената – молодой царь завершил многовековое (на три с лишним столетия) дело своих предшественников.

Впервые за всю историю России центральные органы управления были реально увязаны с местными. В это время создавалась, а чуть позже, при Михаиле Сперанском, отлаживалась так называемая «линейная система» – губернаторы становились чиновниками МВД, назначались по представлению соответствующего министра, от него получали указания, перед ним отчитывались – точно так же, как капитан-исправник получал указания от губернатора и перед ним был ответственен за свою деятельность. Аналогично проводились сквозь всю страну линии Минфина – через Казенную палату, вплоть до уездного казначея; Минюста – через губернские и уездные суды.

Что же касалось Сената, то он (преобразованный в высший судебный орган Империи) был как бы вынесен из этой стройной и единообразной системы, поставлен особняком – с целью контроля над ней с позиций соблюдения законности. В частности, ему вменялось в обязанность ревизовать с этих позиций местные органы управления. Институт же генерал-губернаторства, возрожденный на время, просуществовал до 1827 года и был ликвидирован Николаем I.

В царствование Александра II система управления страной вновь претерпела изменения. Помимо губернаторов, которые теперь служили как высшие чиновники МВД, в 1879 году, на волне революционно-террористической угрозы, царским указом вводились «временные генерал-губернаторства» в Петербурге, Харькове и Одессе. Предоставлялись соответствующие права

генерал-губернаторам Московскому, Киевскому и Варшавскому (причем им подчинялись не только те губернии, в которых они находились, но и смежные с ними).

В соответствии с этим указом власть генерал-губернаторов, и без того исключительная, еще более усиливалась. Они, в частности, получали право по своему усмотрению — предавать военному суду лиц, подозреваемых в государственных преступлениях, арестовывать и высылать без суда и следствия («административно») всех лиц, «дальнейшее пребывание которых в тех местностях они признают вредным»; приостанавливать и запрещать периодические издания и «вообще принимать те меры, которые по местным обстоятельствам они признают необходимыми для охранения спокойствия во вверенном им крае».

На протяжении 36 лет, вплоть до 1917 г., подавляющее большинство территорий Российской империи практически непрерывно находилось в «состоянии усиленной охраны». Нет необходимости говорить о том, насколько подобный порядок затруднял нормальное развитие страны, затруднял развитие жизни между властью и обществом, блокировал возможность адекватного реагирования на проблемы современности со стороны органов государственной власти и в значительной степени способствовал революционным взрывам начала XX века.

Октябрьская социалистическая революция 1917 года грубо прервала и без того крайне сложный процесс эволюции института губернаторства в России. Сама должность губернатора, вместе с другими «пережитками проклятого прошлого», была упразднена.

Лишь после распада СССР, когда Российская Федерация осталась без союзных республик и просто вынуждена была создавать свои национальные органы власти, ориентированные, прежде всего, на внутреннее устройство страны, был возрожден и институт губернаторства.

И вот здесь нужно отметить один важный момент! В основу новосозданной системы власти был положен принципиально новый для нашей политической культуры и ментальности принцип — принцип *разделения властей*. До революции в нашей политической культуре превалировал принцип *разделения функций* власти. Сама же власть, во всех своих учреждениях, в том числе и в губернаторстве, выступала как единая и неделимая. Это было predetermined тем, что един и неделим был единственный источник власти — самодержавный монарх.

Таким образом, властные институты новой России имеют гораздо больше общего (в смысле юридической организации) с США и федерациями Европы, чем с одноименными институтами Российской империи. Не стал исключением и

институт губернаторства, который по причине оторванности от российской властной традиции, видимо, изначально таил в себе элемент нестабильности.

По сравнению с дореволюционным периодом статус губернатора в новой России даже возвысился. Если в XVIII веке губернатор был, по сути, доверенным управляющим императоров, а в XIX веке всего лишь крупным чиновником МВД, то по Конституции РФ губернатор стал всенародно избираемым главой полноправного субъекта Федерации. По сути – это «президент» мини-государства, независимый в своих полномочиях от других ветвей власти и подотчетный только своим избирателям.

Горький опыт 1990-х годов показал, что до построения цивилизованного федерализма в России еще очень далеко. Слишком велик соблазн сепаратизма (особенно на национальных окраинах), да и политическая культура наших региональных глав оставляет желать лучшего.

Проблем у молодого российского федерализма очень много! Всегда есть опасность злоупотребления губернаторским мандатом. Так и не был отработан к началу XXI века четкий механизм взаимодействия между региональной и федеральной властью. Это вполне справедливо может нервировать президента, который по Конституции (Ст. 80. п. 2.) обязан принимать меры по охране суверенитета и целостности России, а также обеспечивать согласованное функционирование и взаимодействие всех органов власти. Все это так.

Но вот о чем действительно нужно серьезно задуматься, так это о том, стоит ли решать одни проблемы путем создания других, еще более серьезных? А именно этим грозит предпринятое в 2004 году посягательство на губернаторскую власть. Абсолютно беспрецедентна в новейшей истории России формулировка о назначении губернатора законодательным собранием региона по представлению президента: во-первых, она нарушает принцип разделения властей, т. к. автоматически ставит губернатора (исполнительную власть) в зависимость от законодательного собрания; во-вторых, нарушает принцип разделения полномочий между федеральной и региональной структурами власти.

Таким образом, и это первая из возможных исторических перспектив – губернатор, ныне поставленный в двойную зависимость: от президента и местного законодательного собрания, в будущем может стать фигурой сугубо партийной и в случае победы своей партии на региональных выборах будет получать от партии (не от народа) мандат на формирование местного правительства. Губернаторы станут своего рода «управляющими» от партий. В свою очередь, местная партийная организация, ориентируясь на интересы однопартийцев в масштабах всей страны, будет проводить региональную политику через «своего» губернатора, сообразуясь с предвыборной программой своей партии и лоббируя прежде всего партийные интересы. Регионы станут

«полигонами» для апробации партийных программ и трамплинами для политического роста партийных функционеров.

Другой возможный вариант – это переход к простому назначению губернаторов президентом. Таким образом, губернаторы станут сотрудниками администрации президента, его представителями на местах. В этой перспективе нынешняя реформа – лишь промежуточный шаг на пути к этому. Такой поворот событий вполне укладывается в российские традиции власти. Правда, в исторической перспективе – это возвращение к XVIII веку. Даже не один, а целых два шага назад.

В любом случае, губернатор как полномочный носитель региональной власти – это уже политическое «вчера» России. В свою очередь, в прошлое отходит и федерация как политическая реальность. Очень скоро, возможно, после назревающего «ремонта» Конституции, за этим фасадом будет функционировать унитарное государство.

Хорошо это или плохо? Время все расставит по своим местам.

Охонько Н. А.,
Ставропольский государственный музей-заповедник
им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Пправе,
директор,

Охонько Я. Н.,
Ставропольский государственный университет,
аспирант

Особенности института губернаторства в Кавказской губернии и Кавказской области (первая половина XIX в.)

В 1802 г. путем выделения территории Предкавказья из состава Астраханской губернии была создана Кавказская губерния с центром в г. Георгиевске (10). Общее гражданское и военное управление в этих губерниях возлагалось на должностное лицо, которое одновременно являлось инспектором Кавказской военной линии и управляющим в Грузии. Эта должность не имела строго закрепленной титулатуры и именовалась то главноуправляющим на Кавказе, то инспектором Кавказской линии, Астраханским военным губернатором, главноуправляющим на Кавказе и в Грузии, а то и просто главным на Кавказе начальником. В нашей статье мы будем называть его главноуправляющим на Кавказе.

Для непосредственного управления Кавказской губернией назначался гражданский губернатор, который находился в подчинении главноуправляющего на Кавказе. Такая система управления определялась «Учреждением для управления губерний Всероссийской империи», которое было введено Екатериной II 7 ноября 1775 г. (2). Согласно этой системе, в Российской империи, помимо гражданских и военных губернаторов, управлявших одной административной единицей, вводилась должность генерал-губернатора, которому вверялось общее управление несколькими губерниями. По нашему мнению, должность главноуправляющего на Кавказе, до появления здесь в 1845 г. фигуры кавказского наместника, соответствовала генерал-губернаторской.

Постоянным местом пребывания главноуправляющего на Кавказе был город Георгиевск. Здесь же располагалось и Кавказское губернское правление во главе с гражданским губернатором, который во взаимоотношениях с центральными органами управления действовал через главноуправляющего. При отсутствии главноуправляющего в пределах Кавказской губернии гражданский губернатор расширял свои полномочия и мог относиться непосредственно от своего имени в Правительствующий Сенат или к профильным министерствам, лишь извещая о том главноуправляющего.

Специфической особенностью данного региона было наличие здесь такого дополнительного управленческого звена, как начальник Кавказской военной линии. В его ведении, помимо сугубо военных вопросов, находились и вопросы гражданского регулирования, такие как отношения с залинейными народами, охрана гражданского населения внутри линии и др. Здесь функции начальника линии пересекались с полем деятельности гражданского губернатора и это часто порождало между ними противоречия (3, с. 921).

Стремление центральной власти устроить управление в Кавказской губернии по общероссийскому образцу, на основе Учреждения 1775 г., не оправдалось. В отличие от внутренних губерний России, здесь трудно было четко разделить гражданское и военное управление. На эту проблему обратила серьезное внимание сенатская комиссия, прибывшая для ревизии Кавказской губернии в 1818 г. По итогам ревизии сенатор Д. Д. Мертваго внес предложения о преобразовании Кавказской губернии в область с центром в Ставрополе и о создании областного правления, председателем которого был бы начальник Кавказской военной линии, под непосредственным руководством которого должна находиться вся исполнительная власть в области. Ему в помощь предлагался вице-губернатор, который заведовал бы казенной частью (4, с. 579). Главнначальствующий на Кавказе А. П. Ермолов соглашался с тем, чтобы Кавказскую губернию переименовать в область. Он также считал целесообразным все управление Кавказской областью передать командиру Кавказской военной линии, мотивируя это «беспрерывной почти связью дел гражданских с военными и пограничными». При этом А. П. Ермолов предлагал освободить начальника области от ежедневного присутствия в исполнительном департаменте областного правления, по примеру Иркутской, Томской и других малонаселенных областей, поручив ведение дел по этой части особому начальнику (5, с. 610).

Эта управленческая модель была утверждена указом от 24 июля 1822 г. «О переименовании Кавказской губернии областью и о назначении уездного города Ставрополя областным городом» (6). Согласно указу, единоличным областным начальником становился командир Кавказской военной линии, который по гражданской части выполнял функции гражданского губернатора. Руководствуясь этим указом, А. П. Ермолов 29 августа 1822 г. предписал действующему начальнику Кавказской военной линии генерал-майору К. Ф. Сталю исполнять наряду с военными «все обязанности гражданского губернатора Кавказской области ... на праве губернатора по общему учреждению ... до издания особого учреждения» (7, с. 621). Под этим «особым учреждением» подразумевалось учреждение для управления собственной Кавказской областью, которое было высочайше утверждено 6 февраля 1827 г. (8).

Предшествующим введению этого Учреждения указом «О разных распоряжениях вследствие высочайше утвержденного учреждения для управления Кавказской области» областной начальник по окладу приравнялся к гражданскому губернатору, а председатель областного правления – к вице-губернатору (8). Однако вскоре статус председателя областного правления, который вследствие частых отлучек начальника области по военным надобностям занимал его место и вел гражданское управление, был приближен к статусу гражданского губернатора. Так, указом от 18 июня 1829 г. председателю Кавказского областного правления было разрешено носить на мундире шитье гражданского губернатора и ему добавлялось 2000 рублей в год квартирных денег (10).

«Учреждение для управления Кавказской области» определяло, что «Кавказская область состоит под одним главным управлением с Грузией и имеет четыре степени управления: 1) управление главное; 2) управление областное; 3) управление окружное; 4) управление волостное (11).

Главное управление, расположенное в Тифлисе, возглавлял главноуправляющий военной и гражданской частью на Кавказе, статус которого, как мы отмечали, соотносился с должностью генерал-губернатора, однако сфера его деятельности была гораздо шире за счет дополнительных полномочий в военной области и в сфере международных отношений. Он подчинялся непосредственно императору и Сенату. Свои полномочия на уровне Кавказской области он осуществлял «посредством областного начальника, или общего областного правления». Последнее состояло из собственно начальника области и областного совета. Что касается областного начальника, то он назначался из числа «воинских чиновников» и в его руках находилось как военное, так и гражданское управление. По военной части он наделялся правами и обязанностями дивизионного начальника и руководствовался положениями Свода военных законов Российской империи. А его полномочия по гражданскому управлению определялись как «Учреждением для управления Кавказской области», так и действием тех статей общего для Российской империи «Учреждения для управления губерний», на которые в местном Учреждении не постановлено было никаких изъятий.

Введение отличной от общероссийской системы управления Кавказской областью в Учреждении объяснялось двумя основными причинами: 1. «Чтобы по уважению дальних расстояний доставить всем частям сего управления способы к удобнейшему, в нужных случаях местному разрешению». 2. «Чтобы единством и постепенностью надзора удостовериться сколько можно более правильностью их движения». Иными словами, центральное правительство давало больше полномочий местной администрации, из-за ее большой удаленности от центра, и

учитывало наличие здесь особых местных условий, таких, как военный фактор и невозможность автоматического применения общероссийского законодательства среди местного населения, которое еще не интегрировалось в российское правовое и административное поле.

Применение «Учреждения для управления Кавказской области» на практике выявило ряд неудобств. Главное среди них – слишком обременительная нагрузка по военному и гражданскому управлению, сосредоточенному в руках начальника области. Назначенный в 1831 г. на эту должность генерал А. А. Вельяминов серьезно занялся разрешением этой проблемы. Проанализировав «Учреждение для управления Кавказской области» и вникнув в реальное положение дел, он пришел к выводу, что в помощь начальнику области необходимо ввести две должности – гражданского губернатора для управления гражданской частью и начальника военного штаба для помощи в военном управлении краем (12, с. 792). В своих замечаниях он пишет, что гражданское управление требует особых знаний и большего времени, но чрезвычайная занятость начальника Кавказской области военными делами не позволяет ему в полной мере исполнять гражданское управление, для чего и нужен ему в помощь полноценный гражданский губернатор. Числясь по военной части дивизионным командиром, начальник области в реальности имел в подчинении двухдивизионный воинский контингент, для управления которым необходим ему в помощь не просто дежурный офицер, а начальник военного штаба, который в отсутствие начальника области занимал бы его место.

Благодаря своему упорству, А. А. Вельяминов добился, чтобы в Кавказской области в 1834 г. была введена должность гражданского губернатора (13) и появилась должность начальника штаба. В результате областной начальник получал, согласно существующей в Российской империи системе, фактически статус военного губернатора, который затем был поднят до уровня генерал-губернатора. Произошло это в 1842 г., когда, по предложению главноуправляющего на Кавказе Е. А. Головина, обратившего внимание на то, что начальник Кавказской области, будучи наделенным правами военного губернатора, не мог пользоваться ими в полной мере из-за необходимости согласовывать все свои действия с главноуправляющим на Кавказе. Исходя из принципа целесообразности, Е. А. Головин предложил «подчинить гражданское управление в Кавказской области и Черномории, без всякого участия главноуправляющего в Грузии, командующему Кавказской линии и Черномории, предоставив ему в полном смысле слова права военного губернатора, управляющего гражданской частью (14, с. 547).

Эти предложения были высочайше утверждены указом, данным Сенату 7 мая 1840 г. В нем, в частности, говорилось: «Освободить главноуправляющего

Грузией от управления гражданской частью в Кавказской области и Черномории, подчинить оное непосредственно начальнику Кавказской области, предоставив ему все права, власть и обязанности, присвоенные учреждениями Кавказской областью и Черноморией званию главноуправляющего» (15).

Что касается Черномории, то она была передана в гражданское управление кавказскому губернскому начальству еще в 1820 г. (16), а в новом положении о Черноморском казачьем войске, утвержденном в 1842 г., было подтверждено, что главное военное и гражданское управление войском возлагается на командующего Кавказской военной линией (он же начальник Кавказской области). В то же время непосредственное руководство Черноморским казачьим войском находилось в руках наказного атамана, который по военной части приравнивался к начальнику дивизии, а по гражданской – гражданскому губернатору (17).

Таким образом, в самом начале 1840-х годов все военное и гражданское управление в двух административных единицах Северного Кавказа – Кавказской области и Черномории было окончательно сосредоточено в руках начальника Кавказской области, который наделялся полномочиями, присущими генерал-губернатору. Об этом прямо говорит генерал Г. И. Филипсон, служивший в это время начальником штаба Кавказской линии и Черномории. В своих воспоминаниях он отмечает, что начальник Кавказской области обладал «правами генерал-губернатора» (18, с. 85; 165). Официально эта должность именовалась «командующий Кавказской линией и Черноморией, управляющий гражданской частью в Кавказской области» (с 1847 г. в Ставропольской губернии).

Здесь следует принять во внимание, что в это время должность главноуправляющего на Кавказе также приравнивалась к генерал-губернаторской и формально начальник Кавказской области находился с ним на одной ступени служебной иерархии, за одним исключением – он подчинялся главноуправляющему в военном отношении, и только через него вел дела с заливными народами. Эта иерархическая коллизия разрешилась в 1845 г. с созданием Кавказского наместничества, когда фигура наместника, приравненная к статусу министра, возвысилась над администрациями всех частей Кавказа (19; 20).

Кавказский наместник замкнул на себе все отношения между центром и административными образованиями Кавказа. Если раньше начальник Кавказской области по ряду служебных вопросов мог самостоятельно выходить на Сенат или министерства, лишь информируя об этом главноуправляющего, то отныне он подчинялся только Кавказскому наместнику, через которого проходили все дела Кавказской области, а с 1847 г. – Ставропольской губернии (21). Однако при этом статус и полномочия командующего Кавказской линией и Черномории,

управляющего гражданской частью в Кавказской области не претерпели изменений. Эти изменения были подготовлены в период с 1847 по 1858 г. и были связаны с усилением гражданских начал в управлении Ставропольской губернии. В 1847 г. Кавказская область была преобразована в Ставропольскую губернию, а на следующий год на нее было распространено действие ряда общегубернских законоположений, что приближало эту территорию к статусу внутренней губернии Российской империи.

В 1856 г. звание командующего Кавказской линии и Черноморией было упразднено, а точнее, его полномочия были разделены между начальниками правого и левого флангов линии, которые стали самостоятельными (22). Звание управляющего гражданской частью в Ставропольской губернии официально было упразднено именованным указом от 18 ноября 1858 г. (23). С этого времени ставропольскому губернатору и всем присутственным местам надлежало действовать на основе Общегубернского (губернского) наказа, с учетом специфики нахождения губернии в составе Кавказского наместничества.

Использованная литература и источники

1. ПСЗРИ – 1, т. XXVI, № 20511.
2. ПСЗРИ – 1, т. XX, № 14392.
3. АКАК, т. 4, № 1424.
4. АКАК, т. 6, ч. 2, № 966.
5. АКАК, т. 6, ч. 2, № 979.
6. ПСЗРИ – 1, т. XXXVIII, № 29.138.
7. АКАК, т. 6, ч. 2, № 989.
8. ПСЗРИ – 2, т. II, № 878.
9. ПСЗРИ – 2, т. II, № 877.
10. ПСЗРИ – 2, т. IV, № 2939.
11. ПСЗРИ – 2, т. II, № 878.
12. АКАК, т. VIII, № 683.
13. ПСЗРИ – 2, т. IX, № 7541.
14. АКАК, т. 9, № 451.
15. ПСЗРИ – 2, т. XV, № 13450.
16. ПСЗРИ – 1, т. XXXVII, № 28225.
17. ПСЗРИ – 2, т. XVII, № 15809.
18. Осада Кавказа. Воспоминания участников Кавказской войны 19 века. – СПб.: ООО «Издательство журнала «Звезда», 2000.
19. ПСЗРИ – 2, т. XX, № 18679.
20. ПСЗРИ – 2, т. XX, № 18687.
21. ПСЗРИ – 2, т. XX, № 18679.
22. ПСЗРИ – 2, т. XXXI, № 30850.
23. ПСЗРИ – 2, т. XXXI, № 33779.

Штайн К. Э.,
г. Ставрополь,
Ставропольский государственный университет,
доктор филологический наук,
профессор кафедры современного русского языка;

Петренко Д. И.,
г. Ставрополь,
Ставропольский государственный университет,
кандидат филологических наук,
научный сотрудник проблемной научно-исследовательской лаборатории
«Текст как явление культуры»

Галерея портретов губернаторов в очерке И. В. Бентковского «Ставрополь в географическом, историческом, топографическом и статистическом отношениях» (1854)

В издании 1854 года (Тифлис) авторство очерка не обозначено, но мы согласны с мнением Н. А. Охонько, что очерк написал И. В. Бентковский, об этом говорят осведомленность автора и яркий индивидуальный стиль. Как утверждает М. Е. Колесникова, «с именем Иосифа Викентьевича Бентковского (1812–1890) связана целая эпоха в научной и культурной жизни Ставропольской губернии и Северного Кавказа. Секретарь Ставропольского губернского статистического комитета, историк-кавказовед, этнограф, статистик и экономист, он стоял у истоков северокавказского краеведения, являясь одним из организаторов научных исследований, положивших начало становлению местной провинциальной историографии» (1, с. 1092).

Исследователи жизни и деятельности И. В. Бентковского отмечают его трудолюбие, «жажду деятельности, пылкий интерес к окружающему миру и людям» (2, с. 718). В. В. Госданкер пишет о том, что длительная военная служба, педагогическая работа, занятия сельским хозяйством и торговлей дали И. В. Бентковскому возможность «побывать в различных уголках необъятного края, познакомиться с нравами и обычаями народов Северного Кавказа, жизнью различных сословий первопоселенцев из России, узнать новые села, станицы и города» (2, с. 719).

Говоря о Ставрополе, его становлении и развитии, И. В. Бентковский обращает внимание на тех исторических деятелей, которые оставили в жизни города наиболее значимую память. В очерке даются краткие, но в то же время выразительные, емкие исторические портреты военных генерал-губернаторов: П. Д. Горчакова, Г. А. Эммануэля, А. А. Вельяминова, П. Х. Граббе, В. О. Гурко, Н. С. Завадовского. И. В. Бентковский упоминает и о работе гражданских

губернаторов: генералов Таубе, Ольшевского, Норденштама, Волоцкого, действительного статского советника Семенова.

К особенностям написания исторических портретов губернаторов можно отнести некоторые характерные черты, которые И. В. Бентковский выделяет, с тем чтобы реально оценить деятельность губернаторов, показать яркий пример тем, кто в дальнейшем будет занимать эти посты в Ставрополе.

1. Главная черта – масштаб деятельности, желание способствовать развитию и прогрессу города в контексте Кавказской области и всей страны в целом, в том числе и с ориентацией на зарубежный опыт.

2. Можно отметить умение губернаторов соотносить военные события на Кавказе с мирной жизнью его обитателей.

3. И. В. Бентковский отмечает деятельный характер личности, ориентацию на постоянное развитие, улучшение экономики, культуры города, то есть позитивный настрой деятельностной личности, иногда подвижничество, героизм: Г. А. Эммануэль, П. Х. Граббе.

4. В очерке отмечается установка лучших губернаторов на диалог с гражданами – жителями города – как одна из позитивных черт деятельностных личностей.

5. Автор подчеркивает умение губернаторов поддержать инициативу, вызвать соревнование, помочь в осуществлении больших и малых дел. И. В. Бентковский создает портреты губернаторов, с тем чтобы они стали исторически значимыми примерами для подражания.

«Генерал-майор князь Петр Дмитриевич Горчаков был первым начальником Кавказской области» (3, с. 67). При нем, как считает И. В. Бентковский, Ставрополь был «сносным убежищем» для его жителей. В процессе создания портрета И. В. Бентковский использует лексику, подчеркивающую позитивную деятельность П. Д. Горчакова: «...заботясь устранить как-нибудь этот недостаток и привести в порядок возникавший город, «успел возбудить соревнование в ставропольских гражданах к улучшению его» (3, с. 67). От его глаза ничто не ускользало, он замечал, что в обществе не было «общежительности и доверия» (3, с. 67), поэтому «старался сблизить между собою общество» (3, с. 67).

И. В. Бентковский подчеркивает, что «совокупные» силы общества шли «по указанной ему правительством дороге» (3, с. 67), то есть общество находилось в диалоге с правительством, а правительство, как и следует ему, именно в диалоге с гражданами находило решение сложных задач. Так, например, П. Д. Горчаков заметил, что армяне, «прибывшие в 1808 и 1810 годах, развили первоначально торговую деятельность в Ставрополе» (3, с. 67), что это «промышленный» народ. Он и пригласил переселиться армянские семьи из Георгиевска в наш город. И. В. Бентковский особенно подчеркивает, что граждане ценили позитивную

деятельность П. Д. Горчакова и «из любви к генералу» «явилось их (армян. – *К.Ш., Д.П.*) еще около 30 семейств». В то же время, когда правительство приняло решение переселить казаков на Кубань, «он старался прежде приготовить их сколько-нибудь к этому переселению, давал им время и возможность продавать понемногу свои дома и угодья жителям города, которые при посредстве самого князя платили казакам довольно выгодные цены за их имения» (там же).

Как видим, И. В. Бентковский выделяет гуманистические черты, деятельностный характер губернатора, его историческую мудрость. Эти черты всегда ценит народ и отвечает своему покровителю тем же.

Деятельный характер генерала Эммануэля И. В. Бентковский отмечает уже в первых строках портрета: «Генерал Эммануэль по прибытии в Ставрополь прежде всего занялся окончанием начатого князем Горчаковым дела, то есть переселением казаков» (3, с. 67). В этом деле царил настрой на содействие обеим сторонам: и жителям города, и переселенцам. В результате Ставрополь мог свободно развиваться: «...гражданам не с кем было теперь вести споров за земли и усадьбы: казаки все оставили в полное их владение» (3, с. 67–68).

Деятельность Эммануэля и дальше протекает, как утверждает И. В. Бентковский, в позитивном русле. Генерал постоянно совершенствует город, он уже заботится о «щеголеватости и красоте», «чистоте и опрятности». Он был строгим человеком, по мнению И. В. Бентковского, «наблюдал» за деятельностью подчиненных, следил «за работами по городу без усталости и тем успел завести в нем сколько-нибудь желаемую опрятность» (3, с. 68). Деятельность Эммануэля отличает не только логичность, установка на порядок и правила, но и пафос, что всегда важно в характере масштабной исторической личности, не псевдопафос, а подлинный пафос, связанный с работой на благо граждан, отечества. И. В. Бентковский подробно рассказывает о творческом подходе генерала к построению гостиного ряда, который послужил развитию торговли и оставил в Ставрополе память о губернаторе.

Особенно следует отметить высокую культуру управления Эммануэлем в делах строительства города. Он «обратил еще внимание на расположение как самого города, так и его окрестностей» (3, с. 68), «Ставрополь строился по всем правилам архитектурного искусства, особенно станица, а теперь ни один из граждан не мог начинать ни одной постройки без совета архитектора» (3, с. 68), Эммануэль думал о «возможности к устройству правильных улиц». Он любил наши места, как утверждает И. В. Бентковский, ему «так сильно понравилось Ташлинское поселение, что он устроил там для себя загородный дом и дачу» (3, с. 69).

Эммануэль передал управление генералу А. А. Вельяминову. И. В. Бентковский с уважением пишет о нем как о человеке, который

«принадлежал к числу тех решительных людей, которые, если захотят, все могут делать» (3, с. 69). Но «занятый, по большей части, военными делами, Вельяминов... почти не входил в общественную жизнь Ставрополя» (3, с. 69).

Особое внимание И. В. Бентковский уделяет деятельности генерала П. Х. Граббе. По мнению автора очерка, Ставрополь «с этого собственно времени... начал свою настоящую жизнь» (3, с. 71). По отношению к П. Х. Граббе И. В. Бентковский употребляет лексику со значением активной деятельности, сочувствия гражданам: «нашел много недостающего для губернского города», «грустное впечатление... долго беспокоило генерала», «только деятельный труд с твердою надеждою на успех доставили ему некоторую уверенность...» (3, с. 72).

В тексте И. В. Бентковского выделены главные проблемы, решение которых позволило Ставрополю стряхнуть с себя «покрывавшую его прежде пыль»: 1) неудобное расположение зданий присутственных мест, к которым «в дождливое время года и в начале весны... совершенно невозможно было ни пройти, ни проехать»; 2) вялая общественная жизнь граждан, которые «жили в своих тесных домах, не заботясь о взаимных между собою связях и развлечениях. Каждый думал только о себе и поневоле мог наконец очерстветь в нравственном отношении» (3, с. 72); 3) воспитание юношества: «гимназия только что начинала возникать», женское образование: «Слово «пансион», можно смело сказать, было незнакомо тогда Ставрополю» (3, с. 72); 4) строительство прочных каменных зданий в Ставрополе: «Неужели жители его не имели достаточных средств, чтобы свои жалкие помещения заменить порядочными зданиями...» (3, с. 72). Интересно отметить, что И. В. Бентковский воспроизводит названные проблемы в виде вопросов, их ставил перед собой П. Х. Граббе, и на них следовало отвечать конкретной деятельностью.

По словам И. В. Бентковского, П. Х. Граббе удалось справиться со всеми этими проблемами: 1) во время управления П. Х. Граббе в Ставрополе были возведены капитальные каменные здания присутственных мест; 2) он старался «соединить теснее общество», «очень часто устраивал он в своем доме балы» (3, с. 73); 3) П. Х. Граббе участвовал в воспитании молодого поколения: «...часто посещал гимназию и нередко лучших из ее воспитанников вместе с преподавателями приглашал к себе на обеды и балы» (3, с. 73), «при содействии Граббе бывший учитель гимназии, Крупье, основал в Ставрополе первый женский пансион» (3, с. 73); 4) под наблюдением генерала в Ставрополе построены здания военного госпиталя, нового тюремного замка, где «заключенные прежде своего осуждения были бы сколько-нибудь изъяты от страданий» (3, с. 74), губернатор заботился о новых постройках для горожан, предоставлял им льготы: «Ставрополь... в это время много поюнел и во всем представлял живые следы деятельных трудов и полезных преобразований» (3, с. 74).

Говоря о генералах В. О. Гурко и Н. С. Завадовском, И. В. Бентковский подчеркивает их желание «по примеру своего предшественника, заняться дальнейшим усовершенствованием города» (3, с. 74). Эта преемственность является очень важной для формирования традиций, ведь каждый сделал немало. Так, во время управления В. О. Гурко в Ставрополе начала действовать Кавказская и Черноморская епархия; Н. С. Завадовскому город обязан строительством здания городской думы, «устройством нового бульвара, Воронцовского сада, общепольного рассадника, тутового сада и проч.» (3, с. 76). Главным достижением губернаторов П. Х. Граббе, В. О. Гурко и Н. С. Завадовского И. В. Бентковский считает строительство каменных зданий, благодаря которому город и теперь имеет особый архитектурный облик: «О постройках, производившихся во все это время, можно бы было написать целую статью... но достаточно сказать, что с 1838 года выстроено в городе более 280 каменных домов, за исключением церквей» (3, с. 75). Это действительно важно, так как возведение каменных домов означало цивилизованный подход к строительству города. Как отмечает Ж. Ле Гофф, «к общей оппозиции город – лес Гильом Овернский добавляет еще одну, включающую в себя основной «городской» элемент, как физический, так и символический. Элемент этот – камень, из которого большей частью сделан город» (4, с. 297).

В очерке позитивно настроенного к преобразованиям в Ставрополе И. В. Бентковского одобрение получила деятельность губернаторов, которая отличалась подлинным патриотизмом и гражданственностью. Книги о Ставрополе, которые мы выпустили в последнее время (см.: 5, 6), служат продолжению традиции И. В. Бентковского в представлении позитивных примеров для работы современных губернаторов и градоначальников. В основе ее – служба отечеству и нашему краю для блага граждан.

Использованная литература и источники

1. Колесникова М.Е. Ставропольские краеведы // Ставрополь в описаниях, очерках, исследованиях за 230 лет. Антология. – Ставрополь: СГУ, 2007. – С. 1088–1125.
2. Госданкер В.В. Историк-кавказовед И.В. Бентковский (1812–1890). Краткий очерк жизни и научно-краеведческой деятельности // Ставрополь в описаниях, очерках, исследованиях за 230 лет. Антология. – Ставрополь: СГУ, 2007. – С. 717–730.
3. Бентковский И.В. Ставрополь в географическом, историческом, топографическом и статистическом отношениях // Ставрополь в описаниях, очерках, исследованиях за 230 лет. Антология. – Ставрополь: СГУ, 2007. – С. 64–94.
4. Ле Гофф Ж. Средневековый мир воображаемого. – М.: Издательская группа Прогресс, 2001.
5. Ставрополь в описаниях, очерках, исследованиях за 230 лет. Антология. – Ставрополь: СГУ, 2007.
6. Штайн К.Э., Бобылев С.Ф., Петренко Д.И. Небо. Солнце. Земля: Традиционная символика дома в городской среде Ставропольского края. – Ставрополь: СГУ, 2008.

Андрющенко Т. Н.,
с. Татарка,
Историко-краеведческий музей с. Татарка,
филиал Ставропольского государственного музея-заповедника,
заведующая филиалом

Формирование 2-го Ставропольского полка Кавказского линейного казачьего войска и станиц Татарской и Николаевской

Особое место в истории северокавказского казачества занимает 1832 год. В июне этого года был опубликован царский указ об объединении отдельных казачьих полков в единое Кавказское линейное казачье войско. Следующий указ, от 2 декабря 1832 г., значительно усиливал новое войско за счет причисления к нему 31 казенного селения Кавказской области. Эти села получили статус станиц, а жители из крестьян становились линейными казаками (1). В мае 1833 г. в состав 2-го Ставропольского полка вошли казачьи станицы Кубанского полка – Николаевская и Темнолесская. В следующем, 1834 г., ряды Ставропольского полка пополнились селением Татарка (2). Во 2-й Ставропольский полк вошли станицы: Николаевская (1055 душ м. п.), Барсуковская (822 душ м. п.), Сенгилеевская (900 душ м. п.), Каменнобродская (1406 д. м. п.), Татарская (411 д. м. п.), Темнолесская (965 д. м. п.). Управление осуществлялось из станицы Николаевской, в которой располагался штаб-квартира. Общее количество казаков – 6773. Удобной земли – 169 540 десятин и неудобной – 48 117 десятин (3).

Особый исследовательский интерес представляют станицы Татарская и Николаевская, в настоящее время входящие в состав муниципального образования Татарского сельсовета Шпаковского района (административный центр села Татарка и хутора Верхнеегорлыкского). Село Татарка основано выходцами из села Надежда – «жители... расселились по хуторам до 15 верст» (4). В донесении от 29 сентября 1829 г. на имя Господина начальника Кавказской области говорится, что «Татарские хутора, заключающие в себя 437 ревизских душ особым от селения Надежды отселком со второй сего года половины отчислены» (5).

В «Каталоге земель Кавказской губернии» по обозрению за 1819 год в Ставропольском уезде значится «гражданское селение Николаевское. 911 душ, земли удобной в пользовании 13 515 десятин, неудобной 5 628. Всего удобной и неудобной 19 143 десятин. Основано на вершинах реки Большой Егорлык в семи

верстах ниже станицы Темнолесской в 1797 г. Жители занимаются хлебопашеством и скотоводством» (6). В 1825 г. в состав Кубанского полка вошла станица Николаевская, образованная частью из казаков станицы Темнолесской, а частью крестьянами села Николаевского (7).

Первым наказным атаманом кавказского линейного войска был назначен Петр Семенович Верзилин, со штаб-квартирой в городе Пятигорске (8). 31 октября 1837 г. на его место назначен генерал-майор Степан Степанович Николаев. Родился в 1789 г., в 14 лет поступил на службу казаком, в том же году произведен в урядники, в 22 года – в корнеты. Через 20 лет службы получает звание генерала. Большую часть воинской службы он провел в рядах родного Донского войска. С. С. Николаев участвовал в Отечественной войне 1812 г. При усмирении мятежа в Польше командовал лейб-гвардейским полком, а на Кавказе провел много успешных сражений с немирными горцами. Атаман, по мнению сослуживцев, отличался выдающимися способностями, острым умом, разносторонними дарованиями и был отличным администратором. Кавказское линейное войско многим обязано ему, как организатору и хорошему хозяину. Он разработал ряд мероприятий, благодаря которым были внутренне благоустроены и образцово содержались строевые части. Он основательно знал казачий быт и нужды своих подчиненных. Своей справедливостью, разумным общением с народом и заботой о его благосостоянии оставил о себе добрую память. Кавказское линейное войско стало родным донскому генералу. Он любил его и привязался даже к месту своего постоянного жительства. Станица Михайловская служила любимым местопребыванием атамана. В случае смерти Степан Степанович Николаев заранее распорядился, чтобы его похоронили именно в этой станице, и когда 18 февраля 1848 г. он умер, то воля его была исполнена: его похоронили в ограде церкви. Весной 1974 г., при прокладке коммуникаций, рабочие обнаружили гроб с останками военного человека казачьих времен с генеральскими знаками отличий. Позже было установлено, что гроб принадлежал наказному атаману С. С. Николаеву.

При С. С. Николаеве была осуществлена крупная колонизационная мера – заселение Лабинской линии (9). Согласно с Высочайшей волей, все полки Кавказского линейного казачьего войска были разделены на шестисотенный состав. Таким образом, по новому проекту образовано 14 полков, а именно: 1,2 Кавказский; 1,2 Кубанский; 1,2 Ставропольский; 1,2 Хоперский; 1,2 Волгский; Горский, Моздокский, Гребенской и Кизлярский. Командующий войсками С. С. Николаев подробно излагал Господину Военному министру свои предложения по поводу улучшения обороноспособности войска: средняя протяженность кордона – около 80 верст и некоторых не более 90, далее «разграничить расположение полков перпендикулярно: один полк передовой, а

другой внутренний. Так, чтобы полки правого, левого флангов и центра занимали приблизительно одинаковое положение». Все расчеты строились с учетом особенностей территории: «совершенно непреодолимые препятствия по чрезвычайно пересеченной гористой местности, так ближе к самой Кубани... способствовали бы всегда укрывательству от хищников».

В подборе полковых командиров главными достоинствами считались военное мастерство и хозяйственные способности. Для работы полковых и бригадных штабов необходимы «ассигнования из капитала войска, примерная сумма 5 рублей серебром». В шестисотенном полку сверх положенного штата необходимо было принять в расчет число казаков, которых выставляли в артиллерию, в конвой Государя Императора, в действующую армию и в войсковое управление. Пополнение передовых полков производилось из казаков, а внутренние полки усиливались переселенцами из губерний. По существующему положению, согласно Высочайшему указу от 6 марта 1819 г., на каждую душу мужского пола в полках правого фланга и центра (нынешнего Кавказского, Кубанского, Ставропольского, Хоперского, Волгского, Горского) приходилось по 30 десятин одной удобной земли, каждому обер-офицеру – 60, а штаб-офицеру – по 300 десятин. На основании общих законов, каждому церковному причту было положено по 99 десятин удобной земли; каждой станице на разведение лесов – 150 десятин; полковому штабу – 400 десятин; каждой батарее – 200 десятин; на каждую тройку лошадей почтовой станции – 36 десятин. Кроме того, при С. С. Николаеве стал действовать Законодательный акт «Положение о кавказском линейном войске» (1845). Согласно документу, осуществлялось разделение линейного войска на полковые округа, а руководство было военное и гражданское. Собственно местное управление составляли: наказной атаман, войсковое дежурство, войсковое правление, бригадные управления, временные военно-ссудные комиссии, полковые и станичные управления и торговый словесный суд. В области хозяйственных нужд для войска имело большое значение войсковое правление; в решении гражданских дел существенную роль играли, с одной стороны, бригадные и полковые управления, а с другой, станичные. Все эти учреждения были связаны между собой: низшую инстанцию составляли станичные управления, а высшую – войсковые. Посредниками служили бригадные учреждения, состоявшие из командира и его канцелярии, которой руководил бригадный адъютант. В состав полковых управлений входили: председатель – полковой командир и три – четыре заседателя, назначавшиеся из отставных офицеров. Следовательно, один из главных органов казачьего управления – полковой, был коллегиальным.

Настоящему казачьему укладу не доставало самого главного – выборного начала. Только в низшей инстанции, в станичном управлении были допущены

вместо единоличной власти станичного атамана, управлявшего станицей по своему усмотрению, станичные управления, состоявшие из станичного начальника, двух судей по выбору и двух писарей. На деле это мало что меняло, так как станичный атаман служил и подчинялся военному ведомству и не зависел от мнений станичного общества. Подавляя своей властью и положением остальных членов правления, он являлся в большинстве случаев не только главным действующим лицом, но и самовластным распорядителем. Установившиеся порядки военного времени, державшиеся на двух началах – приказе и повиновении, действовали безотказно. А условия жизни были крайне тяжелыми: все сельскохозяйственные работы ограничены. По общему правилу все жители на ночь должны были собираться в станицу. Ночевать за ее пределами в одиночку или небольшими группами не позволялось. Рано утром, до рассвета, из станицы выезжали конные казачьи разъезды и тщательно осматривали все прилегающие окрестности, где могли бы прятаться враги, если все в округе было благополучно и не было сообщений об опасных передвижениях отрядов, то жителям разрешалось выезжать для работы в поле или в другие станицы по различным делам. Часто эти выезды сопровождалось военным прикрытием. Все мужчины в возрасте от 15 до 60 лет должны были иметь при себе оружие. Вечером, в светлое время все жители должны были вернуться назад. Только с усилением полков и увеличением населения стали возможными ночевки в поле большими группами. Забаррикадив себя телегами и воловьими возами, жители устраивались на ночлег. Нарушители общепринятых правил подвергались телесным наказаниям (10).

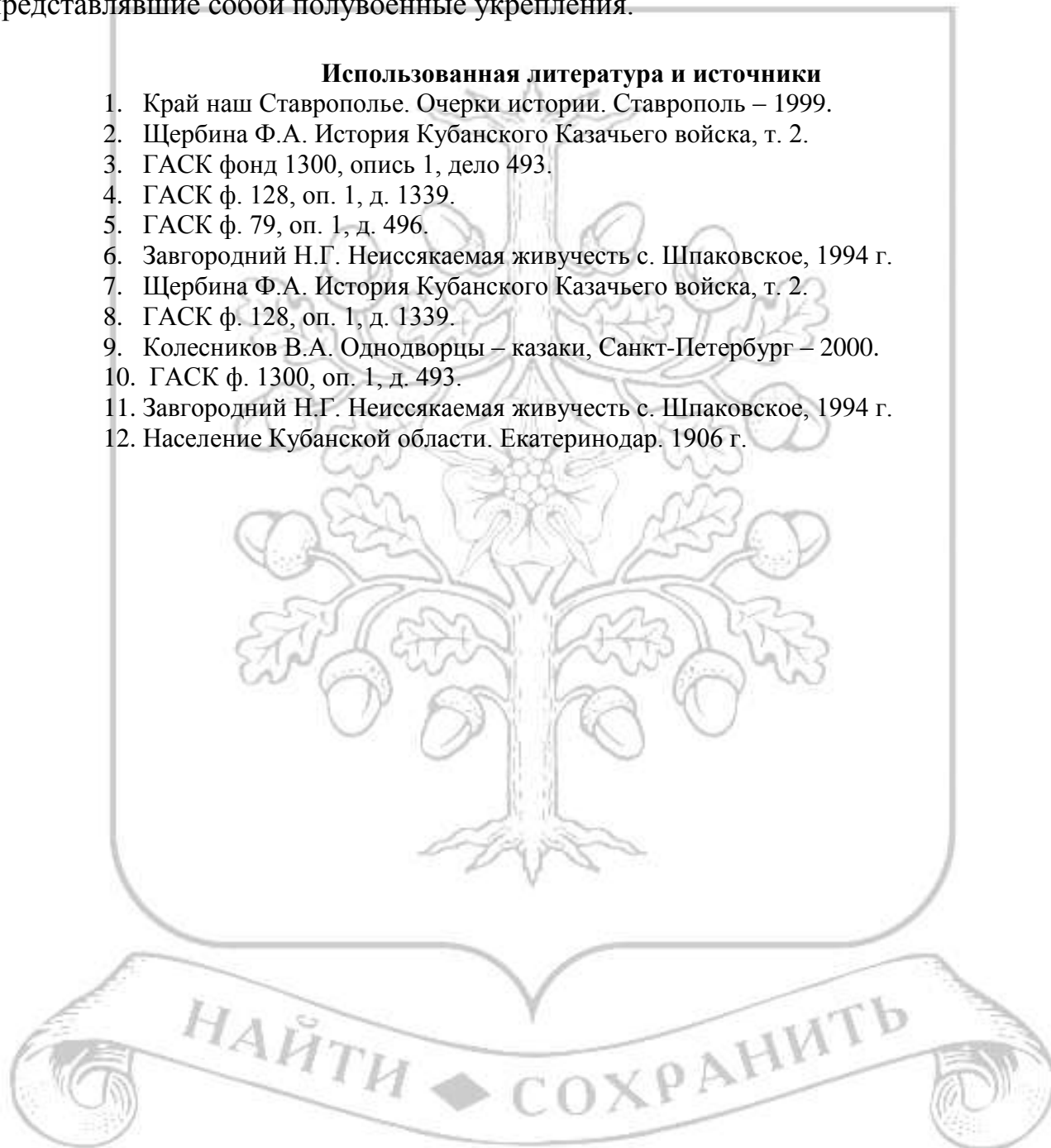
Атаман кавказского линейного войска С. С. Николаев обратил особое внимание на бедственное положение казачьих станиц. В 1838 г. в докладной записке царю Николаю I он писал: «Отставные казаки, прослужившие 25 и более лет, платят на почтовую казенную повинность деньги, тогда как сами состоят на непрерывной службе на собственном довольствии, а жены их принуждаются возить военные грузы, воинские команды, проезжающих офицеров и чиновников на своих подводах. Словом, до такой крайности дошли, что едва могут поддерживать свое хозяйство». Благодаря заботе атамана стало развиваться крестьянское хозяйство казаков (11).

Указом Александра II от 30 декабря 1869 г. станица Татарская, 3 бригады Кубанского казачьего войска, передавалась в Ставропольскую губернию и отходила к гражданскому ведомству. Станица Николаевская продолжала оставаться в военном ведомстве. В 1906 г. в ней числился 3 661 житель, из них грамотных – 634 мужчины и 134 женщины. Количество семей – 657, в 51 семье использовался труд наемных рабочих (12).

Хронологические рамки работы в основном охватывают время освоения Северного Кавказа однодворцами и крестьянами, в дальнейшем состоялся перевод их в казачье сословие, в состав Кавказского линейного, а затем Кубанского войска. Для защиты границы требовались большие, сконцентрированные формы поселений. Именно такими были казачьи станицы, представлявшие собой полувоенные укрепления.

Использованная литература и источники

1. Край наш Ставрополье. Очерки истории. Ставрополь – 1999.
2. Щербина Ф.А. История Кубанского Казачьего войска, т. 2.
3. ГАСК фонд 1300, опись 1, дело 493.
4. ГАСК ф. 128, оп. 1, д. 1339.
5. ГАСК ф. 79, оп. 1, д. 496.
6. Завгородний Н.Г. Неиссякаемая живучесть с. Шпаковское, 1994 г.
7. Щербина Ф.А. История Кубанского Казачьего войска, т. 2.
8. ГАСК ф. 128, оп. 1, д. 1339.
9. Колесников В.А. Однодворцы – казаки, Санкт-Петербург – 2000.
10. ГАСК ф. 1300, оп. 1, д. 493.
11. Завгородний Н.Г. Неиссякаемая живучесть с. Шпаковское, 1994 г.
12. Население Кубанской области. Екатеринодар. 1906 г.

Терский областной статистический комитет: к истории создания

Губернские статистические комитеты (ГСК) были учреждены в 1834 г. и предназначались для сбора и обработки административно-хозяйственных данных. Действовали они на основании утвержденного 20 декабря 1834 г., а затем дополненного в 1860 г., «Положения о создании губернских и областных статистических комитетов» и подчинялись статистическому отделению МВД. Однако закон об их учреждении не означал их немедленного повсеместного создания.

И только в конце 1850–70-х гг. были открыты северокавказские губернские комитеты, что было связано, прежде всего, со сложной политической ситуацией в крае, «в большинстве случаев недоступном для статистических исследований» (1, с. 79). Первым свою деятельность на Северном Кавказе в 1858 г. начал Ставропольский губернский статистический комитет.

С начала 60-х гг. XIX в. встал вопрос о создании статкомитетов в губерниях и областях Кавказского края, который требовал особого подхода. «В крае, только что замиренном, нельзя было не считаться с существующими среди горцев-мусульман воззрениями. Было рискованным – гласным счислением народонаселения возбуждать в склонных к подозрению горцах ложные опасения и толки о намерениях правительства, будто бы установить между ними рекрутский набор, или причислить их к казачьему сословию.

Помимо того, у мусульман не ведется ничего подобного метрическим книгам, и всякие справки о числе родившихся могли быть восприняты мусульманами за оскорбительную нескромность, нарушаемую святость домашних тайн, особенно при естественном в то время недоверии горцев к новому для них правлению» (2, с. 59).

Учреждение Терского областного статистического комитета явилось следствием преобразований в области, в 1870 г., когда были введены губернские учреждения. Для управления административной и хозяйственной деятельности новым органам необходимы были статистико-экономические данные о духовной жизни населяющих область народов, об их мировоззрении, обычаях, религии, семейной и общественной организации и т. п.

И 25 декабря 1872 г. состоялось открытие Терского статистического комитета, под председательством М. Т. Лорис-Мельникова, где была поставлена задача комитета: «снабдить каждое учреждение области данными, всесторонне определяющими предмет его ведения» (3, с. V).

Комитет возглавлялся начальником Терской области, в его состав входили в качестве ~~непрерывных~~ ~~членов~~ административная верхушка Терка – руководители областных учреждений, организаций. Основная работа по сбору, обработке, анализу статистических сведений выполнялась действительными членами комитета – учителями, мировыми посредниками, мелкими служащими, во главе которых находился секретарь. Как правило, это были энтузиасты, люди просвещенные, искренне интересовавшиеся настоящим и прошлым своей области.

Первые годы существования комитета главным образом были посвящены выработке и установлению в области целесообразных методов и приемов для собраний возможно более точных сведений, составляющих обязательное содержание Всеподданнейших годовых отчетов начальника области и наказного атамана, а также составлению списка населенных мест, которого не имелось вовсе. Вместе с тем, в программу необязательных трудов комитета (по Высочайше утвержденному положению о статистических комитетах 26.01.1860 г., определяющих назначение и круг деятельности этих учреждений) на первых же порах было поставлено изучение и описание определенных местностей края, посредством производства подворных переписей, и сдача материалов, могущих способствовать ознакомлению с Терской областью в каком-либо отношении (4, с. IV).

Из-за отсутствия научных кадров Терский областной статкомитет вынужден был только накапливать материал, с достаточным накоплением появилась возможность приступить и к его научной обработке, сделать свои выводы и заключения.

Только через 6 лет комитет серьезно приступил к работе, но особой активности не проявлял, даже издания его выходили редко. В 1878 г. им были составлены, под редакцией секретаря Н. Благовещенского, «Списки населенных мест» и «Сборник сведений о Терской области», изданный комитетом в том же году. Целью «Сборника ...» являлось: «собрать имеющиеся наличные сведения об области, по возможности проверить их, привести в системный порядок и составить таким образом справочную книгу, в которой давно уже чувствуется в крае настоятельная потребность» (5, с. V).

Терская область оставалась неизученной, исследования не были еще проведены, и в роли археологов, разрывая древние могилы в надежде найти скрытые там сокровища, выступало местное население; исторические работы

находились только в зародыше; все в области требовало изучения, обработки и объективной оценки.

На одном из собраний, 30 декабря 1885 года, председатель комитета, генерал-майор Е. К. Юрковский обратился к членам с призывом к деятельности. Он сообщал, что вместо 50 человек в комитете числятся только 14, издания редки, деятельность — комитета — ограничивается — собиранием — материалов для всеподданнейших отчетов, а между тем требования учреждений растут. Необходимы материалы, знакомящие с жизнью во всех ее проявлениях, разноплеменных обитателей области.

В конце собрания комитет постановил: 1) составить монографии важнейших населенных мест области; 2) произвести однодневные переписи жителей городов Владикавказа, Грозного, Моздока, Кизляра, Георгиевска, Пятигорска; 3) собрать сведения: а) о фабрично-заводской промышленности, б) о виноградарстве и виноделии, в) о туземном обычном праве по шариату и адату, г) о кустарных промыслах. Выполнение программы было возложено на секретаря Н. И. Лентовского (6, с. 4). Но, к сожалению, намеченные комитетом работы не были выполнены.

Новое возрождение деятельности комитета наступило в 1889 году, когда председатель его, генерал-лейтенант А. М. Смекалов поручил временно исполняющему обязанности секретаря комитета Е. Д. Максимова выработать программу собирания статистических сведений о населенных местах области, а затем собрать эти сведения. Поручение попало в надежные руки, и с этого момента деятельность комитета стала на твердую почву. Была составлена программа, в которую были включены: 1) число населенных мест, с отметками о правительственных учреждениях, 2) число дворов и жителей мужского и женского пола, с отметкой об их вероисповедании и национальности, 3) экономическая производительность населения, 4) платежные способности. Данная работа была доведена Е. Д. Максимовым до конца, хотя на должность секретаря был назначен П. Ф. Стефановский.

Терский комитет, как и все остальные, главной задачей ставил выполнение официальной части своей работы. Так, с 1890 г. секретарь комитета П. Ф. Стефановский составлял «Всеподданнейшие отчеты начальника области», за что получил высокую оценку военного министра, который в 1903 г. приказал рекомендовать «Отчеты начальника Терской области» как образец для всех казачьих войск. Но не только «Отчеты» стали визитной карточкой Терского областного статистического комитета, необходимо отметить и издаваемые комитетом «Сборники», которые являются кладом для ученых, изучающих фольклор, этнографию народов Северного Кавказа. Так как на его страницах помещены сказки, былины, песни горских народов, и благодаря труду

сотрудников Терского областного статистического комитета, этот материал сохранился.

Терский областной статистический комитет просуществовал 40 лет и прекратил свою деятельность с установлением Советской власти в Терской области в 1918 г. Его работа была неравномерная, импульсивная, периоды оживления сменялись временами, когда деятельность приостанавливалась и замирала, но он внес огромный вклад в изучение Северного Кавказа, позволил сохранить источники по изучению горского населения.

Использованная литература и источники

1. Бентковский И.В. Ставропольский губернский статистический комитет. Первое 25-летие, с 1858 г. по 1883 г. – Ставрополь, 1883.
2. Собриевский А.С. Статистика вообще, на Северном Кавказе и в Ставропольской губернии в частности. – Ставрополь, 1905.
3. Терский сборник. Вып. I. – Владикавказ, 1891.
4. Кубанский сборник. Т. I. – Екатеринодар, 1883.
5. Кубанский сборник. Т. I. – Екатеринодар, 1883.
6. Терский сборник. Вып. VI. – Терский сборник, 1903.

Общие черты и особенности библиотечной политики Ставрополя 20–30 годов XX века

Основной задачей для молодой Советской республики после окончания гражданской войны становится быстрее восстановление разрушенного народного хозяйства, преодоление экономической и культурной отсталости. В связи с этим в 20–30 годы XX века возникает потребность в ликвидации неграмотности и всеобщем обучении трудящихся, что влечет за собой массовое развитие сети общедоступных библиотек для самых широких слоев населения. Все аспекты политической, хозяйственной и культурной жизни нашей страны в этот период находились под влиянием руководящих партийных структур. При новой власти открытие и комплектование библиотек становилось государственным делом, библиотеки подчинялись Центральной межведомственной библиотечной комиссии (ЦБК) при Главполитпросвете.

В период установления Советской власти на Ставрополье библиотеки подчинялись библиотечно-библиографическому подотделу управления политико-просветительской работы губернского отдела народного образования (ГУБОНО), который возглавляла М. К. Вальяно (одна из активных участниц борьбы за власть Советов на Ставрополье, в дальнейшем видный деятель просвещения и культуры) (1, с. 298). Библиотечной политике Ставрополя 20–30-х годов XX века были присущи как общие черты, так и особенности, характерные для Ставропольской губернии. Библиотечное дело Ставрополя развивалось по трем направлениям – развитие городских библиотек, создание и развитие сельских библиотек и библиотечное дело национальных окраин.

В 1921 г. библиотеки Ставропольского уезда и г. Ставрополя относились к внешкольным учреждениям и насчитывали в своем составе: библиотеки-читальни – 21; передвижные библиотеки – «не оказалось совсем»; избы-читальни имелись в 12-ти населенных пунктах, по несколько изб в каждом (в селе Безопасном – 6 изб) (2). Для решения задач культурного роста широких масс трудящихся (ликвидация неграмотности и всеобщее обучение) на Ставрополье открывались новые библиотеки, организовывались курсы по ликвидации неграмотности; проводились циклы лекций, бесед, митинги, показательные вечера вопросов и ответов, выступления бригад живой газеты, постановка спектаклей и концертов. Работа библиотек Ставрополя была многоплановой и включала в себя не только

распространение новых книг, научно-популярной и специальной литературы, но и организацию мероприятий, приуроченных к дням рождения вождей революции, известных писателей, празднование знаменательных революционных дат (День Парижской коммуны, День солидарности трудящихся и т. д.). В 1927 году на территории Ставропольской губернии, в ставропольских городских библиотеках насчитывалось 73 тысячи книг, число читателей в губернии доходило до 20 тысяч (3, с. 146). В соответствии с декретом 1920 г. «О централизации библиотечного дела в РСФСР» и положением Главполитпросвета 1924 г. «О центральных, губернских и уездных библиотеках», в губернских и уездных центрах стали создаваться центральные городские библиотеки, в задачу которых входило оказание методической и организационной помощи всем нижестоящим библиотекам (4). Такой библиотекой в Ставропольском округе (1924–1930 гг.) стала Окружная центральная библиотека, которая подчинялась политико-просветительному подотделу Окружного отдела народного образования (ОКРОНО) (5).

Особое внимание правительство в 1920–30-х годах уделяло сельским библиотекам, это было связано с двумя причинами: первая – в 1924 году на XIII съезде РКП (б) было объявлено о необходимости «смычки города и деревни», вторая – именно сельская библиотека была одним из центров просвещения на селе, не только культурного, но и идеологического. В декрете «О деревенских библиотеках и популярной литературе для снабжения библиотек» (1925 г.) предлагалось местным партийным организациям принять необходимые меры по формированию новых крестьянских библиотек и библиотек-передвижек в деревне. В Ставропольском округе для сельских библиотек рекомендовалось проводить закупку книг с соответствующими правительственными требованиями по содержанию литературы. Новая литература должна была включать в себя сведения о том, что будет представлять собой социалистическая деревня и как ее строить: сведения по коллективизации и организации труда в колхозах, о роли бедняков и середняков в управлении коллективным хозяйством и о методах уничтожения зажиточных крестьян (6). В нормативных документах, приходящих из краевого центра, указывались издательства, в которых можно было заказывать литературу для библиотек. В первую очередь заказы рекомендовалось посылать в окружные издательства «Коопкнига», «ГИЗа» и «Книгоуправление», с указанием суммы, на которую заказывалась литература. Закупка книг у других издательств запрещалась, в связи с угрозой распространения «идеологически вредных изданий». Рекомендованные библиотеки включали в себя помимо книг еще и периодические издания. Библиотеки отличались по количеству и стоимости: «Библиотека № 5» стоила 300 рублей, «Библиотека № 3» – 50 рублей, «Библиотека № 2» – 25 рублей (7). В 1927 году на селе Ставрополья работало 97

библиотек, их фонд достигал 150 тысяч книг (3, с. 152). Несмотря на то, что не вся политика декрета была выполнена в полном объеме, охват населения библиотечным обслуживанием в 1930-х годах вышел на качественно новый уровень. И в этом есть прямая заслуга небольших сельских библиотек, сумевших довести книги и газеты до читателя.

Особенностью библиотечной политики Ставрополья 1920–30-х годов явилось создание и развитие библиотечного дела национальных окраин (в 1922 году была образована Карачаево-Черкесская автономная область, вошедшая в состав Ставропольской губернии). В соответствии с «Декларацией прав народов России» 1917 г., были установлены полная свобода и равноправие всех народов России, обеспечение права на развитие национальной культуры, родного языка и национальных культурно-просветительных учреждений. В республиках и национальных областях правительство стремилось преодолеть безграмотность местного населения, укоренившиеся пережитки прошлого, добиться понимания от местного населения новых взаимоотношений и новой социальной основы жизни. В соответствии с этим постановлением, в Карачаево-Черкесии в 1922 году в областном центре была открыта первая библиотека, в течение 1923–1925 годов было открыто 84 учреждения культуры, в том числе: 22 избы-читальни (25 избы-читален к 1932 году), 7 библиотек (48 библиотек к 1932 году), областной музей (8, с. 112). С 1924 года начали выходить газеты на национальных языках (черкесском и карачаевском), с 1926 года стало работать национальное книжное издательство. В Карачаево-Черкесской автономной области за 20–30 годы XX века был сделан огромный скачок в преодолении отсталости горских народностей и их культурной жизни. К 1936 году общеобразовательный ценз населения (до 50-летнего возраста) автономных областей Ставропольского округа повысился до 82,7 процента (1, с. 309–310).

Одной из характерных особенностей библиотечной политики 20–30-х годов XX века являлись «библиотечный поход» и организация партбиблиотек. Цель «библиотечного похода» – способствовать сбору книг и широкой пропаганде литературы среди рабочих, крестьян, молодежи в городе и на селе. Ставропольский «библиотечный поход» проходил под лозунгом: «Годная книга поступает в библиотеку, редкая – в музей, негодная пойдет в утильсырьё» (9). В это же время в г. Ставрополе при парткоме была организована партийная библиотека, тесно связанная с Агитационно-пропагандистским отделом (Агитпропотдел). Снабжалась партбиблиотека литературой общественно-политического характера. Вопрос о снабжении библиотеки общественно-политической литературой находился в центре внимания партийных органов страны, и поэтому губернский комитет (губком) был обязан отчитываться раз в три месяца в г. Москву о распределении получаемой литературы (10). Цели и

задачи партбиблиотеки состояли в снабжении лекторов и агитаторов необходимым литературным материалом для оказания помощи в их повседневной работе и проведении агиткомпании на темы дня; обслуживании литературой марксистских, антирелигиозных и других кружков и школ политграмоты; руководстве чтением партийных товарищей, главным образом из рабочей среды.

Работа партбиблиотеки Ставропольского губкома РКП (б) включала в себя как массовые мероприятия, так и индивидуальное информирование. Выделяемых средств на нужды библиотеки было недостаточно, литературы хватало только для агитационных кампаний, недоставало литературы для снабжения кружков, политических школ и рабочих, в связи с чем партийная библиотека Ставропольского губкома РКП (б) ввела систему подвижных библиотек и коллективных абонементов. На отчетный период партбиблиотекой обслуживалось 7 коллективов (в каждом коллективе 40–50 партийных и беспартийных читателей). Литература партбиблиотеки использовалась также для выставок на губернском съезде работников просвещения и в губернской совпартшколе на тему: «История Октябрьской революции», а в дальнейшем планировалось выделение литературы для устройства Уголка В. И. Ленина.

Анализируя библиотечную политику Ставрополя 20–30-х годов XX века, можно сделать вывод о том, что прослеживаются основные направления деятельности библиотечной политики, проводимой центральным правительством, которые включали в себя как общие черты, так и особенности, характерные для Ставропольской губернии. Именно в этот период происходит процесс формирования библиотечной системы Ставрополя. Библиотечное строительство выходит на более высокий уровень развития: открываются как новые стационарные библиотеки, так и библиотеки-передвижки там, где раньше их не было.

Использованная литература и источники

1. Край наш Ставрополье. Очерки истории. – Ставрополь: Шат-гора, 1999. – 525 с.
2. ГАСК. ФР. 164. Оп. 1. Д. 1. Д. 7. Д. 190. Л. 20. Д. 124. Л. 15–16.
3. Ставрополье за 40 лет Советской власти. – Ставрополь, 1957. – 218 с.
4. История библиотечного дела в СССР. Документы и материалы, 1920–1929. М.: Книга, 1975. – 293 с.
5. ГАСК. ФР. 300. Оп. 1. Д. 540. Л. 140. Д. 544. Л. 68–69.
6. ГАСК. ФР. 2510. Оп. 1. Д. 6. Л. 5.
7. Более подробно см. Булгакова Н.И. Сельские библиотеки Ставропольского округа в конце 20-х годов XX в. / Н.И. Булгакова // Из истории народов Северного Кавказа: сборник научных статей. – Выпуск 4. – Ставрополь: изд-во СГУ, 2001. – С. 117–122.
8. Очерки истории Карачаево-Черкесии. – Т.2. – С. 112.
9. Беликов, Г. Старейшая на Кавказе / Г. Беликов // Ставропольская правда. –1983. –20 октября.
10. Циркулярное указание ЦК РКП (б) о распределении литературы подотдела партбиблиотек при Агитпропе. – История библиотечного дела в СССР. Документы и материалы, 1920–1929. – М.: Книга, 1979. – 293 с.

Человек с большой буквы **(о Герое Социалистического Труда Г. К. Горлове)**

Недаром говорят: «Какие люди, такова и земля». Мы вправе гордиться своими земляками. Теми, которые своим трудом, своей преданностью родной земле, всей своей жизнью подают ярчайший пример самоотверженного служения Родине и народу. О таких людях говорят: «Человек с большой буквы».

К их числу относится Григорий Кириллович Горлов. С его именем связана целая эпоха в истории Ставропольского края.

Родился он в 1919 году в потомственной трудовой семье, в селе Летяхи, что на Брянщине. И отец его, и дед, и прадед были хлеборобами. Как все крестьянские дети, рано стал помогать родителям по хозяйству, работал в поле. Григория с младшим братом Максимом отдали в школу. Учился он с удовольствием, особенно успевал по политической части. Беседы с отцом, регулярное чтение газет, с самого первого класса – сначала для малограмотного отца, а потом, с интересом, и для себя – выделяли его из среды сверстников. Как говорил сам Григорий Кириллович, чтение газет в детстве для отца определило всю его дальнейшую судьбу.

Несмотря на сельскохозяйственное образование, всю жизнь свою Григорий Кириллович – комиссар, хотя в районах его не раз называли главным агрономом, за хорошее знание карт полей всех хозяйств, где ему доводилось работать.

Трудовой путь для Горлова начался в 1937 году. Сначала – рядовой колхозник, а затем – участковый агроном Обильненской МТС Ставропольского края. Здесь он вступил в комсомол.

В начале 1939 года молодого агронома призвали в кадровую армию, в город Каменец-Подольск на Украине. В армии Григорий Кириллович окончил корпусную школу политруков. Служба, начавшаяся удачно и интересно, закончилась быстро и неприятно. Присоединение к Советскому Союзу Западной Украины и Западной Белоруссии в сентябре 1939 года, быстрое изменение уклада жизни, проведение коллективизации не всегда встречало понимание жителей тех мест. Появились вооруженные отряды, которые стали убивать не только бойцов и командиров частей Советской Армии, но и своих земляков-сельчан, сочувствующих новой власти. В одном из боев с бандитами Григорий Кириллович получил ранение в ногу и серьезное повреждение глаза. В госпитале

простреленную ногу сохранили, а глаз чудом удалось спасти замечательному одесскому офтальмологу Филатову. Так, в неполные двадцать один год, снятый с воинского учета, Григорий Кириллович вернулся домой. Возвращение было не очень радостным – ранение давало о себе знать. Но, истосковавшись по мирной жизни крестьянина, со всей силой и задором молодости Горлов набросился на работу. И работа стала исцелением. Уже в декабре 1940 года он был направлен агрономом в колхоз имени Восемнадцатого партсъезда Александрийско-Обильненского района.

1941 год. Война. В начале июля Горлова приняли в партию. Несмотря на полное списание с воинской службы, после неоднократных заявлений в ЦК ВКП (б) и ЦК комсомола Григорий Кириллович уходит на фронт. Он участвовал в Сталинградском сражении, битве за Кавказ. Был и политруком, и командиром роты, заместителем командира батальона по политчасти и командиром батальона. В конце июля 1943 года, после тяжелого ранения и контузии Григорию Кирилловичу ампутировали ногу. После пяти месяцев лечения, в декабре 1943 года он приехал домой. Без ноги, на жестком, неудобном протезе, но живой!

Трудно описать чувства, обуревавшие его тогда: радость, тревога, надежда. Непонятно щемящая вина перед родными – что калека, перед боевыми товарищами – что он дома, а они воюют. Но чувства улеглись, помогла семья, поддержали люди. И снова Григорий Кириллович с головой окунулся в работу, его опять избрали председателем колхоза имени Восемнадцатого партсъезда. Работали, в основном, женщины, старики и подростки. Выбиваясь из сил, они помогали стране выстоять и победить! Осенью колхоз из отстающих вышел в передовики.

Не стоять в стороне, быть всегда впереди, брать на себя все самое ответственное – по такому принципу всегда жил и трудился Григорий Кириллович Горлов. Ему хотелось, чтобы мирно и радостно жилось людям в нашей стране. Поэтому он всегда был там, где трудно. В разные годы Г. К. Горлов работал вторым секретарем Александрийско-Обильненского райкома партии, председателем исполкома Степновского района, первым секретарем Туркменского райкома партии, председателем Благодарненского райисполкома, первым секретарем Красногвардейского райкома партии. Он никогда не боялся никакой работы. По роду своей деятельности Григорию Кирилловичу приходилось общаться со многими людьми. Сотни помощников и единомышленников нашел он по всему краю. Многие учились у него трудолюбию, ответственности, верности выбранному пути.

Григорий Кириллович гордился своими учениками. Многие из них стали отличными руководителями, заслуженными людьми, имеющими высокие государственные награды. Среди них Георгий Георгиевич Старшиков, долгое

время возглавлявший Ипатовский райком партии, а потом одним из первых ставший Почетным гражданином Ставропольского края.

Алексей Алексеевич Гоноченко, советский, партийный и хозяйственный работник, всюду пользующийся уважением людей. Сейчас А. А. Гоноченко является депутатом Государственной Думы Ставропольского края, возглавляет Совет старейшин.

Николай Тимофеевич Артюшенко, прошедший путь от работника военкомата до первого секретаря Арзгирского райкома партии и заместителя председателя Ставропольского крайисполкома.

Иван Ильич Селин – прицепщик, рядовой тракторист, стал бригадиром тракторной бригады, потом – главным инженером, а затем директором совхоза «Тищенский». Когда в 1978 году совхоз разделился на рыбхоз и овощное хозяйство, И. И. Селин возглавил рыбхоз и, начав с нуля, добился высоких результатов. За успехи в сельскохозяйственном производстве Иван Ильич был награжден двумя орденами Ленина, орденами Октябрьской революции и Трудового Красного Знамени.

Путь от рядового агронома-овощевода до директора крупнейшего на Северном Кавказе Изобильненского сахарного завода прошел Андрей Александрович Чуриков. Был он и директором рыбсовхоза «Ставропольский», и начальником управления сельского хозяйства, и первым секретарем Изобильненского райкома партии. Сейчас Андрей Александрович является главой Изобильненского муниципального района.

Всех учеников Горлова перечислить невозможно. По словам Григория Кирилловича, все они были людьми из народа, сделавшими свою карьеру «благодаря природной смекалке, желанию трудиться и поддержке государства в получении высшего образования...».

Григорий Кириллович обладал редким талантом организатора, чуткого и отзывчивого человека. Он был добр и в то же время строг к себе и людям, к их действиям и поступкам. Его отличали необычайная работоспособность, тяга к новизне, умение разглядеть, оценить и использовать в человеке положительные черты, вовремя прийти на помощь, поддержать в трудную минуту. В его записной книжке было множество записей дней рождения и других знаменательных дат в жизни многих и многих людей. И как бы он ни был занят, всегда находил время каждого из них поздравить.

Григорий Кириллович особенно бережно относился к кадрам. За время его работы практически не было сменяемости руководителей колхозов и совхозов. Оберегал их, воспитывал своими силами. Одной из «угроз» к провинившимся у Горлова была присказка: «Получишь костыля!». Но никто не воспринимал это как обиду или оскорбление. Считали это «отцовским выговором». Но при

необходимости Григорий Кириллович умел защитить человека, дать ему шанс исправить положение, сохранить свое доброе имя и репутацию.

Бережное отношение к людям Григорий Кириллович пронес через всю жизнь. Учился сам, требовал этого от своих подчиненных. Несмотря на крайнюю загруженность, Григорий Кириллович заочно окончил сельскохозяйственный техникум, затем – сельскохозяйственный институт. Его примеру следовали многие, кто с ним работал.

Особый период в жизни Григория Кирилловича Горлова заняла работа в Изобильненском районе – сначала начальником Изобильненского колхозно-совхозного производственного управления, затем первым секретарем Изобильненского райкома партии. Работа начиналась далеко не в лучших условиях: низкая культура земледелия и животноводства, просчеты в организации сельхозпроизводства. Не баловали район и климатические условия. Особую обеспокоенность вызывало снабжение района водой, природным газом и электроэнергией. Объективно возникла необходимость в поливном земледелии. Для более эффективного использования водных ресурсов решено было строить водоемы – накопители суточного регулирования, позволявшие орошать земли за счет собственных сил и средств. За короткое время в районе таким методом ввели в эксплуатацию несколько тысяч гектаров поливных земель. В этом огромная заслуга Г. К. Горлова. Эта инициатива была подхвачена во всем Ставропольском крае. Наряду со строительством крупных государственных обводнительно-оросительных систем, многие хозяйства стали использовать для орошения местные водоемы, а также свободные ресурсы магистральных каналов. На поливных землях края производилось свыше трети всей продукции растениеводства.

Наряду с подъемом в сельском хозяйстве, необходимо было осуществить подъем промышленности, улучшить благосостояние изобильненцев. Были введены в эксплуатацию сахарный и консервный заводы, заводы железобетонных изделий, крупнопанельного домостроения, «Атлант». Но главным объектом строительства на тот момент была Ставропольская ГРЭС. 1971 год был стартовым для этой грандиозной стройки, которая стала Всесоюзной ударной комсомольской. По призыву Изобильненского райкома партии из всех уголков страны прибыли сотни добровольцев, специалистов-строителей. Уже 1 января 1975 года был введен в эксплуатацию первый энергоблок. Ударными темпами был построен поселок энергетиков Солнечнодольск.

Благодаря развитию газопромыслового комплекса, к середине шестидесятых годов природный газ получили сотни домов, полностью были обеспечены топливом промышленные и сельскохозяйственные предприятия. Рост экономического потенциала изменил социальную структуру района, его

культурный облик. Именно в эти годы строилось много жилья, объектов социального и культурного быта.

Изобильненский район был в ряду передовых по многим показателям. Большая группа тружеников района была награждена орденами и медалями. В 1973 году Григорий Кириллович Горлов был удостоен высокого звания Героя Социалистического Труда.

В возрасте семидесяти трех лет Григорий Кириллович Горлов ушел на заслуженный отдых и полностью посвятил себя общественной работе. С 1987 года Григорий Кириллович возглавлял Ставропольский краевой Совет ветеранов войны и труда, Вооруженных сил и правоохранительных органов. Не только по долгу своей работы, но и по велению сердца Григорий Кириллович помогал ветеранам, боролся за их права. Несмотря на преклонный возраст, он всегда находился в гуще событий, старался делать все сам, насколько это было возможно. В свои восемьдесят лет Григорий Кириллович, как и прежде, ездил по городам и районам края, стараясь быть в центре общественной жизни.

Родина высоко оценила заслуги Г. К. Горлова. Он награжден Звездой Героя Социалистического Труда, в его послужном списке три ордена Ленина, ордена Октябрьской революции, Трудового Красного Знамени, Отечественной войны 1 степени, Красной звезды, многочисленные медали. Он является Почетным гражданином Ставропольского края и города Изобильного, Почетным председателем краевого Совета ветеранов. В 2003 году улица Тихая города Изобильного переименована в улицу имени Г. К. Горлова. Его барельеф установлен на Аллее Славы в парке Победы.

Григорий Кириллович, лично знавший и воспитавший многих руководителей и хозяйственников, очень болел душой о том, что произошло с нашей страной. Он мечтал о возрождении Родины, о том, что государство с таким народом, с такими ресурсами и богатством обязательно займет достойное место в мире!

14 августа 2003 года Григория Кирилловича Горлова не стало. В народе говорят, что настоящий человек может умереть дважды. Первый раз – физически, второй раз – когда умрут его славные дела. И верится, что люди еще очень долго будут помнить «старика с палкой», напористого, справедливого, неистового Созидателя!

Использованная литература и источники

1. Богачкова А.Е., История Изобильненского района. Ставрополь, 1994 г.
2. России верный сын. Ставрополь, 1999 г.
3. Фонды ГУК «Музей истории Изобильненского района», город Изобильный:
 - фонд 5, ед. хр. 6,
 - фонд 5, ед. хр.14,
 - фонд 8, ед. хр. 6,
 - фонд 8, ед. хр. 18.

Семейные традиции предпринимательства в среде ставропольского купечества

Олицетворением предпринимателя в России на протяжении XVIII и XIX веков являлся купец. Купеческое звание указывало на принадлежность к конкретной сословной группе, в рамках существовавшей в России сословно-иерархической системы, относившейся к важнейшим элементам российской действительности. В социально-экономическом отношении купец являлся синонимом предпринимателя.

Понятие «купец» первоначально обозначало почти исключительно предпринимателя-торговца. Это было «лицо, производящее торговлю, или посредник между производителем и потребителем». По мере расширения масштабов и усложнения форм хозяйственной деятельности, особенно после вступления России в период капитализма и, как следствие, изменения российского законодательства, регулировавшего социальный статус купечества, эта сословная группа начинает объединять представителей всех форм и видов предпринимательской деятельности.

Из «Грамоты на права и выгоды городов Российской Империи» 1785 г. узнаем о том, кто мог стать купцом: «Дозволяется всякому, какого бы кто ни был пола, или лет, или рода, кот. за собою объявит капитал свыше 1000 рублей до 5 тыс. рублей, записаться в гильдии». Причем «все прочие, принадлежащие к семейству лица, именующиеся купеческими детьми, братьями, внуками и проч. — и, не имея сами по себе отдельного права торговли, пользуются теми же гражданскими правами, которые принадлежат главе семейства». Таким образом, с капиталом в 1000 рублей можно было стать купцом третьей гильдии, производить розничный торг в городе и уезде любыми российскими и иностранными товарами, содержать разные трактирные заведения, питейные дома, постоянные дворы, торговые бани, иметь заводы и фабрики и другие небольшие домашние заведения. У купцов второй гильдии торговые обороты были внушительней, они могли заключать частные контракты и маклерские условия на сумму до 50 000 рублей. Купцы первой гильдии обладали капиталом в 10000 рублей и более, они производили внутренний и заграничный оптовый торг российскими и иностранными товарами повсеместно, имели собственные корабли и суда и

отправляли их с товарами за границу, внутри страны имели магазины, фабрики, заводы, занимались банковским предпринимательством.

Первыми ставропольскими купцами становились энергичные, предприимчивые выходцы из крестьянской среды. Основатель ставропольского купеческого рода Волобуевых, Юдий Волобуев, крестьянин из Черниговской губернии, обосновался в станице Новомарьевской под Ставрополем. Меньший из сыновей Волобуева – Игнат, будущий купец первой гильдии, занялся предпринимательством в Ставрополе. Сначала он рубил камень в местных каменоломнях, затем, скопив денег, начал брать подряды на доставку с Волги леса, железа, спирта и соли. Позднее завел собственное торговое дело – хлебные магазины. «За исправную и срочную» поставку продовольствия для армии Николай I наградил И. Волобуева золотой медалью.

Купеческий род Стасенковых берет свое начало от калужского крестьянина, имевшего в стенах Ставропольской крепости маркитанскую лавку. Эта купеческая династия особых успехов достигла в производстве табака. Егор, Василий и Егор Григорьевичи на своей плантации выращивали 10 сортов азиатского табака и табак с Кубы. Сын Ильи Григорьевича – Константин – начал изготавливать из табака сигары. За образцы, представленные на Парижской выставке, купец Константин Стасенков получил Большую бронзовую медаль.

Родоначальником купеческой династии Меснянкиных в Ставрополе был также калужский крестьянин Семен Данилович. Впервые его имя упоминается в гильдейских списках уездного Ставрополя в 1816 году. Он занимался скупкой скота, который затем перегонял на базары Москвы. Его сыновья Иван и Дмитрий продолжили семейные традиции и умножили родительский капитал. Уже их дети и внуки стали той купеческой династией, которая оставила особо заметный след в истории Ставрополя. Особенно преуспел в торговых делах Прокофий Иванович Меснянкин, со своими сыновьями Семеном, Василием, Михаилом, Иваном, Алексеем и Николаем. Все сыновья торговыми и производственными делами занимались то самостоятельно, то объединялись друг с другом. Этой купеческой династии принадлежали многочисленные торговые лавки на всех базарах города и в гостиных рядах. Меснянкины владели кожевенным заводом, продукция которого была отмечена двумя золотыми и серебряной медалями за качественную выделку кож. В селе Медвеженском им принадлежал завод сыроваренный и маслозавод, на Тереке – рыбозавод, на Куме – виноградники. В 1910 г. купцы Меснянкины открыли торговый дом «Пассаж» на Николаевском проспекте (ныне пр. К. Маркса, 59), ставший самым посещаемым центром торговли и отдыха в городе.

Основатель рода Ивановых, предприимчивый крестьянин из Курской губернии, скупщик скота Тимофей Иванов, обосновался в Ставрополе в 1740-х гг.

Он был причислен к купеческому сословию 3-й гильдии. Его потомки, уже купцы 1-й и 2-й гильдии, торговали зерновыми продуктами, строили маслобойные заводы. Они были одними из богатейших купцов на Ставрополье. В 1897 г. они построили первую электростанцию в городе, на углу улиц Госпитальной и Поперечной, где находился собственный дом купцов Ивановых (ныне угол улиц Артема и Ленина). В 1897 году станция дала ток, этот год стал официальным днем рождения электроэнергетики Ставрополя. А в 1910 г., приобретя две модели автомобилей «Форд», открыли автомобильную эру в Ставрополе. Купцы Ивановы также являлись владельцами театра, гостиниц, особняков.

Купцы Третьяковы занимались куплей-продажей необходимых для строительства материалов: лесными, железно-скобяными, водопроводными товарами. Предки Третьяковых, выросшие среди лесов центральной России и знавшие толк в деревянном строительстве, приехав на Кавказ, сначала сами начали строить, затем открыли собственное торговое дело. Иосиф Степанович Третьяков на собственном усадебном месте, на улице Госпитальной (ныне ул. Ленина), в 1897 г. построил общественную баню. В канун Первой мировой войны баня перешла по наследству Ивану и Михаилу Третьяковым. Совместно с братьями Михаил Иосифович имел два магазина и лесную биржу, торговую и паровую баню и два дома с усадебными местами. Второй дом Третьяковых находился на улице Гимназической (ныне улица Морозова). Здесь жил Григорий Иосифович со своей семьей. Главным бухгалтером в семейном бизнесе была любимая супруга Григория Иосифовича, которая скрупулезно, по-хозяйски записывала все расходы и доходы семьи. В фондах Ставропольского государственного музея-заповедника сохранились учетные книжки, заполненные ее рукой.

Предпринимательством на Ставрополье занимались также иногородние и иностранные купцы. Известна династия Алафузовых. Прибывший из далекой Греции в Ставрополь в 1827 г., Иван Антонович Алафузов начал с торговли скотом. Потом осуществлял подряды по снабжению армии продовольствием и хлебной водкой. Построил мельницу, табачную фабрику. Алафузовская водка пользовалась спросом и за рубежом. С 1889 г. Алафузовы стали владельцами пивоваренного завода, где наряду с пивом, производилась искусственная и фруктовая минеральная вода. Николай Алафузов создал первую личную художественную галерею.

Таким образом, основателями многих известных купеческих династий на Ставрополье являлись выходцы из крестьянской среды. Благодаря своей предприимчивости, энергичности и трудолюбию они добивались определенных успехов в предпринимательской деятельности, передавая опыт своим детям и внукам, которые бережно хранили семейные традиции.

Использованная литература и источники

1. СГМЗ, Ф. 131, оп. 1, ед. хр. 4, 22.
2. СГМЗ, Ф. 424, оп. 1, ед. хр. 4, 53.
3. Акопьян А.П. Вы из «Третьяковки»? С легким паром // Pro Бизнес. – Февраль. – 2008. – С. 60–61.
4. Беликов Г.А., Савенко С.Н. Облик старого Ставрополя. – Ставрополь, 2007.
5. Кузьмичев А.Д., Шапкин И.Н. Отечественное предпринимательство. – М., 1995.
6. Шеховцова Н.А. Торговые дома на Ставрополье и Кубани в конце XIX – начале XX века // Северный Кавказ: геополитика, история, культура: Материалы всероссийской научной конференции. – Москва–Ставрополь, 2001. – Ч. 2. – С. 50–54.
7. Энциклопедический словарь Ставропольского края. – Ставрополь, 2006.

Драчева О. Н.,
с. Татарка,
Историко-краеведческий музей с. Татарка –
филиал Ставропольского
государственного музея-заповедника,
младший научный сотрудник

К истории заселения и государственного освоения земель на Северном Кавказе (на примере села Татарка)

В конце XVIII – начале XIX веков экономическое и политическое развитие России, интересы укрепления ее безопасности требовали выхода к Черному морю, усиления экономических связей с Востоком. Правительство Екатерины II хорошо понимало, что нужно укреплять южные границы путем водворения на эти земли мирного населения и создания там гражданского порядка. Вслед за созданием крепостей Азово-Моздокской линии правительство начало колонизацию края, чтобы заполнить промежуток между крепостями, создавшими «границу», ведь он был так велик, что давал возможность передвижения неприятельских отрядов. Пользуясь благоприятным положением на Северном Кавказе – успехами в войне с Персией и Турцией и быстрой постройкой крепостей, – Екатерина II отдельным указом объявляет о переселении на Кавказ.

Огромное пространство, отсутствие дорог и другие трудности не пугали переселенцев, ведь они ехали на необжитые богатые земли, где должны стать хозяевами. «Отряды переселенцев... составлялись не из одной какой-то местности, а из всех уголков России. И каждый новый пункт, заселенный здесь, имел очень пестрый состав населения. ... Сюда вошли представители всей России, не исключая и некоторых инородцев» (1, с. 6). Первые поселенцы были самыми трудоспособными людьми, что и показали они на новом месте. Однодворцы в сравнении со всеми были более приспособленными к обстоятельствам и как грамотные и «более развитые люди» были первыми учителями или при должности. В каждое село, за исключением 3–4-х, включались и однодворцы. «На вспоможение и в ссуду сим переселенцам согласно Высочайшей Воле было отпущено на первый случай по ассигнованию Государственного казначея от Кавказской казенной палаты тридцать тысяч рублей, которые по повелению и распоряжению...Гражданского губернатора употреблены на покупку для переселенцев быков, плугов, пил и хлеба на прокормление их равно как и на постой... (2). К 1784-му году из переселенцев были образованы 14 сел, в том числе и село Надежда, основанное в 1779 году на речке Мамайке (1, с. 6–7). В нем проживало курских однодворцев 1523 мужчины

и 999 женщин, отставных солдат 22 мужчины и 4 женщины, цыган 18 мужчин и 15 женщин, которые главный доход получали от полеводства, скотоводства и сенокосения на выделенных для них 39845 десятинах, 2038 саженьях удобной и неудобной для пользования земли.

Наличие огромного количества свободных земель, малочисленность населения, отсутствие должного порядка в вопросах землевладения, сравнительно мягкий климат – все это было условием для развития скотоводства. Захват лучших земель под хутора с самого начала принял большой размах. Богатые крестьяне и казаки стремились заполучить земли под хутора любыми средствами. Село Надежда было «по большому населению скудно» и поэтому большая часть жителей расселилась по хуторам до 15 верст, «на месте определенного количества земли, которой не достает им ... и которые удобно поделить, а посему излишества (земли) много» (3). Таким образом, в 1790 году недалеко от селения Надежда появился первый хутор (4). За два десятка лет хутора в сторону речки Татарки разрослись, некоторые из хуторян стали собственниками мельниц, занимали самые выгодные участки для хлебопашества, сенокосения и разведения скота. Со временем хутора приблизились к разряду небольшого селения. Поэтому в 1816 году на имя генерала Ермолова А. П. было написано прошение от жителей Татарских хуторов – однодворцев Максима Антонова /сына/ Еремина и Ивана Абрама /сына/ Комарова, где они пишут: «Более 20 лет тому уже протекло, как мы и жители наши, в том числе 400 душ, выселились из означенного селения Надежды, обзавелись жительствою вдали от оному селению принадлежащих при речке Татарке ... для лучшего рождения скота и других хозяйственных объединений, крестьянскому быту свойственных...» (5). Жители хуторов жаловались на «двойное отбывание ... повинностей и другие притязания, чинимые обществом села Надежда», поэтому просят отчислить их особым отселком от Надежды под названием Еремино-Алексеевка. Местные власти требовали ликвидировать хутора и соединить их с селом, а на свободных землях выделить общие выпасы для скота. Захват лучших земель под хутора с самого начала принял большой размах, так что власти вынуждены были заниматься вопросами сокращения их количества, упорядочиванием прав на владение хуторами по всей губернии. Татарские хутора не стали исключением. Генерал Ермолов А. П. принял решительную позицию в деле ликвидации хуторов. Главной причиной такого направления было то, что многие хуторяне Ставропольской губернии систематически уклонялись от несения натуральных повинностей, основная тяжесть которых ложилась на плечи оставшихся в селениях крестьян. К тому же хуторяне в меньшей степени могли защитить себя от внезапных нападений горцев. Поэтому не удивительно, что в прошении об отчислении Татарских хуторов от села Надежды было отказано. Тяжбы

продолжались. В 1822 году, 22 апреля в рапорте генералу Ермолову А. П. генерал-майор Власов предлагает «все хутора, расположенные по речкам, источникам и капаньям, перенести к селениям, кроме хуторов тех, кои имеют заведения, требовавших некоторых усилий» (6). Войсковая канцелярия, рассматривавшая этот вопрос, постановила ликвидировать только те хутора, которые не имеют хорошей постройки, разведенных садов, мельниц, плотин и других значительных сооружений, а где таковые имеются, оставлять на прежних местах. Таким образом, вопрос шел не о ликвидации хуторов вообще, а лишь об их переводе на другие места. Татарские хутора были расположены в глубокой балке, на пути следования из города Ставрополя на реку Кубань, и давали постой и смену подвод проезжающим чиновникам и воинским командам. Министерством финансов при решении вопроса об отчислении Татарских хуторов от села Надежды выселком в 1829 году было учтено, что «1) в селе Надежде общее с Татарскими хуторами числится 2177 ревизских душ, а земли находится сверх 15 десятин пропорции в излишестве 2851 десятина с саженьями; 2) жители Татарских хуторов еще в 1816 году просили об отчислении их от села Надежды, и земским судом тогда же найдено, что хутора сии состоят от упомянутого села Надежды в 15 верстах, существуют уже около 15 лет и обыватели несут повинность в двойных, как то в селе Надежды наравне с прочими жителями, 3) в упомянутых хуторах состоит ныне 437 ревизских душ, 171 дом, водяных мельниц – 8, достаточное число рабочего скота и тутовых и других деревьев, жители оных хуторов действительно несут двойную общественную повинность по селу Надежда наравне со всеми жителями оною и по хуторам как на тракте от города Ставрополя на реку Кубань..., и сей отселок необходим на оном месте, потому что большое в недалеком от него расстоянии село Николаевское, по причислении жителей оною в казаки, перенесен на другое место, через что как проезжающие на Кубань во вновь поселения там на Кубани казачьи станицы чиновники, так и проходящие воинские команды без Татарских хуторов не имели бы где остановиться и 4) Кавказская казенная палата кроме... распоряжения генерала Ермолова не встречает препятствий к отчислению тех хуторов особым от села Надежды селением. Татарские хутора заведены с давнего времени ... и в значительном от села Надежды расстоянии, и ... исправляют повинности по селу Надежда и особо по хуторам» (7).

22 апреля 1829 года вышло предписание господина главнокомандующего в Грузии об отчислении Татарских хуторов особым от селения Надежда отселком (8). Татарские хутора в 1833 году получили свой особый надел земли и были переименованы в село Татарка. В 1835 году село переименовано в станицу и причислено ко 2-му Ставропольскому полку Кавказского линейного казачьего войска. С 1870 года по величайшему повелению казаки станицы Татарской снова

обращены в гражданское ведомство. К концу XIX в. в селении имелось 375 дворов с 377 домами, среди которых каменные – 54, крытые соломой и толем; деревянные – 243, крытые соломой, толем и железом; саманных – 32, покрытые соломой и толем; турлучных – 55, крытые соломой и толем (9), а также деревянная церковь с металлической крышей в честь Казанской Божьей Матери, построенная в 1840–1843 годы, стоимостью в 40000 рублей, без земли. По окладным листам в селе числятся 564 ревизских души, а по семейным спискам – 1154 м. п. и 1212 ж. п.; иногородних проживает 112 душ м. п. и 120 ж. п. Коренные жители состоят из великороссов, переселенцев из южных губерний России.

В начале XX в. с. Татарка насчитывало 5305 человек и имело 16192,33 десятины земли. Село имело 9669 десятин (с лесом) удобной и 1200 десятин неудобной земли. Душевого надела на ревизскую душу приходится 17 десятин, а на личную – 8 десятин. Леса – площадь 678 десятин и эксплуатируется по плану Лесоохранительного комитета. В каждом дворе есть фруктовые сады и огороды, четыре крестьянина имеют по роще. Земли сельского общества находятся в общественном пользовании. Воду берут из колодцев, которые никогда не пересыхают – их в селе несколько. Скот пьет из реки Татарки. Население занимается земледелием, скотоводством, огородничеством, садоводством и пчеловодством. Скотоводство находится в более благоприятных условиях, чем земледелие. В селе есть площадь, но ярмарок и базаров не проводится. Торговля ведется только с г. Ставрополем. Волостное правление села помещается в общественном доме из 5 комнат. Построено три училища: одноклассное министерства народного просвещения, школа одноклассная церковно-приходская и школа грамоты, сельский магазин, кузница, маслобойня, 13 водяных и 1 ветряная мельницы, питейный дом (10). Постоялых домов нет, но есть общественная квартира, состоящая из комнаты для приезжающих. В 4-х верстах от волостного правления расположен хутор Корягинский 1, при речке Корягиной, имеющий 4 двора с каменными домами, крытыми соломой (11). В 6 верстах от волостного правления, при речке Корягиной, находится хутор Корягинский 2 с 5 дворами с жилыми каменными строениями, крытыми соломой (12). Хутор Егорлыкский при реке Егорлык, в 5 верстах от волостного правления, состоящий из 5 дворов с жилыми каменными строениями, покрытыми соломой (13). Хутор Темный, при речке Темной, в 7 верстах от волостного правления, с 2 дворами с турлучными, крытыми соломой домами (14). Хутор крестьянина Дмитрия Полянского расположен при реке Татарке, в 2-х верстах от волостного правления, имеет 1 двор с саманным строением, крытым соломой, и водяной мукомольной мельницей (15). Хутор крестьянина Давыда Корягина при реке Татарке в $\frac{1}{4}$ верстах от волостного правления, с 1 двором с жилым каменным строением,

крытым соломой, и водяной мукомольной мельницей (16). Хутор Кузьминов, в 6 верстах от волостного правления, с 5 жилыми деревянными строениями, крытыми соломой, и водяной мукомольной мельницей (17). Корягинская Казенная почтовая станция расположена в урочище Родники, в 31 версте от становой квартиры, имеет 1 двор с жилым деревянным строением, крытым толью (18).

В настоящее время с. Татарка является административным центром Муниципального образования Татарского сельсовета. Село состоит из двух частей: верхней (3885 человек, 1296 дворов) и нижней части села (2560 человек, 822 двора). В состав Муниципального образования входят 8 хуторов: х. Садовый (574 чел., 187 дворов); х. В. Егорлык (588 чел., 204 двора); х. Темнореченский (287 чел., 83 двора); х. Польский (321 чел., 112 дворов); х. Извещательный (64 чел., 37 дворов); х. Рынок (41 чел., 38 дворов); х. Новокавказский (31 чел., 11 дворов); х. Грушевый (26 чел., 9 дворов). Всего населения – 8357 человек и 2799 дворов. Плотность населения – 29 человек на 1 кв. км. Площадь земли муниципального образования – 36 кв. км.

Использованная литература и источники

1. Первые русские переселения на Северном Кавказе и в нынешней Ставропольской губернии// Труды Ставропольской ученой комиссии. V том. Отдел I. Статьи по истории края. – Ставрополь, 1912.
2. ГАСК. Ф.87, Оп.1, Д.180, Л.15 об.
3. ГАСК. Ф. 128, Оп. 1, Д. 1339, стр. 23 об.
4. ГАСК. Ф. 235, Оп. 1, Д. 104.
5. ГАСК. Ф. 87, Оп. 1, Д. 720, стр. 13.
6. С. А. Чекменев. Переселенцы. (Очерки заселения и освоения Предкавказья русским и украинским казачеством и крестьянством в конце XVIII – первой половине XIX в.). Пятигорск: ТОО «Кит», 1994.
7. ГАСК. Ф, 79, Оп. 1, Д. 496, стр. 13.
7. ГАСК. Ф. 79, Оп. 1, Д. 496, стр. 61.
8. ГАСК. Ф. 299, Оп. 1, Д. 1772 , стр.15.
9. ГАСК. Ф. 299, Оп. 1, Д. 1772 , стр.74.
10. ГАСК. Ф. 299, Оп. 1, Д. 1772 , стр.76.
11. ГАСК. Ф. 299, Оп. 1, Д. 1772 , стр.77.
12. ГАСК. Ф. 299, Оп. 1, Д. 1772 , стр.78.
13. ГАСК. Ф. 299, Оп. 1, Д. 1772 , стр.79.
14. ГАСК. Ф. 299, Оп. 1, Д. 1772 , стр.80.
15. ГАСК. Ф. 299, Оп. 1, Д. 1772 , стр.81.
16. ГАСК. Ф. 299, Оп. 1, Д. 1772 , стр.82.
17. ГАСК. Ф. 299, Оп. 1, Д. 1772 , стр. 83.

Животовская Л. В.,
г. Ставрополь,
Музей-усадьба художника-академиста В. И. Смирнова
с мемориалом К. Л. Хетагурова –
отдел Ставропольского государственного музея-заповедника,
младший научный сотрудник

Воспоминания Г. В. Смирновой о К. Л. Хетагурове

Галина Васильевна Смирнова – старшая дочь художника и преподавателя Василия Ивановича Смирнова, который после окончания Санкт-Петербургской академии художеств в 1873 году приехал в город Ставрополь. Педагогическая карьера В.И. Смирнова началась с места учителя рисования в Ставропольском реальном училище, а затем в классе рисования 1-ой мужской классической гимназии. В стенах мужской классической гимназии судьба свела начинающего педагога с К. Хетагуровым. Еще гимназистом Коста Хетагуров ежедневно бывал на квартире своего учителя, который занимался с талантливым мальчиком академическим рисунком. Знакомство это переросло в большую дружбу замечательных, талантливых людей. С нежностью и грустью Хетагуров всегда вспоминал многочисленную семью Смирнова и их гостеприимный дом. Особым вниманием Коста выделял Гали – так, на французский манер, в семье называли старшую дочь Галину. В доме ей выделили целую комнату с большим венецианским окном. Гали была красавица, способная, умная, блестяще окончила Ольгинскую женскую гимназию, а затем музыкальное училище по классу ИРМО (Императорского Русского музыкального общества). Во время учебы участвовала в концертах, была концертмейстером. Ее талант вызывал восхищение, и многие считали, что она окончила консерваторию. В 1908 г. вышла замуж. С 1909–1911 гг. Гали вместе с мужем и дочерью проживали в г. Делижан, за Тбилиси. В Ставрополь вернулись в 1912 г. и в том же году уехали в г. Георгиевск. К 1918 году у нее уже было четверо детей, сын и три дочери.

В фонде литературного музея хранятся документальные источники, позволяющие воссоздать образ Коста Левановича Хетагурова через воспоминания и письма его современников. К данной теме относятся и письма Г. Смирновой.

К эпистолярному наследию Галины Смирновой–Иванченко относится, в частности, печатное издание «Именины» (Г. В. Смирнова–Иванченко. Самиздат, 1952 г. Фонд № 2 Литературного музея, ед. хранения 12, инв. № 2900). Экземпляр подарен Литературному музею фотохудожником Наумовым А. М. в марте 1979 г., в год открытия музея.

Это произведение Галина посвятила 55-летнему юбилею своего отца. Текст стихотворения является ярким подтверждением дружеских взаимоотношений

между членами семьи и Коста Хетагуровым. Приведем отрывки из стихотворения «Именины»:

«Кавказское сукно черкески Коста...
Одет он просто:
Не изменяет наряду Родины своей,
Он верен ей.»

Слышу я голос Коста:
«Все мы в сборе
И дверь на запоре.
Много вина, будем пить до дна!
Гоните думки, наливайте рюмки!
Первый тост, друзья, за моего учителя,
Художника большого, друга дорогого!
Жить ему не тужить,
Семьей любоваться, да радоваться!
Дайте чарку: за его хозяйку своенравную,
Евангельской Марфе равную
Бокалы налейте, за счастье всех пейте!»

«Тосты продолжаются, все изощряются.
За Коста два тоста:
«За поэта! – хором все, – верно это.
«За друга! – Мы с ним друзья,
Вся наша семья. »

«Чтобы наши стаканы не затянула тина, –
Ваше здоровье пьем, Агриппина!»
Звенят бокалы, долой печали.
«Пьем здоровье Гали!»

Чай наливается, вечер продолжается.
Время приближается – спать пора.
И слышу говорит Коста:
«До свиданья, друзья!
Пусть дни идут желанные,
Дары несут неожиданные!
Санки готовы. Скользят подковы.
Снежная ночь хороша. В обратный путь пора.»

Гости одеваются и все разъезжаются.
Ночь морозная кругом,
Мчится парочка вдвоем.

В музейных фондах имеется также письмо Г. В. Смирновой-Иванченко Юрию Ивановичу Хотееву, от 20 апреля 1958 года. (Печатный текст.) Фонд № 2 Литературного музея, ед. хранения 12, инв. № 2319. В письме Гали имеются воспоминания о роли Коста Хетагурова в театрально-музыкальной жизни в городе Ставрополе.

«Коста в музыкальной жизни Ставрополя не играл никакой роли, но музыку любил. Много слушал в нашем доме музыки. Мне подарил с надписью: «Моему маленькому другу Гали С. от Коста» – тогда мне было 14 лет. Оперу «Фауст» для фортепиано. Его любимая опера, по словам моей мамы, Коста на эстраде был прекрасный декламатор и постановщик живых картин. В двух я помню себя: в роли Дарьи из поэмы Некрасова Н. «Мороз» и в другой картине: «Национальные типы женской красоты» я была украинка, хотя отец мой русский – ярославский, а мама полтавская. В этот вечер Коста меня хвалил – это было в 1900 или 1901 году, не позже». «Французский язык преподавал француз Фюмель. (Учитель Ольги Васильевны Скуридиной – в институтские годы. Знания поверхностные приобретали, возможно, Коста впоследствии владел ими не в совершенстве».

«В одном из Херсонских писем он даже сам говорил о том, какое впечатление произвел его французский язык на гувернантку-француженку Маргариту. В мужской гимназии учили слишком много языков: кроме русского, латинский, греческий, немецкий, французский, славянский. Одно из стихотворений Коста: «Пропади ты, жизнь» было написано под впечатлением русской песни, спетой братом моей мамы Ф. Ф. Скляревским. Содержание слов было близко переживаниям Коста. Он был театральным рецензентом, и я часто бывала в театре, всегда видела его в первых рядах партера. Имел ли он псевдоним «Ага» – не знаю»

Интересны письма Г. В. Смирновой-Иванченко Юрию Ивановичу Хотееву от 20.04.58 г., 13.12.57 г., Записки Г. В. Смирновой-Иванченко (печатный текст). Фонд № 2 Литературного музея, ед. хранения 12, инв. № 2317–2319. Тексты этих писем не содержат информации относительно Хетагурова, но они рассказывают о литературной, театральной и музыкальной жизни г. Ставрополя конца XIX – начала XX века. В них упоминаются имена представителей интеллигенции, которые, вне сомнения, мы связываем с именем Коста Левановича. Вот эти имена.

«Закончил курс пения еще Костюченко К., он после работал в хоре терских казаков, солистом (баритон) под управлением Адольфа Энгель (шмиура ?),

который в 90-х годах играл в театре на скрипке в театральном оркестре в Ставрополе и у нас в Ольгинской женской гимназии». «Начиная с 1901 г., с весны я играла в концертах с благотворительной целью, а потому хорошо знала любителей музыки местных, которым мне приходилось аккомпанировать в концертах. Еще помню 2-х певиц В. И. Алафузову–Гораецкую (ее мать была первая пианистка, игравшая в немом кинотеатре Ставрополя) и Сандру Беллинг (Александра Невронова). В. Алафузова была старше, голос очень хороший, запомнила Рубинштейна «Ночь» в ее исполнении, «Индусскую песню» Бемберга. Концерт был в театре. Устраивала его губернаторша. Пела В. Алафузова в дивертисменте. А все первое отделение именовалось «Цыганский табор». Шились шикарные костюмы, и первый тенор получил премию за красоту». «... Волобуев – руководитель ученического оркестра мужской гимназии. Он часто приходил ко мне на урок с виолончелью и нотами, приучал меня аккомпанировать еще в гимназические годы... В 90-х годах жила в Ставрополе пианистка Елина. Она работала педагогом в одном из женских интернатов (их было два). Она была большим другом Н. В. Волобуева. ...Помню еще пианистку Е. Н. К. – ученицу Рубинштейна, она останавливалась в доме богатого купца Третьякова, когда я еще не училась в школе. ...В 1894 г. она опять приезжала, и тогда, в доме моего отца, была репетиция концерта для костела, где всегда пела моя первая учительница фортепиано Элиза Неймейстер, имевшая прекрасный голос, а партию виолончели исполнял Н. В. Волобуев».

Представленный документальный фонд № 2 музея-усадьбы, помимо воспоминаний, содержит фотографии и рисунки Г. В. Смирновой. Вне сомнения, данные документальные материалы имеют научный и культурный интерес и должны быть введены в научный оборот.

Феномен советскости (на примере Ставрополя)

Величайшим результатом революционного переустройства общества явилось рождение нового духовного и психологического облика советских людей, новой исторической общности – советский народ.

Еще в 1914 г. В. И. Ленин писал о том, что «социализм творит новые высшие формы человеческого общежития, когда законные потребности и прогрессивные стремления трудящихся масс всякой национальности будут впервые удовлетворены в интернациональном единстве при условии уничтожения теперешних национальных перегородок» (1).

В образовании советского народа главная роль принадлежала КПСС. Объединяя в своих рядах наиболее сознательную часть дружественных классов и групп, наций и народностей, КПСС выражала жизненные интересы всего советского народа, цементируя общность советских людей во всех сферах жизни. В условиях социализма и строительства коммунизма усилилась интернациональная экономическая общность, достигла высокого уровня общесоюзная экономика – целостный народнохозяйственный комплекс, включающий народное хозяйство всех республик и развивающийся по единому государственному плану в интересах всей страны и каждой республики.

На основе экономической и социально-политической общности социалистических наций и народностей растет их духовная общность, происходит дальнейшее сближение национальных культур. Усиление интернациональных черт в национальной культуре и характере говорит не о том, что национальное якобы приносится в жертву интернациональному, а о том, что меняется, обогащается само понятие национального.

После революции 1917 года этнокультурная ситуация на Северном Кавказе претерпела коренные изменения: в процессе создания советской интернациональной модели общества произошло институциональное оформление этнокультур северокавказских народов как части системной советской культуры: «социалистической по содержанию и национальной по форме»; постепенно выравнивался культурно-образовательный уровень горского и русского населения на основе единой системы среднего и высшего образования. Так, в Карачаевской области в 1927–1928 учебном году обучением было охвачено только 37,5

процента детей школьного возраста, в 1929–1930-м – уже 46,6, в 1931-м – 71 и в 1932-м – 100 процентов. В Черкесии в 1932–1933 году охват детей обучением увеличился в три раза (2). Была значительно расширена суть культурно-просветительских учреждений, дальнейшее развитие получили радио и кино: в Черкесске и Микоян-Шахаре действовали радиостанции, которые вели передачи на черкесском, ногайском, абазинском, карачаевском и русском языках, работали 9 кинотеатров и 26 кинопередвижек (3).

В различных этнических культурах советских народов реально утвердились единые массовые ценности, которые воспринимались как интернациональные по сущности. При этом единая система ценностей социальной культуры, формировавшая советскость как надэтническую идентичность, объективно имела этнокультурные формы. По идеологическим каналам трансляции этнических культур у разных по своему прошлому народов СССР внедрялось общее понимание советских социокультурных идеалов – массовые формы воспитания и пропаганды, государственные атрибуты и символы, которые действительно внедряли единое общегосударственное сознание – советскую идентичность и по своему отвечали восприятию и чувствам граждан СССР, независимо от их этничности.

«Настала новая полоса в нашей жизни, – пишут рабочие националы завода Грознефти. – Мудрая политика партии, руководимой мудрым учеником Ленина, нашим любимым товарищем Сталиным, вывела нас на дорогу расцвета и светлой жизни. У нас есть возможность жить культурно и культурно воспитывать детей.

Так от скудной голодной жизни, от угнетения из-под сапог царских чиновников и национальных помещиков мы пришли через Октябрь, через диктатуру пролетариата к светлой культурной зажиточной жизни.

Нам всем ясно, что только советская власть могла дать националу все то, что он имеет сейчас» (4).

Национальная общность находится в органическом единстве с более высокой, интернациональной общностью, и представители любой нации и народности СССР считают себя, прежде всего, советскими людьми, что нашло выражение в возникновении чувства общенациональной гордости советского человека.

Чувство превосходства у советского человека развилось на подготовленной почве, корни его историчны и идеологичны. Это идеи богоизбранности России, образ России как третьего Рима, идеи об особых качествах российского народа, российского человека, его особом трудолюбии, душевности, святости. Все эти идеи включали в себя и некоторый подтекст, связанный с идеей социального превосходства русского, советского человека. После победы революции идея об избранности России, ее особом предназначении не только сохранилась, но и

получила дальнейшее развитие. Разумеется, прежние мотивировки были заменены новыми. Так, победа революции истолковывалась как прогресс в мировой цивилизации, как начало становления новой коммунистической формации. Россия рассматривалась как первая страна, прокладывающая путь к светлому будущему – коммунизму, как лидер мирового прогресса социалистического развития.

Тишков В. А. высказывал точку зрения, согласно которой, если в ходе переписи населения в Советском Союзе «была бы представлена возможность в перечне национальностей выбрать категорию «советский», то, видимо, немало граждан отнесли бы себя к последней» (5). Человек идентифицировал себя со всем советским обществом, государством, как бы сливался с ним.

Мы полагаем, что чувство слитности с обществом явилось принципиальным сдвигом в развитии ментальности советского человека в XX веке. «Я счастлив, что я этой силы частица», – выразил это мироощущение В. Маяковский. Эта своеобразная слитность с партийно-государственным абсолютизмом обретала ерты даже своеобразной истовости, своеобразной подчеркнутости, значимости и важности ее для самооценки советского человека. Он как бы испытывал своеобразное чувство гордости, удовлетворенности от этой слитности.

Отметим несколько истоков этой слитности. Во-первых, она произрастала из социально-исторического контраста. Как советский крестьянин, рабочий отрицал дореволюционное общество, в котором ему не принадлежала ведущая роль, так и все советское государство отрицало все дореволюционные порядки. Во-вторых, эта слитность произрастала из борьбы с одним и тем же классовым врагом.

Кроме того, одним из самых мощных факторов является личностно-индивидуальная зависимость индивида, его экономическо-гражданская слабость. Именно из этой слабости проистекает особая тяга к слитности с социумом, стремление найти в нем компенсацию слабости, защиту. Когда у человека лично ничего или почти ничего нет, у него особо сильно стремление «прислониться» к чему-то социально-мощному, чтобы в этом прислонении обрести ощущение собственной силы.

Возможно, одной из причин этого явилась пестрота национально-этнического состава советского общества. Многие национально-этнические группы не чувствовали себя в полной мере органично развитыми, полноправными, они были в определенном смысле маргинальными. Желая преодолеть синдром маргинальности, люди склонны были к особой экзальтации в развитии своей слитности с обществом (мой адрес – Советский Союз).

Таким образом, в 1930-е годы начала формироваться цельная идентичность, становясь основой представления людей о себе как о советских

людях. Главной чертой универсализации и интеграции советскости в стране явилось провозглашение единой по содержанию культуры с принципами отрицания жестких этнических и культурных перегородок.

Использованная литература и источники

1. Ленин В.И. Полн. собр. соч., 5 изд., Т. 26, С. 40.
2. Карачаево-Черкесия за полвека. Черкесск, 1972. С.129.
3. Очерки истории Ставропольского края. Ч. 2. Ставрополь, 1986. С. 190.
4. Северо-Кавказский большевик. 6 июля 1934 г. № 106, С. 4.
5. Тишков В.А. Очерки теоретической и политической этничности в России. М., 1997. С. 136.

Кухтарева Ж. А.,
г. Ставрополь,
Ставропольский государственный музей-заповедник,
младший научный сотрудник

Роль Евдокимова Е. Г. и Пивоварова И. Н. в социально-политической истории региона

Евдокимов Ефим Георгиевич и Пивоваров Иван Никифорович были одними из советских и партийных работников, настоящих сынов партии, борцов и строителей новой власти. Закаленные в годы гражданской войны, решительные, они боролись за дело партии, за укоренение новой власти.

Многое в развитии советского общества определялось тем, что среди работников, возглавлявших партийный аппарат и государственные структуры, было немало сторонников диктата, военно-коммунистических методов управления, которые применялись в условиях гражданской войны, но не были непригодны в условиях мирного строительства, ибо противоречили интересам советского общества.

Однако, пожалуй, больше всего развитие социально-политической жизни осложнялось внутривнутрипартийной борьбой. Острая борьба в высших эшелонах партийно-государственного руководства – сначала за лидерство в политической и идеологической области, затем по вопросам, касавшимся перспектив развития страны, методов осуществления модернизации экономики, взаимоотношений партии с массовыми организациями трудящихся, не могли не находить отзвука в обществе.

Карьеры и Евдокимова, и Пивоварова, да и многих других были очень похожи. Начинались в непростое революционное время. Решительные и энергичные, они нашли свое дело, а партия возложила на них свои надежды. И дальше все пошло стремительно: новые назначения сменяли друг друга, поднимались все выше и выше. Но в один момент карьеры быстро закончились, и тоже очень похоже.

Евдокимов Ефим Георгиевич родился в 1891 году в семье рабочего-железнодорожника. В юности он принимал участие в рабочем движении, в революционных событиях 1905 года в Забайкалье, подвергался преследованию. В 1918 году вступил в РКП (б), учился в Москве на курсах при Военной академии, вступил в Красную армию; в июне-декабре 1919 года – уже начальник Особого отдела Московской ЧК. Руководил арестами и следствием по делу «Штаба Добровольческой армии Московского района» – конспиративной офицерской организации; применял «меры физического воздействия». С января 1920 года

Евдокимов Е. Г. – заместитель начальника Особого отдела Юго-Западного и Южного фронтов; организатор следствия по делу «Комитета вызволения Украины», после гражданской войны Ефим Георгиевич на руководящих постах в ГПУ (позднее ОГПУ), начальник Секретно-политического отдела, занимавшегося борьбой с политическими противниками. В 1919–1920 годах возглавлял особые отделы Южного и Юго-Западных фронтов. Отделы эти боролись с контрреволюцией и шпионажем. В 1923 и 1933 годах – полномочный представитель ОГПУ на Северном Кавказе, в 1931–1932 годах в Средней Азии. Евдокимов – один из немногих сотрудников НКВД, кто пытался хоть как-то (но не особенно активно) выступать против явной фальсификации следственных дел.

В январе 1934 года Евдокимов Ефим Георгиевич был избран первым секретарем Северо-Кавказского крайкома ВКП(б). Работу на Ставрополье позже назовут «лебединой песней Евдокимова» (1, л. 7). После очередного назначения Евдокимов Ефим Георгиевич с новой силой и энтузиазмом приступил к работе. Многие, кому довелось вместе с ним работать, отмечали его как мобильного, неутомимого человека.

Практически сразу Евдокимов столкнулся с высоким планом сдачи хлеба государству. Проблема осложнялась нехваткой опытных кадров. И партийному аппарату во главе с Ефимом Георгиевичем приходилось в спешном порядке организовывать встречи, опубликовывать статьи в газетах, передавая опыт передовых хозяйств.

И этот труд не пройдет напрасно. 22 декабря 1935 года газеты страны опубликуют сообщение: «Отмечая выдающиеся успехи в области сельского хозяйства и промышленности и перевыполнение государственных планов по сельскому хозяйству, орденом Ленина награждены секретарь Северо-Кавказского крайкома партии Ефим Георгиевич Евдокимов и председатель краевого исполнительного комитета Иван Никифорович Пивоваров».

Весной того же года по многочисленным ходатайствам трудящихся ВЦИК СССР ряду районов были присвоены имена героев гражданской войны. Так, село Медвежье было переименовано в Евдокимовское, а район стал Евдокимовским.

В 1937–1938 годах Ефим Георгиевич работал секретарем Азово-Черноморского крайкома ВКП(б). В 1937 году избран депутатом Верховного Совета СССР. В мае 1938 года был переведен на должность заместителя наркома водного транспорта.

9 ноября 1938 года Евдокимову был предъявлен ордер на арест. На нем стояла подпись: «Л. Берия».

Год и три месяца мучили Евдокимова в «родном» ведомстве. Арестовали его жену, преподавателя института Марину Карловну, и двадцатилетнего сына Юрия, студента. Ефима Георгиевича обвиняли в том, что он, якобы, работал на

польскую разведку, был завербован Бухариным и лично создал две террористические группы из работников НКВД для уничтожения правительства.

Суд над Евдокимовым состоялся 2 февраля 1940 года. Виновным он себя не признал. Перед смертью его последними словами были: «Я – честный человек, преданный партии и делу Ленина. Таким и остаюсь». Ефим Георгиевич был приговорен к смертной казни. Расстрелян. За неделю до его смерти погибли и его жена с сыном.

В 1956 году решением Верховного Суда СССР Евдокимов Е. Г. реабилитирован посмертно.

Пивоваров Иван Никифорович – известный на Северном Кавказе партийный и советский работник. С 1934 по 1937 год – председатель Северо-Кавказского крайисполкома.

В прошлом рабочий, ставший в сентябре 1918 года коммунистом. Иван Никифорович прожил недолгую, но яркую жизнь. Был активным участником гражданской войны на Дону, после ее окончания избирался председателем Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов в Ростове-на-Дону, Новочеркасске. И происхождение у него для того времени самое что ни на есть подходящее – пролетарское. Он родился в семье потомственного слесаря. И сам по семейной традиции работал слесарем в частных мастерских.

В июле 1924 года преобразованная в округ Ставропольская губерния вошла в состав Северо-Кавказского края с центром в Ростове-на-Дону, и Пивоваров был направлен на работу в Ставрополь.

В Ставрополе он работает сначала председателем Ставропольского окружкома. Возглавленное им учреждение находилось тогда в доме № 11 на улице Красной, современный проспект К. Маркса.

Сохранилось выданное 25 марта 1927 года Ставропольским окрисполкомом удостоверение: «Предъявитель сего Пивоваров И. Н. постановлением X Ставропольского окружного съезда Советов делегируется на XIII Всероссийский съезд Советов с правом решающего голоса».

На съезде «представитель сего удостоверения» вновь попадает на глаза Кирову. И узнает от Сергея Мироновича о подготовленном к XV съезду партии решении о всемерном развертывании коллективизации. Затея «развернуть подготовку наступления социализма по всему фронту» начавшему было скучать Пивоварову нравится. Решительный курс на «великий перелом» сулит ему наконец-то возможность заняться настоящим делом. Им он занимается уже в новой должности.

С 1928 года Пивоваров И. Н. назначен секретарем окружкома партии в Армавире, а с 1929 года – председателем Северо-Кавказского крайисполкома (с центром в Ростове-на-Дону).

Активный партийный и советский работник, талантливый организатор, И. Н. Пивоваров внес немалый вклад в дело укрепления новой власти на Северном Кавказе, в борьбу народа за претворение в жизнь политики индустриализации страны, коллективизации сельского хозяйства и национальной политики советской власти. Многие годы провел он на Ставрополье, пользовался здесь, будучи председателем окрисполкома, а затем и крайисполкома, широкой известностью и большим авторитетом.

Но пришел 1937 год. На февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП(б) И. В. Сталиным был выдвинут тезис, согласно которому по мере упрочения социализма классовая борьба в стране должна обостряться. Кампания по разоблачению «врагов народа» не обошла стороной и наш край. Все трудности и недостатки в хозяйственной жизни в крае стали приписываться «враждебной» деятельности руководителей крайисполкомов и крайкомов, которые в 1937 году были репрессированы. Одним из первых был репрессирован председатель Северо-Кавказского крайисполкома Иван Никифорович Пивоваров. Газеты тех лет пестрели заголовками о «бандите Пивоварове».

Первый ордер на арест Пивоварова выписан 8 апреля. И останется неиспользованным. Потому что не решатся его товарищи выполнить ставшую уже традиционной процедуру обсуждения на собрании. И 8 апреля он все еще коммунист и член бюро краевого комитета ВКП(б). А вести в тюрьму члена бюро весной тридцать седьмого года было нельзя. Поэтому 9 апреля срочно организуется заседание бюро Орджоникидзевского крайкома ВКП(б) и присутствующие на нем принимают решение исключить Пивоварова из членов бюро краевого комитета ВКП(б), из членов краевого комитета ВКП(б) и из членов ВКП(б).

А в личной учетной карточке члена краевого комитета ВКП(б) Пивоварова Ивана Никифоровича, избранного I краевой партконференцией, появится запись: «Исключен как враг народа». Появится, заметим, до суда и следствия.

При первой же встрече со следователем уставший ругаться Пивоваров поинтересуется решением бюро. А заодно, зная уже достаточно хорошо существующие в этой организации порядки, спросит, кто же на него вдруг донес?

Против обыкновения, фамилию доносчика назовут ему сразу. Услышав ее, Иван Никифорович попросит бумаги, чернил и сядет писать письмо самому Ежову. В этом письме он признает правильными все предъявленные ему обвинения.

А принимавших решение о его исключении из партии членов бюро назовет в числе ближайших своих сообщников по контрреволюционной вредительской деятельности. С этой минуты и они тоже станут врагами народа.

В печати о Пивоварове начали говорить только к 18 апреля, да и то еще достаточно осторожно. Обвиняли его в «двурушнической политике» и «бюрократизации аппарата». Все ограничивалось общими фразами. Этого было достаточно для исключения из партии, да и то с большой натяжкой, но явно недостаточно для ареста.

Решится выступить с разоблачением и секретарь Орджоникидзевого крайкома ВКП(б) В. Рябоконт (который тоже будет вскорости арестован). Достаточно полное обвинительное заключение было сформулировано и опубликовано только 26 мая:

«Известно, что на посту председателя крайисполкома долгое время подвизался разоблаченный сейчас враг народа Пивоваров. Маскируясь клятвами о своей преданности партии, этот подлый двурушник состоял в бухаринской шайке правых, контактируя с троцкистскими бандитами и одновременно увязываясь с контрреволюционными буржуазными националистами, проводил на практике гнусную подрывную работу», – автор этого классического образца газетной брани тех лет на всякий случай пожелал остаться неизвестным. Вместе с обвинениями ходили слухи о скором освобождении Пивоварова. Но этого не произошло.

По официальным данным, Пивоваров Иван Никифорович был расстрелян. Но в воспоминаниях одного из сослуживцев и современников, Волгина В. И., мы находим информацию о трагической смерти Ивана Никифоровича. Он умер в одиночной камере, через полгода после ареста, от астмы сердца, будучи без медицинской помощи.

Но достижений Пивоварова Ивана Никифоровича нельзя отменить. На протяжении ряда лет избирался членом ВЦИК СССР, был делегатом многих Всероссийских и I, IV и VI Всесоюзных съездов Советов. За заслуги перед Советским государством был награжден орденом Ленина.

И Евдокимов Е. Г., и Пивоваров И. Н. принадлежали к тем, кто взял на себя роль «весь мир насилья разрушить до основания». И разрушали его насильственными методами. Но запущенная машина террора уничтожала всех, кто не успел или не смог приспособиться к переменам, не беря в расчет достижения и заслуги. И те, кто стоял во главе местных органов власти и проводил в жизнь политику партии, в один момент стали теми, против кого эта политика была направлена.

Мешечко Н. В.,
г. Изобильный,
Музей истории Изобильненского района,
младший научный сотрудник

Герой своего времени Василий Павлович Бондарев

Изобильный – город с населением 40 тысяч жителей. Неоднократно он становился призером всероссийского конкурса «Самый благоустроенный город России». Один из стремительных подъемов в экономическом развитии и благоустройстве города связан с именем Василия Павловича Бондарева.

Василий Павлович Бондарев родился 13 октября 1941 года в городе Новопавловске Ставропольского края.

Имеет три высших образования: в 1969 г. окончил Ставропольский пединститут, в 1978 г. – Ставропольский сельхозинститут, в 1988 г. – Академию общественных наук при ЦК КПСС в г. Москве.

Трудовая деятельность Василия Павловича Бондарева составляет 39 лет, из них 35 лет он работает на руководящих должностях в сфере исполнительной и законодательной власти Ставропольского края. Начинал с работы инструктора, заведующего отделом Октябрьского РК ВЛКСМ г. Ставрополя. Продолжил работу в качестве заведующего сектором Ставропольского крайкома ВЛКСМ, затем стал первым секретарем Георгиевского горкома ВЛКСМ. В 1974 году возглавил организационный отдел Георгиевского РК КПСС. Далее работал 4 года в должности заместителя заведующего организационным отделом Ставропольского крайкома КПСС и в 1983 году был переведен в город Изобильный первым секретарем Изобильненского РК КПСС.

В то время производственный комплекс Изобильненского района, ранее отличавшийся высоким экономическим потенциалом, пребывал в длительном застое. Василию Павловичу Бондареву было поручено исправить ситуацию. Его энергия и работоспособность были просто поразительны. Рабочий день Бондарева начинался задолго до рассвета. В пять часов утра он садился за руль автомобиля и начинал ежедневный объезд ферм и полей района. После этого безотлагательно проводил разговор с руководителями хозяйств о выявленных недостатках, и совместно искали пути их устранения. Василий Павлович был не только талантливым организатором и умелым хозяйственником. Он был новатором, за что не раз ему приходилось отстаивать интересы района перед руководством края. При нем впервые в Изобильненском районе начал осуществляться строгий контроль за деятельностью хозяйств. Повысилась культура земледелия, животноводства – район выходил на качественно новый экономический уровень.

Большое внимание уделялось вопросу подбора и расстановки кадров. Молодые и инициативные специалисты направлялись на курсы по подготовке руководящих кадров, они проходили практику в лучших хозяйствах края. Почти все они стали успешными руководителями сельхозпредприятий. За короткое время В. П. Бондарев сформировал команду единомышленников. Большая работа велась по подготовке кадров рабочих профессий. Была разработана и реализована программа по созданию в хозяйствах района ученических производственных бригад, которые раньше были единичными. При В. П. Бондареве ученические бригады обрели свою производственную базу: в каждом хозяйстве были построены лагеря труда и отдыха – «культстаны». В них учащиеся получали трудовые навыки, развивались культурно и физически. Во время учебного года один раз в неделю учащиеся старших классов оказывали трудовую помощь подшефным предприятиям.

Большой вклад внес Василий Павлович в развитие промышленности Изобильненского района. На всех крупных предприятиях был внедрен передовой опыт управления производством. Была начата разработка проектно-сметной документации по реконструкции сахарного завода. Как результат кропотливой руководящей работы В. П. Бондарева стало образование в январе 1987 года агропромышленного комбината «Изобильное». В его состав вошли 43 хозяйства: колхозы, совхозы, перерабатывающие, строительные, обслуживающие, торговые предприятия с общим объемом реализации продукции и услуг более чем на 210 млн. рублей и численностью работающих около 15 тысяч человек. Цель создания комбината – увеличение производства продукции за счет интенсивных технологий, что позволило ему стать крупным поставщиком пшеницы, мяса, молока, яиц, шерсти, овощей, плодов, сахара и другой продукции. Продукцию АПК «Изобильное» знал весь Ставропольский край!

Параллельно титанической работе в экономическом развитии района Василий Павлович курировал работу по благоустройству города Изобильного. Особенной гордостью нашего города является парк Победы. Городской парк был заложен еще в 1935 году, вокруг территории больничного комплекса, за счет средств райздравотдела. На окраине парка были перезахоронены семь красноармейцев, расстрелянных в годы гражданской войны. Во время Великой Отечественной войны, при освобождении села Изобильного погибли два красноармейца – В. Шептий и А. Гулиев. Они были похоронены в этой братской могиле на территории парка. С годами зеленые насаждения образовали беспорядочные заросли. В 70-е годы была намечена реконструкция парка. Часть деревьев выкорчевали. На окраине парка был вырыт котлован под Дом культуры. Но вскоре строительство здания, как и реконструкция парка, были заброшены. Котлован превратился в болото в заросшем парке – и это в центре города!

Свою вторую жизнь парк обрел в 1984 г. После вступления в должность первого секретаря Изобильненского РК КПСС В. П. Бондарев незамедлительно принялся приводить город в порядок. Благодаря его настойчивости, возобновились реконструкция парка и озеленение города. К работе были привлечены все предприятия, учреждения и школы. Только на территории парка было посажено около 3 тыс. саженцев, разбиты клумбы, заложены аллеи: березовая, липовая, каштановая, еловая и другие. Установлены новые аттракционы. Особое место отводилось подготовке к 40-летию Победы. Центральная аллея в парке названа Аллеей Славы. В ее начале был установлен памятник в честь освобождения Изобильного от немецко-фашистских захватчиков – танк ИС. По обеим сторонам аллеи расположены памятник «Материнские слезы», памятник Герою Советского Союза А. В. Грязнову, далее – портреты прославленных изобильненцев, Героев Советского Союза, Героев Социалистического труда, Кавалеров ордена Славы трех степеней. В конце аллеи, на месте братской могилы сооружен мемориал «Огонь вечной Славы». 9 мая 1984 г. на братской могиле был зажжен Огонь, привезенный из Ленинграда с Марсова поля. Честь зажечь Огонь вечной Славы была предоставлена Герою Советского Союза А. Л. Титенко. 9 мая 1985 г. заложена Аллея Ветеранов, на которой деревья посадили ветераны Великой Отечественной войны. А городской парк был назван парком Победы, как вечная память о тех, кто победил фашизм.

Работы по озеленению улиц велись такими высокими темпами, что через два года город превратился в город-сад. Появилось множество цветников и скверов, вдоль улиц росли зеленые насаждения. Среди предприятий и школ проводились соревнования и смотры по благоустройству территории.

В сентябре 1987 г. В. П. Бондарев был переведен в город Ставрополь заместителем председателя Ставропольского крайисполкома. Через год стал первым секретарем Ставропольского горкома КПСС. В тяжелые времена перестройки он возглавил администрацию Кировского района, затем стал главой администрации г. Эссентуки.

Одним из ярких общественных событий в годы перестройки явилось возрождение казачества. Начинать приходилось практически с нуля. Требовалось создать программы с определенным комплексом мероприятий, нацеленных на историческое и духовное возрождение казачества. «И один в поле воин, если он по-казачьи скроен», – Василий Павлович Бондарев, не боясь трудностей, одним из первых стоял у истоков становления казачества Ставрополя. Его профессионализм, обязательность, предельная конкретность слов и дел позволили за короткий период не только образовать казачьи организации, но и сделать их жизнеспособными. Его личность стала образцом настоящего казака. Дисциплина, трудолюбие, уважение к власти, высокая духовность – на эти жизненные

принципы равнялись казаки. В 1991 г. В. П. Бондарев был выбран атаманом Павловского казачьего отдела Терского казачьего войска. Под руководством Василия Павловича он стал одним из крепких и многочисленных отделов Терского казачьего войска, где одними из первых были созданы отряды самообороны и атаманская сотня.

Став атаманом Ставропольского окружного казачьего общества Терского войскового казачьего общества, за 1998–2000 годы В. П. Бондарев объединил кубанских и терских казаков Ставропольского края в 24 отдела, которые вошли единым Ставропольским окружным казачьим обществом Терского войскового казачьего общества в Государственный реестр казачьих обществ Российской Федерации общей численностью более 30 тыс. казаков. Казачьи общества активно привлекаются к охране общественного порядка, сотрудничают с пограничными заставами, созданы казачьи роты патрульно-постовой службы в восточных районах края. Десятки казаков награждены за службу орденами, медалями и Почетными грамотами Министерства Обороны Российской Федерации.

Большое внимание Василий Павлович уделяет возрождению традиций казачества, воспитывающих лучшие человеческие качества в подрастающем поколении. По его инициативе ежегодно проводятся краевой детский конкурс «Казачьему роду – нет переводу!», краевые юношеские казачьи игры, краевой фестиваль традиционной казачьей культуры, краевой творческий конкурс «Казачьей истории и культуре жить!». Усилиями атамана В. П. Бондарева в г. Ставрополе открыт Ставропольский культурный казачий центр, в состав которого входят музей истории казачества Ставрополья, воскресная школа, библиотека. С 1998 года выпускается газета «Казачий Терек».

27 мая 2000 года на Большом круге Терского казачьего войска в городе Новопавловске В. П. Бондарев был избран атаманом Терского войскового казачьего общества. 7 сентября 2003 г. решением Большого круга Терского казачьего войска Василий Павлович был избран атаманом на второй срок.

С 1997 года Василий Павлович Бондарев является секретарем Совета по экономической и общественной безопасности Ставропольского края. Занимается обеспечением вопросов безопасности Ставропольского края в экономической, общественной, национальной и информационной областях. Отмечен правительственными наградами:

Медаль «20 лет Победы в Великой Отечественной войне», 1965 г.

Юбилейная медаль «100 лет со дня рождения В. И. Ленина», 1970 г.

Медаль «За трудовое отличие», 1974 г.

Орден «Знак Почета», 1982 г.

Медаль «За укрепление боевого содружества» ФАПСИ, 1998 г.

Орден Русской православной церкви «Святого благоверного князя Даниила Московского» III степени, 2000 г.

Медаль «За укрепление боевого содружества» МО РФ, 2000 г.

Медаль «За заслуги перед Ставропольским краем», 2001 г.

Медаль «За укрепление боевого содружества» МО РФ, 2003 г.

Орден «Дружбы», 2003 г.

Медаль «В память 200-летия Минюста РФ», 2004 г.

Четыре года Василий Павлович Бондарев был руководителем Изобильненского района. За короткий срок, благодаря его стараниям, произошли колоссальные изменения в жизни города и района. Район вышел на передовой экономический уровень. Город преобразился: стал цветущим, чистым и уютным. За особый вклад в экономическое, социальное и культурное развитие Изобильненского района и в связи с 80-летием Изобильненского района в 2004 году Василию Павловичу Бондареву присвоено звание «Почетный гражданин Изобильненского района».

Использованная литература и источники

1. Богачкова А.Е. «История Изобильненского района», Ставрополь, 1994.
2. Набат Г. «Мы выдавили из себя равнодушие», газета «Наше время» 02.10.2004
3. Фонды ГУК «Музей истории Изобильненского района», город Изобильный:
 - Ф. 1 ед.хр. 12 «Зеленый наряд города».
 - Ф. 3 ед.хр. 10 «Руководители Изобильненского района».
 - Ф. 5 ед.хр. 14 «Почетные граждане города Изобильного и Изобильненского района».

Никонова А. Ф.,
г. Светлоград,
Светлоградский историко-краеведческий
музей имени И. М. Солодилова,
директор

Иван Антонович Толстой

Иван Антонович Толстой – фигура для нашего района знаковая. Он 17 лет был первым секретарем РК КПСС. Все мы, кроме совсем молодых, помним, что первый секретарь райкома партии раньше был фактически хозяином района. Практически все вопросы хозяйственной деятельности замыкались на нем, и от его деловых и человеческих качеств зависела общественная жизнь и обстановка в районе.

Он был не только талантливым руководителем и организатором, но и, что не менее важно, глубоко порядочным человеком. Согласитесь, что это само по себе довольно редкое сочетание.

Биография И. А. Толстого – типичная биография руководителя того времени. Родился в семье колхозника в трудном 1932 году. Учился в школе, сначала в родном Казгулаке (тогда это село входило в Петровский район), потом в райцентре Петровском. Особыми успехами в учебе не отличался, тем не менее, поступил в Ставропольский сельскохозяйственный институт. После его окончания, в 1955 году, попал по распределению в Красноярский край, работать главным зоотехником в Крутойрском зерносовхозе.

И здесь стали проявляться организаторские способности И. Толстого, он буквально «горел» на работе. Вскоре совхоз стал добиваться хороших результатов, и о зоотехнике И. Толстом написали в областной газете. Но однажды заразился бруцеллезом, еле остался жив и был вынужден вместе с семьей возвратиться в родное село.

Уже через 2 года односельчане избирают его председателем колхоза «1 Мая». 10 лет И. Толстой работал на посту председателя и сумел сделать это хозяйство одним из лучших в районе. И И. А. Толстого назначают начальником районного управления сельского хозяйства. Потом выборная должность председателя Петровского райисполкома. А с 1972 по 1989 г. – он 1-й секретарь Петровского РК КПСС.

И, можно сказать, что петровчанам повезло. Он не только ставил перед собой крупные цели: поднять сельское хозяйство, проложить асфальтные дороги, благоустроить город и т. д., но и повседневно, скрупулезно, до мелочей вникал в

пути достижения этих целей, работал, не давая отдыха ни себе, ни тем, кто его окружал. Всех, кто работал рядом с ним, поражали его фантастическая работоспособность и целеустремленность.

Он прекрасно разбирался во всех тонкостях сельскохозяйственного производства, и это давало ему возможность объективно оценивать обстановку и влиять на нее – вместе с руководителями колхозов и совхозов и специалистами искал и находил в каждом хозяйстве оптимальные варианты севооборотов, пути расширения кормовой базы, повышения плодородия почвы.

Он находил время каждое утро созвониться со всеми руководителями хозяйств, обговорить с ними текущие дела. Но это не было мелочной опекой, все знали – если Толстой ругает или хвалит, то всегда за дело.

За эти годы наш район по всем показателям поднялся на уровень лучшего в крае. Иван Антонович всегда очень хорошо воспринимал передовые идеи, эффективные технологии производства, настойчиво внедрял их в жизнь. Это и интенсивные технологии производства зерна, и применение орошения в кормопроизводстве, и кропотливая работа по развитию племенного животноводства, и многое, многое другое.

Все это не ради показателей. Главными для Ивана Антоновича всегда были отдача, реальные результаты. И он добивался своих целей, все хозяйства района при нем стали прибыльными. Как настоящий хозяин, он упорно и основательно ставил на ноги всю экономику района, и это ему поразительно удавалось.

Много было сделано за время его правления. Это и коллектор водопровода, давший воду Светлограду и ряду сел района, и очистные сооружения с канализацией, и больничный комплекс, и районный Дом культуры, и школы, и детские сады, и стадион, и музей, и мосты через Калаус, и целые микрорайоны жилых домов, и многое другое. Во всех этих объектах частичка души и сердца Ивана Антоновича, потому что это он всего добивался, все организовывал, во все вникал, за все переживал. Даже самый мелкий объект, как, скажем, танцплощадка в центре города, не оставались без его внимания.

Иван Антонович очень не любил помпезность и показуху. Мало кто знает, что знаменитый «Ипатовский метод уборки урожая» вначале планировали внедрить в нашем районе. Это автоматически давало сразу и славу на всю страну, и Звезду Героя первому секретарю. Но И. А. Толстой понимал, что хотя идея комплексной уборки сама по себе и неплохая, но ее внедрение в жестко ограниченные сроки привело бы к большим потерям зерна и, в конечном итоге, к убыткам. Тщательно все взвесив, он отказался от этой «чести».

Иван Антонович очень ценил в людях профессионализм – для него высочайшим авторитетом был тот человек, кто лучше него разбирался в каком-либо деле. Компетентность, профессионализм и опыт самого Толстого высоко

ценил М. Горбачев, бывший тогда первым секретарем Ставропольского крайкома партии. Когда М. Горбачева перевели на работу в Москву, то Михаил Сергеевич предлагал Толстому стать ответственным секретарем по сельскому хозяйству в крайкоме КПСС. Толстой отказался, он считал, что больше пользы принесет в районе.

Толстой был серьезно болен – у него был сахарный диабет, но не любил из-за этого привлекать внимание к своей персоне. Даже уколы инсулина делал себе сам.

Иван Антонович всегда жил скромно – и когда находился у власти, и после этого. Он был простым, доступным человеком. Был всегда вежлив, аккуратен, подтянут, собран.

На работу ходил пешком. И понимая, что он на виду, И. А. Толстой всегда следил за тем, как он выглядит. Свой гардероб продумывал до мелочей – даже цвет футляра для расчески изменялся в зависимости от цвета костюма. Это не было позерством, просто он считал, что руководитель во всем должен быть на высоте.

В общении с людьми был очень внимательным, корректным, замечал настроение сотрудников. Когда Толстой хотел кого-то в чем-то убедить, голос его, и без того спокойный, ровный, становился мягче. И чем эмоциональней говорил собеседник, тем тише Толстой.

Принято считать, что в советское время все руководители пользовались теми или иными привилегиями. Это в меньшей мере относится к И. А. Толстому. Жители Светлограда часто могли видеть или самого Ивана Антоновича, или его супругу с бидончиком в очереди за молоком. Продавцы не знали, как им реагировать, однажды предложили подойти без очереди и получили корректный, но твердый отказ.

70–80-е годы XX века – это время расцвета Петровского района. С 1972 по 1985 год район 7 раз получал переходящее Красное знамя центральных органов за достижение высоких экономических показателей.

И. А. Толстой награжден двумя орденами Ленина, орденом Трудового Красного Знамени, двумя золотыми медалями ВДНХ, а в 1984 году он был удостоен звания Героя Социалистического Труда.

Имя И. А. Толстого увековечено на Аллее Славы в г. Светлограде – в 1998 году ему присвоено звание «Почетный гражданин г. Светлограда».

Использованная литература и источники

СИКМ имени И. М. Солодилова, Фонд «И. А. Толстой».

Приходько Н. О.,
с. Сунжа Минераловодского района
Ставропольского края,
МОУ СОШ № 17,
учитель истории и обществознания

Исследование «К истории села Сунжа»

На современном этапе очень остро стоит вопрос возрождения сельской местности России и ее историко-культурного наследия, углубляется проблема отсутствия до настоящего времени комплексных исследований, позволяющих не только восстанавливать, изучать, но и передавать последующим поколениям полученные знания.

Изучение истории своей малой Родины имеет очень большое значение для каждого человека. Ведь это не только познавательно и интересно, но и позволяет понять многие исторические процессы, происходившие в стране. Широкие социально-политические перемены в нашем обществе способствуют повышению интереса к истории отдельных областей и регионов, что в свою очередь активизирует развитие краеведческих исследований.

История с. Сунжа – тема, мало изученная в историческом краеведении. На основе материалов устной истории (воспоминаний жительницы села Анипко Л. Е.), архивных документов, изученных в Государственном архиве Ставропольского края и в архивном отделе г. Минеральные Воды, мною воссозданы страницы краткой истории одного из старейших сел Минераловодского района. Результаты проведенного исследования представляются ниже.

История с. Сунжа начинается с 1920 г. У истоков возникновения села находится терское казачество. Самыми первыми поселенцами были несколько казачьих семей во главе с Соколовыми.

Род Соколовых – казачий род Сунженской станицы Моздокского уезда Терской области. Во главе его стоял Иван Варламович Соколов, у которого было четыре сына и три дочери. Наиболее деятельным и способным был старший сын – Дмитрий. Именно с ним связано основание с. Сунжа Минераловодского района. Окончив педагогические курсы, Дмитрий Иванович работал учителем начальных классов в родной станице с октября 1901 года до марта 1920 года (6).

1 марта 1920 года на территории Терской области была утверждена советская власть. На основании декрета ВЦИК от 4.04.1921 года, область преобразовали в Терскую губернию с центром в г. Георгиевске. В ее состав вошли Кизлярский, Моздокский и Пятигорский отделы. Но 9 ноября 1921 года

крайэкономсовет преобразовал эти отделы в 5 уездов: Георгиевский, Кизлярский, Моздокский, Пятигорский, Святокрестовский (1, с.14–15).

Не всем казакам пришлось по душе новая власть. И несколько казачьих семей (около 200 чел.) решили искать свободные земли. Первыми отправились братья Соколовы во главе с Дмитрием. Их выбор пал на пустующие территории в Пятигорском уезде, недалеко от г. Верблюды.

Дмитрий Иванович вместе с братьями сами определили место поселения. В числе самых первых переселенцев были также семьи казаков Бондаревых, Стакопенных, Юминовых.

Переселившиеся казаки стали создавать новую станицу, Сунженскую: строить жилища, расчищать под посевы поля, разводить лошадей. Братья Соколовы поселились рядом, все четверо. Земли под усадьбы выделялось достаточно много (от 0,5 га и больше). Но и здесь недолго длилась казачья вольница (6).

9 августа 1922 года новую станицу Сунженскую включили в состав Суворовской волости Пятигорского уезда. А 23 апреля 1923 года Постановлением ВЦИК на территории Суворовской волости было образовано несколько сельских советов – Воровско-Лесский, Бекешевский, 1-й Гражданский, 2-й Гражданский, а также Сунженский, в станице Сунженской. С 1924 по 1939 год на территории станицы действовал Исполнительный комитет Сунженского сельского совета рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов (1, с. 14–15).

Некоторые из казаков, в том числе и трое братьев Соколовых, решили вернуться во Владикавказ. Но Дмитрий Иванович остался.

После переселения, с 1 августа 1920 года, Соколов Дмитрий Иванович был назначен учителем в школу № 5 г. Ессентуки. Но его не покидало желание открыть учебное учреждение и в своей станице. В течение 1922 года Дмитрий Иванович организовал и оборудовал с помощью Ессентукского УОНО и Сунженского станичного общества школьное здание. А 1 января 1923 года были открыты занятия в Сунженской начальной школе, при трех группах, в количестве 38 учащихся. Так в станице появляется школа (2).

В 1929 году на территории Сунжи была организована сельскохозяйственная артель из бедняцких и частично середняцких хозяйств. В 1930 году артель переименовали в колхоз им. В. И. Чапаева. Первым председателем колхоза становится Дмитрий Иванович Соколов. Основным направлением деятельности хозяйства являлись посев зерновых культур и развитие животноводства. Изначально органами советской власти выделялись средства для организации колхоза. Были созданы полевая бригада, молочно-товарная ферма, свиноферма, птицеферма, виноградная бригада, конеферма, огородная бригада, сапожная мастерская, кузнечная мастерская, тракторный отряд.

Основным техническим оснащением чапаевцев являлись тракторы (2 шт. марки «Фордзон»), конные плуги, бороны «Биг-баг», культиваторы сплошной обработки, веялки зерновые дисковые, жатки-самосброски, сортировки, соломорезки, повозки парные (3).

Сложным периодом в истории чапаевцев стали 30-е годы. В 1931 году представители НКВД начали процесс раскулачивания. Некоторые из жителей были арестованы и сосланы на неосвоенные земли или в лагеря. В 1932 году у колхозников отбирают приусадебные участки, подсобное хозяйство, вырубают сады. Начался «искусственный» голод. Изымалось практически все. Порой люди умирали прямо на улице (6).

Не менее суровым испытанием для сунженцев явились и грозные военные годы. Из станицы Сунженской ушло на фронт 110 человек, из них не вернулись домой 60 фронтовиков. Многие из станичников героически сражались в битвах под Москвой, Сталинградом, на Курской дуге, штурмовали Берлин. В колхозе остались в основном женщины, старики и дети. Главная задача чапаевцев состояла в снабжении фронта продовольствием. У чапаевцев был свой подшефный эвакогоспиталь № 3803.

В феврале 1943 года станица Сунженская была переименована в село Сунжа, которое стало подчиняться Гражданскому сельскому совету Суворовского района (4).

После войны началось восстановление хозяйства колхоза им. В. И. Чапаева. А в 1957 году колхоз был ликвидирован, и в истории с. Сунжа начался новый этап (5).

В 1957 г. с. Сунжа вошло в состав совхоза им. Карла Маркса как отделение № 5, управляющим которого был назначен Майдан Иван Павлович. Направление хозяйственной деятельности отделения являлось комбинированным. Но в основном преобладало садоводство и виноградарство (8).

В 1970-е годы начинается благоустройство села. В 1965 г. в дома жителей Сунжи поступает первый свет, а в 1967 проведен водопровод. Сельчане теперь стали пить не кумскую, а очищенную кубанскую воду (10).

Однако в 1968 г. хозяйство постигло стихийное бедствие. Сильный град выбил практически все виноградники и сады. После этого руководство совхоза им. Карла Маркса в лице председателя сельсовета Рыбченко Г. И. на встрече с жителями села объявило, что сунженское хозяйство неперспективное. Поэтому сады и виноградники необходимо выкорчевать, а людей перевести на работу в свинокомплексы совхоза имени Карла Маркса (9). В результате, к 1976 г. были выкорчеваны почти все виноградники, но сады остались. В 1977 г. на территории Минераловодского района создается плодообъединение совхоз «Прогресс», в состав которого включают и Сунжу.

Так, благодаря этому, удалось сохранить и село, и хозяйство, директором которого становится Галина Викторовна Диктовная. Незаурядный человек, способный руководитель, за 5 лет своей работы она не только восстановила прежнюю хозяйственную деятельность в с. Сунжа, но и достигла значительных успехов. В отделении вновь насадили сады (386 га), под овощи распахали почти 600 га земли. Создали бригады. Было усовершенствовано и техническое оснащение. Так, в садоводстве стали использовать посадочные машины, применять высококачественные удобрения и ядохимикаты, за которыми специально ездили в Москву. Для хранения овощей построили холодильник, для техники – новый гараж и мастерские. Изменения происходили и в жизни самих сельчан. В селе стали строить благоустроенные коттеджи (10).

С 1983 г. директором совхоза «Прогресс» становится Анатолий Андреевич Шумейко. При нем хозяйство продолжает успешно развиваться. Расширяется садоводство (площади под сады уже составляют 800 га). На Сунже строят теплицы, сначала для выращивания цветов (тюльпанов, гвоздик), а затем для овощей – огурцов и помидоров. В самом селе был проведен газопровод, построены новый клуб, мастерские и общежитие для наемных работников, баня, прачечная и парикмахерская. Стали асфальтировать дороги. Высоких показателей добиваются сунженцы во многих отраслях своего хозяйства, интерес к которому возрастает не только в районе, но и в крае. В октябре 1988 г. передовых садоводов посещает Ставропольское телевидение. Люди делятся своим опытом, успехами, планами на будущее, которым, к сожалению, не суждено было сбыться (10).

Начавшаяся в 1985 г и затянувшаяся в стране перестройка, а затем и развал государства в целом привели к упадку, охватившему многие регионы страны. Не миновали эти проблемы и Сунжу. Стали сокращаться обрабатываемые площади в садоводстве, поголовье скота на МТФ, пришли в запустение многие учреждения, построенные ранее на селе. Неоднократно реорганизовывалось и само плодообъединение «Прогресс».

В последнее десятилетие наблюдается постепенное возрождение села.

В настоящее время в с. Сунжа проживает 714 жителей, часть из которых занята в сельском хозяйстве, а часть работает на различных предприятиях в г. Минеральные Воды, в связи с тем, что рабочих мест в хозяйстве недостаточно. В современной Сунже существуют клуб, библиотека, почтовое отделение, фельдшерский пункт, частный магазин (предприниматель Петросян С. Л.) и школа, рассчитанная на 220 учащихся. В 2000 г. МОУ СОШ № 17 было предоставлено новое красивое здание. И поэтому Сунженская школа – это не только основной центр культуры и образования, но и украшение села.

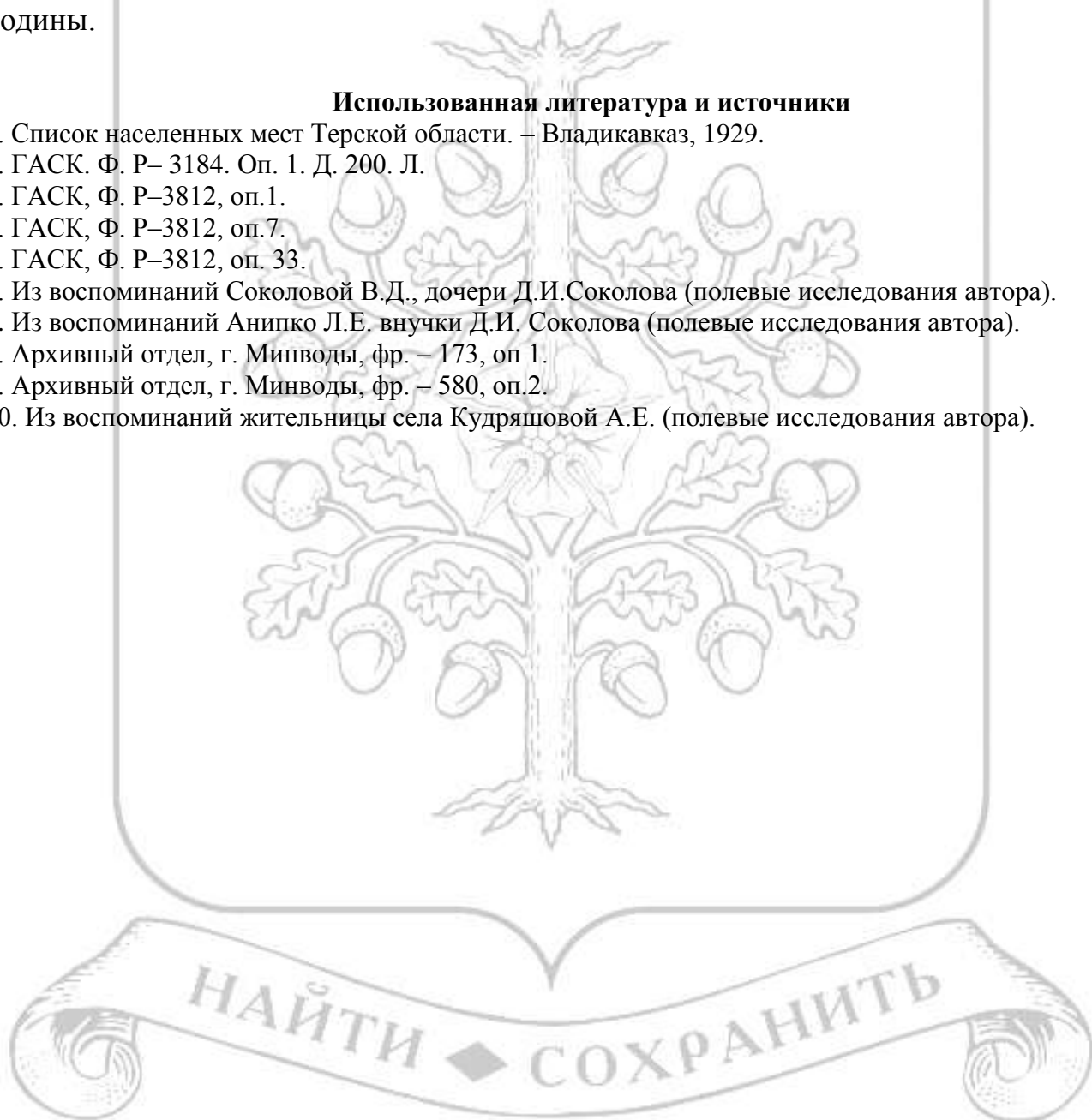
Благодаря главе Минераловодского района и депутату села Чукавину М. В. и предпринимателю Петросяну С. Л. с. Сунжа постепенно преобразуется:

ремонтируются дороги, по улицам проведено освещение, строятся новые магазины, детский сад. По инициативе жителей в селе началось создание часовни.

Необходимо отметить, что полученные в процессе научно-поисковой работы данные интересны всем жителям Сунжы. Они дают возможность познакомиться с неизвестным прошлым и отчасти заглянуть в будущее. В настоящее время проводится сбор материала по другим направлениям исследования, это необходимо для воссоздания полной истории нашей малой родины.

Использованная литература и источники

1. Список населенных мест Терской области. – Владикавказ, 1929.
2. ГАСК. Ф. Р– 3184. Оп. 1. Д. 200. Л.
3. ГАСК, Ф. Р–3812, оп.1.
4. ГАСК, Ф. Р–3812, оп.7.
5. ГАСК, Ф. Р–3812, оп. 33.
6. Из воспоминаний Соколовой В.Д., дочери Д.И.Соколова (полевые исследования автора).
7. Из воспоминаний Анипко Л.Е. внучки Д.И. Соколова (полевые исследования автора).
8. Архивный отдел, г. Минводы, фр. – 173, оп 1.
9. Архивный отдел, г. Минводы, фр. – 580, оп.2.
10. Из воспоминаний жительницы села Кудряшовой А.Е. (полевые исследования автора).

Ряснянская Н. А.,
г. Ставрополь,
Ставропольский государственный аграрный университет,
кандидат исторических наук,
старший преподаватель

Роль органов местного самоуправления в благоустройстве российских городов в XIX веке (на примере Ставропольской шестигласной думы)

История развития российских городов на рубеже XVIII – XIX вв. неразрывно связана с деятельностью органов местного самоуправления. Это время совпало с активной колониальной политикой правительства на юге страны, в ходе которой были возведены крепости, положившие начало будущим уездным и губернским центрам. Согласно действующему в стране законодательству, основанному на положениях Жалованной грамоты городам Екатерины II от 21 апреля 1785 г., вся тяжесть решения вопросов, связанных с благоустройством российских городов, ложилась на органы местного самоуправления в лице магистратов, ратуш и шестигласных дум. Средства из государственной казны на эти цели не выделялись, поэтому органы самоуправления должны были изыскать их на местах, четко расписав в ведомостях источники доходов и расходов. Как правило, собираемых доходов хватало только на покрытие текущих расходов. Тем не менее, именно в XIX в. за счет благотворительных подписок, организованных органами местного самоуправления, в городах разбиваются парковые зоны и аллеи, бульвары и сады, возводятся архитектурные шедевры, ставшие их историческим достоянием.

Среди российских городов, развитие которых непосредственно связано с деятельностью шестигласной думы, был Ставрополь, основанный в 1777 г. как крепость Азово-Моздокской укрепленной линии. После издания указа от 5 мая 1785 г. о создании Кавказского наместничества из 2-х областей: Кавказской и Астраханской, Ставрополь получал статус города. По рескрипту от 9 мая 1785 г. Кавказская область стала губернией и на ее города распространилась Жалованная грамота городам Екатерины II от 21 апреля 1785 г. Проведение первых преобразований было намечено с января 1786 г., когда Кавказское наместничество распорядилось об открытии присутственных мест, состоявших из магистрата, и нижнего земского суда в уездных городах. Так, с 15 февраля 1786 г. в Ставрополе стал действовать магистрат, в компетенцию которого входило принятие мер для сохранения «спокойствия и тишины» в городе, составление ведомостей цен на продукты в городе, а также ведение денежных смет.

В первой половине XIX в. в России под влиянием социально-экономических и общественно-политических факторов возникла необходимость в преобразовании государственно-управленческого аппарата, в том числе и местного самоуправления. Одной из главных в начале XIX в. оставалась проблема благоустройства городов-крепостей Центрального и Восточного Предкавказья. Во многих российских городах решением подобных вопросов успешно занимались думы. Поэтому в правление Александра I встал вопрос об открытии городских дум на основе Жалованной грамоты городам от 21 апреля 1785 г. Первые мероприятия были проведены в 1807 г., когда указом от 21 августа уничтожались городские магистраты в Кавказской губернии. Вместо них было предписано «... учредить в городах Георгиевске и Ставрополе ратуши, в коих быть 1 бургомистру и 2 ратманам, в прочих же городах ... учредить словесные суды, в коих быть градскому главе и словесному судье ...». После упразднения магистратов новому органу городского самоуправления пришлось решать немало дел. Как свидетельствуют архивные документы, ратуши, вместо исполнения судебных функций, занимались оформлением купчих на земельные участки, заключением контрактов на строительство почтовых домов, подписанием разрешений на возведение жилых построек, утверждением актов по передаче собственности из одних рук в другие, а также решением вопросов о продаже имений с аукциона. Однако уже с первых дней их работы было видно, что они не справляются с возложенными на них обязанностями из-за большого объема решаемых вопросов, что вызывало недовольство населения. В этих условиях правительство пошло на реформирование местного самоуправления в городе.

Официально, 18 января 1808 года «... в Ставрополе по согласию купеческого и мещанского обществ» была открыта городская дума (1). Согласно Жалованной грамоте городам, местное самоуправление формировалось исходя из сословной структуры населения города, разделенного на 6 разрядов с предоставлением различных прав в сфере управления. Но в Ставрополе имелась своя специфика, обусловленная тем, что город сложился как купеческо-мещанский, и здесь оказалось не 6 разрядов, а только 2 сословия. Гласных, как и городского голову, избирали в думу на 3 года, в количестве трех представителей от купечества и двух – от мещан (2). Первыми гласными ставропольской шестигласной думы стали купцы М. Ефремов, К. Чернов, В. Есяновский и мещане – М. Тарасов и С. Ермоленко. Гласные должны были вести себя «... благопристойно и справедливо ... справлять должность с особенною ревностию и усердием ко благу общей пользы ... обид же и притеснений никому не причинять» (3). При вступлении в исполнение обязанностей гласные присягали на верность этому органу управления, давая «клятвенное обещание».

Главной задачей шестигласной думы являлось решение вопросов развития и благоустройства города, а также формирование городского бюджета. К осени 1808 г. ставропольская шестигласная дума начала выдавать торговые свидетельства и собирать торговые пошлины, записывать в гильдии купцов после объявления капиталов, составлять ведомости для сбора казенных податей и подробные списки проживающих в городах, она рассматривала прошения о постройке торговых лавок и по требованию местных властей предоставляла сведения о городском бюджете. Оживление городской жизни прибавляло думе новые заботы. На нее ложилась обязанность контролировать цены на предметы первой необходимости: на хлеб и крупы, регулировать торговые дела, выдавать иногородним «торговые свидетельства», заниматься организацией ярмарок и вопросами благоустройства города. (4) Многочисленные обязанности и рассмотрение большого количества дел способствовало тому, что дума не успевала решать все городские проблемы, а иногда не могла принять решение в силу ограничения своих полномочий.

Занимаясь проблемами благоустройства Ставрополя, с первых дней работы шестигласная дума особое внимание уделяла вопросам воспитания и обучения молодого поколения. Пытаясь решить в короткое время вопрос об открытии в Ставрополе уездного училища, городская дума и ратуша под руководством городничего сделали все от них зависящее. На думу была возложена обязанность заняться расходами, необходимыми для открытия учебного заведения. Несмотря на то, что заведывание городскими доходами и расходами принадлежало ей, она не могла выделить нужные средства, которых порой не хватало на решение обыденных городских дел. Поэтому думе оставалось рассчитывать в основном на деньги, пожертвованные горожанами. Открытие училища состоялось 30 августа 1811 г. (5). После окончания официальной церемонии купеческое и дворянское общества отметили это событие за праздничным столом, в специально выбранном для этой цели доме помещицы Анисимовой. Поднимая за здравные кубки, собравшиеся решили в честь этого дня сделать пожертвования в пользу училища, собрав 1000 руб., и в пользу малоимущих семей – 750 руб. А закончен был этот праздник небывалым для Ставрополя событием – балом, где присутствовали дворяне и купцы. Бал затянулся до глубокой ночи, оставив незабываемым день открытия уездного училища.

Повсеместное открытие в городах Предкавказья уездных училищ способствовало учреждению приходских училищ – первой ступени образования, согласно реформе 1803 г. Так, в Ставрополе этими вопросами всецело занималась шестигласная дума, заботясь не только о приобретении училищного инвентаря, но и о самом здании. По желанию горожан и по «представлению» смотрителя Ставропольского уездного училища Уманова, Казанский университет в 1816 г.

дал распоряжение об учреждении в городе приходского училища. Открытие нового учебного заведения полностью возлагалось на думу. К августу 1816 г. она подготовила дом и все необходимое для открытия приходского училища, которое состоялось 30 августа. На торжество в честь этого события дума пригласила купцов и мещан города, а дворян и чиновников со своей стороны оповестил городничий (6). Для Ставрополя, сравнительно небольшого уездного города, подобные события были настоящим праздником, во время которого по инициативе органов местного самоуправления проводили благотворительные «подписки». Являясь «попечителем» учебного заведения, ставропольская дума столкнулась с финансовыми трудностями. Поскольку денежных средств катастрофически не хватало, она постоянно обращалась с просьбой к горожанам, и прежде всего к состоятельным – «поддержать храм музе». Помимо этого, гласные думы не только оповещали о торжествах, проходивших в училищах, но и сами на них присутствовали. Активное участие шестигласной думы в жизни города повысило ее авторитет настолько, что в сентябре 1816 г. ей предложили выбрать начальника, следившего за благоустройством приходского училища, из числа гласных или «благонадежного человека» из купцов (7).

После официального назначения Ставрополя областным центром, согласно указу от 10 августа 1822 г., перед шестигласной думой встал вопрос о благоустройстве города, который должен был внешне отвечать своему новому статусу (8). Неоднократно обращал на это внимание занимавший должность начальника области Е. А. Емануэль. В 1830 г. он обратился к городскому голове как «особе, облеченной доверенностью общества граждан», чтобы он содействовал привлечению хозяев вновь выстроенных торговых каменных лавок к их отделке (9). Расположенные в центре города, они не были приведены хозяевами в порядок и стояли невыкрашенными и неоштукатуренными, что, конечно же, портило вид областного города. Предвидя трудности, с которыми мог столкнуться городской голова, к решению этого вопроса привлекалось также полицейское управление.

В городах Предкавказья долгое время не функционировала налаженная медицинская служба. Медицинское обслуживание в этом регионе появилось в войсках, куда входили военные медики. Госпитали и лазареты в основном строились для лечения военных, а не горожан. Не получая квалифицированную медицинскую помощь, население лечилось народными средствами и нередко прибегало к помощи знахарей (10, с. 11). Поэтому в работе органов местного самоуправления большим испытанием были вспышки в городах Предкавказья эпидемий. Из-за плохо налаженной медицинской службы на органы самоуправления ложилась ответственность по устройству в городах больниц и лазаретов. С подобной проблемой столкнулась ставропольская дума в 1830 г. В

сентябре в городе началась эпидемия холеры. Чтобы предотвратить ее дальнейшее распространение, начальник области приказал думе выдать из доходов города 500 руб. казначею Матковскому на устройство холерной больницы. К этому были также привлечены городской голова Н. Плотников, инспектор врачебной управы Зеленский, штаб-лекари Торновский и Крупицкий. В данном случае особыми полномочиями наделялся городской голова, которому предоставлялось исключительное право взять необходимую сумму из доходов Ставрополя на устройство больницы, которую он обязан был указать в расходной ведомости (11). В связи с тем, что с устройством больницы появились непредвиденные расходы, областной начальник предложил их компенсировать за счет предстоящей Ивановской ярмарки.

С развитием города и его застройкой у думы прибавлялись проблемы по устройству и ремонту мостовых, бульваров, дорог. Помимо того, что из городских доходов дума высчитывала средства на приобретение строительных материалов, она должна была подумать о найме рабочих. Приглашение иногородних мастеров стоило дорого, а привлечение к ремонтным работам горожан могло затянуть ремонт на неопределенный срок. Поэтому дума нашла оптимальный вариант. Ремонтные работы в городе производили арестантские роты гражданского ведомства, а через комитет по устройству в Ставрополе мостовых и улиц дума выплачивала им за работу деньги. К примеру, в 1842 г. за ремонт бульвара дума заплатила 132 рабочим из арестантской роты 46 руб. 48 коп. (12).

В ходе очередных административных преобразований правительство 2 мая 1847 г. издало указ «О именовании Кавказской области Ставропольскою губерниею» (13). На основании этого указа Кавказская область по ее главному городу переименовывалась в Ставропольскую губернию, а ее округа – в уезды. Новый статус Ставрополя как губернского центра требовал соответствующего внешнего вида города. Поэтому после посещения города наместником Кавказа М. С. Воронцовым в 1845 г. местными властями было принято решение принять во внимание предложение наместника и приступить к устройству на Черкасской улице бульвара до Тифлисской заставы. Однако к его строительству не приступали, пока не отремонтировали мостовую на главной улице города. Устройство бульвара прибавило думе дополнительные заботы. Как центральное место города, его нужно было содержать в порядке, сажать деревья, разбивать клумбы и цветники. Все это осложнялось тем, что очень часто домашний скот, выпускаемый хозяевами из близлежащих дворов, заходил на его территорию через поломанные заграждения, начисто уничтожая все посадки и растения (14). Поэтому думе приходилось постоянно следить за этим и регулярно ремонтировать заграждения, что становилось дополнительной статьей расходов для городского бюджета.

С каждым годом Ставрополь обустроивался как губернский центр. По особому разрешению Кавказского наместника с 1850 г. ежегодно из доходов Ставрополя выделялось 1 500 руб. серебром на содержание театра. Среди городов Предкавказья к 60 гг. XIX в. Ставрополь как губернский центр мало в чем уступал другим городам России. Доктор К. Бахутов в своей докторской диссертации так описывал город: «... В Ставрополе ... устроены Воронцовский, Тутовый сады, учрежден дворянский клуб, основан приют св. Александры для воспитания дочерей, главным образом, бедных жителей. Администрация и граждане теперь стали обращать внимание на санитарную обстановку: введено правильное освещение, устроены бесплатные народные кухни, общие торговые бани, посажен роскошный бульвар, открыт на ярмарочной площади второй бассейн с карабинской водой и т. д. Фабричная и заводская промышленность развивалась своим чередом: в городе в 1853 г. было уже 6 кожевенных заводов, 3 мыловаренных, 10 свечных, 6 салотопенных, 2 воскобойных, кирпичные, водочные, так что общая производительность всех заводов была более чем на 100 тыс. руб. Общественная жизнь в Ставрополе стала самая широкая: театр с лучшими артистами (иногда даже заглядывали европейские знаменитости), клуб, общественная библиотека, сады для гуляний и проч.» (15).

В то же время, несмотря на все эти преобразования, санитарное состояние Ставрополя, как, впрочем, и других городов Центрального и Восточного Предкавказья, нуждалось в кардинальных преобразованиях. Тем более что этот вопрос был поднят еще Г. А. Емануэлем, а в дальнейшем – П. Х. Граббе, внесшим большой вклад в развитие города как губернского центра. Именно ему Ставрополь обязан своими многочисленными каменными домами. Выяснив причину, по которой жители не хотели строить большие здания, а именно – половина дома отдавалась под постой, П. Х. Граббе добился освобождения ставропольских обывателей от постоянной повинности в течение 10 лет. В его правление в Ставрополе были устроены водопровод, военный госпиталь, обустроен «городовой бульвар», а также принимались меры для соблюдения чистоты на улицах и около домов. В процессе благоустройства Ставрополя ведущая роль принадлежала городской думе. По разрешению губернского начальника с 1858 г. в полное хозяйственное распоряжение ставропольской думы была передана городская каменоломня, находившаяся до этого в оброчном содержании купца Соннова. С передачей каменоломни думе в приходной ведомости Ставрополя появилась дополнительная статья доходов, а городские жители получили возможность беспрепятственно ею пользоваться, внося определенную плату.

С открытием первого военного госпиталя в Ставрополе в 1840 г. значительно улучшилось медицинское обеспечение. В госпитале, помимо

мужского и женского отделений, действовало учреждение для душевнобольных. Но это не решало проблемы медицинского обслуживания. Существовавшие медицинские учреждения не могли оказать помощь всем больным из-за отсутствия денежных средств и малочисленности медицинского персонала. К тому же, при наличии губернских и уездных врачебных учреждений, отсутствовал городской врач. Вопрос об учреждении в городах Предкавказья должности городского врача в 1865 г. подняла уже Ставропольская губернская врачебная управа. В рапорте на имя гражданского губернатора она сообщала, что работающий в Ставрополе уездный врач постоянно находится в разъездах по уезду для выдачи судебно-медицинского заключения. Поэтому на членов врачебной управы падала вся тяжесть работы не только по губернии, но и при исполнении обязанностей городского врача. В связи со вспышкой в Ставрополе эпидемий оспы, коклюша, холеры, врачебная управа не успевала справляться со своими обязанностями, и по ее прошению дополнительно в город прислали военного врача. По ее мнению, в Ставрополе, где проживало до 18 тыс. человек обоего пола, можно было без особых затруднений выделить из доходов средства на содержание городского врача.

Однако решение этого вопроса затянулось на несколько лет, так как городской голова, чтобы оградить горожан от дополнительных расходов на содержание врача, обратился в правление с просьбой отложить на время учреждение этой должности в Ставрополе. Однако вопрос об утверждении в Ставрополе «городового» врача был поднят его обывателями на общественном собрании уже в 1867 г. Горожане обратились с просьбой к ставропольской думе, чтобы она ходатайствовала перед гражданским губернатором об утверждении «городового» врача с выплатой ему жалованья в размере 600 руб. в год. Но «недостаточность городских доходов» привела к тому, что решение этого вопроса было отложено до 1871 г.

Благоустройство российских городов в XIX в. всецело зависело от деятельности органов местного самоуправления – магистратов, ратуш, шестигласных дум. Занимаясь городскими проблемами, на них ложилась ответственность за пополнение бюджета города, экономное расходование денежных средств, приведение в порядок бульваров, улиц, парков и садов города, ремонт общественных зданий, приобретение в собственность города общественно важных построек. Но самое главное – органы местного самоуправления, несмотря на ограниченность своих властных полномочий, неоплачиваемость должностей и отсутствие прочной финансовой базы, являлись не только выразителями общественного мнения, но и отстаивали интересы горожан, занимались проблемами сирот и малообеспеченных семей. Именно поэтому в XIX в. была заложена основа развития современных российских городов.

Используемая литература и источники

1. ГАСК. Ф. 95. Оп. 1. Д. 3. Л. 2.
2. ГАСК. Ф. 95. Оп. 1. Д. 44. Л. 7.
3. ГАСК. Ф. 95. Оп. 1. Д. 69. Л. 11–12.
4. ГАСК. Ф. 445. Оп. 1. Д. 85. Л. 4–5.
5. ГАСК. Ф. 87. Оп. 1. Д. 218. Л. 25.
6. ГАСК. Ф. 95. Оп. 1. Д. 85. Л. 1–2.
7. Бентковский И. Кавказская губерния во время А.П. Ермолова с 1816 по 1824 гг. – Ставроп. губ. ведомости. – 1886. – № 30.
8. ГАСК. Ф. 95. Оп. 1. Д. 465. Л. 3.
9. Ованесов Б.Т., Судавцов Н.Д. Здравоохранение Ставрополя в конце XVIII – начале XX вв. Ставрополь, 2002.
10. ГАСК. Ф. 95. Оп. 1. Д. 431. Л. 29.
11. ГАСК. Ф. 79. Оп. 2. Д. 1332. Л. 1.
12. ГАСК. Ф. 68. Оп. 1. Д. 1. Л. 21.
13. ГАСК. Ф. 68. Оп. 1. Д. 2873. Л. 4.
14. ГАСК. Ф. 95. Оп. 1. Д. 4686. Л. 3.

Состин Д. И.,
г. Ставрополь,
Ставропольский филиал
Краснодарского университета МВД РФ,
кандидат исторических наук,
доцент кафедры гуманитарных дисциплин

Роль органов власти и самоуправления в общественно-политической жизни Ставропольской губернии в период революций 1917 года

Революционные события 1917 года, как известно, привели к заметным изменениям в общественно-политической жизни России, повлиявшим на весь ход ее дальнейшего развития. В значительной степени это коснулось органов государственного управления как в центре страны, так и на местах. Не являлось исключением в этом отношении и Ставрополье. Здесь в рассматриваемый период наблюдалось обновление органов власти, исходящее из потребностей, связанных с кризисом, порожденным трехлетней войной 1914–1917 гг. и падением императорской власти в марте 1917 года.

Февральская революция учредила новую форму государственной власти, демократическую республику, предполагавшую ранее невиданные в России права и свободы, многопартийность. Опираясь на поддержку самых широких слоев общества, Временное правительство приступило к созданию новых структур государственного управления, органов представительной власти, поставило вопрос о демократизации последних. Значительную роль в этом процессе играли созданные еще до 1917 года Государственная Дума, а также различные общественные организации – всероссийский Земский союз и Союз городов. Влияние на экономическое положение в условиях войны оказывали военно-промышленные комитеты.

Значительное развитие в центре и на местах получили органы самоуправления – земства, а также представительные органы – Советы народных депутатов.

События Февральской революции 1917 г. в столице докатились до Ставрополя. 25 февраля наместник на Кавказе секретной телеграммой уведомил ставропольского губернатора о том, что «... в Петрограде происходят серьезные беспорядки ...». 4 марта 1917 года газета «Северо-Кавказский Край» опубликовала манифест Николая II об отречении от престола. На Ставрополье шло строительство новых органов управления. 6 марта председатели городской думы, земства, союза земств и городов совместно с другими организациями либерального направления создали губернский Комитет общественной

безопасности (КОБ). В этот комитет вошли 10 представителей от Совета рабочих и солдатских депутатов и по одному представителю от уездных КОБов. В своей практической деятельности Комитет общественной безопасности сотрудничал с губернским комиссаром Временного правительства Д. Д. Старлычановым. Выступая 12 марта 1917 года в губернской земской управе, он заявил: «... В нашу задачу входит возможное сохранение того, что существовало до этого с незначительным дополнением. Комитет общественной безопасности в своих начинаниях должен руководствоваться политическим тактом ...» (1, с.359). Эта позиция свидетельствовала о стремлении новой власти сохранить социальную стабильность и порядок в губернии, обеспечить подготовку к Учредительному собранию, ускорить демократические преобразования, провозглашенные Временным правительством. Эту линию поддерживали земства.

Земские учреждения, утвержденные царем, Государственной думой, начали свою деятельность в Ставропольской губернии в 1912 году. Их и без того более позднее, чем в центральных губерниях, появление на Ставрополье осложнялось в военный период (1914–1917 гг.). Многие социально-экономические мероприятия, намечаемые уездными и волостными земствами, оказались незавершенными.

В период от Февраля к Октябрю 1917 года работа ставропольских земств, как впрочем, и других управленческих органов, о которых говорилось выше, ориентировалась на центральные органы власти (Временное правительство), а также проявлявшие заметную активность политические силы. После Февральской революции они были представлены четырьмя крупными партиями: кадетов, эсеров, меньшевиков и большевиков.

Последние после апрельского кризиса 1917 года в вопросах местного управления по-прежнему стремились к построению новой государственности советского, социалистического типа.

К осени 1917 года политическая борьба в Ставропольской губернии сосредоточилась вокруг структуры и функций местной власти. В связи с этим активизировалась деятельность политических партий и различных общественных объединений. Большевики и отчасти эсеры выступали за реорганизацию местных органов самоуправления и управления, наделение их своеобразными полномочиями. Значительная роль отводилась Советам.

Партия народной свободы, склоняясь к обновлению власти на местах, предлагала сохранить деятельность городских дум и уездных земств на выборной основе, наделив их широкими демократическими правами и полномочиями. С этой целью вводилась новая избирательная система, отрабатывались способы, методы и принципы ее организации, что позволяло подготовить население к выборам Учредительного собрания. Одновременно муниципальная избирательная кампания давала возможность всем общественным организациям, союзам,

партиям обнародовать свои программы, разработать формы агитационно-пропагандистской деятельности среди электората, составить блоки в дальнейшей политической борьбе. При этом кадетское большинство Временного правительства, разработавшее новое положение о муниципальных выборах, надеялось укрепить свои позиции в провинциях, исходя из авторитета центральной власти (2, с. 278, 279). Социальная опора кадетов на Ставрополье была слабой. Сельское население губернии поддерживало умеренных социалистов, которые имели большинство в Советах крестьянских депутатов, Крестьянских Союзах. Это видно из резолюций крестьянских губернских съездов, проходивших в Ставрополе с апреля по декабрь 1917 года (3). Несмотря на это, эсеровское руководство Советов в целом поддерживало политику Временного правительства по коренным социально-экономическим вопросам, в том числе аграрному, готовилось к назначенным на ноябрь 1917 года в губернии выборам в Учредительное собрание (4).

Решающую роль в подготовке и проведении выборов должны были сыграть земства, в первую очередь волостные. Однако по мере нараставшего кризиса центральной власти, который все более ощущался на местах, земства теряли свои организационные возможности. Вместе с тем, именно они совместно с другими органами власти и самоуправления в целом сохраняли социальную стабильность на местах. В отличие от центральных губерний России, на Ставрополье не получили широкого развития самозахваты частновладельческих земель, имущества, отсутствовали различного рода насилие и политический террор (5). 6 ноября 1917 года общее собрание служащих губернского земства обсудило положение, создавшееся в стране после второго съезда Советов в Петрограде, передавшего всю полноту власти Советам, и приняло постановление, в котором говорилось: «Решительно осудить попытку большевиков вооруженным восстанием, сопровождавшимся насилием, убийствами и бессмысленным вандализмом навязать свою волю незначительного меньшинства всему народу, накануне выборов в Учредительное собрание. Решительно протестовать против свержения всенародно признанного Временного правительства. Протестовать против подавления свободы слова, превосходящего в своих проявлениях худшие приемы самодержавия и т. д.» (6).

Между тем, судьба земств, а также других органов власти на Ставрополье была предрешена. Значительно укрепившие свои позиции в декабре 1917 года в губернском центре большевики, опиравшиеся на солдат местного гарнизона, взяли курс на переход власти к Советам. Большевики не имели численного превосходства в общественных и партийных организациях губернии, однако в организационном отношении отличались сплоченностью, дисциплиной и оперативностью в быстро меняющейся политической обстановке. После бурных

обсуждений вопроса о власти в Ставропольской губернии на четвертом губернском крестьянском съезде, проходившем 29 декабря 1917 года в Ставрополе с участием большевистски настроенных солдат, была принята, по сути, большевистская резолюция: «Всю власть в губернии передать как в центре, так и на местах, Советам крестьянских, рабочих и солдатских депутатов, впредь до открытия учредительного собрания с защитой этого права с оружием в руках.» (7). Далее большевики влились в работу «Народного собрания», которое проходило одновременно с губернским крестьянским съездом под влиянием так называемой «объединенной демократии» меньшевиков и эсеров. Большевики оттеснили «объединенную демократию» от руководства Собранием. В результате было принято постановление, гласившее: «Организовать в губернии власть Советов рабочих и крестьянских депутатов, признать в России законной властью Советскую власть». В губернский Совет вошло 12 большевиков. В январе 1918 года началась практическая деятельность органов советской власти по упразднению земских структур на Ставрополье.

Использованная литература и источники

1. Очерки истории Ставропольского Края, т.1. – Ставрополь 1986.
2. Кабытова Н.Н. Партии в избирательных кампаниях.// Политические партии в российских революциях в начале 20 века. М., 2005.
3. ГАСК, ф. 65, оп.1, д. 4, л. 60.
4. Северокавказское слово, 1917, 17 ноября.
5. ГАСК, ф. 65, оп. 1, д. 4, л. 60, 225.
6. Северокавказское слово, 1917, 9 ноября.
7. ГАСК, ф. 65, оп.1, д. 22, л. 28, 29.

Стрекалова Е. Н.,
г. Ставрополь,
Ставропольский государственный университет,
кандидат исторических наук,
доцент кафедры истории России

Особенности памяти о Великой Отечественной войне в устных свидетельствах ставропольчан*

*Тезисы подготовлены при поддержке гранта РГНФ 2008 г. № 08-01-12143в

Выступление посвящено опыту применения методологии устной истории к исследованию актуальной научной проблемы – исторической памяти российского социума о Великой Отечественной войне. В «Источниковедении новейшей истории России: теория, методология и практика», вышедшем под редакцией А. К. Соколова в 2004 г., ничего не сказано об устных источниках (1). Под ними подразумеваются устные интервью с участниками, очевидцами событий, собираемые по методологии устной истории. Представляется, что интервью с очевидцами событий можно отнести к источникам личного происхождения. Хотя при проведении интервью многое зависит от интервьюера, тем не менее, это рассказ о своей жизни конкретного человека.

Более трех лет мы собираем устные интервью с участниками и очевидцами Великой Отечественной войны. Формирующийся архив устной истории при кафедре истории России СГУ и НОЦ «Новая локальная история» уже насчитывает более 70 записанных на аудионосители и переведенных в текстовые формы (транскрибированных) источников. Разработанная анкета с приблизительными вопросами должна была служить ориентиром для проводивших интервью. К сбору воспоминаний широко привлекались студенты. Опросы записывались на цифровой диктофон, затем переводились в текстовые формы, с сохранением особенностей устной речи и эмоций информанта (молчание, долгие паузы, слезы, смех записывались в скобках). Интервью сопровождаются комментариями и пояснениями, для возможности их адекватного прочтения как источника, поскольку иногда в устном разговоре понятно, о чем говорит информант, а на письме для его понимания необходимо пояснение.

С точки зрения современной типологии, собранные нами устные воспоминания сочетают в себе элементы как биографического интервью (принципы проведения и анализа разработаны немецкими исследователями – Ф. Шютце и Г. Розенталь) (2, с. 322–356), позволяющего анализировать содержание рассказа в контексте жизненного пути респондента, так и лейтмотивного, предполагающего наличие сквозной темы беседы, в нашем случае тема войны. Опросам подвергались люди старшего поколения: участники войны, работники

тыла и люди, чье детство пришлось на военные годы. Всех опрашиваемых, так или иначе, объединяла причастность к войне. Опрашиваемые понимали, что их военный опыт интересует нас более всего, и это сказывалось на интервью. Актуализированным для информантов оказывался именно военный опыт. Интервью получались зачастую не биографическими, а полуструктурированными или лейтмотивными. С главной темой – темой войны. Как показали устные опросы, пережившие войну на фронте или в тылу оценивали или переоценивали многие события своего детства и юности, последующей жизни через призму Великой Отечественной войны.

Проведенный анализ собранных устных свидетельств очевидцев войны как источника показывает, что они предоставляют возможность проследить не только то, как российское общество относилось к войне и как помнит войну, но и то, чем является память о войне для современных граждан России разных поколений. День Победы, трагические даты войны, мемориальные памятники, музеи, фильмы, книги и передачи о войне привычны для многих с детства. Однако весь комплекс образов памяти о войне складывался постепенно, претерпевала изменение и политика памяти. Тем не менее, память о войне редко осознается и редко становится предметом самостоятельного исследования (3, с. 5).

Между тем, память, как справедливо замечено филологами, является одним из центральных конструктов в языке и культуре (4, с. 13). В связи с этим изучение формирования и трансформации памяти вызывает значительный общественный и научный интерес и привлекает ученых из различных областей знаний. Память становится предметом междисциплинарного дискурса. Историки пришли к исследованию памяти позже других, но их участие в осмыслении круга проблем памяти признается все более значимым (5, с. 33).

В современной отечественной исторической науке изучение памяти объясняется пересмотром прежних теоретико-методологических аксиом, применением новых подходов, общей антропологической ориентированностью и открытостью для западных наработок. Сфера интересов и возможности историков значительно расширились, и в поле зрения попала коллективная память. Теоретические, концептуальные построения и конкретные исследования о функционировании памяти в обществе были разработаны преимущественно французскими и немецкими учеными во второй половине XX века. Благодаря работам М. Хальбвакса, П. Нора, Х. Вельцера, Т. Адорно, Я. Ассмана, П. Хаттона и др. в зарубежной историографии сложились школы исследования исторической памяти (6, с. 16–51; 7; 8; 9, с. 51–64; 10, с. 64–83). Все работы, несмотря на тематическое и временное разнообразие материала, на основе которого изучается память, объединяет то, что главным предметом изучения становятся не события прошлого, а память о нем у отдельных людей и целых сообществ.

Для современного российского социума и отечественной историографии XX в. особое значение приобретает изучение памяти о Великой Отечественной войне, которую по данным социологических опросов, большинство граждан России считают важнейшим событием прошлого столетия (11, с. 87).

Экстремальный травматический опыт любой войны после ее окончания продолжает существовать в памяти непосредственных участников боевых действий, современников и очевидцев, ближайших потомков. Если война оказывается значительным для социума событием, то память о ней сохраняется не только в индивидуальной, но и в коллективной памяти. По значимости для социума Великая Отечественная война оказалась настолько важна, что память о ней не только сохраняется в индивидуальном сознании и коллективной памяти, но и используется политиками практически сразу после ее окончания для легитимации режима. Героическая лексика официального военного дискурса, или дискурса официальной памяти, использовалась и используется в идеологических целях. Память о войне включена в институционализированные формы передачи информации, такие, как система образования, средства массовой информации, различные организации. Но она транслируется и по каналам устной традиции. Исследователи склонны делить историческую память на документальную, зафиксированную в источниках своей эпохи, и интерпретационную (от мемуаров до учебников истории), существующую в виде различных толкований, память нарратива и актуализированную память массового сознания (12, с. 141).

Устные воспоминания ставропольчан о войне по смысловому содержанию можно разделить на три нарративных дискурса. Первый нарратив отражает прокоммунистический дискурс, он передает мифы о войне советского времени. Наибольшее количество таких штампов содержатся в воспоминаниях ветеранов, неоднократно выступавших перед учащимися. По свидетельствам одного из ветеранов, еще в 1960-е гг. в военкомате с ними проводили специальный инструктаж, как рассказывать о войне. Естественно, что «сталинские удары» у него на первом месте, прежде чем собственный военный опыт (13).

Второй тип нарратива – патриотический, в них история войны не такая, как в учебниках и книгах по истории войны, содержит разные образы войны и врага, позволяет увидеть, какой была обыденная военная повседневность, насколько многогранна память о войне. Чаще всего для многих война осталась в памяти как тяжелая работа, но кроме работы, вспоминают развлечения: песни, танцы, гармошку, самогон. Для многих тяжелое время озарено любовью (две пары из опрошенных живут до сих пор вместе), настоящей дружбой. Человек на фронте предстает перед нами не только думающим о бое, о смерти, о победе, но и просто... о бане. В этих нарративах есть критика военного командования, недовольство властью, тяжесть и несправедливость жизни в войну и после нее, но

в целом этот взгляд на войну не противоречит общей концепции трагичности и справедливости войны для советского общества и значения победы.

Третий тип нарратива содержит маргинальный дискурс о войне, который не был вписан в официальную, общегосударственную картину войны. Это воспоминания несправедливо обвиняемых пленных, репрессированных впоследствии, попавших в штрафбаты, остарбайтеров, или воспоминания о встрече на войне или в военное время с такими людьми. Память о войне таких маргинальных групп по-прежнему находится на периферии общественного сознания, представлений о войне, культурной памяти общества об этом событии. Обращение к собственной, «не такой, как у всех, истории», индивидуальной памяти о прошлом сегодня – это нечто вроде долга для многих. Символическое действие – долг перед предками, чтобы не быть забытыми. Это реальная попытка групп людей понять себя и определить свое место в истории. Трансляция такого травматического и трагичного опыта, например, бывших репрессированных, детей репрессированных, остарбайтеров, чрезвычайно затруднена. В нашей коллекции всего несколько таких опросов, но в них люди уходили от описания наиболее болезненных мест воспоминаний. Один из опрашиваемых, которому за восемьдесят, сказал вначале, что ему все равно, пусть его «хоть стреляют сейчас», и рассказал, как их отправили вместе с матерью, после осуждения отца, через Астрахань в Красноводск, исключив его из техникума, а сестру из медицинского института. В Средней Азии они провели войну, и для них это время стало годами лишений и тяжелого труда (14). Для наших информантов, прямых носителей коммуникативной памяти о Великой Отечественной войне, настал «момент истины», когда они готовы поделиться устными рассказами и записями, которые ранее писались «в стол». Однако встречаются люди, отказывающиеся рассказывать о войне, и причиной бывает страх. Один из потенциальных информантов отказался встречаться с нами под страхом, что мы донесем в КГБ.

Все представленные нами три типа дискурса о войне практически не встречаются в чистом виде, они переплетаются, взаимодополняя, иногда соперничая друг с другом. В целом устная история показывает, что в воспоминаниях о войне есть «не пережитое прошлое», оставшееся за гранью официальной истории войны. По сути дела, «голос воевавшего народа» по-прежнему узурпируется официальной, универсальной концепцией войны. Между тем, голос рядового участника войны, рассказывающего о тяготах военного времени, воспитывает уважение к своей стране гораздо сильнее, чем штампы и клише учебной литературы.

Устные источники выводят нас на исследование функций памяти и форм ее воплощения в литературе, кино, средствах массовой информации, значения индивидуальной и коллективной памяти о войне для современного общества. Мы

приходим к выводу, что для современного российского социума историческая память о войне является ценностной опорой национального самосознания, основой идентичности, объединяющей общество сильнее всех других символов России.

Вместе с тем, явственно выделяются две параллельно действующие формы памяти о войне – официальная и неофициальная. Неофициальная, коммуникативная память о войне, ставшая частью семейной памяти, существует параллельно выхолощенной, отредактированной, героической концепции войны. Мы проводили опросы людей, чьи родители воевали или погибли на войне. Они практически единогласно говорили о немногословности родителей, о том, что рассказы о войне были только после выпитой рюмки. Однако они сохранили дневники, письма и записи о своих родителях, которые стали частью семейных «хроник». Эта память передается, она влияет на молодое поколение и, на наш взгляд, при той специфике постоянного давления со стороны государства на личность в нашей истории, эта семейная, другая, неофициальная память о войне дает некоторую автономность личности и способствует связи поколений. Оказалось, что в сохранении памяти о войне заинтересованы и государство, и общество, поэтому 9 мая – действительно всенародный праздник, объединяющий всех. Образ Великой Отечественной войны стал практически единственным непересмотренным элементом советского восприятия истории и коллективной памяти.

Использованная литература и источники

1. Источниковедение новейшей истории России: теория, методология и практика./ Под ред. А.К. Соколова. М., 2004.
2. Розенталь Г. Реконструкция рассказов о жизни: принципы отбора, которыми руководствуются рассказчики в биографических нарративных интервью. // Хрестоматия по устной истории. СПб., 2003.
3. Габович М. Предисловие.// Память о войне 60 лет спустя. Россия, Германия, Европа. – М., 2005.
4. Брагина Н.Г. Память в языке и культуре. – М., 2007.
5. Хаттон П. История как искусство памяти. – СПб., 2003.
6. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память. //Память о войне 60 лет спустя. Россия, Германия, Европа. – М., 2005.
7. Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом в высоких культурах древности. – М., 2004.
8. Хаттон П. История как искусство памяти.– СПб., 2003.
9. Вельцер Х. История, память и современность прошлого. Память как арена политической борьбы // История как искусство памяти.– СПб., 2003.
10. Адорно Т. Что означает проработка прошлого// История как искусство памяти.– СПб., 2003
11. Дубин Б.В. «Кровавая» война и «великая» победа // Отечественные записки. 2004, № 5.
12. Сенявский А.С. Сенявская Е.С. Историческая память о войнах XX века как область идейно-политического и психологического противостояния.// Отечественная история. 2007. № 2.
13. Архив Устной истории НОЦ «Новая локальная история», СГУ, интервью [Ф.1. Оп. 3.0034].
14. Архив Устной истории НОЦ «Новая локальная история», СГУ, интервью [Ф.1 Оп. 3.0039].

Стрекалова Е. Н.,
г. Ставрополь,
Ставропольский государственный университет,
кандидат исторических наук,
доцент кафедры истории России

Оккупация по данным «устных историй» (на материалах Ставрополья и Кубани)*

*Тезисы подготовлены при поддержке гранта РГНФ 2008 г.
№ 08-01-18062е

Экстремальный травматический опыт любой войны после ее окончания продолжает существовать в памяти непосредственных участников боевых действий, современников и очевидцев, ближайших потомков. Если война оказывается значительным для социума событием, то память о ней сохраняется не только в индивидуальной, но и в коллективной памяти. Образ Великой Отечественной войны занял прочное место в коллективной памяти нашего общества. В общем блоке воспоминаний о войне проступает отдельная тема – тема оккупации.

Представленная работа базируется на устных источниках, комплексе специально созданных интервью – записей опросов с людьми, пережившими войну и оккупацию. В силу объективных ограниченных возможностей традиционных письменных источников, используя методику устной истории и записывая интервью с очевидцами событий, заполняются информационные лакуны. Записи устных воспоминаний людей военного поколения создают своеобразные мемуары (1, с. 322–356). Однако их отличие от названного рода источников личного происхождения состоит в возможности анализа голосового рассказа информанта, эмоционального фона рассказа (запись интервью сохраняется в цифровом формате на CD) и в уникальности источника, поскольку эти мемуары не возникли бы никогда без усилий исследователей.

Для части наших информантов оккупация – это лишь фрагмент их военного опыта, а для других это основное воспоминание о войне. Первые респонденты попали в оккупацию в подростковом возрасте (16–17 лет), это в основном мужчины, которые впоследствии были призваны на фронт. Оккупация в качестве фрагмента памяти о военном прошлом присуща участникам боевых действий, поскольку дальнейший их фронтовой путь был гораздо более напряженным, ставшим испытанием на мужество, на прочность. К первой группе относятся и жители тех сел, которые в процессе оккупации не стали местами основных

дислокаций немецкой армии. Во вторую группу респондентов вошли женщины, попавшие в оккупацию, и люди, пережившие войну в детском возрасте.

В памяти об оккупации четко выделяются начало и окончание этого периода, и в нем, конечно, память о солдатах: «своих» и «чужих». Солдаты отступающей Красной Армии перед началом оккупации вызывали, с одной стороны, горечь, жалость, с другой – сочувствие, сострадание. Отступление летом 1942 г. было стремительным, кровопролитным и тягостным и для армии, и для населения. Не зря именно в этот период войны, после отступления от Ростова-на-Дону, 28 июля 1942 г. был издан приказ наркома обороны СССР № 227, более известный как приказ «Ни шагу назад!», который имел цель пресечь всякое проявление трусости и дезертирства, категорически запрещал отступление без особого распоряжения командования (2, с. 104, 435). Это тяжелое ощущение надвигающейся беды сохранилось в памяти очевидцев.

«Вот так они [солдаты Красной армии] отступали, отступали, шли, впечатление, я скажу, неприятное, прямо скажу. Кто без оружия, кто с оружием, раненые... В один из дней мы сидели в окопе [выкопали во дворе], пережидали бомбежку, и слышим крики во дворе, высовываемся, а двор полон матросов. Там такой боевой командир, [у него] маузер болтается, ходил по двору, говорит: «Мать, можно фрукты?» Она: «Конечно, кому они нужны». Август, то есть сентябрь месяц, фруктов полно. Он вот то попросил фруктов и говорит: «Ну, что, мать, вот еще часа два пробудете в Советском Союзе, а потом все». Мать заплакала, говорила, а как же мы. Ну, он ответил: «Мы еще вернемся». И немножко побыли, и он дал команду отходить...» (3).

После начавшегося наступления зимой 1943 г. солдаты Красной Армии сохранились в памяти «страдальцами» за победу.

«Потом слышим: «Наши, идут, наши!» – «А где?» – «Возле кладбища» [южная часть села, ныне г. Михайловска, откуда шла наступающая Красная Армия]. Мы побежали. Кто что принес, кто картошки сварил, у кого что было, несли туда, их встречали. Солдаты шли, бедные, у поршнях [в портянках], обмотками обмотанные ноги. Страшно глядеть. Я говорю: «Да бедные люди, как же вы воевали?». Они и не останавливаются. Команда: «Шагом марш!» и все тут. Они брали из рук [все, что им принесли] и шли дальше.» (4).

Патриотизм, сопротивление противнику на захваченных территориях, вера в победу даже в самые трудные периоды войны позволяет очевидцам оккупации утверждать, что даже пленные наши солдаты были достойными уважения.

«Запомнилось, как гнали пленных матросов [советских], они раненые поддерживали друг друга. Их, наверное, захватили в Новороссийске, на окраине, завод «Октябрь», там проходила оборона и шло сопротивление. Кругом [по бокам от пленных] шли автоматчики, а сзади ехала машина с четверенным пулеметом,

направленным на колонну. Это я хотел подчеркнуть [что пленных охраняли усиленно], потому что показывают хронику по телевизору, где идут немецкие автоматчики, а наши пленные бегут. Это ведь их хроника [немецкая], они хотели показать, какие мы трусы.» (5).

«Чужие» – немецкие солдаты – в воспоминаниях выступают так же в разных ипостасях: наступающие – захватчики, оккупанты, отступающие и пленные. Ко времени оккупации Ставрополя и Кубани война уже шла более года. О зверствах фашистов мирные жители были наслышаны через прессу, сообщавшую о содеянном фашистами для концентрации народной мести, через эвакуированных и раненных. Увиденная немецкая армия запомнилась хорошо вооруженной, безоговорочно уверенной в своей победе. Одновременно с этим армией мародеров и грабителей.

«И вдруг появились танки и, не останавливаясь, проехали 16 штук по дороге. [Немецкие солдаты] сидели сверху... засученные рукава. Лето. Жара. Почти на каждом танке у них собак сидит. Проехали они в сторону Рыздвяного.»⁶

«Слышим гомон, шум, автоматные очереди, но уже не наши, [слышим] немецкую речь. А у нас вход [в подвал] был закрыт подушкой. Смотрим, подушка открывается и немец с пистолетом, направил на нас пистолет, смотрит и говорит: «Вылазь». У края сидела бабушка, у нас еще бабушка была, она никого не боялась, но очень плохо ходила, ноги у нее... [болели]. Чуть дальше сидела мать с братом на руках, рядом сестренка, рядом с ней я. Бабушка объяснила, что боится, что стрелять будут. А он сказал: «Никс» и «Вылазь», заставил выйти. Мы вышли и тут увидели полно немцев уже ходит. Сразу видно-то: наши [солдаты] зашли – спросили разрешения. А эти ходят по комнатам, гогочут, смеются, жуют что-то, копаются в вещах, что-то ищут, что там у нас в колхозе было искать.» (7).

Мародерство немецкой армии красной линией проходит через память об этом периоде.

«Забирали поросят, курей, яйца... из колхоза свиней забрали всех, хлеб. Приезжали со своими людьми, заставляли насильно садиться. Да и кто там откажется, когда автомат наставляють. И вот в свинарнике было около двухсот свиней, забрали всех. Овец брали, но не всех, лошадей брали, пшеницу. Как раз между Изобильным и селом Донское дорога хорошая. Ее называли Екатерининский шлях. Там, говорят, Екатерина проезжала. Так вот они там забирали пшеницу из Донского и везли в Изобильный, грузили в вагоны и отправляли.» (8).

В контексте воспоминаний об оккупации «чужие» солдаты превращаются в образ «врага». Есть воспоминания о зверствах, о расстрелах и душегубках, это образ извергов, потерявших человеческое лицо.

«Немцы зашли, они в 1942 году зашли. Как раз лето было вовсю, они через наше село шли в г. Светлоград. Сразу пошли курок собирать на еду по дворам. Ну, в нашем селе, чтобы они издевались или что-то, такого не было. Потом, значит, у нас евреев много осталось. А когда зашли немцы в Петровское [сейчас г. Светлоград], и оттуда разослали депеши по всем селам, о сборе евреев со всех сел в Светлоград. Потом в Светлограде, Бараничьа гора есть, их туда всех согнали и туда на гору, и там в карьере всех расстреляли, рассказывали, как их гнали туда... босые... вот это их [нацистов] жестокость, сам я не <не видел>, видел памятник. В нашем селе они [Село Шведино, немецкие войска] были не долго. Знаю, рассказывали, собирали коммунистов, комсомольцев, кое-где, и, в основном, евреев [на расстрел].» (9).

«Немцы согнали мужчин и подростков в лагерь, где они ходили, рыли окопы за станицей [ст. Раевская Краснодарского края]. Уже фронт установился в Новороссийске, дальше он не пошел. Ну и молодежь начали, это уже в 43 г., думаю, ранней весной, готовить побег, их выдали в лагере, предали. Их, двадцать человек, немцы вели на расстрел. Я всех их почти знал. И матери их бежали огородами и плакали, за станицей, там их у родника у одного расстреляли. Двое бежали, и мы их в лесу встретили. Мы с пацанами ходили в лес, чтоб нас не забрали, пасли скотину [коров]. Вот мать даст молока и хлеба, и с утра и мы в лес с коровой, немцы боялись в лес ходить, а чуть темнеет, мы пригоняли, возвращались только поздно вечером. И вот там мы этих двух хлопцев встретили, они годки [одногодки] почти, поэтому я их знал. Я 30-го года [1930 г. рождения], а они 27, ну сколько им, 15, 16 лет, бегали вместе, дурачились. Ну, вот в лесу мы их встретили, они с нами были, мы им дали покушать. Их одного звали Михаил <Марахоч>, другого <Бохтояр> Николай. Мы их покормили и пошли, а они остались. Ну, попросили: передайте нашим, что мы живы. И потом я видел, сам лично видел, как вели [на расстрел], я не видел, а здесь я сам видел приказ коменданта на столбе. По этому приказу, такие-то, такие-то бежали из лагеря и были пойманы с оружием в руках. А какое там оружие, тогда оно валялось где угодно, везде. А их, оказывается, сонных немцы захватили в блиндаже, когда готовились к обороне, построили блиндажи, они в них спали, нужно было где-то спать. И в приказе было сказано – расстрелять. Вот этих мальчишек расстреляли. Вот это я запомнил, это такая моя трагедия раевская [трагедия в станице Раевской].» (10).

Представленный выше пласт воспоминаний о грабеже, зверствах, расстрелах и душегубках подтверждается архивными источниками (11). Однако иногда образ «врага» в устных рассказах не соответствует традиционным представлениям и расходится с архивными источниками. В индивидуальных воспоминаниях враг приобретает индивидуальные черты и наделяется

«человеческими качествами». Основательница такого направления современной отечественной исторической науки, как военная антропология, Е. С. Сенявская в своей книге «Противники России в войнах XX века: Эволюция «образа врага» в сознании армии и общества», вышедшей в 2006 г., ставит проблему формирования и трансформации образа врага в истории России в XX веке. Она справедливо подчеркивает, что во враге редко видели человека. На это влияли и ментальные стереотипы, и работа политической пропаганды, и реалии войны (12). Однако в устных рассказах «образ врага» носит черты не только «фашистов-извергов», но и наделяется «человеческими качествами». Они могут не только расстреливать, но и пользоваться средствами гигиены, не трогать детей, лечить.

«Вот у нас жил немец, какой у него чин, я, конечно, не знаю, но был у него денщик. Потом у него были эти крема, помады [различные средства парфюмерии]. У нас ведь ничего такого не было, мне особенно было в дикость [удивление]. А он выбрасывает там... эти пузырьочки, мы это все собираем, нам все это интересно было. Ничего такого, зверства не было. Ребята, правда, старшие ребята, мой старший брат, они угнали мотоцикл с другом. У них же так [у немцев], как тогда, так и сейчас, поставил мотоцикл и ушел, никто же не брал, а у нас же сейчас утянут [украдут]. Ну и ребята уехали на мотоцикле. Ну и ловили их, ребят, немцы их поймали, посадили, где они там сидели [не знает], сутки они посидели, ну и побили их, пришел с фонарями [синяками]. А мама сказала ему: «Ну, не будешь лезть, куда тебя не просят». Просто как хулиганство, там они ничего не... [предпринимали против оккупантов].» (13).

Многие участники устных опросов передают прочно осевшее в памяти отступление пособников фашистской армии на Северном Кавказе.

«За ними через наше село убегали казаки, собственно – предавшие Родину, калмыки, значит, обозы, на верблюдах. Вот этих я помню. Калмыки, заехали в наше село, расквартировались и по бригадам, начали собирать хороших лошадей, забрали из трех бригад колхоза, не осталось ни одной лошади. А потом отец рассказывал, что их догнали под Ростовом, калмык, и в Петровский район пришли депеши, в которых говорилось о том, что колхозы, у кого изъяли скот, должны явиться на опознание лошадей. Многих из нашего села послали туда забирать лошадей.» (14).

«А потом, когда они убегали [во время освобождения], шли и немцы, и калмыки через [Малую] Джалгу. Я одел валенки, мело как раз, в феврале, пошел корове дать, набрал сена и вдруг, только бах... [упал], кто-то мне под ноги. Немец что-то лопочет и калмык, сняли с меня валенки. Забрали мои валенки, я босиком пришел домой. Вот тогда [во время отступления] немцы день и ночь через наше село шли.» (15).

В целом можно сказать, что по значимости для социума Великая Отечественная война оказалась настолько важна, что память о ней сохраняется не только в индивидуальном сознании и коллективной памяти, но и использовалась политиками практически сразу после ее окончания для легитимации режима. Однако период оккупации занимал и занимает в официальной трактовке памяти о войне незначительное место. Героическая лексика официального военного дискурса, или дискурса официальной памяти использовалась и используется в идеологических целях, а оккупация не вписывается в общую героическую лексику. Поскольку в оккупации было место не только для героики, но и для предательства, и просто выживания различным путем.

Память о войне включена в институционализированные формы передачи информации, такие, как система образования, средства массовой информации, различные организации. Но она транслируется и по каналам устной традиции. Исследователи склонны делить историческую память на документальную, зафиксированную в источниках своей эпохи, и интерпретационную (от мемуаров до учебников истории), существующую в виде различных толкований, память нарратива и актуализированную память массового сознания (16, с.141). В сознании очевидцев войны, как показали материалы устных интервью, память об оккупации занимает важное место, и картина их воспоминаний может дополнить архивную базу источников о периоде оккупации нашего региона.

Использованная литература и источники

1. Розенталь Г. Реконструкция рассказов о жизни: принципы отбора, которыми руководствуются рассказчики в биографических нарративных интервью. // Хрестоматия по устной истории. – СПб., 2003.
2. Великая Отечественная война. События. Люди. Документы. М., 1990.
3. Архив Устной истории НОЦ «Новая локальная история», СГУ, интервью [Ф.1 Оп.3. 0035].
4. Архив Устной истории НОЦ «Новая локальная история», СГУ, интервью [Ф.1 Оп.3. 0037].
5. Архив Устной истории НОЦ «Новая локальная история», СГУ, интервью [Ф.1 Оп.3. 0035].
6. Архив Устной истории НОЦ «Новая локальная история», СГУ, интервью [Ф.1 Оп.3. 0034].
7. Архив Устной истории НОЦ «Новая локальная история», СГУ, интервью [Ф.1 Оп.3. 0035].
8. Архив Устной истории НОЦ «Новая локальная история», СГУ, интервью [Ф.1 Оп.3. 0037].
9. Архив Устной истории НОЦ «Новая локальная история», СГУ, интервью [Ф.1 Оп.3. 0032].
10. Архив Устной истории НОЦ «Новая локальная история», СГУ, интервью [Ф.1 Оп.3. 0035].
11. Ставрополье: правда военных лет. Великая Отечественная война в документах и исследованиях. Ставрополь. 2005.
12. Сенявская Е.С. Противники России в войнах XX века: Эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. М., 2006. С.80–97.
13. Архив Устной истории НОЦ «Новая локальная история» СГУ, интервью [Ф.1 Оп.3. 0032].
14. Архив Устной истории НОЦ «Новая локальная история» СГУ, интервью [Ф.1 Оп.3. 0032].
15. Архив Устной истории НОЦ «Новая локальная история» СГУ, интервью [Ф.1 Оп.3. 0036].
16. Сенявский А.С. Сенявская Е.С. Историческая память о войнах XX века как область идейно-политического и психологического противостояния.// Отечественная история. 2007. №2.

Ткаченко Д.С.,
г. Ставрополь,
Ставропольский государственный университет,
доктор исторических наук,
доцент кафедры политической истории;

Колосовская Т.А.,
г. Ставрополь,
Ставропольский государственный университет,
доктор исторических наук,
доцент кафедры археологии и региональной истории

Военная администрация в социокультурном развитии Кавказской области в период Кавказской войны*

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта РГНФ «Военно-политическая история Северного Кавказа (XVI – XIX вв.). Информационно-справочная система», проект № 08-01-12103в.

В истории многовековых отношений Российского государства с народами Северного Кавказа первая половина XIX в. занимает особое место. Это было время постепенного встраивания региона в общее пространство Российской империи, сопровождавшееся, с одной стороны, хозяйственным освоением предкавказских степей, а с другой, эскалацией военных действий по отношению к так называемым «немирным горцам». Не прекращавшиеся набеги на российскую территорию то с «Левого», то с «Правого» фланга Линии, требовали усиления военного присутствия в регионе. Регулярные части армии, совместно с проживавшим на фронтире казачеством, совершали периодические военные походы в горы не столько для захвата новых земель, сколько для «замирения» горцев – принуждения их к покорности. Ведь по справедливой оценке современного исследователя В. В. Лапина, «вряд ли вид дагестанских скал, чеченских и адыгейских дебрей соответствовал представлениям русских о «богатой земле», ради завоевания которой стоило бы умирать. Даже в начале XX века земельный участок в районе Сочи являлся сомнительным богатством, принимая во внимание огромные расходы на его обустройство и транспортные трудности» (1, с. 19).

В условиях военного времени, почти на протяжении столетия, российская армия оказалась силой, занятой не только своей прямой военной функцией, но и несвойственной ей ролью обустройства мирной жизни на новых территориях. Солдаты рубили просеки в лесах, строили дороги и населенные пункты,

обустроивали практически все города в регионе. Военные гарнизоны, размещенные по населенным пунктам Кавказской области, часто выполняли самую тяжелую работу – основывали будущие города-крепости и тем самым готовили почву для последующей гражданской колонизации региона.

Армейские офицеры не только назначались командованием на административные должности, но и служили в регионе первыми топографами и этнографами, а практически все управляющие Кавказскими областями и губерниями имели высокие военные чины.

Только поверхностное наименование работы, проделанной людьми, служившими в разное время в Кавказском корпусе, показывает тот громадный круг проблем, которые решала в регионе российская армия. Прежде всего, военные топографы и статисты в первой половине XIX в. составили детальное описание русской части Кавказского фронта – Кавказской губернии и Черномории. Так, в 1851 г. штабс-капитан Генерального штаба Забудский составил обстоятельное «Обозрение Кавказского края по Северную сторону главного хребта...». Будучи человеком с широким кругозором, он не ограничился голой статистикой, а попытался представить историческую ретроспективу современных ему событий. «Как ни различны части населения Кавказского края, – пишет автор, – как ни разнородны их интересы, однако по политическому положению и военным обстоятельствам, они имеют большое влияние ... на развитие гражданской жизни и промышленности. ... При военно-статистическом описании Ставропольской губернии, неминуемо должно рассмотреть и нераздельную с ней Кавказскую линию, составляющую ее южную границу. К Кавказской же линии принадлежат мирные горские народы, состоящие под управлением начальников частей Кавказской линии, а потому очевидно, что с военно-статистическим описанием Ставропольской губернии тесно соединено не только Линейное казачье войско, но и горские народы, нам покорные, или иначе весь Кавказский край» (2, с.12). Обширный труд Забудского, выходящий за рамки строгих границ Ставропольской губернии, является до сих пор одним из источников для изучения военно-политической истории Северного Кавказа.

Большую описательную работу, начатую отдельными офицерами, продолжил позднее департамент Генерального штаба, который опубликовал материалы, собранные военными в многотомном Военно-статистическом обозрении Российской империи. Отдельные тома этого издания были специально посвящены детальному описанию хозяйства и населенных мест Ставропольской губернии и «восточного берега Черного моря» – будущей Кубанской области.

Кроме статистических описаний управляемых территорий, военные изучали и все стороны жизни своего противника – так называемых «немирных горцев».

Военные топографы, следуя со своими армейскими частями в экспедициях, составили большое количество точных карт – сначала маршрутов, пройденных войсками по разным направлениям (3). Эти карты, несущие на себе исключительно военное содержание – измерение в днях пройденного военной частью пути, по ширине охвата местности не могли быть более нескольких верст, становились, при всей своей ограниченности, тем не менее, первыми точными путеводными нитями на практически неизвестной кавказской «Terra Incognita», начинавшейся для русских сразу за границей Кавказской области. Маршрутные карты, содержащие, кроме рельефа местности, еще и сведения о горских обществах и аулах (3), со временем становились материалом для обобщений. Знания постепенно накапливались, и схемы маршрутов из примитивных описаний все больше превращались в географическую карту региона, которая могла быть очень детальной (4). На основе подобных маршрутных карт генеральный штаб проделал основательную топографическую работу. Так, например, в 1836 г. корпусный топограф поручик Колоколов составил обзорную «Карту Российских владений за Кавказом», а позднее военно-исторический отдел Кавказской армии составил «Военно-историческую карту восточного Кавказа» (5). Со временем карты, составленные военными чинами, становились доступны и для гражданского населения Кавказа.

Одновременно с топографическим изучением Кавказа шло и этнографическое исследование проживавших в нем народов. Конечно, сведения о северокавказских народах, интересовавшие военных, первоначально носили исключительно стратегический характер. Это ярко подтверждает описание черкесских племен, составленное одним из участников войны на Северо-Западной границе Кавказской области. «Знакомство начальства и войск с убыхами (одним из закубанских черкесских племен – авт.), – писал С. Духовский, – началось задолго до вторжения в их земли. Да и как было не интересоваться убыхами, когда от них исходили все поддержки к сопротивлению. Про убыхов и горцы отзывались с особым уважением... Факт за фактом постепенно доказывал, что убыхи далеко не такие, как их представляли»... «Хакучи (еще одно племя закубанских черкесов – авт.) в то время заинтересовали всех; особенно много расспрашивали и рассказывали об их оригинальной жизненной обстановке. Впрочем, трудно было добиться сведений подробных и достоверных. «Вот выложи хакучинцу хоть сто рублей мелким серебром, – говорили, бывало, шапсуги и убыхи, – он и тогда не решится передать, что и как у них делается». Обстоятельно знали лишь то, что хакучи вовсе не составляют самостоятельного племени...» (6, с. 53, 124).

Со временем этнографические сведения, собранные в походах эмпирическим путем, накапливались, систематизировались и обобщались. Даже

при самом строгом подходе к ним как к источникам, крайне тенденциозно освещающим противника (ведь многие наиболее яркие описания жизненного уклада горцев исходили от офицеров, побывавших у них в плену), когда встает вопрос о более или менее глубоком изучении истории и культуры Кавказа первой половины XIX века, вряд ли можно обойтись без тех уникальных сведений и красочных описаний, которыми так богаты многочисленные рукописи: официальные донесения, записки и письма, погребенные в свое время в недрах военных архивов.

«Записки кавказского офицера» Ф. Ф. Торнау (выслужившегося в Кавказской армии с чина поручика до генерала) стали литературным обобщением результатов его разведывательной экспедиции, совершенной по побережью Черного моря – ранее слабо изученного «черкесского берега» от Гагр до Новороссийска. Они содержат целый ряд подробнейших данных по истории, этнографии и исторической географии Кавказа.

В первой половине XIX в. генерал И. Бларамберг составил «Историческое, топографическое, статистическое и военное описание Кавказа» – один из первых наиболее полных источников для описания жизни и быта всех северокавказских народов, с которыми вступили в контакт российские власти.

В это же время полковник Генерального штаба Кавказской армии П. К. Услар занимался вопросами классификации языков кавказских народов, создания для них письменности и школьной системы и задавался вопросами «о распространении грамотности между горцами».

Наиболее значимый вклад в хозяйственное освоение региона российская военная администрация внесла на почве строительства различных военных и гражданских объектов. На протяжении долгого времени, вплоть до широкой гражданской колонизации, солдаты и казаки являлись практически единственным источником рабочей силы в регионе.

Свою роль в его освоении хорошо осознавали и сами военные. Так, С. Духовский, описывая войну на Северо-Западном Кавказе, очевидцем и непосредственным участником которой он был сам, очень образно сравнивал Кавказскую армию с римскими легионами в Галлии, считая, что ее солдаты так же завоевывали регион не столько оружием, сколько киркой и лопатой. «Генерал Вельяминов справедливо говорил, – пишет автор, – что война на Кавказе – это осада обширной и сильной крепости, где можно подаваться вперед только шаг за шагом... Успех войны на Кавказе виден только тогда, когда линиями станиц и поселений, связанных повозочными дорогами, как бы параллелями и батареями, мы отрезывали у неприятеля кусок за куском и становились везде твердою ногою» (6, с.1).

История социально-экономического освоения предкавказских степей, составивших в основной своей массе Кавказскую область в XIX в., неразрывно связана с военно-политической историей Северного Кавказа.

С 1802 г. центром созданной Кавказской губернии стал город Георгиевск. Но внешний вид города совсем не соответствовал его новому статусу. По оценкам современников, Георгиевск больше походил на внушительных размеров деревню и состоял из деревянных, крытых соломой или камышом домов. Лишь несколько казарм, лавок и обширный госпиталь, расположенный за чертой города, были выстроены из камня.

Инициированная в 1818 г. генералом А. П. Ермоловым сенатская ревизия Кавказской губернии вскрыла плачевное положение дел. Сенатор Д. Б. Мертваго вспоминал: «По приезде в Кавказскую губернию, увидел я не губернию, а хутор, для России весьма полезный, где выращивается скотина, для продовольствия внутри государства надобная. ...Город губернский (Георгиевск, — авт.), как нарочно учрежден в таком месте, коего хуже на всем пространстве губернии найти нельзя...». Сенатор высказал официальное мнение о преобразовании Кавказской губернии в область и переносе судебных и правительственных учреждений в Ставрополь, как «единственном месте, на город похожем, и который всегда будет центром торговли и лучшим для жительства людей».

Ставрополь, утратив еще в конце XVIII в. военное значение, все в большей мере приобретал значение военно-организационного и административного центра. В 1807 г. в городе открыли переселенческую контору, ведавшую распределением прибывавших в область крестьян. В 1815 г. сюда переместились центр управления меновыми дворами на Кавказской линии, а в 1819 г. — и база снабжения кавказских войск амуницией, которая до того находилась в Ростове.

С 1822 г. Ставрополь становится административным центром Кавказской области. Как писал И. В. Бентковский, «с перенесением из Георгиевска присутственных мест, Ставрополь, сделавшись гражданским и военным центром Кавказской области, вступил в возраст юношества и с тех пор начал постепенно развивать свое экономическое состояние и свое население». Превратившись в центр Кавказской области, Ставрополь стал, прежде всего, местом сосредоточения Кавказской военной администрации, которая много сделала для благоустройства. Через Ставрополь продвигались войска, проходившие на Кавказ, здесь разместились штаб-квартира командующего войсками на Линии и в Черномории (с 1837 г.), корпус топографов, главные интендантские учреждения Кавказской армии. Между тем, внешний вид города оставлял желать лучшего, на что неоднократно указывали в своих воспоминаниях современники.

В связи с ростом города городские власти начали обращать внимание на его благоустройство и внешний вид. Вдоль центральной улицы начали строиться

каменные дома, число которых с каждым годом увеличивалось. Украшением города Ставрополя стали здания так называемых «присутственных мест», построенных по проекту архитекторов-братьев Бернардацци и расположенных на Комиссариатской (ныне Советской) улице. В глаза каждому прибывшему в город бросалось красивое трехкорпусное здание военного госпиталя (на нынешней улице Ленина).

С начала 30-х гг. XIX в. городские застройки стали производиться по четкому плану, и ни один дом не строился в городском центре без разрешения городских властей и совета архитектора. Только лицам, селившимся на окраинах, у речек Ташлы, Мутнянки и Мамайки, позволялось производить постройки без планировки улиц, сообразно с местностью. В это же время был приведен в порядок сад, находившийся при доме командующего войсками (сейчас территория стадиона «Динамо»). В этом саду, в праздничные дни, проводились народные гуляния. Для развлечения жителей начальник Кавказской области А. А. Вельяминов приказывал пускать фейерверки на площади перед своим домом, а в парке играл военный духовой оркестр.

В конце 30-х гг. XIX в. значительное внимание уделялось благоустройству главной улицы города – Большой Черкасской (ныне пр. К. Маркса). Улицу замостили камнем и стали засаживать бульвар. В начале бульвара, в 1841 г., была сооружена каменная триумфальная арка, получившая название Тифлисских ворот, т. к. именно через них проходил путь из Ставрополя на Тифлис по Черкасскому тракту. Официально строительство ворот было приурочено к празднованию 30-летия победы в Отечественной войне 1812 г.

В это время на Северо-Восточном Кавказе разгорались активные военные действия – усилились нападения из имамата Шамиля на русскую территорию и был разграблен даже такой крупный город, как Кизляр. Не исключено, что в этих условиях строящиеся в Ставрополе ворота могли бы выполнять и защитную функцию. По мнению некоторых исследователей, по обе стороны ворот местные власти планировали соорудить крепостные стены и тем самым в случае опасности защитить город. Однако в связи с переносом основного театра военных действий в предгорья и горы Северного Кавказа выполнение этого плана стало нецелесообразным и Тифлиссские ворота превратились в очередное архитектурное украшение Ставрополя. В связи с этим любопытное замечание по поводу этих ворот дает в своих воспоминаниях современник событий Ф. Ф. Торнау: «Спустившись под гору, улица упиралась в высокие каменные ворота, не то крепостные, не то триумфальные, красовавшиеся в чистом поле и поэтому ничего не запиравшие. Никому не удавалось разрешить трудную загадку, для чего поставлены эти ворота – между тем нельзя было без них вообразить Ставрополь».

В 1845 г. в Ставрополе было построено специальное здание для первого русского театра на Северном Кавказе, которое по наружному и внутреннему виду не уступало лучшим театрам других губернских городов.

Вместе с тем, нельзя и идеализировать военное освоение региона. Армии в николаевской России не только на Кавказе, но и во всей стране, отводилась роль универсального инструмента, способного решать все вопросы обустройства жизни. Однако, в силу самого своего характера, армия часто не могла качественно справляться с кругом задач, выходящим за рамки чисто военной деятельности. Конечно, дороги и другие гражданские объекты на Кавказе были построены бесплатным трудом солдат, но дальше их следовало поддерживать в рабочем состоянии. Дорожная повинность легла на плечи местного населения и вызывала дополнительное недовольство, особенно со стороны так называемых «мирных горцев».

О безобразном состоянии разработанных военными дорог и построенных гражданских объектов даже вдали от театра военных действий часто вспоминали современники. «Наружный вид Ставрополя мало соответствовал важности политического значения, которое город должен бы был иметь в глазах люда, обращавшего к нему свои взоры и упования, – описывал центр Кавказской области Ф. Ф. Торнау. Поднявшись на гору с северной стороны, приезжий прежде всего усматривал необыкновенно просторное поле, на котором две линии низеньких деревянных домов... обозначали два фаса проектированной площади; с двух остальных сторон поле ограничивалось кладбищем да оврагом... Весной и осенью по ней разливалось море грязи; зимой она покрывалась снежной оболочкой в полсажени глубиной. Бывало, поднимется вьюга, и несколько суток нельзя показать глаз за двери дома... пока употребляющиеся на это дело арестанты не раскопают снежной горы» (7, с. 155–156).

Ставрополь в этом отношении не был исключением. Мысли Ф. Ф. Торнау о недоработках военного строительства развил его современник – С. В. Броневский, описывая центр донских казаков – г. Новочеркасск. «Но как наружность бывает обманчивой, так и здесь: едва минуешь ворота, как город исчезает и глаза разочаровываются. При въезде много пустырей... и обширное место для публичного сада, в котором пока, кроме низкой загородки, нет еще ни дерева. В середине города – изрядная улица, с первого взгляда представляет нечто хорошо начатое, но с намерением никогда не закончить. Тут огромный каменный собор, вчерне доведенный до купола, стоит без крыши и от давнего времени, как остановилась работа, он начал уже сверху разваливаться. Здесь дом еще строится, а там от ветхости уже валится, тут приготовлено множество камня, леса и иного строительного материала, от долгого лежания почерневшего и частью уже сгнившего» (8, с. 1–2).

Источником городского неустройства автор видит саму организацию подневольного солдатского труда, когда «для производства общественных работ при самом основании города были учреждены два пятисотенных рабочих полка, но за недостатком ли денег, или по иным каким причинам, работ произведено пока мало и только с 1828 г.... рабочие полки начали трудиться по-надлежащему, и есть надежда, что при постоянном усилии главные улицы вскоре будут вымощены тротуаром» (8, с. 5).

Мысли о неэффективности использования подневольного солдатского труда часто звучали и со стороны самих военных. С сарказмом описывал С. Духовский увиденную им сцену восстановления трудом солдат разрушенного горцами Вельяминовского поста на Черноморском побережье. «На взморье началась сцена, до сих пор невиданная. Наскоро устроили на козлах пристань. К пароходам и от пароходов беспрестанно сновали баркасы. Надо было стужать с них кули с провиантом, ящики с патронами. Множество солдат суетилось, толкало друг друга, не зная, как взяться за работу. Огромные толпы любопытных из отряда совались со всех сторон. Никакими средствами нельзя было водворить порядок. Весь груз сначала сваливали на берегу. Куда ни глянешь, везде были груды. Там бочки какие-то и возле них хлопчет торговец-грек; здесь колесо от лафета, зарядные ящики без колес. В третьем месте денщик складывает офицерские вещи, в четвертом – офицер выходит из себя, распределяя рабочих перетаскивать груз со взморья наверх – на пост, в магазин. Очень многие солдаты пришли только взглянуть на пароходы, иных невозможно было отогнать от берега, так они были заняты зрелищем. Интересные замечания были слышны ото всюду: «А как же сказывали, море – то черное. Вишь, оно совсем не такое» (6, с. 36).

Таким образом, несмотря на все сложности и противоречия военного времени, усилием военной администрации были созданы первые городские центры в регионе, открывавшие путь для его гражданского освоения. Многие из них уже с 30-х гг. XIX в. утратили свое военно-стратегическое значение и стали центрами российской культуры и просвещения.

Использованная литература и источники

1. Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность. Начало XIX – начало XX вв. – СПб., 2005.
2. Обзор Кавказского края по северную сторону Главного Кавказского хребта в историческом, топографическом и статистическом описаниях, составленное штаб-капитаном Генерального штаба Забудским в 1851 г.// Прозрителев Г.Н. Материалы для истории Ставропольской губернии и г. Ставрополя. – Ставрополь, 1914.
3. См., например, Карта движения главного действующего отряда в 1845 г. от крепости Внезапной к Герзель-аулу//Кавказский сборник. Т.VI.
4. См., например, Карта к описанию военных действий Даховского отряда//Духовский С. Даховский отряд на южном склоне Кавказских гор в 1864 году. – СПб., 1864.

5. Военно-историческая карта Восточного Кавказа, составленная военно-историческим отделом//Исторический очерк кавказо-горской войны в Чечне и Дагестане/Сост. редактор военно-исторического отдела, подполковник С. Эсадзе. – Тифлис, 1909.
6. Духовский С. Материалы для описания войны на Западном Кавказе. Даховский отряд на южном склоне Кавказских гор в 1864 году. – СПб., 1864.
7. Торнау Ф.Ф. Воспоминания русского офицера. – М., 2002 .
8. Броневский В. Поездка на Кавказ. – СПб., 1834.

ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

Галаева В. Н.,

г. Ставрополь,
Ставропольский государственный
музей-заповедник,
заведующая отделом;

Отюцкий И. В.,

г. Ставрополь,
Ставропольский государственный
музей-заповедник,
заведующий отделом;

Ермолаев Н. И.,

г. Ставрополь,
краевед

Результаты разведок в балке Грушевой в 2008 году

На правом склоне балки Грушевой, в 1 км юго-западнее Грушевского городища, в лесу был обнаружен могильник. Координаты могильника – $44^{\circ} 59' 966''$ северной широты, $041^{\circ} 53' 418''$ восточной долготы. Все объекты исследовались только визуально. Таким образом зафиксировано 12 объектов.

Объект № 1. По визуальному наблюдению, не граблен. Представляет собой курганообразную насыпь из камней, покрытых грунтом и растительностью. Диаметр насыпи – около 15 м.

Объект № 2. Граблен. Представляет собой каменный ящик. Просматриваются четыре камня, образующих контур сооружения. Сооружение ориентировано длинной осью с запада на восток. Размеры: с севера на юг – 1 м, с запада на восток – 2 м.

Объект № 3. Граблен. Представляет собой каменный ящик, ориентированный длинной осью с севера на юг. Просматриваются камни, образующие контур сооружения. Южная стенка, по-видимому, состояла из трех камней, два из которых сместились вниз, один – плитообразный – остался на месте. Восточная стенка состоит из четырех камней, западная – из двух, северная – из двух. Размеры сооружения: с севера на юг – 3 м, с запада на восток – 1,5 м.

Объект № 4. Граблен. По контуру сооружения находятся четыре крупных плитообразных камня, поставленных на ребро. Сооружение по форме приближено к квадрату, его размеры: с севера на юг и с запада на восток – 1,5 м.

Объект № 5. Граблен. Сооружение, по-видимому, представляет собой каменный ящик, стенки которого составлены некрупными камнями. Из-за разрушения грабительским перекопом конструкция нарушена, но по оголенным камням можно предположить, что она приближена к квадрату. Общие размеры просматриваемых обнаженных камней: с севера на юг – 3 м, с запада на восток – 2,5 м.

Объект № 6. Граблен. Сооружение представляет собой каменный ящик, стенки которого составлены некрупными камнями. Сооружение ориентировано длинной осью с юго-запада на северо-восток. Размеры сооружения: 2 м x 1 м.

Объект № 7. Возможно, курганообразное сооружение из мелких камней. Визуально размеры не фиксируются.

Объект № 8. Граблен. Обнажены четыре камня, лежащие по форме, приближенной к квадрату. Два камня достаточно крупные, два – небольшие. Размеры сооружения – 2 м x 2 м, ориентировано по сторонам света.

Объект № 9. Граблен. Сооружение представляет собой каменный ящик, стенки которого образованы крупными плитообразными камнями, поставленными на ребро. Наиболее крупная плита – находящаяся в юго-западной части, ее размеры: 0,80 x 1,30 x 0,20 м. Форма сооружения приближена к квадрату, развернутому по осям: юго-запад – северо-восток, северо-запад – юго-восток. Размеры сооружения: 1,5 м x 1,5 м.

Объект № 10. Граблен. О форме сооружения трудно говорить. Грабительским перекопом обнажены два камня, лежащих рядом и параллельно друг другу. Один из камней очень крупный – 1,5 x 1 x 0,30 м, возможно, он являлся одной из стенок (северо-западной) сооружения. Вокруг крупных камней просматриваются много мелких – возможно, фрагменты панциря кургана.

Объект № 11. Граблен. Обнажен один очень крупный камень и два небольших. Размеры крупного камня: 2,5 x 1 м, ориентирован он длинной осью с северо-запада-запада на юго-восток-восток. Вокруг крупных камней просматриваются много мелких – возможно, фрагменты панциря кургана, находящегося под грунтом.

Объект № 12. Граблен. Грабительская яма обнажила стенки каменного склепа. Сооружение ориентировано длинной осью с запада на восток, его размеры: с запада на восток – 2,70 м; с севера на юг – 2,40 м. Высота камней северной и восточной стенок – 1,20 м. Все камни сооружения представляют собой плиты прямоугольных форм, образуя стенки, они поставлены на ребро узкой стороной. Северная стенка состоит из двух плит, восточная – из двух, западная (смещенная) – из одной. Фрагментом южной стенки является, по-видимому, небольшая плита, ограничивающая западную стенку с юга.

Данное исследование позволило выявить еще один погребальный памятник, V–III вв. до н. э., (аналогии известны: могильники Татарского городища, Вербовские, Беспутские склепы и др.), типичный для Ставропольской возвышенности.

Годзевич Б. Л.,
г. Ставрополь,
Ставропольский государственный университет,
кандидат геолого-минералогических наук, доцент;

Дронов А. В.,
г. Ставрополь,
Краевой центр экологии, туризма и краеведения,
педагог

Природно-климатические факторы заселения Ставрополя в каменном веке

Изучение начальных этапов заселения первобытными людьми Ставрополя началось в 70-е годы XX века и остается одним из «узких мест» археологических исследований. Особый интерес представляет выявление взаимосвязей между изменениями природных условий в эпоху палеолита и заселением древними людьми Кавказа и Предкавказья.

Природа Ставрополя имеет необычное для умеренных широт сочетание элементов разных географических зон. На сравнительно небольшой территории края соседствуют самые разнообразные формы равнинного и горного рельефа. В давнем геологическом прошлом природные условия на территории края неоднократно изменялись. Природный комплекс Ставрополя сформировался в основном в течение плейстоцена, и в последние тысячелетия современной геологической эпохи здесь сложились наиболее благоприятные условия для жизни человека. Это подтверждают находки практически во всех орографических районах края археологических памятников от ранней бронзы до средневековья. В этом подлинном археологическом музее под открытым небом сведения о памятниках эпохи камня в основном представлены подъемными материалами и не дают о ней пока четких и конкретных представлений.

Для выяснения условий расселения людей каменного века нами проведены палеогеографические исследования вариаций палеоклимата и других компонентов природного комплекса, на основе данных археологии, геологии, геоморфологии, палеоботаники, палеозоологии. Значительная часть материалов была получена в результате наших исследований в составе Северокавказской палеолитической экспедиции ИИМК РАН (г. Санкт-Петербург) в 2001–2006 годах. Также использованы имеющиеся коллекции в музеях края и сведения об обстоятельствах и местах находок артефактов, полученные от краеведов и местных жителей.

В раннем палеолите продвижение в Евразию архаичных людей, судя по расположению древнейших стоянок и местонахождений, происходило, прежде всего, в пределах Африкано-Аравийского рифтово-вулканического пояса, природные условия в котором благоприятствовали эволюции древнейших гоминид (4, 5). Кавказский сегмент, находящийся на продолжении этого тектонического пояса, фиксирует полоса Транскавказского поперечного поднятия, которое завершается палеовулканами Пятигорья и поднятием Ставропольской возвышенности. Последние располагаются на одном из возможных путей расселения людей в ашельскую эпоху, в направлении южной части Русской равнины.

Совсем недавно считалось, что первоначальное заселение древнейшими людьми предгорных равнин к северу от гор Большого Кавказа жестко регламентировалось наличием прочных горных пород, пригодных для изготовления каменных орудий. На месте Ставропольской возвышенности в плиоцене, в периоды трансгрессий, возникали проточные проливы (проходы), и с плейстоцена стала формироваться гидросеть, то есть существовали области сноса и аккумуляции прибрежно-морских и аллювиальных отложений. В составе последних, в отличие от предгорных равнин, отсутствуют вулканические породы, а пригодные для обработки кремневые отложения встречаются локально, в небольших объемах. Они отмечены в верховьях рек Томузловка, Сабля, Мокрый Карамык, а также на восточной периферии Ставрополя, в составе доакчагыльских аллювиальных галечников (6, с. 71–75, 79–80, 96–97).

В этом районе находится местонахождение, которое претендует на роль памятника, где представлены наиболее ранние из известных стратифицированных находок остатков культуры древнейшего человека на Северном Кавказе и в Предкавказье. Это местонахождение – Жуковское, около одноименного хутора на Прикалаусских высотах в Новоселицком районе. Оно расположено в верхней, приводораздельной части склона правого борта долины реки Томузловки. Пункт выявлен Х. А. Амирхановым в 1977 году, а новый осмотр и изучение были осуществлены в 2003 году (3). Единичный археологический материал (мелкие сильно окатанные кремневые отщепы) имеет эоплейстоценовый геологический возраст, т. е. время не позднее 1 миллиона лет назад. Этот возраст обосновывается четким геологическим контекстом и стратиграфической связью артефактов с остатками ископаемой фауны. В разрезе отложений выделено 8 слоев. Находки приурочены к толще аллювиально-делювиальных песчаных отложений, с включением линз гравийного материала. Содержащийся в слое с археологическими находками обломочный материал, согласно петрографическому составу, был транспортирован со стороны Большого Кавказа,

а перемещение было результатом многократного переотложения с регулярным включением в него материала подстилающего слоя сизых песков.

Археологические и фаунистические остатки находятся в отложениях, образующих выровненные аккумулятивные поверхности рельефа, доминирующие в настоящее время на Ставропольской возвышенности. Накопление их могло произойти лишь в условиях, когда этот район еще не имел современной гидросети и представлял собой полого наклоненную к югу и востоку аллювиально-делювиальную равнину. Эти условия соответствовали позднему плиоцену (апшерону), эоплейстоцену или раннему плейстоцену, в зависимости от принимаемой градации геохронологической шкалы. В собранной коллекции фрагментов сильно фоссилизированных костей определены следующие роды млекопитающих: *Gazella*, *Ursus*, *Archidiscodon-Mammutus*, *Dicerorhinus*, не противоречащие соображениям о геологическом возрасте памятника (3, с. 95–97). К редким находкам из этого же района (гора Голубиная) относятся архаичные, сильно патинизированные изделия из кремневых галек, напоминающие микро-чопперы (сборы В. П. Любина и Е. В. Беляевой).

Обнаружение сланцевых предметов со следами искусственной обработки на Минераловодской наклонной равнине показало возможность использования местных некремневых пород. У подножия горы Кинжал – одной из вулканических островных гор Пятигорья – на высокой (четвертой) надпойменной террасе реки Суркуль открыта ашельская стоянка-мастерская с культурным слоем, базирующаяся на местном сырье – ороговикоманных в результате обжига магмой сланцеватых мергелей и аргиллитов. Индустрия с таким большим ассортиментом и формами макро-орудий (скребла, чопперы, нуклевидные скребки, кливер, грубые бифасы), в том числе и редчайших (разновидности африканских пиков) для раннего палеолита Кавказа, встречена впервые (4, с. 50). Вероятно, здесь впервые проявил себя еще неизвестный вариант кавказского ашеля, что подтверждает высказанное ранее мнение о том, что местные индустрии этого периода могли отражать неоднократность миграционных волн и иметь разные истоки (5, с. 172).

Находки орудий на Кинжале соответствуют по высотному уровню над руслом – среднеплейстоценовой джамагатской террасе реки Подкумок (1, 2). Они свидетельствуют о том, что в одну из ранних эпох плейстоценовых межледниковий (вероятнее всего, миндель-рисскую) Пятигорье осваивали носители ашельской культуры, которые сопоставляются со временем существования первобытных людей вида *Homo erectus*. Эректусы проявляли исключительный динамизм и, адаптируясь к различной среде, проникали в Евразию из своей прародины – Восточной Африки. Климат в это время, судя по

составу кор выветривания (гидрослюдисто-каолиновых), был умеренный, близкий к современному, временами до субтропического.

В дальнейшем, при освоении Пятигорья, древнейшие люди столкнулись с экстремальными изменениями окружающей среды. Палеогеографическая обстановка на территории Пятигорья в плейстоцене сопровождалась циклическими неотектоническими поднятиями, периодическими похолоданиями (связанными с эпохами оледенений Кавказа) и потеплений (межледниковий). Покровные ледники не достигли Предкавказья, но горно-долинные ледники Кавказа при максимальных похолоданиях спускались в верховья рек Кумы и Подкумка до абсолютных отметок, около 1 км. На наиболее высоких горах имеются мощные каменные осыпи, характерные для морозобойного выветривания. На горе Бештау имеется остаточное рябиново-березовое криволесье. На Развалке до сих пор сохраняется многолетняя мерзлота. По данным зоолога Н. К. Верещагина, даже животный мир здесь отличается от окружающего. Необычным для этих мест являются снеговая полевка и некоторые виды насекомых.

В периоды межледниковий в горах обильно таяли ледники и снежники, что выражалось в формировании в предгорьях обширных аллювиальных террас. Ветер выносил огромные массы мелкозема из обширных безлесных участков, покрытых рыхлыми отложениями, оставшимися на месте отступивших ледников. Они дали мощные наносы лессовых отложений.

Открытие своеобразного комплекса орудий труда *Homo erectus* в Пятигорье, катаклизмы, с которыми он здесь столкнулся при освоении региона, позволяют предполагать возможность включения этой территории в область активного антропогенеза начиная с раннего палеолита.

Использованная литература и источники

1. Годзевич Б.Л. Условия среды обитания *Homo erectus* в Пятигорье// Вестник СГУ. Вып. 37. – Ставрополь., 2004.
2. Годзевич Б.Л. *Homo erectus* в Пятигорье//Первые музейно-краеведческие Прозрителевские чтения. Сб. Мат. Науч.- практ. конф. – Ставрополь, 2005.
3. Деревянко А.П., Амирханов Х.А., Зенин В.Н. Материалы к проблеме прикаспийского пути первоначального заселения Юго-Востока Европы (Предварительное сообщение)//Этнокультурное взаимодействие в Евразии. Кн. 1. – М., 2006.
4. Любин В.П., Беляева Е.В. Ранняя преистория Кавказа. – СПб., 2006.
5. Любин В.П. Ашельская эпоха на Кавказе. – СПб., 1998.
6. Сафронов И.Н. Палеогеоморфология Северного Кавказа. – М., 1972.

О находках каменного века на Ставрополье. Сообщение I

Главным, а подчас и единственным источником информации о различных периодах и стадиях развития культур в каменном веке являются, благодаря своей долговечности, изделия из камня. В настоящее время на территории Ставрополья в большей или меньшей степени представлены все этапы эпохи камня. Они охватывают огромный хронологический диапазон – от раннего палеолита до неолита включительно.

В данном сообщении мы приводим сведения о некоторых известных памятниках каменного века и случайных находках на территории Ставропольского края. Материал был получен в результате знакомства с коллекциями кремневых изделий в фондах Ставропольского государственного историко-культурного и природно-ландшафтного музея-заповедника им. Г. Н. Прозрителева и Г. К. Пправе, муниципальных и школьных музеев края, а также сбора сведений от местных жителей и краеведов.

Верхний палеолит

К верхнему палеолиту относится местонахождение Дубовка на Прикалаусских высотах у хутора Дубовая Роща Александровского района, открытое В. Г. Петренко и Х. А. Амирхановым в 1979 году. Х. А. Амирханов, по типолого-морфологическим критериям из собрания достаточно представительных каменных артефактов, выделил верхнепалеолитический комплекс. Сырье представляет собой цветной галечный кремль неплохого качества. Инвентарь состоит из серий скребков, острий, крупных ножевидных пластин с ретушью боковых краев, единичных резцов, заготовок и отходов производства. Выделяются призматические нуклеусы, которые, как и пластины, свидетельствуют об ударной технике скола.

В коллекции краеведа В. А. Бочарникова, представленной сборами разновременного подъемного материала из окрестностей села Московского Изобильненского района (место хранения – школьный музей), имеется кремневый призматический нуклеус с частичной поверхностной (не сбитой) галечной коркой для скалывания пластин. Негативы снятий покрыты сплошной глубокой молочно-белой патиной, полностью маскирующей естественный цвет отдельности камня (верхний палеолит?). Представлен фрагмент «уклонившегося» скола от конического нуклеуса из серого полупрозрачного кремня хорошего качества,

являющийся отходом производства при снятии пластинок (постпалеолитическое время?). Среди находок имеются несколько отдельных кусков и обломков серого кремня без обработки, или грубо расколотые с незначительными следами оббивки, а также краевой скол, иллюстрирующий первичный процесс обработки. Для более детальной атрибуции этих предметов требуются дополнительные поиски в данном районе Ставропольской возвышенности.

В срезях балок верховий и русле реки Калаус (в прошлом район Султанских высот именовался «Удельной степью»), в верхних горизонтах толщи лессовидных суглинков обнаружены обильные кости млекопитающих («*Equus caballus*, *Sus scrofa*, *Bos taurus*, *Saiga tartarica*, стержень рога, похожего на джейраний-*Gazella subgutturosa*) и кремневые орудия, происходящие из «...балки Малый Янкуль с глубины 4-х метров от поверхности, в бурой бесструктурной глине», представленные «наконечником отполированной стрелы, другой наконечник, сломанный в верхней части, слегка оббитыми кусками кремня, два ретушированных остроконечника из белого и серо-желтого кремня» (7, с. 33–47, табл. 1). По заключению Н. К. Верещагина, фауна относится к верхнему плейстоцену, а археологические материалы («культура солютре или мадлена», т. е. «верхов палеолита по характеру их обработки» на основе известных тогда западноевропейских типологических параллелей по А. Н. Рябинину), вероятно, следует все же относить к более позднему мезолитическому времени, что не противоречит в комплексе палеогеографическим условиям, документирующим в самый поздний этап плейстоцена – перехода к голоцену (2, с. 100).

Мезолит

Мезолитическое местонахождение Томузловка на Прикалаусских высотах около хутора Жуковский Новоселицкого района. Открыто в 1977 году Х.А. Амирхановым. Приурочено к небольшому мысу, вытянувшемуся от края водораздела к реке Томузловке. Сырье аналогично местонахождению Дубовка. В коллекции, собранной из разрушенного культурного слоя, много расколотых и побитых галек и краевых массивных сколов, что типично для местонахождений, приуроченных к выходам сырья. Большинство изделий – заготовки и производственные отходы. В орудийном комплексе представлены косо усеченные пластины, скребки, пластины с ретушью продольного края, сегменты и трапеции. Пластины отличаются высокой степенью стандартизации и представлены сечениями. Нуклеусы для отжима пластин имеют призматическую или слегка коническую форму. Особое значение имеет наличие в инвентаре отщепов из черного и черного с коричневыми прожилками обсидиана (1, с. 201). Обсидиан по внешнему виду связан с плиоцен-четвертичной вулканогенной формацией Эльбрусского вулканического центра (Б. Л. Годзевич, личное сообщение). Ранее для мезолита-неолита полупустынных районов Восточного Предкавказья

отмечалось наличие в инвентаре обсидиана, переправляемого из центральной части Северного Кавказа и высокогорной Кабарды за несколько сотен километров (3, 6). Таким образом, для древнего населения края «обсидиановые пути торговли» выступали как форма обмена и развития культурных связей.

В мезолитическом комплексе местонахождения Дубовка представлены краевые отщепы и усеченные пластины.

В коллекции В. А. Бочарникова (школьный музей с. Московского) имеется коричнево-желтый кремневый карандашевидный нуклеус для скалывания микропластинок (мезолит?). Возможно, к мезолиту-неолиту относятся сборы кремневых изделий, собранные В. И. Марковиным в развеваемых песках близ с. Ачикулак и пос. Роцино (обломки кремня и первичные сколы, обломки ножевидных пластин) (4). В данном случае наличие сегмента и трапеции может указывать на близость к мезолитическим памятникам северо-прикаспийского круга.

В последнее время нам стали известны новые находки из Янкульской котловины (Андроповский район). Местный житель М. М. Шихабудинов близ села Кианкиз на берегу балки Зорька собрал несколько десятков кремневых предметов. Среди находок – пренуклеусы (оформленные сколами заготовки из овальных, до 10 см, слабоокатанных галек до начала систематического снятия с них), нуклевидные обломки с нечетко читаемыми сколами, чаще всего являющиеся следами опробования человеком сырья. Имеются отщепы краевые и полукраевые, сколы и чешуйки. Возможно, это указывает на местонахождение, приуроченное к выходам сырья. Этот район очень перспективен для поисков, так как здесь встречаются галечники на древней апшеронской поверхности выравнивания.

К позднему мезолиту – раннему неолиту относятся недавно получившие известность материалы стоянки Гофицкое-I в Петровском районе (5). Она приурочена к участку 3-й надпойменной террасы левого берега реки Мокрой Буйволы. Терраса слабо выражена и имеет значительный уклон в направлении русла реки. В центре террасы расположена балка, разработанная родником. Для комплекса стоянки, представленным богатым подъемным материалом, характерна общая микролитоидность заготовок и орудий, торцовые и конические нуклеусы. В коллекции памятника – скребки, большей частью концевые на пластинах, пластины с ретушью, резцы типа «на углу сломанной пластины», трапеции, сегменты с двусторонней обработкой дуги, прямоугольные ретушированные вкладыши. Исходной формой для получения пластин здесь использовался торцовый нуклеус, а расщепление осуществлялось отжимом от торцового двусторонне-конического – к карандашевидному. Практически все пластины фрагментированы. Орудия преобладают на пластинах. Многочисленны отходы

расщепления. На стоянке использовался кварцит и обсидиан, аналогичный Томузловским местонахождениям. Комплекс каменного инвентаря Гофицкое-I в культурном отношении близок кругу памятников неолита Восточного Приазовья и долины Маныча.

В течение последних лет мы производим на стоянке сбор подъемного материала. Приведем некоторые последние находки и наблюдения. В естественном обнажении борта балки собраны: фрагмент трубчатой кости животного небольшого размера, возможно, птицы, фоссилизированные остатки трубчатых костей млекопитающих, фрагмент раковины перловицы *Unio sp.* и фрагмент черепа черепахи (определения А. К. Швыревой). В 2002 году краеведом Н. Ф. Касьяновым здесь же поднят отдельный окаменевший позвонок хвостового отдела среднесарматского тюленя *Phoca sp.* (определение А. К. Швыревой). Возможно, предмет использовался как украшение-подвеска. Любопытно также отметить попытку использования для расщепления на стоянке окатанной окаменевшей кости, внешне похожей на гальку (А. П. Захариков).

Насущной задачей сегодня остается поиск новых памятников каменного века. Несомненно, каждая новая находка углубит наши представления о древнейшем прошлом Ставрополя.

Использованная литература и источники

1. Амирханов Х.А. Чохское поселение. Человек и его культуры в мезолите и неолите Горного Дагестана. – М., 1987.
2. Верещагин Н.К. Млекопитающие Кавказа. История формирования фауны. – М., 1959.
3. Грехова Л.В. Памятники неолита Восточного Предкавказья // ТГИМ. Вып. 37. – М., 1960.
4. Захариков А.П. Разведки памятников каменного века в Центральном Предкавказье в 2001 году // Археологические записки. Вып. 3. Каменный век – Ростов-на-Дону, 2003.
5. Марковин В.И. Отчет о работах Прикаспийской экспедиции в 1980 и 1982 гг. // Архив ИА РАН. р-1 № 11007.
6. Минаева Т.М. Стоянка с микролитическим инвентарем на Черных землях// КСИИМК. Вып. 55. – М., 1955.
7. Рябинин А.Н. Послетретичные млекопитающие и кремневые орудия из Удельной степи Ставропольской губернии // Ежегодник РПО.Т.2. –Петроград, 1918.

НАЙТИ ♦ СОХРАНИТЬ

Прокопенко Ю. А.,
г. Ставрополь,
Ставропольский государственный университет,
доктор исторических наук,
доцент кафедры политической истории

Новые находки скифского звериного стиля V–IV вв. до н. э. в районе Кавминвод

Искусство населения Центрального Предкавказья V–IV вв. до н. э. представляет собой своеобразный локальный вариант звериного стиля, сочетающий в себе как характерные для данной изобразительной традиции признаки, так и оригинальные местные черты.

По предположению исследователей, ряд образов или стилистических особенностей тех или иных вариантов «звериного стиля» формировались под влиянием населения Северного Кавказа (1; 2, с. 52–53). Существует мнение, что почти все образцы искусства «звериного стиля» V в. до н.э., найденные в Предкавказье, являются уже сложившимися образами, большинство из которых не получают дальнейшего развития (3, с. 70). Однако, как ранее мною уже было отмечено (4, с. 27–28; 5; 6, с. 386 сл.), наблюдаются некоторые стилистические особенности, свидетельствующие о самостоятельном развитии в искусстве населения региона ряда завезенных образов.

В связи с этим следует отметить ряд новых изображений V – IV вв. до н. э., выявленных в последние годы в памятниках района Кавминвод.

В районе Боргустана – район западнее г. Ессентуки (святилище?) – обнаружены 2 бронзовых предмета, выполненные в традиции скифского искусства (7): крыловидный нащечник (изображение уха животного листовидной формы, в основании которого между двумя спиралевидными завитками заключена четырехлепестковая пальметка); часть крупа животного с коротким хвостом и подогнутыми задними конечностями.

Крыловидный нащечник (изображение уха животного) из района Боргустана имеет ряд западных аналогий (1-я Завадская Могила; Нимфейский некрополь; Бердянский курган; Каменная Балка; Чмырева Могила; Турья) (8, табл. 35, 18; 39, 37; 9, с. 105). В данном случае пальметка помещена в основании уха, а волути по ее сторонам переходят в ободок уха. Наиболее близкие аналогии происходят из Завадской могилы, Нимфея и Турьи. В отличие от перечисленных изделий, боргустанский нащечник не имеет выступающего основания уха. Видимо (если он не утерян в древности), для местного мастера этот выступ не имел важного значения для композиции, поэтому, подражая северопричерноморским образцам, он сознательно его убирает.

Два экземпляра подобных крыловидных нащечников (наушников) происходят из Лугового могильника (территория республики Ингушетия) (10, табл. XXI,10). Они также имеют ряд западных аналогий (1-я Завадская Могила; Турья; Нимфейский некрополь; Бердянский курган; Каменная Балка; Чмырева Могила).

Как отмечает А. Р. Канторович, в основе своей эти нащечники – плод скифской традиции создания обособленного и преувеличенного подобия «мохнатых» ушей копытных – оленя, лося и др. (9, с. 105). Такие изделия попадали в северокавказский регион в уже сложившемся виде, о чем свидетельствует мотив греческой пальметки, использованный при оформлении наушников (3, с. 69).

В районе Боргустана (в одном памятнике с крыловидным нащечником – святилище?) обнаружена еще одна бляшка с изображением, характерным для канонов скифского искусства. В данном случае это выполненная в бронзе часть крупы животного с коротким хвостом и подогнутыми конечностями.

Как и крыловидные нащечники, данное изображение явно связано с северопричерноморскими традициями звериного стиля. Полной аналогии этому экземпляру мне неизвестно, однако подобные сюжеты известны на предметах из курганов Степной Скифии V вв. до н. э. (1-я Завадская могила, Галущино) (8, табл. 35,14; 38, 19).

Из окрестностей г. Кисловодска происходят 2 бронзовых S-видных двухдырчатых псаля и бронзовая ажурная бляшка – изображение головы волка.

Ажурная бляшка (размеры – 9х3,8 см) – профильный контур волчьей головы фактически составлен из стилизованных изображений птичьих (грифоньих головок). Ряд элементов сближает эту композицию с бляшкой, происходящей из Нартанского 2-го могильника (Кабардино-Балкария) с изображением головы лося (оленя ?) (11). В данном случае лопасти рогов оформлены в виде двух обращенных в противоположные стороны грифоньих голов, плотно прилегающих к верхней части морды, и затылочной части животного (разделены трехлепестковой пальметтой). Плавный абрис нижней части головы так же, как и в кисловодском варианте хищника, показан в виде головы грифона на удлиненной шее. Данная схема напоминает изображение оленя на Майкопском налобнике. Здесь в центральной композиции нижний ярус рогов, оформленных в виде грифоньих головок, прилегает к верхней части морды, подобно нартанскому образцу, а подбородочная часть так же очерчена еще одной грифоньей головкой (6, рис. 186, Б–б).

Композиционное сходство с кисловодской находкой прослеживается в ажурном изображении головы лося с элементами хищника на налобнике IV в. до н. э. из ст. Кужорской (Прикубанье) (12, рис. 6, 8). В данном случае к морде лося (?) добавлена нижняя челюсть, оконтуренная птичьими головками. Расширенная

часть головы имеет расположенные симметрично выемки (одна из них – глаз), как и на центральнопредкавказском варианте. Похоже расположены выемки между нижней и верхней челюстью и в центральной части профиля головы.

Так же близкой аналогией бляшке из окрестностей Кисловодска является профильное изображение головы хищника из кургана Солоха IV в. до н. э. (13, с. 108, рис. 92). Их объединяет одинаковое решение показа хищных черт морды – верхняя и нижняя челюсти выполнены в виде спиралевидных завитков – птичьих (грифоньих) головок. В обоих случаях ажурности образов добавляет наличие выемки между верхней и нижней челюстями.

У одного из S-видных псалиев комплекса верхний конец оформлен в виде протомы ушастого драконоподобного зверя (при этом Г-образный абрис шеи с головой соединен с центральной частью псалия передними конечностями в форме овала), противоположный является стилизованным изображением птичьего хвоста, выполненным в вертикальной плоскости.

Композиционное решение изделия явно заимствовано из прикубанского варианта звериного стиля. В частности, аналогией этому изображению является псалий из Уляпа (кург. 5) – пантера с загнутым в петлю хвостом (в вертикальной плоскости) с окончанием в виде головки грифона (14, с. 98, № 31). Проработка гривы кисловодского зверя напоминает гриву морского конька – протомы псалия из того же кургана № 5 Уляпского могильника (14, с. 97, № 30). Однако прикубанская схема в Центральном Предкавказье была адаптирована под местные вкусы. Ушастый зверь с гривой из окрестностей Кисловодска больше напоминает образ из кобанского искусства. Следует отметить, что хотя композиционное соединение передних конечностей и морды животного характерно для прикубанского искусства V – IV вв. до н. э. (Семибратние кург., кург. 4; Уляп, кург. 2) (15, рис.1,2; 2,1), все-таки подобный вариант, использованный в кисловодском изображении, более близок кобанским изображениям скачущей лошади типа «Верхняя Рутха» (16, рис. 35, 52).

Самое значительное изменение наблюдается в оформлении хвостовой части псалия. Вертикальная плоскость сохраняется, но вместо загнутого в петлю хвоста хищника представлен (подпрямоугольной формы – распущенный?) хвост птицы. В связи с этим следует обратить внимание на железные псалии III – нач. II в. до н. э., выполненные по канонам кобанского искусства (ушастый зверь с птичьим хвостом), обнаруженные в склепе Каменная могила в окрестностях г. Железноводска (6, рис.126).

Для кобанского искусства характерны бронзовые привески в виде птичек с вытянутыми носами и веерообразной хвостовой частью (Терезе, гробница 1; мог. Индустрия, погр.7/14 и др.) (17, с.168, табл.XII, 19–21). Скорее всего, трансформация этого образа (удлинение носовой части и укрупнение ушей)

является основой для появления таких изображений, как железные псалии с головками оленей и подтреугольной противоположной частью в виде птичьего хвоста, из кургана Каменная Могила, и бронзовый налобник в виде головки лани из Бельтинского клада (6, рис. 188, А–3). При этом местные мастера приспособили заимствованные кочевнические формы конской упряжи для оформления их в виде образов, характерных для кобанского искусства.

Образ железного псаля из Каменной могилы более схематичный, чем кисловодский (частично это связано с особенностями обработки железа). Вместо гривы – винтовая нарезка в области шеи, хвост представлен в горизонтальной плоскости.

Прослеживается эволюция изменения сюжетной линии, в конечном итоге приведшая к такому изображению. Выстраивается цепочка образов – пантера с загнутым в петлю хвостом в вертикальной плоскости (Уляп, кург. 5) – ушастый зверь с гривой, с птичьим хвостом в вертикальной плоскости (окр. Кисловодска) – ушастый зверь с птичьим хвостом в горизонтальной плоскости (Каменная могила).

Второй частично сохранившийся псалий является изображением противоположно направленным протом хищников с раскрытой пастью и округлым ухом (С-видный абрис шеи и головы животного соединен с центральной частью псаля передними конечностями копытного животного, составляя контур овала). В Центральном Предкавказье целый ряд изображений имеют сходные сюжетные и изобразительные элементы (перегнутая S-видная трактовка тела – Ялхой-Мохский мог.; пасть со схематичной, вертикальной проработкой зубов – мог. Гастон Уота, погр.19; Сев. Осетия; копыто с вырезом – Ассиновские кург.).

Истоки данного образа связаны с традициями савроматского искусства (Новопривольное, Ставропольский клад и др.), а также прикубанского варианта звериного стиля (Семибратние кург., Уляп, кург. 2). Однако изображения ушастых зверей с конечностями копытного животного – характерная особенность искусства кобанской культуры (Кобан и др.) (18, рис. 5,1).

Таким образом, новые изображения подтверждают ранее мною высказанное мнение о самостоятельном развитии в Центральном Предкавказье некоторых завезенных образов.

Использованная литература и источники

1. Виноградов В.Б. Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время. М., 1972.
2. Переводчикова Е.В. Локальные черты скифского звериного стиля прикубанья//Советская археология. № 4, 1987.
3. Маслов В.Е., Очир-Горяева М.А. Об общих элементах в культуре нижневолжских кочевников и населения Центрального и Восточного Предкавказья в конце VI – начале IV вв. до н. э.//Труды ГИМ. Вып. 97. Степь и Кавказ (культурные традиции). М., 1997.

4. Прокопенко Ю.А. Особенности звериного стиля Центрального Предкавказья V – III вв. до н. э. // Из истории народов Северного Кавказа. Сб. науч. ст. Вып. 5. Ставрополь, 2002.
5. Прокопенко Ю.А. К вопросу о зверином стиле Центрального Предкавказья IV-III вв. до н. э. // Исторична наука: проблеми розв'язку. Матеріали Міжнародної наукової конференції 17-18 травня 2002 року. Секція археологія. Луганск, 2002.
6. Прокопенко Ю.А. Историко-культурное развитие населения Центрального Предкавказья во второй половине I тыс. до н. э. Ставрополь, 2005.
7. В настоящее время хранятся в краеведческом музее г. Железноводска.
8. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. М.: Наука, 1989.
9. Канторович А.Р. К вопросу о скифо-греческом синтезе в рамках звериного стиля степной Скифии // МИАР. Вып.1. Памятники предскифского и скифского времени на юге Восточной Европы. М., 1997.
10. Козенкова В.И. Типология и хронологическая классификация предметов кобанской культуры. Восточный вариант. Свод археологических источников (САИ). Вып. В2–5. М., 1982.
11. XXIV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Тез. Докл. Нальчик, 2006, обложка.
12. Королькова Е.Ф. Кубанский звериный стиль и его восточные аналогии // АСГЭ. Вып.35. СПб., 2001.
13. Манцевич А.П. Курган Солоха. Публикация одной коллекции. Л.: Искусство, 1987.
14. Шедевры древнего искусства Кубани. М., 1987.
15. Масленицына Е.С. Некоторые стилистические группы памятников в искусстве Прикубанья в конце V – IV вв. до н. э. // Граковские чтения на кафедре археологии МГУ 1989 – 1990 гг. М., 1993.
16. Козенкова В.И. Культурно-исторические процессы на Северном Кавказе в эпоху ранней бронзы и в раннем железном веке. (Узловые проблемы происхождения и развития кобанской культуры). М., 1996.
17. Козенкова В.И. Материальная основа быта кобанских племен. Западный вариант. САИ. Вып. В2–5. М., 1998.
18. Скаков А.Ю. Некоторые редкие мотивы кобано-колхидского графического искусства // Мироззрение древнего населения Евразии. М., 2001.

НАЙТИ ♦ СОХРАНИТЬ

Прокопенко Ю. А.,
г. Ставрополь,
Ставропольский государственный университет,
доктор исторических наук,
доцент кафедры политической истории;

Лубова С. Ф.,
г. Ставрополь,
Ставропольский государственный университет,
аспирант

О торговых связях населения Центрального Предкавказья с древнерусскими княжествами в IX – начале XIII в.

После разгрома Хазарского каганата в X в. племена Центрального Предкавказья, находясь на перекрестке транскавказских магистралей, начинают активно втягиваться в экономические отношения с древнерусскими княжествами – Тмутараканским, Киевским и др. При этом использовались торговые пути, по которым с IX в. к восточным славянам поступали арабские дирхемы. Следует отметить три основных направления:

1) магистраль, связывавшая Закавказье через Дарьяльское ущелье и степные районы Центрального Предкавказья с низовьями Дона (1);

2) северокавказский путь, связывавший городские центры Северо-Восточного Причерноморья с городами Закавказья. Дорога направлялась по Кубани, степным районам Предкавказья к Дарьяльскому ущелью и Дербентскому проходу;

3) волжский путь, проходивший вдоль течения р. Волга и направлявшийся к Дербенту (ответвление к Дарьяльскому ущелью).

По мнению С. А. Плетневой, первая дорога вела к броду через Дон, который находился у Саркела (2, с. 146–148). Не позднее IX в. был освоен путь вверх по Дону, что зафиксировано серией кладов арабского серебра (3, с. 15–21). Прямое указание на существование традиционного пути по Дону в IX в. есть у Хордадбега (4, с. 84–85). С Верхнего Подонья путь вел к Верхнему Поднепровью, в Гнездово, к Верхней Волге и далее в Новгород. Здесь следует отметить уникальную для памятников Древней Руси IX – X вв. находку сасанидского резного камня-инталио на Гнездовском поселении (5, с. 64–69). Видимо, с функционированием этого пути связана находка в с. Лезгор (Северная Осетия) в XIX в. бронзовой пластины с выемчатой эмалью, происходящей из Прибалтики (6, с. 13–16). По этой же дороге на Северный Кавказ поступали янтарные бусы (мог. Мощевая Балка) (7, с. 116–118).

Несмотря на прекращение функционирования караван-сараев, связанное с разгромом Хазарского каганата, все отмеченные трассы продолжают функционировать. С X в. большое значение приобретают трассы: путь из Тмутаракани к перевалам Центрального Предкавказья и степная дорога, связывавшая местное население с древнерусскими княжествами через низовья Дона. Основные категории привозимых товаров: меха, льняные ткани, замки, янтарные бусы (Приднепровье?), шиферные пряслица, стеклянные браслеты и бусы из свинцово-силикатного стекла, предметы христианской символики (энкалпионы, квадрифолии, нательные кресты и др.).

С территории Предкавказья на Русь поступали: сердоликовые и коралловые бусы, самшитовые гребни. Исследователи полагают, что в обмен на свои товары русские купцы получали от северокавказцев хлеб, воск, рыбу, скот, лес, изделия из металла, кожи и дерева (8, с. 106).

Через Центральное Предкавказье, хотя и в меньшей степени, продолжается транспортировка восточного серебра. В связи с этим, интересен факт находок индийских монет на территории северо-западных областей России. Это находки серебряных монет раджпутского государства Пратихаров X в., происходящие из окрестностей Переяславля-Залесского (1853 г. – 1 экз.) и курганов близ Ростова (1854 г. – 3 экз.) (9, с. 335–336). Скорее всего, данные монеты в потоке серебра через Закавказье, Северный Кавказ и Подонье попадали в районы Северо-Западной Руси. В пользу этого торгового направления говорит тот факт, что близ г. Бржицко (Польша) в 1842 г. был открыт клад серебряных монет X в., в котором находился один экземпляр чекана Пратихаров X в. – монета с изображением всадника и горбатого вола и санскритской надписью Саманта Дева. Видимо, в Восточную Европу такие монеты попадали через Северное Причерноморье.

О том, что дорога через степные районы Ставрополя и низовья Дона в XI в. использовалась выходцами из древнерусских княжеств, свидетельствует находка на берегу р. Егорлык – около с. Преградного (Красногвардейский р-он Ставропольского края) большого каменного креста со славяно-русской надписью первой половины XI в.

Использованная литература и источники

1. Прокопенко Ю.А. История северокавказских торговых путей IV в. до н.э. – XI в. н. э. Ставрополь, 1999.
2. Плетнева С.А. Саркел и «Шелковый путь». Воронеж: Изд-во ВГУ, 1996.
3. Булкин В.А., Мачинский Д.А. Русь конца VIII – начала X в. на балто-волжском и балто-донском путях // Финно-угры и славяне. Сыктывкар, 1986.
4. Заходер Б.Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Т.1. М., 1967.
5. Вешнякова К.В. Сасанидская печать из Гнездова // Древние культуры и технологии. Новые исследования молодых археологов Санкт-Петербурга. СПб., 1995.
6. Амброз А.К. Деталь восточно-балтийского питьевого рога из сел Лезгур Северо-Осетинской АССР // Славяне и Русь. Сб. ст. к 60-летию акад. Б.А. Рыбакова. М., 1968.

7. Лихтер Ю.А. Бусы из могильника Мощевая Балка // Боспорский сборник. №5. М., 1994.
8. Алексеева Е.П. Находки славяно-русского облика X – XV вв. на Северном Кавказе // Вопросы археологии и средневековой истории Карачаево-Черкесии. Сб. научн. тр. Черкесск, 1989.
9. Савельев П.С. Индийские монеты, найденные близ Переяславля-Залесского и Ростова // Труды V археологического съезда в Тифлисе. Тифлис, 1881.

Савенко С.Н.,
г. Ставрополь,
Ставропольский государственный музей-заповедник,
кандидат исторических наук,
заместитель директора по научной работе

Виды взаимодействия высшего местного руководства Ставрополя, Терека и Кубани с Императорской Археологической комиссией в деле сохранения древностей региона (к 150-летию ИАК)

15 февраля 2009 года исполнилось 150 лет первому государственному учреждению России в области археологии – Императорской археологической комиссии (ИАК). Данный юбилей заставляет вновь обратиться к истории функционирования этой организации и, в частности, рассмотреть некоторые механизмы взаимодействия Археологической комиссии с должностными лицами и органами губернского и областного управления Северного Кавказа. Данный частный аспект темы не является новым, но пока он остается малоисследованным. Недостаточно изучены еще и общие вопросы деятельности ИАК, хотя научный интерес к ним заметно возрос в последнее время. Об этом говорилось недавно на II (XVIII) Археологическом съезде в г. Суздале (1, с. 244–247).

Рассматриваемая нами тема имела продолжительную предысторию. Попытки установления порядка сохранения древностей начали предприниматься в России задолго до создания ИАК. Изначально стала складываться и практика участия представителей местных властей в государственных мерах в этой области, т. к. фактически все государственные инициативы адресовались представителям управления внутренних административно-территориальных единиц. Следует вспомнить повеления Петра I губернаторам: сибирскому – «приискать старых вещей... в земле поклаж», казанскому – «сохранять и реставрировать памятники древнего Болгара» (2, с. 17–21) и другие. Определенные полномочия и ответственность по сбору информации, приобретению и сохранению древностей, доставке их в Петербург возлагались также на комендантов и других городских правителей (3, с. 306–307; 4, с. 6).

Понятно, что в отношении к древностям в губерниях и областях государства далеко не все было благополучным. Но как в петровский период, так и в последующее время имели место факты результативного исполнения своих обязанностей местными управленцами. Классический пример удачного сочетания губернаторских полномочий и качеств историка-любителя древностей представлял собой В. Н. Татищев. Организатор поисков и фиксации древних

памятников в ряде районов России, автор первых детальных анкет и инструкций по учету и изучению археологических объектов, он имел непосредственное отношение и к Северному Кавказу. Являясь астраханским губернатором с декабря 1741 по июль 1745 года, он рассылал «искусных» людей на Куму, Терек, Кубань, чтобы описать неизвестные ранее места, а в 1742 году им была снаряжена целевая экспедиция для составления плана золотоордынского городища Маджары (5, с. 159–160).

В отношении к Маджарам и другим памятникам региона выражались порой прямо противоположные позиции других местных начальников в последующие годы. Так, глава Кавказской области с 1785 по 1792 год, граф П. С. Потемкин, интересовавшийся историей и этнографией края, писавший собственные работы о местных народах, по причинам субъективного характера содействовал разрушению древних маджарских кирпичных строений, разрешив крестьянам брать из них строительный материал. А при астраханском губернаторе Н. Я. Аршеневском (1797–1798) был подписан указ астраханского губернского правления Моздокскому нижнему земскому суду о запрете вновь переселяющимся армянам и грузинам, а также другим окрестным жителям разрушать остатки маджарских построек, под страхом судебной ответственности (6, с. 198).

Создание в начале XIX века специализированных археологических музеев в Северном Причерноморье и Крыму стало одной из действенных форм сохранения отдельных видов археологического наследия – древностей, добываемых на месте античных городов и их некрополей. И эти вопросы решались при участии губернского и городского руководства. Так, музей древностей в Феодосии был учрежден 31.05.1811 г. постановлением городской думы, а Одесский (1825) и Керченский (1826) городские музеи созданы по личным докладам генерал-губернатора Новороссийского края М. С. Воронцова императору Александру I (7, с. 207–226). Уже в тот период позитивная деятельность М. С. Воронцова в сфере историко-культурного наследия затрагивала и территорию Северного Кавказа, т. к. его распоряжения в этой области касались и атаманов Войска Донского и Черноморского казачьего войска. Следует сказать также, что и попытка комплексного подхода к сохранению памятников древности в Крыму, предпринятая в 1822 году, была связана с учетом мнения Таврического губернатора (8, с. 322–324).

Новый этап формирования нормативно-правовой и организационной базы деятельности в сфере сохранения историко-культурного и археологического наследия пришелся на время правления Николая I. Гражданским губернаторам и управляющим министерства внутренних дел был адресован именной указ императора от 31 декабря 1826 г. № 794 «О доставлении сведений об остатках

древних зданий в городах и о воспрещении разрушать оные» (9, с. 1373). В 1830-е годы президент Академии художеств предлагал создание общего органа государственного контроля за проведением археологических раскопок в стране (1, с. 245). В то время этот вопрос не получил разрешения, но определенные нормативные акты в сфере сохранения древностей принимались. Так, система государственного сбора «монет и других вещей, могущих обратить на себя внимание по их древности», расписана в другом именном императорском указе – «О находимых в земле казенными крестьянами древних монетах» от 18 февраля 1841 г. за номером 14280, объявленном министром государственных имуществ. В соответствии с указом, нашедший монеты или другие достопримечательные вещи должен был предоставлять их местному сельскому или волостному начальству с надеждой на получение за находку соответствующего вознаграждения. Указанное местное начальство должно было направлять древние вещи к окружным начальникам, которые оформляли и по описи передавали их в местные палаты государственных имуществ. Крупногабаритные предметы – «древнее оружие большого размера, большие камни, плиты или обломки их с древними надписями и другими изображениями и т. п.», оставались у местного сельского или волостного начальства под ответственное хранение, а окружные начальники и палаты госимуществ предпринимали меры для описания, зарисовки, снимков изображений памятников на месте и затем направляли их в вышестоящие департаменты по принадлежности. Все вещи, рисунки, снимки из системы министерства государственных имуществ препровождались в Императорскую Академию наук через министра народного просвещения. О предметах, заслуживающих особого внимания, министр государственных имуществ докладывал императору и ожидал его повеления, в том числе о мере вознаграждения и его сумме. Находки монет с XVIII века, как не составляющие редкости, рассматривались в соответствии с общим законом о кладах (10, с. 124–125).

Накануне развертывания подготовительной работы по созданию Археологической комиссии в министерстве внутренних дел под патронажем его главы – любителя древностей Л. А. Перовского был сформирован коллектив внештатных сотрудников (до 11 человек), занимающихся археологическими исследованиями в различных районах страны, в частности, на Юге в Северном Причерноморье (11, с. 299–300). В 1856 году, после смерти Л. А. Перовского, ведение всеми археологическими изысканиями, подчиненными на основании Высочайшего указа от 31.08.1852 года министерству Императорского двора и уделов, было возложено на члена Государственного Совета графа С. Г. Строганова. Он и разработал проект положения об Императорской археологической комиссии (1, с. 245).

По первому параграфу проекта предполагалось, что Археологическая комиссия будет заведовать «всеми археологическими раскопками в России и местными музеями древностей». Но в Положении, Высочайше утвержденном 2 февраля 1859 г. (12, с. 70–72 (34109)), полномочия и цели деятельности Комиссии были сформулированы несколько по-иному: «Археологическая комиссия состоит отдельным учреждением в Министерстве Императорского двора и имеет целью: 1) разыскание предметов древности, преимущественно относящихся к отечественной истории и жизни народов, обитавших некогда на пространстве, занимаемом ныне Россией; 2) соби́рание сведений о находящихс́я в государстве как народных, так и других памятников древности; 3) ученую оценку открываемых древностей». В заведывание Археологической комиссией определялись Керченский музей древностей и Римская комиссия археологических разысканий. В перечень действий Комиссии включались: собственные археологические раскопки, контроль за «всеми делающимися в государстве открытиями предметов древности...», применение необходимых археологических мер, «когда настoит надобность уничтожить какой-либо остаток древности... или произвести большие земляные работы на месте древнего города, или замечательного урочища» на казенных и общественных землях, контроль за крупномасштабными земляными работами, проводимыми при строительстве железных дорог, шоссе и т. п., определение денежного вознаграждения за предоставляемые находки. Полученные Комиссией ценные древние предметы она должна была направлять в Императорский Музей Эрмитажа. Другие находки могли оставаться в ее распоряжении и предоставляться в общественные древнехранилища или обмениваться на другие предметы.

Для нашей темы важны уставные положения § 6 о том, что местные начальства извещают Комиссию об открыти́ях предметов древности, и § 9 – для достижения целей деятельности «Председатель Комиссии входит в предварительные сношения и соглашения с теми правительственными местами и лицами, от коих будет зависеть содействие».

Начальный период деятельности Археологической комиссии совпал с административными изменениями на Северном Кавказе. Его территория, находившаяся в ведении Наместника Кавказского, теперь управлялась не только Ставропольским губернатором и начальником Кавказской линии и Черномории. На базе упраздненного Кавказского линейного казачьего войска были образованы Терское и Кубанское казачьи войска с подчиненными им областями. Наказные войсковые атаманы стали одновременно и областными начальниками. Поэтому они, как и ставропольский губернатор, в качестве высших местных должностных лиц вступали в сношения с ИАК по вопросам о древностях.

В нашем распоряжении находятся документы, хранящиеся в фонде Императорской Археологической комиссии в архиве Института истории материальной культуры в Санкт-Петербурге (13, с. 927). В них содержатся сведения о взаимоотношениях высших управленцев Северного Кавказа по различным частным и более общим вопросам, касающимся археологического наследия. Большая часть из них относится к концу 1880-х годов – началу XX века. К этому времени Археологическая комиссия прошла уже стадию становления, организовала и развернула широкие полевые исследования в различных областях страны, провела ряд инициатив по сохранению и утверждению своего положения, принятию новых законодательных и процедурно-правовых норм. Важным документом, в частности, стал циркуляр Министерства внутренних дел о запрещении кладоискательских раскопок, разосланный во все губернии в 1866 г. (11, с. 301). Еще с 1862 года ИАК налаживает взаимодействие с центральным и губернскими статистическими комитетами в деле изучения и сохранения отечественных древностей. Министерство внутренних дел специальным циркуляром от 27.04.1863 г. № 63 поручило губернаторам привлечь членов статистических комитетов по сбору данных об археологических памятниках по программе, разработанной Археологической комиссией (14, с. 205).

С февраля 1886 года Комиссия возглавлялась авторитетным и способным руководителем – графом А. А. Бобринским. Примерно с этого времени начало формироваться дело ИАК «О находках древних вещей и монет на Кавказе» (Архив ИИМК, ф. 1, 1886. № 6). В нем, например, содержится большая серия документов на бланках канцелярии Главноначальствующего гражданской частью на Кавказе по отделению общих дел. В одном из них, от 11.03.1886 г. за № 2513 (л. 14), сообщается о том, что ставропольский губернатор препроводил главноначальствующему «две древние металлические серьги и круглую крышку из красной меди, найденные в степи близ села Здвиженского, близ речки Маныча, при раскопке кургана Авраамом Дмитриенко, который согласился уступить их казне без всякого вознаграждения». Этот комплекс половецкого времени, состоящий из характерных крупных височных подвесок с орнаментированными ромбическими и многоконечными напускными бусинами и металлического зеркала с центральной петлей и рельефным орнаментом, поступил в Государственный Эрмитаж. Об этих же находках говорится и в «Книге на предметы древностей, полученные Комиссию» (Архив ИИМК, ф. 1, 1886. № 69). Первая публикация золотой серьги из села Воздвиженского осуществлена Т. М. Минаевой в 1964 г. (15, с. 175). Зеркало с зонно-крестовидным орнаментом, вероятно, осталось неопубликованным.

Из майского того же года письма главноуправляющего можно узнать о находках комплексов археологических находок (железные шлемы, панцири,

бронзовые изделия, серебряная чаша, различные бусы и т. п.) группой крестьян из сел Кручено-Балковского и Хачинско-Немецкого в окрестных курганах. Июньское послание содержало указание о вещах, найденных крестьянином Павлом Бабиным из с. Дивного и сопровождалось письмом ставропольского губернатора по данному делу (лл. 71–72).

В другом письме, от 12.06.1886 г. № 5721 (л. 48), описывается еще один случай обнаружения интересной находки – при раскопках кургана в степи у с. Рогули – крестьянами с. Ореховского Игнатом Дворянкиным и с. Бешпагирского Филиппом Заикой. Золотой кубок высотой примерно 13–14 см с чеканным растительным кольцевым орнаментом у кромки с внешней стороны был получен ИАК и доставлен в Эрмитаж, а находчики получили от Комиссии вознаграждение 100 рублей. Но затем из Археологической комиссии Ставропольскому губернатору поступило обращение от 26.06.1886 № 361 (л. 55) с просьбой сообщить: «1) на чьей земле, с чьего разрешения и для какой надобности раскопаны курганы; 2) найдены ли вещи в насыпи кургана или в гробе при остове; 3) как была устроена гробница, если таковая оказалась в кургане; 4) не было ли найдено еще других вещей и нет ли возможности получить их за вознаграждение; 5) не требует ли курган нового расследования, какой он величины, имеются поблизости от него другие курганы и не было ли в них таких же находок древности...». Ответ губернатора с прилагаемыми письмами находчиков был направлен в ИАК 4.10.1886 г. (лл. 54–58).

Среди обстоятельств этих дел примечательно то, что главноначальствующим на Кавказе в это время был недавно вступивший в должность знаменитый генерал-адъютант князь А. М. Дондуков-Корсаков, уделявший немало внимания вопросам образования, религии, культуры и культурного наследия. Одно из крупных важных дел в интересующей нас сфере было связано с сохранением древних христианских памятников региона. В июне следующего, 1887 года он направил начальникам Терской и Кубанской областей и ставропольскому губернатору распоряжение о решении реставрировать древние зеленчукские и кубано-тебердинские христианские храмы и сборе средств на эти цели (16, с. 309).

Ставропольским губернатором в указанный период был К. Л. Зиссерман (17, с. 121–122), брат известного писателя и историка А. Л. Зиссермана, также не лишенный интереса к истории, этнографии, музейному делу. В период управления Зиссермана, в 1886 г., была предпринята неординарная поездка к храмам Верхнего Прикубанья епископа Ставропольского и Екатеринодарского Владимира (18, с. 41–42).

В рассматриваемом деле содержится переписка начальника Терской области с Археологической комиссией об уникальных и ценных находках в

кургане у селения Куденетова и ряде других мест, в 1885–1886 гг. Наказной атаман генерал-майор Е. К. Юрковский выяснил, что находчики – жители селения Куденетова Берд Шогенов, Ильяс Кодзоков и Хамза Шидов, вели раскопки без разрешения от кого-либо. Кстати сказать, Юрковский фигурировал не только в этом деле, связанном с древностями и историческими памятниками. В Кисловодске благодаря его распоряжению в 1886 г. был создан мемориальный комплекс на Крестовой горе, посвященный первому курортному сезону 1798 года (19, с. 436). В письме от 4.12.1886 г. № 11355 начальник Терской области сообщал о препровождении в Археологическую комиссию древнего креста-энколпиона, найденного в могиле близ с. Лезгор Владикавказского округа Ильей Дзилиховым, который согласился уступить данный предмет за вознаграждение.

Князь А. М. Дондуков-Корсаков отвечал на запрос Археологической комиссии по поводу раскопок, проведенных в 1885 году в горной Чечне и западном Дагестане студентом Петербургского университета Кондратием Николаевичем Россиковым по ходатайству Кавказского отдела Императорского Русского Географического общества без согласования с ИАК. Данный факт красноречиво свидетельствует о том, что в течение ряда лет научные общества пытались соперничать с Археологической комиссией в предоставлении права на проведение раскопок. Это случалось и продолжалось до марта 1889 года, когда Высочайшим повелением ИАК получила исключительное право на производство и разрешение раскопок, а также право на предварительное согласование реставрации монументальных памятников древности (20, с. 73–74).

Особое место во взаимоотношениях с Императорской Археологической комиссией принадлежало ставропольскому губернатору Н. Е. Никифораки, занимавшему этот пост в течение 17 лет, с 1887 по 1904 г. (21). Его письма часто фигурируют в делах ИАК. В них содержатся отдельные и сводные данные об археологических находках на Ставрополье. В конце 1891 года Археологическая комиссия завела даже отдельное дело «О древних вещах и монетах, найденных в разных местах Ставропольской губернии» (Архив ИИМК, ф. 1, 1891. № 133). Оно начинается с письма на бланке ставропольского губернатора, в котором Н. Е. Никифораки сообщает, что в его канцелярии в течение нескольких лет хранились находки, поступившие в опись для отсылки в ИАК от некоторых полицейских управлений губернии, в том числе из сел Хачинского, Рагулинского, Воздвиженского (лл. 1–5). «Блистательный губернатор» не ограничивался только передачей сведений о находках древностей, но и предлагал действенные, по его мнению, меры борьбы с кладоискательством. Он ратовал за материальное наказание, а не поощрение кладоискателей (22, с. 56).

Проблема кладоискательства действительно остро стояла на Северном Кавказе в конце XIX – начале XX века. Только часть из желающих найти древние

ценности и обогатиться за их счет пытались идти официальным путем и обращались в различные инстанции с ходатайствами о предоставлении им права раскопок. В ИАК накопились две многостраничные папки с подобными ходатайствами (Архив ИИМК, ф. 1, 1892. № 7; ф. 2, 1891. № 2). Просители часто обращались к высшим местным руководителям или в подведомственные им структуры. Были среди них и управляющие Ставропольской губернией, Терской и Кубанской областями. Приведем только некоторые примеры.

С сопровождающим письмом на бланке Начальника Кубанской области и Наказного атамана Кубанского казачьего войска от 14.02.1891 г. за № 934 в Археологическую комиссию было направлено «на усмотрение» ИАК прошение казаков станицы Лабинской Машурова и Лебедева на раскопки «курганов и других мест для розыска древностей» (ф. 2, 1891, № 2, л. 23). В той же канцелярии оказалось и прошение вольнопрактикующего врача Константина Павловича Пашкова из станицы Коневской Ейского отдела Кубанской области (л. 161). Известный нам ставропольский губернатор Н. Е. Никифораки также пересылал аналогичные прошения в Археологическую комиссию. Одно из них принадлежало отставному унтер-офицеру Семену Акимовичу Легезье, который намеревался провести раскопки курганов на землях с. Татарского. В ответ губернатор получил не только официальный отказ, но и просьбу об организации наблюдения местной полиции за тем, «дабы он не приступил к таковым раскопкам» (ф. 1, 1892, № 7, лл. 142–143).

В отказах ИАК всегда содержались ссылки на «неоднократные распоряжения» Министерства внутренних дел о безусловном запрещении кладоискательства. Кроме того, в документах находятся типографские листки, отпечатанные в начале 1890-х годов, с «Правилами, на основании которых Императорская Комиссия разрешает посторонним лицам на собственные их средства, производство раскопок с археологической целью на казенных и общественных землях и порядок выдачи Открытых листов на такие раскопки». В правилах из семи параграфов четко оговаривалось, что просители Открытых листов должны точно указывать места предполагаемых раскопок, научные цели исследований, музеи, в которые предполагается передать находки, обязательства о предоставлении научных отчетов о проведенных работах. При этом особенно подчеркивалось, что без Открытых листов, выданных ИАК, «никто не может быть допущен к производству раскопок».

Я уже писал о том, как приходилось искать решение проблем сохранения историко-культурных памятников и материалов в условиях усиливавшегося кладоискательства в начале XX века местным властям Терской области. Предлагались порой оригинальные, но расходящиеся с нормативно-правовыми требованиями, варианты решений. В письме на бланке Начальника Терской

области от 13.02.1910 г. № 96, с подписями генерал-лейтенанта А. С. Михеева и секретаря Терского областного статистического комитета сотника М. А. Караулова, содержалась просьба «...дать Комитету возможность использовать силы добровольных кладоискателей... выслать особый Открытый лист на право раскопок на имя Хранителя Областного музея и вместе с тем предоставить открывателям кладов получать третью часть тех предметов, которые не имея большого научного значения, представляют рыночную ценность (слитки металлов, деньги и т. п.)». На это ходатайство был получен бескомпромиссный стандартный ответ о безусловном запрещении кладоискательства российскими нормативно-правовыми документами (23, с. 223).

Яркий пример сохранения ценного клада – 19 археологических золотых предметов общим весом 16 кг, при посредстве местных властей связан с селом Казинка Ставропольской губернии. В 1910 г. при вспашке своего огорода на недавно приобретенной земле А. П. Алейников случайно обнаружил роскошные предметы, которые были получены Археологической комиссией за очень большой выкуп, в 37 тысяч рублей. Ставропольский (Казинский) клад, включающий массивные гривны, многовитковые браслеты, колоколовидные предметы (24, с. 78–89) позднескифского времени хранятся сейчас в Государственном Эрмитаже. Интересно, что с находкой было связано судебное разбирательство между прежним и новым владельцами участка земли, успешно доведенное до развязки при участии присяжного поверенного окружного суда Г. Н. Прозрителева (25, с. 144–145).

Известно, что в деле сохранения археологических памятников и материалов в досоветский период принимали участие не только должностные лица управленческих и контрольных государственных организаций и структур. Значительный вклад в эту деятельность вносили члены Ставропольского губернского, Кубанского и Терского областных статистических комитетов, Ставропольской губернской архивной комиссии, представители центральных и местных общественных организаций, бескорыстные любители древностей. Но проведенный краткий обзор исторического опыта государственной организации сохранения древностей и памятников в дореволюционной России показывает, что особенно актуальные сегодня задачи эффективной охраны ценного археологического наследия могут успешно решаться только при условии наличия заинтересованной позиции правителей страны, руководителей и должностных лиц различного уровня, законодательно и нормативно установленной системы в этой сфере и слаженного взаимодействия центральных и местных органов.

Использованная литература и источники

1. Тихонов И.Л. Императорская археологическая комиссия – «придворная контора по добыванию древностей» или общероссийский центр археологии//Труды II(XVIII) Всероссийского Археологического съезда в Суздале. Т.III. – М.:ИА РАН, 2008.
2. Формозов А.А. Страницы истории русской археологии. М.: Наука, 1986.
3. Разгон А.М. Охрана исторических памятников в России (XVIII в. – перв. пол.XIX века)//Очерки истории музейного дела в СССР. Выпуск 7. – М., 1971.
4. Гаврилов Б. «Надлежит нам беречь...». Как охраняли памятники в России в XVIII – начале XX века//Приложение к газете «Первое сентября». Серия «История». №38. 2003.
5. Гурвич Д.М. В.Н. Татищев и русская археологическая наука//СА, XXVI. 1956.
6. Обухов Ю.Д., Карибов Г.Г. К вопросу об истории музеев на территории современного Буденновского муниципального района и города Буденновска // Прозрителевские чтения. Сборник материалов научно-практической конференции 29–30.11.2005 г. – Ставрополь: СГКМ, «Вестник Кавказа», 2006.
7. Тункина И.В. Русская наука о классических древностях Юга России (XVIII – середина XIX в.). – СПб.: Наука, 2002.
8. Полное собрание законов Российской империи. Т.XXXVIII. – СПб., 1830
9. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. Т. I. – СПб., 1830.
10. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. Т. XVI. Отд.1. – СПб., 1842.
11. Пескарева К.М., Рябинин Е.А. Первое государственное учреждение отечественной археологии (к 125-летию создания Археологической комиссии) // СА.1984. № 4.
12. Полное собрание законов Российской империи. Собр.2. Т.XXXIV. – СПб., 1861.
13. Колесникова М.Е. Материалы по истории археологии Северного Кавказа в фондах архива Института истории материальной культуры РАН// Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Выпуск VIII. Крупновские чтения. 1971–2006. – М.: Памятники исторической мысли, Ставрополь: Наследие, 2008.
14. Колесникова М.Е., Ермоленко Л.П. Из истории изучения и охраны археологических памятников Северного Кавказа во второй половине XIX – начале XX вв.//Отражение цивилизационных процессов в археологических культурах Северного Кавказа и сопредельных территорий (юбилейные XXV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа). Тезисы докладов. – Владикавказ: СОИГСИ, 2008.
15. Минаева Т.М. К вопросу о половцах на Ставрополье по археологическим данным//МИСК. Вып.11. – Ставрополь: Ставропольское кн. изд-во, 1964.
16. Романенко Л.В. Участие населения Ставрополья в сохранении исторического и культурного наследия//Ставропольский хронограф на 2004 год. Краеведческий сборник. – Ставрополь: СГКУНБ, 2004.
17. Беликов Г.А., Савенко С.Н. Облик старого Ставрополя. Т.1. – Ставрополь: Изд-во «Снег», 2007.
18. Геден, митрополит Ставропольский и Бакинский. История христианства на Северном Кавказе до и после присоединения его к России. – Пятигорск–Москва, 1992.
19. Боглачев С.В., Савенко С.Н. Архитектура старого Кисловодска. – Пятигорск: Изд-во «Снег», 2006.
20. Ковалевский Е.П. Доклад по законодательству о мерах по сохранению памятников древностей//Представление Министерства Внутренних дел по Департаменту общих дел от 29 октября 1911 г. № 27281.
21. Илиади И.Х., Кайшев В.Г., Беликов Г.А. Самый блистательный губернатор. Генерал-лейтенант Николай Егорович Никифораки. – М.: Илекса, 2002.
22. Прокопенко Ю.А. Формирование в Ставрополе в конце XIX века системы по фиксации и сохранению археологических находок из памятников региона//Четвертые Прозрителевские чтения. Сборник материалов научно-практической конференции 21–22.11.2007 г. – Ставрополь: СГМЗ, Изд-во «Вестник Кавказа», 2008.

23. Савенко С.Н. Михаил Александрович Караулов (к 130-летию со дня рождения)//Ставропольский хронограф на 2008 год. Краеведческий сборник. – Ставрополь: СГКУНБ, 2008.
24. Королькова (Чежина) Е.Ф. К вопросу об атрибуции Ставропольского (Казинского) клада//Археологический сборник. Вып.32. – СПб.: ГЭ, 1995.
25. Охонько Н.А. Ревнитель кавказской старины//Земля Ставропольская. Памятники Отечества. Выпуск № 48. – М.: Редакция альманаха «Памятники Отечества», 2001.

ИЗУЧЕНИЕ МУЗЕЙНЫХ КОЛЛЕКЦИЙ

Барбанова Е. Г.,

г. Ставрополь,

Ставропольский государственный музей-заповедник,
старший научный сотрудник

Боевые награды самурцев (из коллекции наградной фалеристики музея)

Любая сверка музейной коллекции при более углубленном подходе предполагает аналитический взгляд на предметы коллекции, на их систематизацию, на связи между изучаемыми предметами и источниками поступлений. Так, обнаруживаются новые или утраченные ранее связи между событиями и предметами, и они начинают говорить по-новому.

Так, по-новому заговорила коллекция музейных российских наград XIX века, когда проследилась и ожила их связь с историей доблестного 83-го пехотного Самурского полка, чья судьба была тесно связана с Северным Кавказом и городом Ставрополем.

Известно, что в 1910 г. Самурский полк был расквартирован в г. Ставрополе. Вскоре на улице Госпитальной (ныне ул. Ленина) разместился военный городок с Офицерским собранием, в котором был оборудован полковой музей, где экспонировались многие полковые реликвии – знамена, оружие, награды, альбомы и пр. В 1914 г., с началом Первой Мировой войны, полк был направлен на Западный фронт. В этом же году коллекции полкового музея были переданы Ставропольскому городскому музею. В основном упоминается переданное коллекционное оружие. По всей вероятности, передавались и другие предметы, в том числе и награды. На сегодняшний день коллекции музея, пережившие годы гражданской и Великой Отечественной войн, дошли до нас не в полном объеме, но связь оставшихся наградных российских медалей с боевыми подвигами Самурцев очевидна.

Официальной датой рождения полка считается 15 декабря 1845 г. Название полк получил по имени дагестанской реки Самур, где ему предстояло начать свой боевой путь. К этому времени на Кавказе уже 25 лет шли военные действия, получившие в истории название Кавказская война. Особенно ожесточенно военные действия велись с 1834 г., когда дагестанский имам Шамиль объединил и возглавил разрозненные племена горцев. 14 лет самурцы не сходят с передовых рубежей Восточного Кавказа, доблестно сражаются и получают боевые награды – Георгиевские кресты и знамена.

Но особенно отличился полк в последние годы сражений. На счету полковых батальонов взятие горских крепостей – Нового Бортуная, «ледяной» штурм Дылыма. В 1857 г., с падением Дылыма, горная Салатавия объявила покорность. К августу 1859 г. «все подвластные Шамилю народы и племена покорились Русскому царю и большинство непритворно радовались, что наконец-то можно свободно вздохнуть после 25-летней жестокой власти Шамиля и непрерывной войны» (1, с. 71). 10 августа русские войска под командованием генерал-адъютанта князя А. И. Барятинского обложили со всех сторон Гуниб-Даг, где находилось последнее убежище Шамиля. На предложение сдаться Шамиль ответил: «Гуниб высокая гора: я сижу на ней. Надо мной еще выше Бог. Русские стоят внизу. Пусть штурмуют» (1, с. 71).

На рассвете 25 августа 1859 г. войска двинулись на штурм Гуниба и к полудню неприступный Гуниб пал, Шамиль был пленен, правда, это был почетный пленник. Самурские батальоны штурмовали Гуниб с северной стороны по взорванной тропе, которую еще долго называли «Самурская тропа».

За отличие в этих событиях Самурский полк был награжден знаками на головные уборы с надписью «За отличие на Кавказе в 1857–1859 гг.», серебряными и бронзовыми медалями «За покорение Чечни и Дагестана в 1857, 1858, 1859 гг.». Медали получили все, от генералов до рядовых.

В музейной коллекции хранится 3 латунных знака на головные уборы и 3 медали – 2 серебряные и 1 бронзовая. На лицевой стороне медали, под императорской короной, на всем поле вензель Александра II, на оборотной стороне – круговая надпись: «За покорение Чечни и Дагестана», в центре – даты «1857, 1858, 1859». Диаметр медалей 28 мм. Носилась она на Георгиевско-Александровской ленте.

Однако эти события еще не означали окончания войны. Теперь основные силы российских войск сосредоточились на Северо-Западном Кавказе. Здесь предстояло еще пять тяжелых лет войны с черкесскими племенами. «Продвигаясь вперед и вперед, вырубая леса и строя укрепления и станицы, в то же время самурские стрелки почти каждый день участвуют в перестрелках и рукопашных схватках. Потери в боях товарищей не останавливают их... В память высокой доблести и в честь жертв, принесенных нашими стрелками при завоевании Западного Кавказа, одна из станиц Кубанской области носит имя «Самурская» (1, с. 79). Эта станица Краснодарского края и в наши дни носит название Самурской.

В мае 1864 г. российские войска дошли до берегов Черного моря и здесь в битве на реке Шах сломили последнее сопротивление черкесских соединений. 21 мая в урочище Кбаады Наместник Кавказа и Главнокомандующий Великий Князь Михаил Николаевич поздравил российские войска с окончанием Кавказской

войны. Вместе с другими участниками сражений самурцы были награждены медалями «За покорение Западного Кавказа. 1859–1864».

Четыре серебряных офицерских и шесть бронзовых солдатских медалей хранятся сейчас в коллекции музея. Среди них одна серебряная фрачная медаль малого диаметра. Медали имеют следующий вид: на лицевой стороне – погрудное изображение Александра II; на оборотной – круговая надпись: «За покорение Западного Кавказа», в центре – даты: «1859–1864». Медалью награждались все находившиеся в войсках во время военных действий. Лента к медали – Георгиевско-Александровская. Медали дополняют два знака на головные уборы – «За отличие при покорении Западного Кавказа в 1864 г.» – символ особого благоволения Государя Императора воинам Самурского полка (2, стр. 116–122).

В том же 1864 г. Александр II, «в память неутомимых усилий, трудов и геройских подвигов», повелел учредить особый крест для всех воинов, священников, чиновников, участвовавших в Кавказской войне. Крест «За службу на Кавказе» в нашей музейной коллекции представлен 5 образцами. Крест имеет расширенные концы, в центре – круглый щит с двуглавым орлом, на концах креста – надписи и дата: «Александр II – За службу на Кавказе. 1864»; через центр проходят два скрещенных меча. Кресты были серебряными для офицеров и бронзовыми с чернением для солдат. Носили крест на левой стороне груди, ниже всех орденов (3, с. 117).

Своя наградная система была и у Шамиля. Шамиль награждал своих набобов, а набобы награждали отличившихся воинов. Сами награды назывались «Знаки храбрости», изготавливали их местные мастера – серебряники, они имели произвольную форму и надпись. Такой орден есть и в нашей коллекции. Возможно, это боевой трофей самурцев. Орден имеет форму четырехлепестковой бляхи из серебра, в центре ее – полусфера в бусинном обрамлении, по кругу – черненная надпись по-арабски, внизу – дата по Хиджре, слева – полумесяц и восьмиконечная звезда. На сегодняшний день прочитана небольшая часть надписи: «За разведку и храбрость» и дата «1260», год Хиджры – это наш 1845 год.

С 70-х гг. XIX века перед нашими самурцами открывается новый театр военных действий – Восточный берег Каспийского моря и Средняя Азия. И русским солдатам, имевшим богатый опыт ведения боевых действий в горах, теперь предстояло иметь дело с пустыней. В 1873 г. завершился победоносный Хивинский поход, в котором участвуют два батальона Самурского полка.

В 1878 г. начались военные действия России в Туркмении. Войска Кавказского округа были переправлены через Каспийское море. Им предстояло военное продвижение вглубь Туркмении, получившее название Ахал-Текинской экспедиции. Продвижение шло в тяжелейших и непривычных условиях пустыни

– жара доходила до 45⁰ С, колодцы большей частью были отравлены, не хватало пищи, местное население настроено враждебно, частые военные стычки, вскоре начались болезни – несмотря на все трудности, войска продвигались в глубь Туркмении. Туркмены-текинцы готовились дать основной бой у крепости Геок-Тепе. В это время командующим войсками Закаспийского края был назначен знаменитый «Белый генерал» М. Д. Скобелев, у которого сложились особые отношения с самурцами – 1-й батальон полка даже называли «Скобелевская гвардия». Наконец, после 3-хмесячной осады крепости Геок-Тепе, состоялось решающее сражение, в январе 1881 г., оно было тяжелым для обеих сторон, силы туркмен вдвое превосходили русских, в некоторых частях был убит каждый четвертый. И все-таки крепость была взята. В январе 1884 г. туркмены приняли русское подданство. Многие эпизоды этой войны отражены в работах знаменитого русского художника-баталиста В. В. Верещагина, который сам был ее участником.

Две бронзовые солдатские медали, хранящиеся в коллекции музея, напоминают об этих событиях. На лицевой стороне медалей, в центре под короной, вензель Александра II; на оборотной стороне – в центре пять строк, надпись и дата: «За взятие штурмом Геок-Тепе. 12 января 1881 г.». Медали были серебряные и бронзовые, носились на Георгиевской ленте. Кроме того, в коллекции имеется наградной знак на головной убор – это бронзовая лента с двуглавым российским орлом и надписью: «За отличие на Кавказе в 1857–1859 гг. и взятие штурмом крепости Геок-Тепе 12 января 1881 г.». По особенностям этой надписи мы сейчас можем сказать, что знак принадлежал воинам 3-го батальона Самурского полка.

И наконец, уже при Николае II учреждается медаль 1895 г., подводящая итог более чем полувековой истории присоединения Средней Азии. На лицевой стороне медали крестом – вензели четырех императоров: Николая I, Александра II, Александра III, Николая II; на оборотной – четырехстрочная надпись: «За походы в Средней Азии в 1853–1895 гг.». Медаль, хранящаяся в музее, серебряная офицерская, такими медалями награждались все непосредственные участники сражения, носилась медаль на Георгиевской ленте.

Наконец, последний экземпляр самурской коллекции – это памятный крест «50 годовщина умиротворения Кавказа». 1909 г. Крест вручался солдатам и офицерам, служившим на Кавказе, во время праздничных мероприятий 1909 г., по случаю 50-летнего юбилея покорения Восточного Кавказа. Крест повторяет форму креста «За службу на Кавказе», только в центральном медальоне – цифра «L», а на сторонах креста – даты: «1859», «1909», на скрещенных мечах – вензели Александра II, Николая II.

Таким образом, наша безымянная коллекция из 29 наградных российских медалей вновь обрела свою кровную связь с героями далеких военных действий, с доблестными офицерами и солдатами 83-го пехотного Самурского полка. Было бы справедливо восстановить эту связь с самурцами и других музейных предметов.

Использованная литература и источники

1. Рыкалов И. «83-й пехотный Самурский полк». Ставрополь. Типография Губернского Правления, 1911.
2. Петров А. «История 83-го пехотного Самурского его Императорского Высочества Великого Князя Владимира Александровича полка». Петровск (Даг. обл.): Типография А.И. Михайлова, 1892.
3. Кузнецов А. «Награды». Москва. «Современник». 1998.
4. Большой Атлас России. Москва. Дизайн-информация. Картография «АСТ «АСТРЕЛЬ», 2005 г., с. 310–311, 316–317.

Коллекция документов ставропольского купца Г. И. Третьякова как источник по изучению семейной истории

Многопоколенная семья как субъект трансформации и воспроизводства различных социальных институтов, практик, процессов, привлекает к себе все больший интерес современных исследователей. Что влечет за собой разработку методологических принципов изучения истории семьи как самостоятельной стратегии научного исследования. О. Ткач полагает, что генеалогия представляет собой двойственный феномен. С одной стороны, она образует схему, или карту многопоколенных родственных связей, с другой – реконструирует прошлое и настоящее семьи в общий нарратив. Каждое из этих измерений родословной может актуализироваться в исследовательской практике (1, с. 267).

В социологических исследованиях изучение истории семьи предполагает, прежде всего, интервьюирование. Однако нам кажется оправданным воссоздание семейной истории методом анализа документальных источников. Научный интерес автора данной статьи вызвала коллекция документов семьи ставропольского купца II гильдии Григория Иосифовича Третьякова (1891–1933 гг.), хранящаяся в фондах Ставропольского государственного музея-заповедника.

Документы, образующие семейный архив, можно разделить на неформальные личные (дневник, записная книжка, фотографии) и официальные личные (свидетельство, именованное удостоверение, счета, деловые письма). В фокусе исследования и другие официальные документы, визуальные материалы (прейскуранты, рекламные издания, приглашение на свадьбу), связанные с публичной репрезентацией семьи и тех общественно-экономических условий, в которые она погружена.

Выходцы из центральной России, Третьяковы «сколотили» свое состояние на строительных предприятиях, и хотя большим капиталом семья не располагала, не входила даже в первую «тридцатку» местного купечества, однако своя ниша в местном бизнесе у них все же была: купля-продажа необходимых для строительства материалов: лесных, железно-скобяных, водопроводных товаров. Родоначальником рода купцов и предпринимателей Третьяковых был отставной квартирмейстер, прибывший с сыновьями с Волги, – Степан Иванович Третьяков. У него было 5 сыновей, из которых особенно преуспел Иосиф Степанович Третьяков, по словам современника, человек грубый и своенравный. Начиная с

малого и накопив некоторую сумму денег, он принялся за торговлю строительными материалами – разбогател (2). На собственном усадебном месте, на улице Госпитальной (ныне – улица Ленина), в 1897 году он построил общественную баню, которую впоследствии стали называть «Третьяковкой». По тем временам эта баня была одной из самых современных на Северном Кавказе (3).

Традиционно семья как преемственность поколений аккумулирует, воспроизводит и передает через поколения разнообразные семейные капиталы (ресурсы). А наличие ресурсов, по мнению исследователей, «обуславливает разнообразные стратегии семейного воспроизводства, которые в свою очередь способствуют дальнейшему накоплению и циркуляции капиталов в семье» (4, с. 278). Таким образом, продолжатели рода, братья Георгий и Михаил Иосифовичи, располагали значительными средствами для расширения семейного бизнеса.

«Братья Третьяковы», – гласит надпись их фирменного счета, – «торгующие под фирмой «Наследники И. С. Третьякова» в Ставропольской губернии». Здесь же, по традиции, представлены сферы их деятельности: «Торгово-промышленные, строительные и другие предприятия: контора и склад строительных материалов и водопроводных принадлежностей; специальный магазин дверных, оконных и печных приборов; склад лесных материалов» (5). Очевидно, по стопам отца пошла и дочь Иосифа Третьякова – Любовь Иосифовна Рыжикова (в замужестве). К сожалению, у нас очень мало информации о ее предпринимательской деятельности, однако в фондах Ставропольского государственного музея-заповедника находится счет от достаточно крупной фирмы (поставщиков Императорского двора) – братьев Воронцовых в Москве, адресованный именно ей (1911 г.) (6).

Уже упоминаемый выше Михаил Иосифович Третьяков, купец второй гильдии, хорошо знал всех местных торговцев. Это помогло ему стать членом учетно-ссудного комитета Ставропольского отделения Государственного банка, куда обычно входили пять-шесть знатоков из местной деловой элиты, способных реально оценить обстановку. В «банковской» характеристике Михаила Третьякова указывалось не только то, что в свои 34 года он еще не женат, торговлю ведет и в кредит, и за наличные вместе с братом. Указывалось также, что гимназию он... не окончил (7, с. 61).

Григорий Иосифович, в отличие от брата, получил образование, окончив полный курс обучения в духовном училище и показав хорошие знания по большинству предметов (8).

О широком радиусе деятельности и интенсивном товарообороте фирмы братьев Третьяковых говорит огромное количество счетов и деловых писем из всех уголков России: Ростова-на-Дону, Екатеринодара, Одессы, Тулы, Царицына,

Москвы (9). Деловая переписка велась, кроме того, с предпринимателями из Риги (10) и Варшавы (11). Партнерские отношения, естественно, поддерживались и с земляками, в коллекции присутствуют счета всех купеческих династий Ставрополя губернского (12). Вероятно, некоторые коммерческие предприятия требовали личного присутствия Григория Иосифовича. Так, мы располагаем счетом Харьковской гостиницы «Марсель», из которого узнаем, что «господин Третьяков» прибыл туда в 7 часов утра 7 марта 1909 г. Здесь же указаны его неприхотливые запросы в течение трех дней пребывания: свеча и кипятик (13).

В жизни этого человека, как и любого другого предпринимателя, было очень мало свободного времени, но все же он увлекся фотографией – революционным изобретением своей эпохи. В 1900-м году Григорий Третьяков получает свидетельство, разрешающее ему производить фотографические снимки в пределах Ставропольской губернии (14). Фотографическое дело захватило его с головой, среди бумаг присутствует счет за камеру (с показателями: 9 x 12% 33 кар.) (15), рекламный проспект акционерной компании «Кодак». Он испытывает различные фотографические аппараты и скрупулезно записывает результаты в специальный альбом вероскопических снимков (16). Здесь присутствует множество различных видов города Ставрополя 1912–1913 гг.: рыночная площадь, Воронцовская роща, крест на горе кафедрального собора, аптека Байгера, а также снимок с аннотацией: «Снято с крыши городской управы». И все же главной темой любительских фотографий Григория Иосифовича Третьякова остается его семья: жена, дети, многочисленные родственники.

Отдельно хотелось бы сказать о жене Григория Иосифовича – Матрене Ивановне Третьяковой. Это была удивительная женщина, главная помощница и единомышленница своего мужа. Так, на одной из фотографий она запечатлена за ведением бухгалтерской книги (16), однако наряду с трудолюбием, не чужды были ей и творческие порывы. О любимом времяпровождении Марены Ивановны свидетельствуют Дневник наблюдений за погодой 1931–1933 гг. (17) и книга рецептов блюд, заполненные ее аккуратным почерком. Последняя насчитывает 446 рецептов, где среди традиционных блюд встречаются и экзотические яства: «дамские пальчики», «долма турецкая», множество видов помадок: «флердоранжевая», «с розовым маслом» и многое другое (18).

Любимой жене Третьяков посвятил целую серию своих работ, которые так и озаглавил: «Любительские фотографические работы Г.И.Т. для М.И.Т. 1909 г.» (19). Все эти снимки замечательно иллюстрируют образ жизни купеческой семьи Третьяковых, которые, несмотря на свою занятость, были очень сплоченной семьей. Большим разнообразием отличался их досуг: посиделки за самоваром как дома, так и на воздухе – во внутреннем дворе; выезды с пикниками в лес, прогулки на велосипеде, светские рауты (в коллекции имеется приглашение на

свадьбу (20), поездки по близлежащим городам – на одной из фотографий Матрена Ивановна с сыном стоят у входа в пятигорский «Проваль» (21). Кроме всего прочего, Третьяковы также были ставропольскими меценатами, собиравшими в своем доме литературные вечера.

Фотографии дают нам представление об интерьере купеческого дома: комнатные цветы на окнах, мягкая мебель в светлых чехлах, кружевные салфетки на столиках, обязательно – икона в «красном углу». Все наполнено уютом и домашним теплом. Информацию о материальной стороне быта семьи несут и счета на имя Г. И. Третьякова. Например, от А. М. Крупенина в Ставропольской губернии, «Центральное производство шляп, шапок, фуражек и галантерейных товаров»: 1 – пальто (25 р.), 1 – фуражка (2.50 р.), 1 – чехол (1 р.), 1 – майка (20 коп.) (22). Или другой счет из мебельно-музыкального магазина Людвига Васильевича Траубе, где Третьяковым был приобретен 1 гардероб за 31 руб. (23). То есть перед нами не оптовая закупка для магазина, а единичные приобретения лично для себя и своей семьи.

С приходом новой власти Третьяковы лишились собственности, и для них наступили тяжелые времена. Судя по записям в блокнотах, семья, оставшаяся в Ставрополе, пыталась выжить, продавая на базаре все, что имело хоть какую-то ценность: и семейное серебро, и фотопринадлежности хозяина. Последняя запись сделана в 1933 году. Что стало с бывшими купцами позже, неизвестно.

Метод изучения истории семьи является незаменимым при исследовании социальной истории сообществ, классов, сословий; он позволяет осмыслить коллективные и индивидуальные стратегии поведения людей. Анализ коллекции документов купца Г. И. Третьякова дает представление о торговой и экономической деятельности купеческой среды губернского города Ставрополя на рубеже веков. Кроме того, это уникальный источник для изучения повседневного уклада жизни ставропольского мещанства, посредством чего мы можем понять, чем и как жила отдельно взятая семья в конце XIX – первой трети XX века.

Использованная литература и источники

1. Российский гендерный порядок: социологический подход – Санкт-Петербург, 2007.
2. Из личного архива Г.А. Беликова.
3. Облик старого Ставрополя / Г.А. Беликов, С.Н. Савенко. – Ставрополь, 2007 г. т. I.
4. Российский гендерный порядок: социологический подход – Санкт-Петербург, 2007.
5. Ставропольский государственный музей-заповедник (далее СГМЗ). ф. 424, ед. хр. 4, 27369/11.
6. СГМЗ, ф. 424, ед. хр. 4, №26413/4.
7. Акопьян А. П. Вы из «Третьяковки»? С легким паром // Про бизнес. – Февраль, 2008.
8. СГМЗ. ф. 424, ед. хр. 4, № 27369/10.
9. СГМЗ. ф. 424, ед. хр. 4.
10. Там же. № 20118.

11. Там же. № 20182.
12. СГМЗ, ф. 424, ед. хр. 4.
13. Там же. № 26413/20.
14. Там же. №27369/9.
15. Там же. № 26413/17.
16. СГМЗ, ф. 424, ед. хр. 6, № 20223.
17. СГМЗ, ф.424, ед. хр. 7, № 27370/7.
18. Там же. №2737/10
19. СГМЗ, ф.424, ед.хр. 54, № 20222.
20. СГМЗ, ф. 424, ед. хр. 4, № 27371/36.
21. СГМЗ, ф.426, ед. хр. 6, № 20223.
22. СГМЗ, ф. 424, ед. хр. 4, № 27371/18.
23. Там же. № 20217.

Гальфингер Н. А.,
г. Ставрополь,
Ставропольский государственный
музей-заповедник,
главный хранитель

Шашки в коллекции оружия Ставропольского государственного музея-заповедника

Шашка – холодное оружие кавказского происхождения. Шашки есть в коллекциях всех музеев Северного Кавказа. В фондах Ставропольского государственного историко-культурного и природно-ландшафтного музея-заповедника им. Г. Н. Прозрителева и Г. К. Праве (СГМЗ) 37 шашек. Их можно разделить на три условные группы: этнографическую, военно-историческую и декоративно-представительскую.

В **этнографической группе** 19 шашек и шашечных клинков, бытовавших на Кавказе в XIX – начале XX века. Это европейские клинки и продукция местных оружейников. Из источников поступления известен только один – Ставропольский губернский Музей Северного Кавказа Г. Н. Прозрителева. Наибольший интерес для экспонирования представляют: 1) шашки с разной кривизной клинков – прямым (оф 11799) и искривленным (оф 11797); 2) клинки с клеймами; 3) шашка в ножнах кавказского типа.

Известно, что в Европе в XIX в. широко практиковалось копирование клейм старинных оружейных марок. Кавказские мастера, в свою очередь, имитировали европейские клейма, этот контрафакт вновь копировался, и результат был уже совсем далек от оригинала (1, с. 30). Одну из шашек (оф 11807) украшает изображение, напоминающее яблоко с рядом буквоподобных значков по центру. Это подражание клеймам трансильванских клинков, на которых изображался трансильванский узел с тремя кистями и заговорной надписью посередине (1, с. 31–32).

Легендами овеяны волчки – шашки с клеймом в виде волка; таких в коллекции две. Кавказский волчок был высоко оценен наместником Кавказа великим князем Михаилом Николаевичем, взят за основу для шашки, принятой на вооружение русской армии в 1881 г. Великий князь дарил офицерам свиты владикавказские волчки со своими инициалами – «МН». Последние тоже стали копироваться. На волчке, по-видимому, европейском (оф 11795), изображение волка хорошо проработано, рядом выгравирован павлин среди выющихся ветвей и плохо сохранившаяся надпись, разборчиво – слово «Anno» («annus» – одна из форм слова «год», лат.). Серебряная рукоять этой шашки с черкесским орнаментом – творчество кавказского мастера. В глубине «ушей» – два клейма с

арабскими надписями. На одном – имя автора, на другом – дата: 1252 год Хиджры, т. е. 1836/37 гг. На втором волчке (оф 11808) рядом с весьма схематичным изображением волка имеются крестики, так называемые «пчелы», а также буквы, напоминающие Н и N, возможно, это подражание инициалам великого князя.

Буквы Н и N встречаем и на клинке, украшенном изображениями солнца с человеческим лицом и кружевного полумесяца среди звезд (оф 11794). На другой шашке выгравирована рука с мечом, протянутая из облака, значки, подражающие латинским буквам, и забавное изображение воина с открытым смеющимся ртом, в коническом шлеме и со щитом (оф 11822). Шашки с такими рисунками называли «Аббас-Мирза» (1, с. 33).

Клинок со штампом «SOLINGEN» (оф 11798) произведен в Германии в подражание венгерскому гусарскому оружию. Он украшен гравированными изображениями гусара в полный рост, сидящего орла с развернутыми крыльями, полумесяца с человеческим лицом; имеются надписи «Eisenhauer» («рубящий железо» (нем.) – характеристика качества стали), «Hungaria», «vincer aut mo» (лозунг или обращение, по-венгерски «vincere» – побеждать).

Четыре шашки имеют клеймо «гурда». Не раскрывая известную историю гурды и этимологию этого слова (1, с. 31), отметим, что изначально клеймо имело вид двух серповидных зубчатых линий со словом «GENUA» между ними. На 3-х шашках коллекции «гурда» утрачена надпись «GENUA» (оф 11796, 11800, 11804), еще на одной видоизменилась: 14 серповидных линий выбиты в ряд вдоль обуха, под ними восьмилучевая звезда с соляным символом внутри (оф 12013).

Клейма еще 4-х шашек представляют собой чередование букв, цифр, значков: например, «4N4N4N4N4» (оф 12207). Такие клейма не упомянуты у Э. Г. Аствацатурян. Их происхождение, возможно, следует искать в истории европейского оружия XII–XIV вв., на которое наносились сиглы – аббревиатуры молитв и обращений. Так, «SNEMENTS» означало «Sankta NominE Matris EnimoN TrinitaS» – «Святая Во имя Богоматери во имя Троица». Иногда для усиления молитвенного обращения использовалось его многократное повторение. Так, повторение «Iesu nomine» – «Во имя Иисуса» – зашифровано в сигле «ININININININ» (2; 5). Клеймо «4N4N4N4N4» похоже именно на эту аббревиатуру.

Последний из интересных образцов этнографической группы – шашка в ножнах кавказского типа (оф 12026). Самый узкий и короткий из клинков коллекции необычайно гибок, клеймо в виде полумесяца уходит под кожаную рукоять. Обтянутые черной кожей деревянные ножны имеют простой стальной прибор, устье и обе гайки спрятаны под кожу. Внешне чрезвычайно лаконичная, шашка являет собой замечательный образец холодного оружия.

В военно-исторической группе 16 клинков. Это шашки военных образцов, мемориальное оружие европейского и отечественного производства 1870–1941 гг. Большинство предметов подарены музеем земляками-кавалеристами или их родственниками в 1954–1988 гг. Особую ценность для музейной коллекции представляют: 1) шашки мастерских г. Владикавказа начала XX в., 2) шашки военных образцов русской армии, 3) шашки РККА, 4) шашки известных советских военачальников В. С. Голубовского и М. И. Суржикова.

В начале XX в. во Владикавказе производилось большое количество шашек для казаков. Городские мастера, сохраняя местные традиции, учитывали запросы казачьих войск. Пример эклектики кавказских, русских и европейских традиций в украшении оружия – шашка Ш. Х. Байкулова, награда 1918 года от военкома Баталпашинского отдела Кубанской области Г. Пономаренко и командира 2 Кубанского отряда Я. Балахонова (оф 13910). На клинке среди травленого орнамента с одной стороны мастер кустарно изобразил герб Российской империи, с другой – воина-казака в традиционной одежде, с пистолетом и шашкой в руках. Рукоять и прибор ножен богато украшены серебром по-кавказски. Из музея 83 Самурского пехотного полка поступила шашка мастера Османа Омарова. На клинке в вязи растительного орнамента с вытравленным фоном читается «Османъ», вдоль лезвия – штампованное клеймо «ОСМАНЪ» (оф 11805). Аналогично украшен и клеймен клинок из мастерской Мудунова («МУДУНОВЪ»). На серебряной рукояти и деталях прибора, украшенных сложным двухслойным лакским орнаментом, есть пробирные клейма Донского пробирного управления и губернских пробиреров г. Астрахани и Терской области 1908–1926 гг., а также нерасшифрованное пока клеймо «ИН» или «НИ». Шашка вручена в 1919 г. реввоенсоветом 11 армии и Новороссийским горкомом ВКП (б) И. М. Зейликовичу (оф 13393).

В день 10-летия I Конной армии, в 1930 г. бесстрашному кавалеристу, призванному из станицы Темнолесской, будущему генерал-майору М. И. Суржикову командование 11 кавдивизии вручило «именной кубанский клинок» (4, л. 6). Шашка, судя по лакскому орнаменту на устье и накладках ножен, была изготовлена во Владикавказе. 19 августа 1943 г., по воспоминаниям одного из штабистов, во время боя командир 6 кавкорпуса «генерал Суржиков выхватил из ножен (серебряной отделки) клинок, и мы тоже обнажили шашки и с криком «ура» в пешем строю повели в атаку кавалерийский полк» (4, л. 19). Атака захлебнулась, начался авианалет, во время которого генерал-майор погиб. Его искореженная взрывом кавказская шашка – одна из музейных реликвий (оф 14008).

История кавказской шашки переплетается с историей шашки армейской. Впервые на вооружение отдельных частей регулярной русской армии шашка была

принята в 1834 г., а в 1881 г. она стала основным оружием русской кавалерии. В коллекции музея представлены: драгунская солдатская шашка образца 1881 г. (найдена на территории Крепостной горы в г. Ставрополе в 1992 г., оф 33039); казачья шашка нижних чинов, образца 1881 г. (оф 12220); три драгунские офицерские шашки образца 1881/1909 гг. Одна из последних – анненское оружие, на клинке клеймо «E&F. HÖRSTER SOLINGEN» золингенской фирмы «Э. Ф. Хёрстер» (3, с.171), на крестовине эфеса надпись «За храбрость», на втулке головки миниатюрный знак ордена Св. Анны (оф 13020). В другой шашке – клинок 1870 года, казачьей офицерской шашки образца 1838 г., с клеймом «ЗЛАТОУСТЬ» сочетается с эфесом образца 1881/1909 гг. (оф 27120). Вензель императора «Н II» почти удален с рукояти путем выравнивания поверхности металла, видны лишь следы имперской короны. Очевидно, что эта офицерская шашка служила в годы гражданской войны красноармейцу.

«Своя» же шашка у Красной армии появилась в 1927 г. В музейной коллекции четыре клинка, которые обозначают некоторые вехи истории шашки РККА.

Шашка 1930 г. (оф 15382) имеет ножны с гнездами под штык для красноармейцев и младших командиров, клинок с овальным клеймом «Златоуст. Ор. Ф.» с серпом и молотом посередине. Детали прибора латунные. Изображения на головке выполнены в технике литья. Шашка с ножнами без гнезд для штыка для командного и начальствующего состава имеет такое же клеймо на клинке 1930 г., но на головке рукояти изображения уже проще: не литые, а гравированные (оф 26231) – особенность шашек 1931–1941 гг. В украшении ножен латунными накладками в виде листа березы и цветка между двумя треугольниками заметно отдаленное подражание черкесскому галуону на ножнах шашек начала XX в. Детали рукояти и прибор ножен с гнездами под штык шашки 1937 г. (оф 13574) в целях экономии цветных металлов изготовлены не из латуни, а из ковкого чугуна, и никелированы. Еще проще шашка 1941 г.: рукоять не окрашена, орнамент на головке схематичен, упрощен сбег дола у пяты клинка (оф 15002). Ножны двух последних шашек обтянуты не кожей, а прорезиненным материалом. Златоустовская оружейная фабрика неоднократно переименовывалась. На шашке 1937 г. клеймо Златоустовского инструментального завода – «ЗИЗ» (1935–1939 гг.), на клинке 1941 г. – треугольное клеймо Златоустовского инструментального комбината «ЗИК» (1939–1944 гг.) (6).

В отдельном ряду армейских шашек именно оружие уроженца с. Петровского (ныне г. Светлоград) В. С. Голубовского. Она вручена начдивом 14 кавдивизии С. К. Тимошенко в 1923 г., т. е. до введения шашки РККА. На дамаскированном клинке полустертое клеймо: под гербом Российской империи

надпись «ШАФЪ ... С. ПЕТЕ...». Это продукция крупнейшей частной фабрики Шафов в Петербурге, где изготавливалось офицерское оружие, в том числе и украшенное (3, с.163). После 1927 г. В. С. Голубовский, видимо, отдал офицерскую шашку на переделку. От старого оружия остались, кроме клинка, костяной черен, прибор ножен и табличка белого металла с дарственной надписью. На рукоять надели головку шашки РККА, ножны перетянули красной кожей и дополнительно к прибору украсили двумя медными значками: один в виде головы лошади, другой – с советскими символами. Это самая красивая шашка военного образца в коллекции СГМЗ (оф 12564). В. С. Голубовский стал в 1940 г. генерал-лейтенантом, а С. К. Тимошенко – маршалом Советского Союза.

В декоративно-представительской группе 2 шашки. Первая – декоративная шашка кубачинских мастеров, рукоять и ножны белого металла украшены гравировкой, чернью и позолотой (оф 27557). Вдоль всего клинка с обеих сторон и по обуху травлением нанесены тексты на арабском языке. Среди них дата: 1378 год Хиджры, т. е. 1959 год. Изъята на таможне и передана в музей Управлением КГБ СССР по Ставропольскому краю в 1991 г. Вторая шашка – подарок музею в связи с празднованием столетнего юбилея, в 2005 г. Изготовлена также в Дагестане, но в традициях казачества. Это наградное оружие Ставропольского казачьего округа Терского казачьего войска к 15-летнему юбилею ТКВ. На клинке травлением нанесены соответствующие надписи и символика. Украшение рукояти и ножен имитирует кавказское.

Достаточно разнообразная, интересная, соответствующая краеведческому профилю музейная коллекция шашек требует пополнения Златоустовскими клинками с клеймами «ККВ» и «ТКВ», Кубанского и Терского казачьих войск, образца 1904 г.

Использованная литература и источники

1. Аствацатурян Э.Г. Оружие народов Кавказа. М., Хоббикнига, 1995.
2. Кирпичников А.Н., Медведев А.Ф. Вооружение // Древняя Русь. Город. Замок. Село. М., 1985.
3. Кулинский А.Н. Русское холодное оружие военных морских и гражданских чинов 1800–1917 гг. С-Пб, ТОО «Магик-Пресс», 1994.
4. СГМЗ, д.ф. 321, ед.хр. 1.
Ресурсы Интернета:
5. Форум KAMERAD – форум военной истории, реконструкции и археологии:
<http://www.forum.kamerad.ru/index.php?showtopic=515>.
6. Форум военных коллекционеров WW2: <http://ww2.ru/forum/index.php>.

Гордиенко А. Б.,
г. Ставрополь,
Ставропольский государственный музей-заповедник,
и. о. заведомом этнографии

Устные источники о деятельности краевых и местных властей на Ставрополье в фондах СГМЗ

Одним из перспективных направлений современной исторической науки является создание и исследование устных источников. Возникновение устной истории связано с рядом факторов. Главным из них является развитие звукозаписывающей аппаратуры. Но не менее важен и научный аспект. Методологические поиски в русле постмодернизма и социальной истории привели многих исследователей середины XX в. к отказу от создания абстрактных, универсальных схем исторического процесса и обращению к изучению «человека во времени», рассмотрению феномена «исторической памяти».

Зарождение указанного научного направления произошло в конце 1930-х гг. Именно в данный период профессор Колумбийского университета Алан Невис ввел в оборот термин «устная история». Кроме того, ученый декларировал необходимость создания организации, которая «систематически собирала бы и записывала устные рассказы, а также мемуары видных американцев об их участии в общественной, политической, экономической и культурной жизни страны за последние шестьдесят лет» (1, с. 136). Исходя из заявленных задач, Невис рассматривал устную историю как сбор и анализ воспоминаний участников исторических событий. Однако в настоящее время этот термин имеет более широкую трактовку.

Так, зарубежные исследователи Д. Арон-Шнаппер, Д. Шварцштайн, М. Виланова считают более предпочтительными понятие «устные источники» или выражение «история в устных источниках» (1, с. 138). Отечественный историк А. Я. Гуревич определяет устную историю как «запись того, чему свидетелями были те или иные лица, не обязательно профессиональные историки, но, прежде всего, рядовые участники исторического процесса, на памяти которых происходили события не только их личной или групповой жизни, но и большой истории» (2, с. 234). Российский исследователь Е. Ф. Кринко настаивает на более точном использовании термина, подразумевая под устной историей особый вид исследований, с присущими только им предметом, методами и источниками (3, с. 37–48). При этом под последними понимается не любая устная речь, а

зафиксированные специалистами свидетельства, с целью получения и сохранения исторической информации.

Сбором именно таких свидетельств занимаются научные сотрудники СГМЗ во время полевых исследований в рамках долгосрочного экспедиционного проекта «Ставрополье, век XX». Его целью является не только изучение традиционного бытового уклада разных групп населения края, их ментальных установок и поведенческих стереотипов, но и анализ того, как исторические процессы общероссийского и местного масштаба отразились в сознании ставропольцев. Записанные в ходе экспедиций интервью содержат информацию, касающуюся политической истории региона, что делает их весьма ценными. Свидетельства подобного рода помогают оценить общественный резонанс тех или иных событий политической жизни края, выявить особенности саморепрезентации отдельных представителей местных властей, осветить специфику их взаимодействия с населением.

Устные источники по заявленной теме, содержащиеся в фондах СГМЗ, условно делятся на 3 группы. К первой относятся интервью с современными представителями местной власти (как правило, руководителями районов и главами сельской администрации), ко второй – оценочные суждения населения об их деятельности, к третьей – воспоминания ставропольцев о наиболее значимых деяниях краевых и районных властных структур в советское время. Рассмотрим каждую из групп.

Для формирования массива источников первого типа бесценной оказалась «дебютная» экспедиция в рамках проекта – в Курский и Степновский районы Ставропольского края. В ходе нее было взято несколько интервью с представителями местной власти. Показателен диалог с Сергеем Андреевичем Логвиновым, главой администрации Курского района (4, с. 4–10). Последний является территорией, весьма неоднородной по своему хозяйственному развитию и этноконфессиональному составу населения. Рассматриваемый район граничит с несколькими республиками Северного Кавказа (Чечня, Дагестан, Кабардино-Балкария). Здесь проживают представители свыше 60 наций и народностей. Бесценен опыт налаживания межэтнического и межконфессионального взаимодействия, которым поделился Логвинов, руководивший районом в непростых экономических и социальных условиях. Важную дополнительную информацию по этой теме дали также заместитель главы администрации – А. Самаркин, специалист по связям с общественными и религиозными организациями Н. И. Криштопа, заведующий отделом культуры Р. П. Шаула (4, с. 21).

Вместе с тем, во время экспедиций уделялось внимание не только интервьюированию должностных лиц районного уровня. В ходе

исследовательской работы в станице Темнолесской Шпаковского района был опрошен глава местной сельской администрации – С. М. Герасименко. Интервью с ним отличается комплексным характером. Герасименко рассказывает о национальном и половозрастном составе населения станицы, ее хозяйственном развитии, анализирует наиболее насущные проблемы местных жителей (5, с. 31–34).

Интервью с главой администрации с. Гофицкого Петровского района – Владимиром Александровичем Катеневым примечательно наличием многочисленных оценочных суждений. Респондент рассказывает о современном социально-экономическом положении села в сравнительном аспекте, сопоставляя развитие его инфраструктуры в советское и нынешнее время. Кроме того, примечателен опыт взаимодействия Катенева с краевыми властями (при строительстве моста в окрестностях поселения), описанный в интервью (6, с. 110–118).

Весьма важны сведения, полученные в диалоге с должностными лицами (Вячеславом Павловичем Брыжахиным – главой сельской администрации, Ангелиной Ивановной Брыжахиной – полномочным представителем главы администрации на х. Богомоллов, Еленой Николаевной Корсун – специалистом администрации 1 категории по работе с населением) в селе Привольном Красногвардейского района. Их интервью ценны не только описанием основных проблем, стоящих перед местными жителями, но и проявившимися особенностями самоидентификации данных руководителей (7, с. 65–70). Последние ощущают себя неотъемлемой частью сельского сообщества, ведущего начало от первых крестьян-переселенцев, и нисколько не противопоставляют себя простым приволянам. Главную же задачу своей деятельности представители местной власти видят в сохранении социальной стабильности и традиционных духовных ценностей. В. П. Брыжахин выразил эту мысль следующим образом: «Я так думаю [главное] – сохранить уклад жизни. Село должно жить по сельским меркам: тихо, спокойно, без всяких стрессов. Иметь определенный достаток. Культура должна присутствовать на месте. Среда обитания должна быть [благоприятная]. Зарплата стабильная должна быть, чтоб человек мог прокормить свою семью, вырастить детей. Чтоб власть на месте была, могла помочь человеку. Мы к этому стараемся продвинуться» (7, с. 69–70).

Однако картина функционирования краевых и местных властей, по данным устных источников, была бы неполной без наличия оценочных суждений об их деятельности со стороны жителей региона. Указанные материалы содержатся в интервью последних двух экспедиций. Оценки эти зачастую диаметрально противоположны и имеют как положительную («председатель у нас очень хороший, очень. Заботливый. Но ему надо большая помощь» (7, с. 69)), так и

отрицательную («сейчас жисть сильно страшная» (7, с. 183)) окраску. Причем, при интерпретации подобных данных необходимо учитывать не только уровень достатка жителей рассматриваемого населенного пункта, но социально-экономическое положение конкретного респондента.

Еще одной группой устных источников, касающихся социальной и политической жизни края, являются интервью, рассказывающие о деятельности краевых и местных властей в советский период. Зачастую эти данные имеют фрагментарный характер и даются в сопоставлении с современными социально-экономическими реалиями. Наиболее полное интервью подобного рода содержится в экспедиционном отчете отдела истории на тему: «Президент СССР М. С. Горбачев – уроженец села Привольное». Оно взято у приволянина П. П. Полякова, долгое время бывшего главным инженером в местном колхозе и начальником объединения «Сельхозтехника» Красногвардейского района. Респондент по роду службы сталкивался с М. С. Горбачевым, являвшимся в 1970-е гг. первым секретарем Ставропольского крайкома КПСС – руководителем края. Этим объясняется хорошая информированность Полякова о ряде мероприятий тогдашней краевой власти. В частности, он подробно рассказал о роли Михаила Сергеевича в организации МХП (межхозяйственного предприятия по ремонту тяжелой сельскохозяйственной техники) Красногвардейского района (8, с. 67–70).

Примером оценки деятельности краевых властей советского времени в сопоставлении с мероприятиями современных политиков региона могут служить фрагменты интервью с жительницей с. Привольное Е. С. Седых, также содержащиеся в отчете (8, с. 70).

Из вышеперечисленного видно, что палитра устных источников по политической и социальной истории Ставрополья, хранящихся в фондах СГМЗ, достаточно разнообразна. Помимо содержащейся в интервью фактической информации, диалоги с респондентами включают их уникальную авторскую интерпретацию. Это помогает реконструировать коллективные следы и фрагменты памяти, оставленные теми или иными событиями в сознании действующих лиц исторического процесса.

Использованная литература и источники

1. Орлов И.Б. Устная история: генезис и перспективы развития // Отечественная история, 2006. № 2.
2. Гуревич А.Я. Априори современной исторической науки: мнимые и подлинные // Одиссей. Человек в истории. 1997. М., 1998.
3. Кринко Е.Ф. Устная история, ее проблемы и возможности // Вопросы теории и методологии истории. Сб. научных трудов. Майкоп, 2001. Вып. 3.
4. Плохотнюк В.С., Сачук С.С., Елагина Е.Н. Отчет о работе историко-этнографической экспедиции Ставропольского государственного краеведческого музея им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Пправе в Курский и Степновский районы Ставропольского края. Ставрополь, 2002. СГМЗ. н.в.ф. 8987.

5. Сачук С.С. Отчет о работе историко-этнографической экспедиции Ставропольского государственного краеведческого музея им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Пправе в ст. Темнолесской Шпаковского района Ставропольского края. Ставрополь, 2003. СГМЗ. О.ф. 33645.
6. Сачук С.С. Отчет о работе историко-этнографической экспедиции Ставропольского государственного краеведческого музея им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Пправе в с. Гофицком Петровского района Ставропольского края. Ставрополь, 2005. СГМЗ. О.ф. 35201.
7. Сачук С.С. Отчет о работе комплексной естественнонаучной и историко-этнографической экспедиции Ставропольского государственного историко-культурного и природно-ландшафтного музея-заповедника им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Пправе в с. Привольном и на х. Богомолове Красногвардейского района Ставропольского края. Ставрополь, 2007. СГМЗ. О.ф. 35799.
8. Ганина Т.Ю. Отчет о работе комплексной естественнонаучной и историко-этнографической экспедиции Ставропольского государственного историко-культурного и природно-ландшафтного музея-заповедника им. Г. Н. Прозрителева и Г. К. Пправе в с. Привольном и х. Богомолове Красногвардейского района Ставропольского края на тему: «Президент СССР М. С. Горбачев – уроженец села Привольное». Ставрополь, 2008.

Нафталиева О. М.,
г. Ставрополь,
Ставропольский государственный музей-заповедник,
младший научный сотрудник

История одного предмета (тфилин) в коллекции Г. Н. Прозрителева

В фондах Ставропольского государственного историко-культурного и природно-ландшафтного музея-заповедника им. Г. Н. Прозрителева и Г. К. Праве (СГМЗ) хранится предмет, атрибутированный в книге поступлений как «налобники, употребляемые при религиозных молитвах раввинами» (о.ф. 1701). По старым номерам Ворошиловского краевого музея краеведения (1936 – 1943 гг.), нанесенным на предмет, выяснилось, что он поступил в 1927 году из Ставропольского губернского музея Северного Кавказа.

Правильное название «налобников» – «тфилин», от слов «утверждение» и «доказательство», поскольку в иудаизме он представляет собой свидетельство и доказательство того, что Всевышний присутствует среди нас (2, с. 32).

Тфилин (תְּפִילִין; ед. число תְּפִלָּה, тфиля – иврит) – по-гречески филиактерион, откуда русское название «филактерии», аналогично и в других европейских языках, – это единый предмет иудейского культа. Он состоит из двух частей – маленьких коробочек (батим, буквально «домики») из кожи, каждый из которых надет на ремешок. Внутри «домиков» находятся кусочки пергамента, на которых написаны отрывки молитв (паршийот) из Пятикнижия. Наручный тфилин (шел яд) накладывают на обнаженную левую руку («против сердца»; левши – на правую руку). Головной тфилин (шел рош) – надо лбом. Это соответствует библейскому предписанию: «Да будут слова сии, которые Я заповедую тебе сегодня, в сердце твоём... и навяжи их в знак на руку твою, и да будут они повязкою над глазами твоими» (1, Втор. 6:6–8; ср. Исх. 13:9, 16; Втор. 11:18).

Согласно мнению исследователей, предмет, носивший название тфила, был в пользовании уже в библейскую эпоху. В одном из угаритских документов в описании еврейского мудреца Ваала упоминается тфила на его голове. Несомненно, что тфилин существовал в Израиле уже в эпоху, предшествующую таннаям (1–2 вв. н. э.), так как много тфилин было обнаружено при археологических раскопках в Кумране, в Мурабба'ате, в пещерах Иудейской пустыни, где скрывались повстанцы восстания Бар-Кохбы (132–135 гг. н. э.). Во время последовавших за восстанием гонений со стороны Римской империи наложение тфилин каралось смертной казнью (4, кол. 1136–1139).

Святость тфилин уступает лишь святости Торы. Наложение тфилин считается одной из важнейших заповедей наряду с обрезанием и соблюдением субботы (1, Быт. 17).

Мужчина (прошедший обряд обрезания) должен налагать тфилин во время ежедневной утренней молитвы (Шахарит), за исключением субботы и праздников. Согласно Талмуду, тфилин не налагают в субботные и праздничные дни потому, что его называют «знаком», а суббота сама является знаком (1, Исх. 31:17); то же относится и к праздникам. Тфилин не следует налагать, когда невозможна молитвенная концентрация духа, например, жениху в день свадьбы (3, с.15). Тфилин не налагается в государственные дни памяти, скорбящими, до похорон умершего, на кладбище, а также во время обыденных дел (работа, еда, покупки и т. п.). По достижении мальчиком совершеннолетия, то есть в 13 лет и один день (бар-мицва), он обязан налагать тфилин, однако практиковаться в совершении ритуала он начинает несколькими неделями ранее. В восточных общинах в честь первого наложения тфилин проводится особая праздничная церемония.

Законы относительно тфилин изложены в Талмуде, главным образом в небольшом талмудическом трактате «Тфилин», который относится к эпохе гаонов и представляет собой компиляцию, где собрано все, что сказано о тфилин в разных местах Талмуда. Законоучители придавали тфилин духовное и воспитательное значение, поскольку речь идет о знаке и памяти об исходе из Египта и о предписании помнить Закон, данный Б-гом Израилю. Наряду с этим широко было распространено почитание тфилин как своего рода амулета, и даже законоучители верили в его способность отвращать зло в самом человеке. Талмуд подчеркивает особую важность тфилин. Даже Б-г налагает тфилин, когда Он слышит стих «кто подобен народу Твоему Израилю, единственному народу на земле». Считается, что тот, кто не налагает тфилин, сознательно совершает грех. «У кого тфила на голове, тфила на руке, цицит на одежде и мезуза на дверном косяке, тот защищен от прегрешения» (4, кол, 1136–1139). Наложение тфилин приводит человека к сосредоточению, изгоняя легкомыслие и фривольность духа.

Изготавливается тфилин из кожи кошерного животного, т. е. домашнего парнокопытного жвачного. Коробочки укрепляются с помощью жил на более широких подставках, через тыльную сторону которых проходят кожаные ремешки для крепления на теле. Их ширина не должна быть меньше длины ячменного зерна (0,9 см) (2, с. 34).

Правила наложения тфилин предписаны во всех деталях: сначала мужчина облачается в талит (накидку), затем налагается наручный тфилин; коробочка помещается с внутренней стороны руки между локтем и плечом и закрепляется охватывающей руку ремешком петлей; конец ремня обматывается семь раз вокруг

руки от локтя до запястья. Таким образом, он «подчиняет себе» мышцу – силу человека. При этом он оказывается напротив сердца – источника чувств. Ашкеназы обматывают руку против часовой стрелки, сефарды и хасиды — по часовой стрелке. Головной тфилин устанавливается выше середины лба, ремешок стягивается вокруг головы петлей; концы ремня свободно свисают с затылка на грудь до пупка. После этого остающийся свободным конец ремня от наручного тфилин особым образом обматывается трижды вокруг среднего пальца (1, Хош. 2:21–22). Такая последовательность объясняется тем, что выполнение Закона («рука») должно предшествовать его постижению («голова»). В то же время более «тонкие» действия («обматывание ремешка вокруг пальцев») могут быть правильно осуществлены только после постижения смысла Закона. Во время наложения тфилин произносятся соответствующие молитвы.

Снимают тфилин в обратном порядке: сначала с кисти руки, потом с головы, затем с локтя и кладут в специальный чехол. Если коробочки тфилин упали на пол, уронивший обязан поститься на протяжении всего дня (3, с. 16–17).

Согласно Галахе (свод законов), тфилин содержит четыре отрывка молитв: 1) «Посвяти Мне каждого первенца...» до слов «из года в год» (1, Исх. 13:1–10); 2) «И будет – когда приведет тебя Б-г...» до «вывел нас Б-г из Египта» (1, Исх. 13:11–16); 3) «Слушай, Израиль» до «и на воротах своих» (1, Втор. 6:4–9); 4) «И будет: если будете слушаться...» до «так долго, как долго существуют небеса над землею» (1, Втор. 11:13–21). Относительно порядка отрывков молитв существуют две традиции – Раши и раби Тама; первая принята в качестве обязательной, вторая – факультативная. Археологические находки в пещерах Мертвого моря показывают, что обе традиции весьма древние.

Наручный тфилин состоит из одного отделения, где помещается свернутый в трубочку или сложенный лист пергамента, на котором написаны все четыре паршийот. Головной тфилин состоит из четырех соединенных между собой отделений (кцицот или тотафот), в каждом из которых помещается полоска пергамента с одной из паршийот.

По Раши, порядок вкладывания в отделения четырех отрывков из Торы должен быть слева направо относительно того, кто этот «тфилин» носит: 1) «Посвяти...»; 2) «И будет, когда приведет...»; 3) «Слушай, Израиль»; 4) «И будет, если будете слушаться...». Р. там считает, что порядок их иной: в третьем отделении должен находиться отрывок «И будет: если будете слушаться...», а в четвертом, последнем справа, – «Слушай, Израиль» (4, кол 1136–1139).

По традиции, раввин ежегодно проверяет пригодность тфилин для дальнейшего использования. При этом батим вскрываются, а затем кожа заново прошивается. В случае стирания букв, повреждения ремешков и т. п. дефекты устраняются или принимается решение о непригодности тфилин.

На двух противоположных гранях головного тфилин изображена буква шин – с правой стороны обычная, с тремя зубцами (праотцы Авраам, Ицхак и Яков), а с левой – с четырьмя (праматери Сара, Ривка, Рахель и Лея). Узел ремешка сделан в виде буквы далет, образующей вместе с изображенной на коробочке буквой шин и концом ремешка, означающим букву йод, имя Шаддай (одно из имен Б-га). Конец ремня наручного тфилин обматывается вокруг кисти руки и среднего пальца таким образом, чтобы составить буквы шин, далет и йод, также образующие имя Шаддай (3, с. 16–17).

Коробочки тфилин из фондов СГМЗ приближаются по форме к кубу – 2,7×2,4×2,4 см; размер подставок-оснований под ними – 0,8×4,2×5,5 см. Несмотря на то, что предмет хранится в музее более 100 лет, сохранность коробочек хорошая. Их отличает высокое качество и аккуратность изготовления. Лицевая сторона окрашена в черный цвет и лакирована. На оборотной стороне кожа не окрашена, полупрозрачная. Сквозь нее видно содержимое коробочек светлого цвета. На оборотной стороне имеется шов из жил: на каждой коробочке 12 стежков. По сохранности шва можно судить, что тфилин не вскрывали. Хорошо сохранились рельефные буквы шин с тремя и четырьмя зубцами на боковых сторонах головного тфилин, а также видны грани между четырьмя его отделениями. К сожалению, головной ремень отсутствует. Наручный ремешок сохранился частично – длина фрагмента 111 см. На нем имеется узел в виде буквы йод. Ремешок окрашен в черный цвет с одной стороны.

Когда и как предмет попал в музей Северного Кавказа, неизвестно. В настоящее время обе коробочки, в нарушение традиции, надеты на один сохранившийся ремешок. Возможно, уже в таком виде тфилин попал в музей Г. Н. Прозрителева.

Использованная литература и источники

1. Тора. Пятикнижие и гафторот. Иерусалим – М., Мосты культуры – Герашим., 5767 – 2007.
2. Кицур Шульхан Аруах. С краткими примечаниями на основе Мишна Бруна. Пер. с иврита А. Кутуков. М., КЕРООР, 1999.
3. Сидур «Врата молитвы». Нусах «сфарад». Под ред. Пинхаса Полонского. Иерусалим – М., 5754 – 1994.
4. Краткая еврейская энциклопедия. Под ред. Ицхак Орен (Надель), д-р Нафтали Прат. Том 8, кол.1344. Иерусалим, 1996.

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ, СОХРАНЕНИЯ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КУЛЬТУРНОГО И ПРИРОДНОГО НАСЛЕДИЯ

Белоус В. Н.,
г. Ставрополь,
Ставропольский государственный университет,
доцент, к. б. н.;

Дронов А. В.,
г. Ставрополь,
Краевой центр экологии, туризма и краеведения,
педагог

Флора и растительность донскобалковского лесостепного ландшафта

Исследуемая территория находится в Петровском районе и, согласно ландшафтному районированию Ставропольского края, относится к Прикалаусско-Буйволинскому водораздельному природно-культурному ландшафту лесостепной провинции (1). Окрестности села Донская Балка, на наш взгляд, выделяются серией эколого-морфологических признаков этого ландшафта и несут целый ряд индивидуальных черт флоры и растительности. Эти особенности позволяют отличать донскобалковский участок от соседних природно-территориальных комплексов, например, таких, как верхнебуйволинского и горы Куцай. Участок расположен в пределах северной части Прикалаусских высот. Он занимает обращенные к долине реки Калаус западные крутые склоны, а также поверхность плато-волнистой равнины – от села Просянка на юге до села Донская Балка на севере.

Большую роль в формировании рельефа этого участка высот играют значительное вертикальное расчленение окраин структурно-денудационного плато и слагающие его коренные породы, обуславливающие развитие резко выраженных балочно-овражных форм, которые производят впечатление нагорья. Массив изрезан поперечными клиновидными балками длиной до 5 км. Высоты в верховьях балок по гребню достигают 350–360 м над уровнем моря и резко (до 150–160 м) падают к западу и северо-западу в низовьях. Здесь формируются каньонообразные долины с выходами слоев известняков, песчаников, глин и песков, образующих крутые и скалистые обрывы, а также причудливые останцы, выступающие между отдельными балками. Особенно выделяются расположенные практически параллельно три крупные балки: Свиная, Татарская и Бурцева с одноименными лесными массивами.

Согласно проведенной инвентаризации, флора изучаемого района насчитывает более 250 видов сосудистых растений, из них нами выявлено 22 вида, занесенных в Красную книгу Ставропольского края (2).

Растительность представлена преимущественно лесными, подзональными и эдафическими вариантами степных сообществ. Определенный фон в распределении флоры и растительности донскобалковского ландшафта создают климатические, а главным образом эдафические факторы. Общие климатические условия района неблагоприятны для широкого произрастания плакорной лесной растительности на открытых водоразделах, отчего плоские участки очень слабо облесены. На плато лишь изредка выходят куртины разновозрастного низкорослого редколесья из боярышника, калины гордовины (*Viburnum lantana*), терна (*Prunus spinosa*).

Байрачные леса приурочены к балкам (или байракам) – наиболее лесопригодным элементам рельефа. Их климат отличается более мягкими сезонными и межсезонными колебаниями температурного режима. В известняково-песчаных отложениях формируются подземные воды, дающие родники на склонах балок. Литогенная основа и микроклиматические условия балок с их защитной ролью от действия степных суховеев благоприятно сказываются на лесорастительных условиях.

Древесные насаждения образуют сомкнутый древостой по склонам и днищам балок с суглинистыми делювиальными наносами. Лес по большей части порослевого происхождения, стволы часто искривлены, особенно в местах, расположенных вблизи жилья. В настоящее время он представлен преимущественно травяно-кустарниковыми ильмово (*Ulmus minor*, *U. glabra*)-ясеневниками, с примесью яблони восточной (*Malus orientalis*), боярышника пятипестичного (*Crataegus pentagyna*), груши кавказской (*Pyrus caucasica*), клена полевого (*Acer campestre*). Последний формирует с основными лесообразующими породами первый ярус. Такие формации, по всей видимости, являются производными, в результате сведения в процессе рубок хозяйственно-ценных экземпляров деревьев. Именно хозяйственная деятельность человека внесла значительные изменения в картину породного состава здешних лесов.

Кустарниковый ярус слагают барбарис (*Berberis vulgaris*), виды бересклета (*Euonymus europaea*, *E. verrucosa*), свидина южная (*Swida australis*), бирючина обыкновенная (*Ligustrum vulgare*), бузина черная (*Sambucus nigra*), калина обыкновенная (*Viburnum opulus*) и другие.

Травяной ярус в глубине лесных массивов формируют типично лесные виды – аронник восточный (*Arum orientale*), перловник поникающий (*Melica nutans*), мятлик боровой (*Poa nemoralis*), лук темно-фиолетовый (*Allium atrovioleaceum*), купена (*Polygonatum glaberrimum*, *P. ovatum*), чесночница

черешковая (*Alliaria petiolata*), ночная фиалка (*Hesperis sibirica*), ластовень лазящий (*Vincetoxicum scandens*), чистец лесной (*Stachys sylvatica*), подмаренник цепкий (*Galium aparine*) и опушечные виды – диетропетала Шмальгаузена (*Diedropetala schmalhauseni*), спаржа мутовчатая (*Asparagus verticillatus*), шлемник высочайший (*Scutellaria altissima*), коротконожка лесная (*Brachypodium sylvaticum*).

Интересны флора и растительность лесных полей, которые маркируют места с близким залеганием плиты известняка. На открытых пространствах среди леса здесь наблюдаются комбинации древесной, кустарниковой и травяной форм растительности. Именно на этих участках сохранились замечательные по своей первозданности богаторазнотравно-дерновиннозлаковые степные сообщества. Основу травостоя составляют дерновинные злаки: типчак (*Festuca rupicola*, *F. valesiaca*), перистые ковыли (*Stipa lessingiana*, *S. pennata*), тимофеевка степная (*Phleum phleoides*), тонконог гребенчатый (*Koeleria cristata*) и степное разнотравье: сирения стручковая (*Syrenia siliculosa*), лапчатка железистая (*Potentilla adenophylla*), люцерна румынская (*Medicago romanica*), язвенник крупноголовый (*Anthyllis macrocephala*), астрагал австрийский (*Astragalus austriacus*), дубровник (*Teucrium chamaedrys*, *T. polium*), железница горная (*Sideritis montana*), зопник колючий (*Phlomis pungens*), фломоидес клубненосный (*Phlomoideis tuberosa*), шалфей сухостепной (*Salvia tesquicola*), коровяк фиолетовый (*Verbascum phoeniceum*), наголоватка паутинистая (*Jurinea arachnoidea*), истод кавказский (*Polygala caucasica*). Анализ геоэлементов показывает, что подавляющее большинство видов имеют понтические, южносибирские и евро-кавказские корни.

Местами травяные сообщества носят переходный характер между луговой и богаторазнотравно-дерновиннозлаковой степью. В соответствующих местообитаниях возрастает роль осоки низкой (*Carex humilis*), ясенца кавказского (*Dictamnus caucasicus*), пиона узколистного (*Paeonia tenuifolia*), вики (*Vicia cracca*), чины киноваревой (*Lathyrus miniatus*), мяты полевой (*Mentha arvensis*), вероники многораздельной (*Veronica multifida*), ежи многобрачной (*Dactylis polygama*) и других луговостепных форм. В полосе контакта травяной и древесной растительности отмечаются типичные картины мозаичного взаимопроникновения степных и лесных видов.

В местах выходов на поверхность коренных пород и продуктов их выветривания обильны псаммо-петрофиты. Каменисто-степные группировки обогащены редкими видами, среди которых особое место занимают ксеротермические реликты. Эмблему местной флоры составляют шаровница пятнистая (*Globularia punctata*), гипсолюбка скученная (*Gypsophila glomerata*), майкараган волжский (*Calophaca wolgarica*), люцерна решетчатая (*Medicago*

cancellata), чебрец дагестанский (*Thymus daghestanicus*), карагана мягкая (*Caragana mollis*), скабиоза исетская (*Scabiosa isetensis*), а также эндемик – псефеллюс Анны (*Psephellus annae*) и субэндемики флоры Ставрополя – копеечник Биберштейна (*Hedysarum biebersteinii*) и истод Сосновского (*Polygala sosnowskyi*). Среди этих видов ксерофильной природы шаровница пятнистая и скабиоза исетская известны на Северном Кавказе только со Ставропольской возвышенности. Единичными экземплярами здесь встречается редкая для края наголоватка Эверсмана (*Jurinea ewersmannii*).

Вместе с вышперечисленными растениями характерное ядро флоры составляют: 1) сокращающиеся виды – ятрышник трехзубчатый (*Orchis tridentate*) и ирис крымский (*Iris taurica*); 2) субэндемик флоры Предкавказья – безвременник яркий (*Colchicum laetum*); 3) третичный реликт – пион узколистный (*Paeonia tenuifolia*); 4) исчезающий вид – любка зеленоцветная (*Platanthera chlorantha*); 5) уязвимые виды – тюльпан Биберштейна (*Tulipa biebersteiniana*) и ирис ненастоящий (*Iris notha*). Большая же часть видов растений-эдификаторов, доминантов и ассектаторов степей являются общими для Прикалаусских высот, что говорит о фитоценоотическом единстве территории.

Наиболее дренированные сухие склоны, плакорные участки с супесчаными и каменистыми почвами заняты господствующими травяными ценозами – бородачевыми (*Botriochloa ischaemum*), тимьянниковыми (*Thymus marschallianus*) и другими вариантами петрофитной степи. Помимо доминантов, ценозообразователями данных сообществ выступают такие ассектаторы, как грудница мохнатая (*Crinitaria villosa*), бессмертник песчаный (*Helichrysum arenarium*), астрагалы (*Astragalus bungeanus*, *A. pseudotataricus*), черноголовник (*Poterium polygamum*), хондрилла ситниковидная (*Chondrilla juncea*), мордовник шароголовый (*Echinops sphaerocephalus*), зверобой (*Hypericum elegans*), живучка (*Ajuga glabra*), вероника (*Veronica spicata*), колокольчик крымский (*Campanula taurica*), валериана клубненосная (*Valeriana tuberosa*) и другие.

На обнажениях плиты известняка и мелкоземистых хрящеватых субстратах типичны такие петрофиты, как головчатка уральская (*Cephalaria uralensis*), смолевка приземистая (*Silene supine*), лен тонколистный (*Linum tenuifolium*), гвоздика ложноармериевидная (*Dianthus pseudoarmeria*), эфедра двухколосковая (*Ephedra distasya*), лук беловатый (*Allium albidum*), бурачок извилистый (*Alyssum tortuosum*), черноголовник многобрачный (*Poterium polygamum*), вьюнок узколистный (*Convolvulus lineatus*), вероника Жаквина (*Veronica jacquinii*), чебрец дагестанский (*Thymus daghestanicus*).

На эродированных и прежде выпасаемых участках с неразвитыми скелетными, щебнистыми почвами распространены варианты типчаково-ковыльной и разнотравно-дерновиннозлаковой степи с обедненным составом и

характерным набором сорных и полусорных видов – буглоссоид полевой (*Buglossoides arvensis*), марьяник полевой (*Melampyrum arvense*), очанка гребенчатая (*Euphrasia pectinata*), крестовник весенний (*Senecio vernalis*), мятлик луковичный (*Poa bulbosa*), анизанта кровельная (*Anisanta tectorum*), костер японский (*Bromus japonicus*), молочай Сегиеров (*Euphorbia seguieriana*). Наблюдаются тырсовые группировки из ковыля-волосатика (*Stipa capillata*).

В устьях балок с влажными, слабодренированными местообитаниями развиты бедноразнотравно-злаковая и галофитная растительность. Олуговельные ценозы на аллювиальных каштановых, солончаковатых и солонцеватых почвах состоят из мезофильных злаков, полыни, прутняка (*Kochia prostrata*), камфоросмы (*Camphorosma monspeliaca*) и других представителей семейства маревых. У подножия нагорной части донскобалковского ландшафта, в понижении древней долины Калауса, отделенной от современного русла реки увалом, расположено озеро Соленое, вокруг которого развиваются группировки из солянок и других солеросов.

Наши исследования расширяют представления о географии экологических реликтов, эндемичных, редких и исчезающих видов растений, занесенных в Красную книгу Ставропольского края. В связи с уникальным видовым богатством, а также высокой степенью сохранности степных и лесных рефугиумов донскобалковского района, есть крайняя необходимость его заповедания. В частности, Свиную балку и прилегающие к ней участки целинной степи нужно вывести из любого хозяйственного оборота и выделить как буферную зону государственного заказника «Соленое озеро». Наши геоботанические обследования легли в основу заключения о целесообразности присоединения нового участка к охранной зоне заказника, подготовленного министерством природных ресурсов и охраны окружающей среды Ставропольского края. Полученные материалы использованы при съемках документального фильма о природе этой части Прикалаусских высот, который транслировался местным телеканалом «Свет-Плюс» (г. Светлоград).

Использованная литература и источники:

1. Шальнев В.А. Ландшафты Ставропольского края. – Ставрополь, 1995. – 52 с.
2. Красная книга Ставропольского края. Т. 1. Растения. – Ставрополь, 2002. – 384 с.

Бурков С. Б.,
г. Владикавказ, РСО-А,
Институт истории и археологии
при Северо-Осетинском госуниверситете
(СОГУ),
старший научный сотрудник

Деятельность органов государственной власти и управления Ингушетии в области обеспечения сохранности историко- культурного наследия

Деятельность органов государственной власти и управления Республики Ингушетия в области обеспечения сохранности, изучения, реставрации и использования недвижимых объектов культурного наследия можно условно подразделить на несколько уровней: административно-управленческий; законодательный; контрольно-распорядительный; надзорный.

В рамках осуществления полномочий, установленных действующей нормативно-правовой базой, головной орган исполнительной власти, ответственный за действия с историко-культурным наследием МК РИ, обязан использовать все имеющиеся средства для обеспечения его сохранности, изучения и использования. С этой целью в настоящее время созданы и действуют специализированные подразделения: отдел по делам музеев и охране культурного наследия МК РИ; археологический центр при МК РИ и в его составе инспекция по охране памятников археологии; Джейрахско-Ассиновский государственный историко-архитектурный музей-заповедник.

Для изучения истории и культуры в Ингушетии образованы: отдел истории и этнографии в составе НИИ гуманитарных исследований; центр по изучению памятников истории и культуры при Правительстве РИ; отделы научных исследований – в составе Ингушского государственного музея краеведения (ИГМК) и музея-заповедника, а также археологические фонды – в составе ИГМК.

Деятельностью, связанной с реставрацией памятников градостроительства и архитектуры, в Ингушетии занимается частное предприятие «Поиск» (руководитель С. М. Богатырев).

Правовым обеспечением для реализации комплекса мер по управлению обеспечения сохранности, контроля за состоянием и использованием историко-культурного наследия, а также вопросов координации взаимоотношений с организациями производственного профиля служат ряд нормативно-правовых и подзаконных актов. Их разработка и принятие были связаны с объективной потребностью для юридического обоснования деятельности как самих органов управления культурным наследием, так и тех, что служат реализации инициатив

отдельных исследователей. Все они могут быть отнесены к следующим категориям: нормативно-правовые акты – Законы и Указы Президента РИ; подзаконные акты – Постановления и Распоряжения Правительства РИ, а также решения судебных органов относительно действий с нормативно-правовой базой в области культурного наследия.

Анализ их современного состояния позволил установить, что в настоящее время ситуация в этой области характеризуется следующим: нарушением законодательных норм во время действий по приведению в соответствие с общефедеральной нормативно-правовой базой республики; недостаточностью самих нормативно-правовых актов, регламентирующих действия региональных органов власти, связанных с историко-культурным наследием, прежде всего в области охраны и эксплуатации объектов археологии, реставрационных работ на памятниках градостроительства и архитектуры; наличием большого количества противоречий в действующих актах, что не позволяет полноценно и в необходимом объеме использовать их для вышеуказанных целей; отсутствием последовательности в их принятии и реализации на практике.

В 1995–1997 гг. органы прокуратуры и суда всех уровней были активно задействованы в контроле за соблюдением законодательства в области охраны памятников, в том числе в качестве представителей интересов структур МК РИ. Результатом стало выигранное в судах всех инстанций дело по факту уничтожения погребений в зоне строительства г. Магас со стороны управления «Ингушавтодор», административные взыскания, наложенные на руководство частного предприятия – кирпичного завода в с. Насыр-Корт, участие в надзорных мероприятиях в отношении уголовных дел по фактам хищений предметов из катакомбных могильников на территории Назрановского района. В настоящее время сотрудники прокуратуры проявляют пассивность и уклоняются от участия в этом важном государственном деле. Если ранее в системе республиканского МВД за работу с органами охраны памятников отвечал специальный сотрудник, а в перечень должностных обязанностей руководства поселковых администраций в обязательном порядке входили вопросы мониторинга сохранности памятников, то в настоящее время этого уже нет.

То же самое можно сказать и относительно деятельности районных и городских административных комиссий. Если на 1995–1996 гг. приходится рассмотрение и принятие определенных решений по 5 заявлениям, поданным археологической группой (инспекцией по охране памятников), то за последние 12 лет – ни одного.

Участие Народного Собрания Парламента Ингушетии в проблемах сохранности культурного наследия происходит: путем рассмотрения и принятия поправок в действующие нормативно-правовые акты; участием в судебных

прениях по поводу приведения в соответствие с федеральным действующего республиканского законодательства; организацией парламентских слушаний по вопросам действенности работы МК РИ и ее структурных подразделений по обеспечению сохранности памятников градостроительства и архитектуры в связи с установлением на территории Джейрахского района погранзоны.

Стоит отметить, что все проекты нормативно-правовых актов в области деятельности с историко-культурным наследием были разработаны вне стен Народного Собрания – Парламента Ингушетии, благодаря инициативе отдельных энтузиастов.

Административно-управленческий аппарат органов исполнительной власти, и прежде всего МК РИ, слабо и непоследовательно реализуют свои права и возможности в области управления и охраны культурного наследия. Особенно отчетливо это проявилось при обсуждении проблемы обустройства погранзоны на территории Джейрахского района, в границах музея-заповедника федерального значения.

В этом же русле находится вопрос о лицензировании работ на памятниках истории и культуры регионального значения, в том числе реставрационных, консервационных и ремонтно-восстановительных. В этой связи до сих пор непонятен правовой статус и характер работ на одной из боевых башен в селении Ляжги, которая возводится с контура остатков постройки. В ходе несанкционированных земляных работ внутри башни были сделаны находки древних предметов, их судьба неизвестна. Возведение стен ведется в режиме обычной стройки. Неизвестно, была ли раньше эта башня достроена, есть ли на эту постройку паспортные данные, разработана ли и утверждена (кем?) необходимая строительная документация, являются ли эти работы реставрационными или это т. н. «новодел». Объяснения сотрудников МК РИ, знающих об этом факте с той точки зрения, что иначе невозможно было бы найти деньги и строителей для этих работ, не могут быть приняты, т. к. в любом случае существует утвержденная процедура подобных действий. Неизвестно также, кем и как было выдано разрешение на эти работы, т. к. «Положение о лицензировании работ на памятниках истории и культуры республиканского и муниципального значения» до сих пор не разработано и не принято.

Многочисленные архитектурные памятники горной зоны разваливаются на глазах. Республиканская программа по охране и реставрации памятников истории и культуры на деле оказалась пустой декларацией. Правительственная комиссия по работам на Назрановской крепости до сих пор так и не приступила к реальной деятельности. В этих условиях строительство на ее территории новых объектов современной инфраструктуры здравоохранения привело не только к разрушению части стен сооружения XIX века, но и к уничтожению культурного слоя бытового

археологического памятника – многослойного поселения, где по фрагментам керамики было зафиксировано несколько исторических эпох: от поздней бронзы (XIV–VIII вв. до н.э.) до развитого средневековья (VIII–XII вв. до н.э.). В связи с тем, что Назрановская крепость до сих пор не паспортизирована, а значит и не находится под охраной государства, ответственности за ее разрушение никто не несет.

Принятый в конце 2004 года закон РИ «Об утверждении республиканской целевой программы «Сохранение и развитие Джейрахско-Ассиновского государственного историко-архитектурного музея-заповедника на 2005–2009 гг.» является позитивным шагом. Однако его реализация зависит от вопросов финансирования, исполнительской дисциплины и корректировки некоторых разделов программы.

Вопросы подобного рода требуют предварительной тщательной и глубокой проработки, т. к. в настоящее время проблема сохранности исторического наследия Ингушетии во многом связана с правовой и производственной безграмотностью значительной части чиновников и населения. Непонимание того, что многие памятники являются объектами федерального значения, приводит к тому, что после несанкционированных работ на них башенные постройки не только теряют свой первоначальный вид, но и в дальнейшем научным реставрационным работам не подлежат. Подобные объекты исключаются из реестра памятников истории и культуры, что уже произошло с храмом Тхаба-Ерды. После непрофессиональной работы грузинских реставраторов в 60–70 гг. прошлого века и консервационных работ местных строителей, работавших по утвержденному МК РИ плану в 2004 г., произошло покрытие свода современной металлочерепицей, уничтожение культурного слоя вокруг храма с помощью трактора, бетонирование основания у стен храма и уничтожение древней системы ливневых стоков. Храм Альби-Ерды, после его раскопок д. и. н., профессором М. Б. Мужухоевым оказался на грани уничтожения, однако полномасштабных работ по его реставрации провести не удалось из-за недостатка финансирования.

Еще недавно в республике велись безлицензионные работы по исследованию разрушающихся погребений в горной и предгорной зонах Ингушетии. Так, сотрудниками археологического центра при МК РИ в 2002–2003 гг. были произведены раскопки на каменных могильниках в с.с. Ляжги, Памет, Пуй в Республике Ингушетия и в с. Эзми, территориально принадлежащем РСО–А. Данное решение было официально оформлено документально бывшим директором АЦ Б. Мальсаговым в форме распоряжения по организации. После 2003 г. несанкционированных работ по исследованию разрушающихся погребений в горной зоне республики со стороны сотрудников АЦ не

производилось. С 2005 г. работы на археологических памятниках республики ведутся по Открытым листам (У. Гадиев, И. Цечоев). В 2008 г. ограниченные исследования в районе храма Тхаба-Ерды осуществлялись силами начальника инспекции АЦ при МК РИ У. Гадиева и сотрудников ИА АН РФ.

Большой проблемой является и отсутствие программы по паспортизации памятников — археологии — горной — и — предгорной — зоны — Ингушетии. Специализированной разведки памятников сейчас никто не ведет.

Мониторинга сохранности памятников археологии в горной и предгорной зоне МК РИ в лице его многочисленных структурных подразделений не ведется. Центр по изучению памятников истории и культуры при Правительстве РИ занят организацией фотовыставок и очисткой от мусора ряда памятников градостроительства и архитектуры горной зоны республики. Работу дирекции Джейрахско-Ассинского государственного историко-архитектурного музея-заповедника по обеспечению сохранности и использованию памятников археологии, градостроительства и архитектуры трудно считать полноценной и достаточной во всех направлениях, равно как и деятельность отдела по делам музеев и охране культурного наследия.

К основным проблемам в области действий с историко-культурным наследием в РИ на современном этапе относятся: неразработанность, с точки зрения современных реалий, региональной нормативно-правовой базы в области обеспечения сохранности, изучения и использования памятников археологии как составной части общего историко-культурного наследия юга России; отсутствие необходимых подзаконных актов в виде постановлений Правительства, утвержденных «Положений», «Инструкций», других документов, регламентирующих действия с памятниками археологии, прежде всего вопросы согласования землеустроительной документации; отсутствие Протокола о разграничении полномочий между МК РФ и МК РИ, в том числе – и в области действий с историко-культурным наследием в горной зоне республики (федеральный статус Джейрахско-Ассиновского государственного историко-архитектурного музея-заповедника, республиканский статус большинства памятников археологии, градостроительства и архитектуры); отсутствие четкого разграничения полномочий между МК РФ и ФПС в части расположения погранзастав на землях музея-заповедника, а также правил закрепления в собственность за Назрановским погранотрядом земель, отведенных им в пользование (собственность); массовое строительство, связанное с изменением (перемещением) верхних почвенных слоев и выемкой грунта, без согласования с государственными органами охраны памятников; отсутствие необходимой строительной документации на объекты, возведение которых уже закончено; узаконивание несанкционированного строительства в обход действующего

законодательства; бесконтрольность действий земельной комиссии Правительства РИ, ведущей работы при отсутствии в ее составе представителей государственных органов охраны памятников; абсолютная несогласованность действий, связанных с выделением земельных участков, закреплением их в собственность (в пользование) со стороны градостроительных и землеустроительных служб всех уровней, а также заказчиков работ на объектах (прежде всего – МО и ФПС) и государственных органов охраны памятников; непонимание и нежелание соблюдать законодательство в области охраны памятников со стороны всех органов и ветвей власти республики; отсутствие плановых мероприятий, координации действий, достаточного финансирования, роста профессионализма и подготовки кадров в самих службах, занимающихся проблемами сохранности памятников археологии; слабое внимание к проблемам региональных служб охраны памятников со стороны представительств федеральных структур ЮФО; отсутствие программы по паспортизации памятников, а также ее финансированию; большие совокупные затраты на деятельность музея-заповедника, отдела охраны памятников МК РИ, АЦ при МК РИ, Центра по изучению памятников истории и культуры при Правительстве РИ (общая ежегодная сумма превышает 2,5 млн. руб.) и недостаточно рациональное их использование, уничтожение археологических слоев при самовольных, т. н. «реставрационных» работах; бесконтрольность работ в зоне строительства г. Магас со стороны АЦ МК РИ; отказ от производства работ по выведению из хозяйственного оборота земель с расположенными на них памятниками археологии; отказ от разработки охранных зон памятников, которые не утверждаются и не устанавливаются, что приводит к систематическому уничтожению курганных могильников и поселений в зонах ежегодной распашки; бездействие прокуратуры и судов всех уровней, игнорирование опубликованных в СМИ фактов о грубейших нарушениях в области охраны памятников, отказ от исполнения решений Верховного Суда РФ, вступивших в законную силу; пассивность Правительства РИ в надлежащем контроле за деятельностью подчиненных организаций и законодательном оформлении прав республиканских органов охраны памятников; крайне низкое качество реставрационных работ на памятниках градостроительства и архитектуры в горной зоне; вопрос о зонах регулирования застройки даже не поднимается, тогда как большинство населенных пунктов предгорной полосы Назрановского и Сунженского районов Ингушетии чрезвычайно насыщены разновременными памятниками археологии; нормативно-правовые акты в области программы развития Джейрахско-Ассинского музея-заповедника, постановки на госучет и охрану памятников археологии, истории и культуры не соответствуют нормам действующего законодательства; разработка всех карьеров на территории республики ведется

без согласования с археологической службой, землеотводы на них не оформляются, памятники археологии уничтожаются (кирпичный завод в ст. Нестеровской – могильники эпохи раннего железа и раннего средневековья); землеустроительные службы районов и городов в земельном кадастре не имеют планов-схем земельных участков с памятниками археологии и их охранных зон; при наличии в штате АЦ 12 человек, в районах и городах отсутствуют представители археологических служб, работа с населением, органами МВД практически не ведется, что приводит к массовым грабежам предметов из катакомбных могильников у с. с. Яндаре, Троицкая, Аршты, а также из зоны строительства г. Магас.

Для того чтобы объективно охарактеризовать содержание основных проблем в области охраны и использования историко-культурного наследия Ингушетии, необходимо обратиться к оценке уровня и особенностей ее развития.

Проблема обеспечения сохранности культурного наследия республики до сих пор не находится в числе приоритетов ее органов государственной власти. Причины подобного отношения во многом кроются в уровне и характере социального развития, практике государственного строительства, этнокультурных особенностях и личностных приоритетах наиболее влиятельных этнократических групп.

Отчуждение органов государства от проблем абсолютного большинства населения в данных конкретных условиях базируется на их восприятии простым населением как искусственно созданных наднациональных конструкций. Административная система до сих пор не является базовым элементом данного социума, устроенного на основе кровнородственных отношений. Консервативность ценностных ориентаций в обществах подобного типа нацелена, прежде всего, на завоевание преимуществ на внутри – и межсеме́йном уровнях. Это объективно приводит к диаметрально противоположным ценностным ориентациям государства как выразителя общенациональных интересов и отдельного этнического сообщества в форме большего (тукум) или меньшего (отдельная семья) его подразделения.

Регулирующая функция государства как инструмента управления в республиканских условиях действует крайне слабо. Понимание общенациональных ценностей происходит лишь в вопросах контроля территории совместного проживания, но не распространяется на общность действий по практической защите своего национального достояния. В обществе не сформирована установка на обязательное исполнение законов, в том числе и в области охраны памятников. Особенно это касается официальных представителей самой власти, которые в своей деятельности далеко не всегда следуют установленным правилам. Тема изучения, сохранения и использования

богатейшего потенциала объектов культурного наследия в деле формирования концепции национальной государственности до сих пор не стала приоритетной в деятельности органов государственной власти и управления всех ее уровней. В этих условиях усилия родовых коллективов по осознанию своей причастности к строго определенным объектам градостроительства и архитектуры никем не направляются и не контролируются органами исполнительной власти.

Тот же подход демонстрируется и при решении проблем обустройства инфраструктуры погранзоны на территории Джейрахско-Ассинского государственного историко-архитектурного музея-заповедника федерального значения.

Выделение погранзоны без согласования с министерствами культуры РФ и РИ было истолковано как нарушение права субъекта федерации на действия со своей территорией. В обсуждении данной проблемы активно участвовали представители Народного Собрания – Парламента Ингушетии, уполномоченный по правам человека, руководство музея-заповедника археологического центра при МК РИ, союза писателей Ингушетии. Однако разобщенность и недостаточный профессионализм действий, противоречивость в принятии решений со стороны руководящих органов власти всех уровней, опасения относительно роста протестных настроений в обществе по поводу непопулярных распоряжений самой власти в итоге привели к ряду компромиссных решений, слабо сказывающихся на обеспечении сохранности объектов культуры в горной зоне республики.

Решение данных проблем с опорой только на государственные структуры выглядит достаточно проблематичным, представительства Всероссийской общественной организации по охране памятников в Ингушетии нет, разрозненные попытки отдельных энтузиастов принципиально изменить ситуацию не могут.

В этих условиях контролировать сохранность памятников исключительно сложно. Сотрудники музея-заповедника не могут в полном объеме выполнять свои должностные обязанности из-за ограничений в передвижении. Многочисленные факты хищения древних предметов активировать не удастся, доказательная база этих событий крайне слаба. Сказывается и малочисленность персонала, отсутствие транспорта, общая слабая материально-техническая база, крайняя пассивность руководителей органов местного самоуправления, представителей исполнительной власти республики.

Отдельной проблемой является игнорирование норм действующего законодательства в области охраны памятников со стороны ФПС при согласовании проектов строительства, землеустроительной документации с государственными органами охраны памятников. Их безынициативность и неумение применять на практике нормы закона дополнительно ухудшают ситуацию. Экспертиза землеустроительных дел не производится, норм и правил

установки охранных зон республиканское законодательство до сих пор не содержит, экспертной комиссии по этим вопросам не создано, стоимость работ не определена. Министерство культуры РИ не работает с экспертами из числа подготовленных специалистов, имеющих многолетний практический опыт работы с памятниками археологии, градостроительства и архитектуры. В связи с тем, что абсолютное большинство архитектурных памятников Ингушетии имеют археологические слои, до сих пор не ясно, кто должен заниматься вопросами их сохранности: отдел охраны памятников МК РИ, музей-заповедник, не имеющий в своем составе специалистов-археологов, или археологический центр при МК РИ.

Согласно Постановлению Правительства РИ №78 от 25.03.2005, были утверждены перечни объектов исторического и культурного наследия РИ республиканского значения, входящих в состав Джейрахско-Ассиновского музея-заповедника, при отсутствии в законодательстве республики процедуры отнесения данных объектов к той или иной категории. Подобное же Постановление было принято ранее, в 2001 г., относительно памятников археологии предгорно-плоскостной зоны Ингушетии, в формулировке «утвердить перечень памятников». Процедура отнесения памятников к категории здесь также была нарушена. В дальнейшем этот нормативный акт был отменен.

Согласование действий с землеустроительными службами относительно памятников археологии, прежде всего в горной зоне, отсутствует. Согласно отчетам о наличии земель Республики Ингушетия и распределении их по формам собственности, категориям, угодьям и пользователям, в графе «земли особо охраняемых территорий» стоит прочерк, тогда как площадь музея-заповедника составляет более 64 тыс. га.

Постановлениями Правительства РИ под строительство погранзастав и инфраструктуры ФПС в границах заповедника были выделены участки рядом с историческими памятниками. Министерство культуры республики против этого не возражало. Охранные зоны, определенные для некоторых памятников археологии, градостроительства и архитектуры горной зоны в натуре не выделены, их контур в строительной документации отсутствует, межевание участков, находящихся под памятниками федерального и регионального значения в границах заповедника, не произведены.

В условиях, когда между МК РФ и РИ до сих пор не подписан Протокол о разграничении полномочий, все еще не ясно, кто имеет право и обязан согласовывать землеустроительные дела в границах заповедника – органы управления охраны памятников федерального или регионального уровня.

Законодательство об охране памятников в Ингушетии фактически не исполняется, ответственность за гибель национального наследия никто из работников министерства культуры не несет, административные дела по фактам

разрушения памятников не заводятся, судебные решения по ним не принимаются. На фоне всеобщего чиновничьего равнодушия и безразличия процесс утраты историко-культурного наследия республиканского, а значит и всероссийского, мирового достояния принял размеры национальной катастрофы.

Только совместными усилиями органов охраны памятников всех уровней, в сочетании с деятельностью органов исполнительной и законодательной власти Ингушетии проблема сохранности, изучения и эксплуатации памятников археологии, градостроительства и архитектуры может быть успешно решена.

Гайдено А. В.,
г. Ставрополь,
Московский государственный гуманитарный
университет им. М.А. Шолохова,
старший преподаватель,
Краевой центр экологии туризма и краеведения,
заведующий лабораторией «Прикладная экология»

Павлова дача как объект эколого-эстетического воспитания

Сегодня многое предпринимается образовательными учреждениями высшего и среднего звена для приобщения школьников к экологической культуре. Разработано много методических программ, пособий. И, как показывает опыт Краевого центра экологии туризма и краеведения, это нужно начинать с дошкольного возраста.

Именно педагоги дошкольного образовательного учреждения закладывают основы экологического мировоззрения. Закладывая основы экологического сознания, педагоги обращают внимание детей на взаимодействие человека с живой природой, знакомят с различными объектами природы, с природными явлениями, воспитывают бережное отношение ко всему живому.

И когда они вырастут, то будут с уважением относиться к окружающей среде, не останутся равнодушными к важности проводимых мероприятий по защите и охране природы. Но, подрастая, школьники ведут себя иначе, забота о природе исчезает.

Несмотря на попытки реформирования образования и обновления его содержания, качество базового образования постоянно снижается, в том числе и экологического образования и воспитания. Причина в том, что реформы направлены на коммерциализацию образования, на формирование нового общества – общества потребления и приоритета материальных ценностей и личной выгоды, иного результата дать они не могут. Потому что эти цели разрушительны для любого общества, на любом уровне: для государственного устройства, для культуры народа, для производственных отношений и т. д.

На сегодняшний день многие школьники не только далеки от экологической культуры, но некоторые из них столкнулись с наркотиками, самоубийством, сексуальной распущенностью, преступностью среди подростков. Все эти реалии выдвигают на первый план государственного образования вопросы духовно-нравственного воспитания и возрождения лучших отечественных культурно-образовательных традиций.

В сложившейся ситуации сама жизнь вызвала обращение школы к духовно-нравственным традициям. Так, с 2000 года действует проект «Религиоведческое

образование в светских школах» – научный руководитель проекта – С. Б. Романов, проректор Московского института открытого образования МДО. А. В. Бородина с 2002 г. пытается объяснить причины введения факультатива по истории религии в школе. «История религиозной культуры: Причины введения религиоведения в содержание образования». – Сто друзей (приложение к «Учительской газете», 26.12.2002 (№ 52).

Академик РАО Г. Н. Волков утверждает: «Религия – стержневой фактор в формировании духовности личности... Воспитательный потенциал традиционных религиозных учений огромен... Религия – величайший пласт человеческой культуры. В отрыве от нее мы строим ненадежный, непрочный дом духовности» (1, с.163 – 167).

«Только стремление к совершенству – духовному, общекультурному, творческому – как главная движущая сила личного и общественного развития может давать положительные результаты для государственного устройства, для национальной культуры в целом, производства, науки, экологии» (2, с. 5).

Несомненно, в приобщении к экологической культуре школьников большое значение имеет в воспитательном процессе духовно-нравственный принцип (4, с. 3), который неразрывно связан с Православием.

Пример тому – ставропольский владелец лесной дачи, коллежский регистратор Лаврентий Ермолаевич Павлов, человек глубоко верующий. Церковь для него – прежде всего милосердие, нравственность и добродетель. Его благотворительная деятельность была направлена на поддержание и благоустройство г. Ставрополя, ставропольских храмов, монастырей, строительство приюта для сирот (см. 5; 6). Любовь, сострадание, дружеское участие – принцип его жизни.

На купленной в конце 1840-х годов даче Павлов устроил парковую зону. Ранее здесь произрастали преимущественно породы дуба, тополя и граба. Он посадил каштановую аллею, которая сохранилась до наших дней. Ели, фруктовые деревья, посаженные в 50-е годы XIX в., не сохранились.

В районе источника Карабин в 1837 году была возведена часовня в честь иконы Св. Николая Чудотворца, которая отражала духовно-нравственные принципы горожан. К сожалению, часовенка была разрушена в советские годы. В нашем засушливом крае, действительно, глоток свежей, чистой, прохладной воды мог оказать на путника чудодейственную силу. В городе Ставрополе до прихода кубанской воды воду населению полагалось набирать днем, ночью воду брали водовозы для бань, гостиниц, закусочных, промышленных предприятий. Источник становился «святым» местом, и его называли во имя того или иного Святого. Например, в селе Высоцком – во имя иконы Божьей Матери и Св. Николая (3, с. 163). Источник Серафима Саровского в г. Ставрополе, Татарский

источник во имя Казанской Божьей Матери и др. Несомненно, воспитание у школьников бережного отношения к водным ресурсам нужно проводить в религиозном плане...

В наши дни восстановлен родник Северный с часовней по типу иконостаса, в который вмонтирована икона Св. Николая, в XIX в. она была с иконой «Господь Иисус Христос с самаритянкой». Часовня восстановлена заведующим детской клинической больницей Вячеславом Станиславовичем Кашниковым в 2007 г. Под сводами столетних дубов сооружен пруд с ажурной оградой, между ними проложена дорожка из пиленого ракушечника и гранитного булыжника, которая начинается от больничных корпусов и спускается вниз террасами. Со стороны больницы сюда можно пройти и насладиться воздухом, прикоснуться к вековым дубам, послушать журчание родника, посидеть на скамеечке, отдохнуть от городской суеты. Пруд доходит до ограды, и затем его воды по ручью попадают в старый заброшенный пруд, стены когда-то были выложены камнем, но со временем были разобраны местными жителями для своих нужд. Далее вода течет по оврагу в речку Мамайку, он завален пластиковыми, стеклянными бутылками и прочим мусором. Остальные – 3-ий, 4-ый, 5-ый пруды – просто котлованы, поросшие травой. Шестой пруд сохранился до наших дней, на берегу его растут раскидистые ивы, седьмой пруд сделали недавно, в нем купаются дети, ловят рыбу, его воду используют для полива.

На территории дачи наблюдается много кострищ, около спиленных или поваленных ветром деревьев. Между старыми дубами, тополями вьются тропинки, в высокой траве виднеется мусор. Территория дачи подвержена сильной рекреационной нагрузке:

- прогулки;
- пикники;
- туристические, спортивные соревнования;
- выпас скота (козы).

Эти мероприятия оказывают отрицательное действие на исторический ландшафт Павловой дачи. Идет уплотнение почвенного слоя, вытаптывание травы, наблюдается водная эрозия. На склоне обнажены скалы, которые пестрят надписями, царапинами, сколами, следами копоты.

Лицей № 10, расположенный недалеко от склона дачи, участвует в акциях по уборке дачи, но проводимая один раз в год акция не обеспечивает порядок.

В целях эколого-эстетического образования и воспитания школьников средствами искусства целесообразно использовать экскурсию и пленэр. Для этих целей можно использовать уникальное место – расположенную в черте города Павлову дачу. Художественная школа, изокружки школ, центров

дополнительного образования г. Ставрополя могут работать с учениками на базе Павловой даче по следующим направлениям:

- патриотическое,
- духовно-нравственное,
- экологическое,
- эстетическое,
- художественное.

Эколого-эстетическое воспитание школьников неразрывно связано с природой. Экскурсия, пленэр имеют большую образовательную и воспитательную ценность. Здесь можно изучить опушку леса, сделать зарисовки, проследить низкую и высокую линии горизонта, изучить отражения на воде пруда, послушать пение птиц, определить их название и попытаться нарисовать по памяти.

Работа на пленэре расширяет пространственные представления, кругозор детей, при рисовании с натуры они передают значительно большее количество деталей, чем при рисовании по памяти. Цветовая палитра выполненных работ богаче, цвет сложнее по цветовой гамме и тональности, более цельный в колористическом плане. К увиденному объекту можно подойти, пощупать, погладить и рассмотреть его со всех сторон.

На этом месте разнообразный видовой состав флоры: это прежде всего старые и молодые деревья, кусты, хорошо просматривается ярусность. Необычно живописная кора у дуба, сразу вспоминается картина художника И. Шишкина «Дубы».

Кроме эстетического, художественного воспитания и образования, на пленэре педагог уделяет внимание экологической культуре детей. Прежде всего, он предлагает запомнить и соблюдать несложные правила поведения на природе:

- старайтесь ходить только по существующим дорожкам и тропам;
- не разводите костры в лесу, парках и т. д.;
- не рвать цветы и другие растения;
- не обламывать ветви деревьев;
- не разорять птичьи гнезда;
- не ловить насекомых.

Экологическая культура появляется у ребенка тогда, когда знания становятся внутренними убеждениями, когда у него выработаны, усвоены и приняты к действию определенные нравственные устои (7). Поэтому педагогам необходимо развивать познавательные способности ребенка как можно раньше, повышать уровень его знаний по экологической культуре, уделять больше внимания духовно-нравственному становлению личности детей на примере преемственности духовной культуры старшего поколения.

Использованная литература и источники

1. Волков Г. Н. Педагогика национального спасения. – Элиста: «Джангар», 2003.
2. Бородина А. В. Основы православной культуры. – М.: «Православная педагогика», 2004.
3. Стативкина Е. Святой колодец с. Высоцкого//Эколого-краеведческие проблемы Ставрополя. Материалы XII краевой научно-практической конференции. – Ставрополь, 2007.
4. Колесникова Н. Есть ли у нас душа //Юный художник. № 6, 1990.
5. Беликов. Г.А. Град креста. – Ставрополь: Ставропольское книжное издательство, 2005.
6. Беликов. Г.А. Дорога из минувшего. – Ставрополь: Ставропольское книжное издательство, 1991.
7. Анисимов О.С., Глазачев С.Н. Экологическая культура: восхождение к духу. – М., 2005.

К истории изучения и антропогенного преобразования долины реки Ташлы

На сегодняшний день одной из актуальных проблем экологии города является загрязнения малых рек. Она характерна и для города Ставрополя, по территории которого протекает 13 водотоков, которые относятся, в соответствии с действующим стандартом (ГОСТ 17.1.1.02–77), к категории «малые реки».

Для оценки современного экологического состояния водных объектов необходимо учитывать историю природопользования на той или иной территории.

Самой протяженной рекой краевого центра является Ташла – 14,7 км. Ее долина на протяжении столетий испытывала антропогенное преобразование, порожденное развитием города. Цель данной работы – проанализировав доступные литературные (1, с. 873–876; 2, с. 1–67; 3; 4, с. 3–24; 5, с. 24–35; 6, с. 5–76; 7, с. 175–217; 8, с. 144–164; 9; 10, с. 8–81; 11, с. 243–291; 12, с. 12–30) и архивные (13; 14) источники и приняв за основу периодизацию градостроительного развития Ставрополя, разработанную Е. М. Топоровским (15, с. 732–737), провести историческую ретроспективу процесса преобразования долины р. Ташлы.

I период

1 этап – строительство крепости и возведение казачьей станицы. Упоминания о Ташле мы находим в работе И. В. Ровинского (1804 г.), в частности, о 12 прудовых мучных мельницах по реке.

2 этап (1805–1809 гг.). На плане 1805 года вдоль русла реки Ташлы отмечены восемь прудов с мельницами и большие площади, занятые «тузовыми садами и табашными огородами разных жителей». Для выращивания тутовой роши в 1808 году было выделено за речкой Ташлой более 9 десятин удобной земли.

Данный план показывает, что площадь лесных массивов в долине реки Ташлы была больше, чем в настоящее время: в восточной части массив Городского леса, произрастая по Ташлянской балке, сохранял значительную ширину до оврага, проходящего параллельно Кавалерийскому переулку, занимал правый берег этого оврага. Восточнее его устья (район современного Пионерского пруда) лес резко сужался и занимал неширокую прирусловую часть

Ташлянской балки. Пригородный лес имел несколько большие размеры и доходил до Армянского кладбища.

Гниловской делает вывод, что наибольшей вырубке подвергся лес восточной части Ташлянской балки, от которого осталась только прирусловая часть. Этот лес, вероятно, покрывал северный склон Крепостной горы, откуда переходил на ее восточные, южные склоны.

План города Ставрополя 1809 года. Примечательно, что описываемый план впервые применяет к этой реке название Ташла, на предшествующих планах она называлась Члой, а еще ранее – Аджилю.

На плане города Ставрополя 1812 года река Ташла названа Атшлой, что, вероятно, было ошибкой при составлении плана.

3 этап (1822–1833 гг.) – заселение Ставрополя и рост города были связаны с сельскохозяйственной колонизацией района. На плане 1833 года обозначено Ташлянское предместье, которое располагалось вдоль русла Ташлы и на склоне ее левого берега, оно возникло из бывших казачьих хуторов и считалось самым богатым предместьем Ставрополя. Предполагаемая планировка города, показанная на плане, намечала застройку всего пространства от левобережья Ташлы до Мамайки.

В «Изъяснении» плана указывалось, что «... вода в речках, близ Ставрополя протекающих, солоноватая, потому приположено провести оную от вершины речки Члы». План показывал направление этого первого водопровода: от источника с названием Мойка до территории современной площади Воровского. Как видно, в это время стали зарождаться некоторые коммунальные предприятия.

В 1829 и 1830 годах в Ставрополе образовалось несколько новых улиц. Поселения по Ташле и Мамайке считались богатейшими по хозяйственным заведениям и служили своими садами и рощами украшением городу.

II период

4 этап (1837–1854 гг.) – быстрое развитие Ставрополя в связи с утверждением генерального плана города. Характерной чертой этого периода стало освоение верхней части города (было застроено все пространство от Ташлы до Мутнянки).

Подпоручиком Носовым в 1840 году была составлена физико-географическая характеристика города Ставрополя, включающая в том числе «Разделение г. Ставрополя на город и предместья. К северу от крепости, по крутому скату, простирающемуся к реке Ташле, лежит предместье Подгорное. С востока город ограничивается предместьем Станицею. С запада – предместьем Воробьевкою, а с юга – ручьем, протекающим по глубокому оврагу и впадающим в реку Ташлу.

Воробьевка. В нем находится много садов, которые расположены по большей части вниз по береговому скату реки Ташлы. На левом берегу реки Ташлы в беспорядке разбросаны хижины. Они тянутся по возвышению вдоль опушки Круглого леса до дома лесничей команды, отсюда постепенно склоняются по скату помянутой возвышенности к реке Ташле и простираются вниз по ее течению до хуторов. Садоводство и пчеловодство составляют главный промысел этого предместья.

Местоположение. Местоположение города Ставрополя представляет большую высоту, состоящую из нескольких уступов и образующую по течению рек и ручьев глубокие овраги. Высота эта к северу ограничивается крутою покатостью, составляющею береговой скат реки Ташлы, к северо-востоку образует мыс, на котором построена крепость... Высоты за рекою Ташлою, простирающиеся к Круглому лесу, имеют также общее склонение на восток и состоят из уступов, по наружному своему образованию они похожи на высоты, простирающиеся на правом берегу этой реки.

Речки. Речка Ташла образуется чрез соединение трех ручьев. Она протекает между высотами, простирающимися к Круглому лесу и высотами, на которых построен Ставрополь; высоты эти образуют ее нагорные берега. Высоты правого берега, подходя к самой реке, оканчиваются уступами и командуют над высотами левого берега, которые при верховьях реки Ташлы также подходят довольно близко к ее руслу, но потом постепенно удаляются.

Река Ташла течет сначала на северо-восток, потом, поворачив на восток, не изменяет последнего направления до Белобородовой мельницы. На сем расстоянии она принимает с левой стороны два ручья, называемые Гричевки, и с правой стороны три ручья; сии последние берут начало свое с предместий Воробьевки. При Белобородовой мельнице река Ташла поворачивает опять на северо-восток и течет вся в этом направлении, в 120 сажнях ниже Волобуевой мельницы впадает в нее с левой стороны ручей, чрез который равно как и чрез Ташлу устроены мосты и пролегает дорога из Ставрополя к станции Рождественской. Отсюда река Ташла течет все по тому же направлению и принимает с правой стороны три ручья, один из которых имеет начало свое в предместии Станицы, а два другие протекают восточнее этого предместия».

Упомянутая Носовым Волобуева мельница была изображена на двух рисунках Михаила Юрьевича Лермонтова, датированных 13 и 31 мая 1837 года.

«Река Ташла осенью, весной, а иногда и в летнее время от дождей бывает очень быстра, вода в ней возвышается иногда более ? сажени, настоящая же глубина ее не превышала двух футов. Грунт ее глинистый, отчего и вода в ней всегда бывает мутная.

Леса: Ташлянский лес. Ташлянский лес, или Глинский, простирается от родников реки Ташлы вниз по ее течению до Белобородовой мельницы, с севера и с юга он ограничивается нагорными берегами означенной реки. Лес этот состоит из кустарника, который около Белобородовой мельницы достигает значительной высоты.

Круглый лес. Круглый лес находится на левом берегу реки Ташлы. Он большею частью состоит из мелкого кустарника».

Левобережье реки Члы показано как степное пространство.

Восточной границей территории, охватываемой планом, является овраг, впадающий в Ташлу с юга (Чертов яр).

В 1854 году пространство от Ташлы до Мутнянки было застроено полностью. Росли поселки по Ташлянской балке.

И. В. Бентковский в 1854 году писал, что «...Ложе, по которому она (Ташла) протекает, действительно каменисто, как и у всех кавказских горных речек. Ташла образуется на северо-западе от Ставрополя, в лесу, из нескольких родников, между которыми более известен так называемый холодный источник. Направление от своего начала Ташла имеет к в.-с.-в., потом, приняв в себя два небольших ручейка на городской земле, из которых один называется Березовкой, другой Третьей речкой, катит медленно свои воды в подарок Калаусу. По всему течению этих ручейков и самой Ташлы разбросано в разных местах множество прекрасных родников; некоторые из них, расположенные в глубоких оврагах, имеют много привлекательного и живописного. Березовка и Третья речка вообще бедны водой; в жаркое время они едва только струятся. Ташла хотя также не может похвалиться обилием своих вод, но иногда, во время дождей и таяния снегов, делается очень шумной и наносит большой вред жителям, срывая устроенные по течению ее мельницы и ломая мостики...

В Ташлинском предместье находятся тутовый сад, школа для образования шелководов и много прекрасных рощ; тут же по речке устроены мельницы, кирпичные, кожевенные и мыльные заводы».

Один из инициаторов разведения тутовых шелкопрядов на свои деньги купил в Тарасконе (Франция) тысячу особо ценных тутовых деревьев, нанял корабль и привез их в Одессу; оттуда они были доставлены на Северный Кавказ и посажены частично в Ставрополе, в тутовом саду по реке Ташле.

«До сих пор мы видели, что Ставрополь строился по всем правилам архитектурного искусства, особенно станица, а теперь ни один из граждан не мог начинать ни одной постройки без совета архитектора; предоставлялось только некоторым бедным мещанам, селившимся по речкам Ташле, Мутнянке и Мамайке, где они по большей части занимались садоводством и огородничеством...(относится к периоду командования генерала Эммануэля).

Места по р. Ташле и ее притокам Березовке и Третьей речке все почти заняты хлебом, гречихой, кукурузой, капустой и др.».

К. Бахутов в работе 1881 года приводит следующие данные: «Большая часть родников и ключей вытекает из-под раковистого известняка...Почва... по склону к речке Ташле, кое-где по берегам рек Мамайки и Мутнянки, глинистая; в самых низменных частях (по Мамайке, Мутнянке и в особенности Ташле) болотистая; попадаются, впрочем, и каменистая, и песчаная, но на небольшом протяжении».

Приводя результаты химического анализа воды, взятой в одном из колодцев в пойме Ташлы, автор делает выводы о повышенном содержании органических и неорганических веществ.

Самыми плохими в гигиеническом отношении являлись улицы первой части города, в особенности по склону к речке Ташле, в предместье Подгорном – «... этом ставропольском лабиринте, где улицы кривы, узки, не мощены и пересекаются шестью такими же извилистыми переулками. Сточных канав вовсе нет, и все нечистоты выбрасываются в такие же, как и на улицах 3-ей части города, образованные дождем рытвины».

Большинство заводов располагалось преимущественно в долине Ташлы, деятельность которых негативно отражалась на экологическом состоянии реки: «... на заводе М. иногда делается запруда овчинами же в речке Ташле. На заводе М. жидкие отстои выливаются по склону к речке Ташле, затопляя соседние огороды и заражая воду р. Ташлы. Кроме того, на этом заводе масса выброшенной шерсти, начиная с основания завода (с 1833 г.), образовала по склону р. Ташлы кучу вышиной более 3 аршин. Отстои от мыловарения, содержащие минеральные соли и животные перепонки, или выливают, как на заводе Б., в канаву, направляющуюся к речке Ташле».

5 этап (1895–1917 гг.). В 1896 году для нужд Владикавказской железной дороги был построен водопровод, использовавший воду колодцев, располагавшихся в пойме р. Ташлы, на 200–300 метров выше Чапаевского моста (считая против течения воды). Водопровод фактически просуществовал до Великой Отечественной войны.

6 этап (1918–1927 гг.). В начале 20-х годов XX в. существовала острая проблема снабжения города чистой питьевой водой. Водопроводы, которые уже существовали на тот момент, находились в плачевном состоянии. Так, в результате многочисленных химических и бактериологических исследований, проведенных лабораторией бывшего земства и химбакинститутом Губздрава, было выявлено, что питьевая вода не соответствует существующим на тот период санитарно-гигиеническим требованиям.

Причинами загрязнения называются бесконтрольное использование пород (раковистый известняк), служащих буфером на пути загрязнения грунтовых вод

атмосферными осадками; износ водопроводных сооружений; по берегам родников, питающих городской водопровод, располагались выгребные ямы и многочисленные свалки.

Ввиду сложной ситуации со снабжением города питьевой водой, для консультирования дополнительных гидротехнических изысканий, имеющих целью найти новые, более мощные источники водоснабжения, был приглашен профессор П. Ф. Горбачев. Свою консультацию он назвал: «Заключение по вопросу об устройстве в гор. Ставрополе водопровода из Холодного родника», хотя в этом заключении, помимо советов по использованию Холодного родника, рассмотрены и другие вопросы, касающиеся общего улучшения водоснабжения города Ставрополя.

Горбачев исследовал местность Холодного родника и провел там разведочные гидрогеологические работы. В результате были сделаны выводы о его происхождении и гидрологическом режиме.

Г. Н. Прозрителев описывал самым ближайшим местом прогулок для ставропольцев Холодный родник, лежащий в трех верстах от города: «Родник этот дает начало реке Ташле и имеет прекрасную холодную воду, вкусную и очень здоровую, благодаря отсутствию загрязнения. Громадное значение реки Ташлы в хозяйственном отношении для губернии предает особый интерес к этому роднику и требует тщательной охраны его». В отношении Архиерейского леса Григорий Николаевич выражал озабоченность в связи с бесконтрольными вырубками.

III период

7 этап (1929–1932 гг.) – упадок строительства и промышленного производства. Лес остался только в правобережье, до меридиана западного конца крепости.

8 этап (1932–1955 гг.) – подъем строительства. В это время появляется первый генплан строительства города Ставрополя.

9 этап (1955–1991 гг.) – период бурного промышленного развития Ставрополя, сопровождавшегося быстрым ростом города в северо-западном, юго-западном и восточном направлениях. В 60-е года были оборудованы ливневые коллекторы для борьбы и профилактики с оползневыми процессами в долине Ташлы.

IV период – неуправляемый процесс урбанизации.

10 этап (1991 год – до настоящего времени). В связи с упадком промышленного производства основным источником загрязнения вод Ташлы стали стоки коммунально-бытового хозяйства, несанкционированные свалки в пойме реки и т. д.

На разрабатываемом с 2008 года генплане долина реки Ташлы заметно преобразована. Так, площадь лесов, на территории которых берут свое начало родники, питающие реку, заметно уменьшилась; вдоль русла реки по правому берегу еще встречаются участки, занятые лесами и лесопарками, левый же берег Ташлы полностью занят постройками, огородами и дачными участками.

В заключение необходимо отметить, что еще до основания города-крепости долина реки Ташлы служила местом поселения людям эпохи бронзы, о чем свидетельствуют раскопки на Ташлянских городищах, в Таманском лесу, на селище на северо-восточной окраине Ставрополя на правом берегу р. Ташлы, на Третьей речке севернее Ставрополя.

Используемая литература и источники

1. Описание города Ставрополя. Составлено прикомандированным Генеральному штабу Тенгинского пехотного полка подпоручиком Носовым в 1840 году. // Лермонтовский текст: Ставропольские исследователи жизни и творчества М. Ю. Лермонтова. – Ставрополь: изд-во Ставропольского государственного университета, 2004.
2. И. В. Бентковский. Ставрополь в географическом, историческом, топографическом и статистическом отношениях. – Тифлис, 1854.
3. К. Бахутов. Медико-топография и санитарное состояние губернского города Ставрополя. Диссертация на степень доктора медицины. – СПб., 1881.
4. Скаковский Н. И. Сведения о городе Ставрополе // Сборник статистических сведений на Ставропольской губернии. – Ставрополь, 1868. – Вып. 1.
5. Ставрополь кавказский. Историко-статистический очерк // Адрес-календарь, торгово-промышленная справочная книга Ставропольской губернии. – Ставрополь: издание В. В. Берг, 1897.
6. Краснов Г. Д. Ставрополь-на-Кавказе. – Ставрополь: Ставропольское книжное издательство, 1957.
7. Гниловской В. Г. Территориальное развитие города Ставрополя в первой половине XIX столетия. Историко-географический очерк // Материалы по изучению Ставропольского края. – Ставрополь, 1952. – Вып. 4.
8. Гниловской В. Г. Рукописные планы города Ставрополя первой трети XIX столетия // Северный Кавказ: Физическая и историческая география. – Ставрополь, 1974. – Вып. 3.
9. Гниловской В. Г. Прошлое Ставрополя по городским планам (методические указания для студентов очного и заочного отделений пединститута к изучению темы по исторической географии края). – Ставрополь: СГПИ, 1976.
10. Ставрополь глазами современников. Сост. Л. Г. Орудина. – Ставрополь: Ставропольское книжное издательство, 1976.
11. Охонько Н. А. Археологические памятники Ставропольской возвышенности и вопросы заселения Центрального Предкавказья в древности и средневековье // Материалы по изучению Ставропольского края. – Ставрополь, 1988. – Вып. 15–16.
12. Охонько Н. А. Исторические планы Ставропольской крепости и города Ставрополя // Ставрополь в описаниях, очерках, исследованиях за 230 лет. – Ставрополь: изд-во СГУ, 2007.
13. СГМЗ Ф. №2, дд. 44, 45.
14. ГАСК. Ф. 590. Оп. 1. Д. 24. Л. 44 – 390, 476.
15. Топоровский Е. М. Исторический город Ставрополь. Градостроительство и архитектура // Ставрополь в описаниях, очерках, исследованиях за 230 лет. – Ставрополь: изд-во СГУ, 2007.

Данилевич В. Г.,
г. Ставрополь,
Ставропольский государственный музей-заповедник,
заведующая отделом;

Данилевич А. А.,
г. Ставрополь,
Ставропольский государственный аграрный университет,
аспирантка

Историческая ретроспектива Павловой дачи и ее современное состояние

Павлова дача – участок земли, покрытый широколиственным байрачным лесом в верхней части левого берега р. Мамайки. Первым хозяином этих земель до 1805 г. был И. Карабин, полковник Таганрогского драгунского полка. Он использовал его для охоты на кабана в тростниковых зарослях и заготовки лесной продукции. С 1805 г. этим участком земли и леса владел городской голова Корней Чернов, затем откупщик питейных заведений статский советник Ленивцев, который построил там пивной заводик. В 1816 г. завод и участок купил за 700 руб. штаб-лекарь Гейер и перепродал его купцу Гордею Анненкову. Заводик существовал до 1840 г. (1, с. 431–437).

Одна из страниц истории, связанная с Павловой дачей, касается разведения в Ставрополе *Hirudo medicinalis* – медицинской пиявки. Главным экспортером пиявок на мировой рынок являлась Россия. В 18–19 веках вылов пиявок на экспорт составлял 120 млн., а доход от реализации оценивался до 6 млн. рублей серебром при цене 10 копеек за одну пиявку. К середине 19-го столетия промышленники начали обращаться к ловцам пиявок на **Кавказе** и в Бессарабии (2). В Деле Ставропольского Врачебного Управления «Об устройстве питомников для пиявок» от 05.02.1857 г. – 09.02.1860 г. есть бумага Ставропольской гражданской губернской канцелярии в Ставропольскую Врачебную Управу: «Во всеподданнейшем отчете Ставропольского Гражданского Губернатора, господина Генерал-лейтенанта Волоцкаго за 1855 г. объяснено, что в Кизлярском уезде было множество пиявок, так что за ними приезжали промышленники из Гамбурга. Теперь они почти истреблены и продаются в Ставрополе до 20 копеек серебром за штуку, а иногда и гораздо дороже (*прим. автора* – по одному рублю). Поэтому устройство питомников для разведения пиявок, представляя всегда под рукою одно из надежных средств против воспалительных болезней, было бы истинным благодеянием для губернии».

Эта статья обратила на себя Высочайшее внимание Государя Императора. По предписанию Господина наместника Кавказского, потребовались необходимые данные на счет возможности осуществления означенного предположения. Главным топографическим условием при устройстве питомников являлась проточная вода. Предполагалось сделать огороженные пруды на участке какого-либо владельца площадью до 80 сажень в летнее время и запустить туда достаточное количество пиявок. Для присмотра питомника необходимо выделить 1–2-х человек, призреваемых в Больничном Приказе. В бумаге от 08.03.1857 г. указывается, что для питомника было признано удобным место **в г. Ставрополе, на даче Г-на Архитектора Ткаченко близ Карабинского источника по р. Мамайке, где имеется два пруда с чистой проточной водой.** Близ этих прудов находится небольшой домик, где можно было бы поместить двух сторожей. Г-н Ткаченко согласен сдать это место в наем. Наем этого участка, обустройство питомника, содержание сторожей и первоначальная покупка пиявок обойдется до 200 рублей серебром. Но суммы такой во Врачебной Управе не предусмотрели. Питомник так и не был построен (2, с. 6–9). На плане местности источника Карабин, во 2-й части г. Ставрополя во 2-м квартале, составленном в мае **1859** г. и бывшем размером в 50 саж/г – 65 ½ саж/г, обозначено описание участков, где значатся усадебное место К. А. Ткаченко и прирезки к его усадьбе. Они располагаются как раз на месте двух верхних прудов нынешней Павловской дачи. Также владельцами соседних земель у Карабина числились купцы – Н. Васильев, Деденев, Чернов, мещане – Козлов, Краснояров, Пашков, подполковник Долгов. Северный источник приходился на участок Чернова (Корнея?). Пустопорожнее городское место, бывшее в самовольном владении солдата Семендяева, располагалось ниже земель Ткаченко.

Карабинский источник находился на территории, принадлежащей городу (3). Упоминания о принадлежности земель Л. Е. Павлову нет, хотя Г. А. Беликов пишет, что конце 40-х годов XIX столетия участок приобрел коллежский регистратор Лаврентий Ермолаевич Павлов (4, с. 184–187). Судя по вышеизложенным материалам, это было после 1859 г. Размеры части его земель на карте 1861 г. обозначены как 25,321 квадратной сажени (6).

Павлов окончил коммерческое училище в г. Москве, много знаний почерпнул в Калифорнии у двоюродного брата. На службе в акцизной палате он отвечал за снабжение продовольствием, занимался торговлей землей и скотом, владел частным банком, держал винные откупа. Л. Е. Павлов прославился благотворительностью и был почетным гражданином города (1, с. 431–437). На пригородном участке были каптированы и получили каменное русло родники Карабин и Северный. (На карте конца 19 в. обозначен третий родник, бьющий выше и правее Северного.) Склон был террасирован, по террасам посажены аллеи

каштана и липы. Шесть каскадных прудов с декоративными рыбками, лебедями, китайскими утками-мандаринками украшали дачу. Через ручьи перекинули ажурные мостики, были построены беседки, лесенки, установлены чугунные садовые скамейки, посажен фруктовый сад. Городскими садовниками Б. И. Новаком, И. П. Соколовым созданы прекрасные клумбы. Возле Карабина была поставлена часовенка Святого Николая Чудотворца. В усадьбе были ягодник, капустник, яма для мусора. Дом хозяина дачи был построен по проекту архитектора Н. Марченко, под наблюдением Г. Кускова и Я. Лоханева. Дача была оставлена Павловым в собственность города (5, с. 305–308). На карте 1890 г. над усадебным участком проходит ул. Павловская, как продолжение последней Форштадской улицы (1859 г.), а далее – Павловская 1-я, 2-я, 3-я, 4-я.

Одним из главных недостатков в благоустройстве города того времени являлось плохое обеспечение его водой. Карта 1805 г., когда город еще мал, не указывает источник Карабин (Карабиновский), на другой подобной карте дается ручей «Каравич», а 1833 г. – местоположение **колодца** Карабин, рядом располагается Карабинская площадь. Иногда он обозначается как «Коробин». На карте 1854 г. есть прорисовка Карабинского ручья, где самая нижняя, третья его ветвь, не обозначаемая на других картах, выходит из третьей Карабинской улицы. Старожилы утверждают, что именно там и были первый настоящий источник и колодец. Карта 1900 г. не показывает родника, лишь из пруда Кирпичного завода течет ручей, а на Павловой даче – только две запруды (6).

Питьевую воду город получал из Карабинского источника. Обслуживалось 18 улиц, то есть 16–17 тысяч жителей. Урочище называлось «Здоровая вода». Водовозы продавали ее из сорокаведерных бочек по 400–500 штук в день, по цене от двух до четырех, а в ненастье до десяти копеек за ведро, что было слишком накладно для городской бедноты.

Карабин находится в трех верстах от центра города, в юго-западной части его, и вытекает прямо из-под каменного пласта. Тут были устроены два больших чугунных водоема и проведены глиняные водопроводы, открывающиеся в городские бассейны, частью открытые, с бьющейся струей, более сажени вышины, частью закрытые, с кранами. Водой их снабжалась главным образом центральная часть города. Карабин в сутки давал 12628 ведер (среднее из шести определений, произведенных в различное время).

Вода чиста, совершенно прозрачна, безвкусна; из 100000 частей этой воды получено 58 частей твердого остатка, состоящего главным образом из сернокислой извести, магнезии и хлористого натра; органических веществ и железа – следы.

6 мая 1848 г. Госдума доложила губернатору о каптировании родника Карабин (7). Там было два каптажа с ключевым устройством – один на Большом

Карабине, другой – на Малом Карабине (Мойке). Карабин-колодец был каптирован позже.

Губернское правление в докладе Госдуме от 2 октября 1852 г. просило об устройстве на Ярмарочной площади каменной мойки (8), но прошение было отклонено в связи с нехваткой воды для питья. А ведь еще 10 сентября 1850 г. было решено исправить имеющуюся мойку, наладив ее близ Карабина и завода городского головы, купца Корнея Чернова (9, л. 5). Она располагалась близко к городу, что было удобно для горожан в ненастье или зимой и уменьшало возможность несчастных случаев (см. выше – л. 9, 10, 11).

Стоимость стирки сотни штук белья в портомойне и платемойне, привезенного или принесенного с собой, – 2 копейки, от ста до пятисот – 5 коп. Доход составлял 175 р. в год. На ремонтные же работы в год тратилось 25 р.

Было принято решение об устройстве в Ставрополе бассейнов из Карабина у здания Госдумы. Смотритель Ставропольского ремонтно-механического училища Г. Тарутин сделал нивелировку местности для удобства проведения водопровода через дачу чиновника Л. Е. Павлова, которого вынуждены были просить не чинить препятствия полицмейстеру. Последний уполномочен следить за работами, ведущимися с наименьшим вредом и неудобствами для частных владельцев используемых земель (10).

С августа по ноябрь 1853 г. рассматривался вопрос о самовольных шахтных колодцах, влияющих на дебит и качество воды. Их рыли женатые нижние чины Кавказского линейного батальона № 1 на Старом Форштадте. Это обнаружил городской водопроводчик. **Губернатор Волоцкий А. А.** поднял вопрос о причинах уменьшения воды в Карабин-колодце. Был создан комитет по этому вопросу. Главный член комитета – начальник VII округа корпуса инженеров военных поселений инженер-полковник Иванов писал (**письмо губернатору № 3160** от 15 октября 1853 г.): «... если не пробивать каменные толщи», то все было бы нормально, так как это место от родника дальше на 100 сажен (213 м), и там уже вырыты следующие колодцы: во дворе помещений линейного батальона, при жилищах нижних чинов рабочей роты, в усадьбе подполковника Хромова, командующего линейным батальоном и являющегося комендантом города».

Архивные документы дают сведения о том, что напротив тюрьмы, по Форштадту и во дворах, были каменоломни с углублением на 4,3 м, что нарушало путь воды Карабин-колодца. 13 августа г-н Иванов предложил запретить выбивку камня от источника до высот, ликвидировать постройки, заровнять все неровности, в которые насадить деревьев. Постановили, что рыть колодцы жителям Старого Форштадта, в связи с их отдаленностью от колодцев и отсутствия средств на доставку воды, можно лишь до камня, если не будет подслонной (грунтовой) воды. Постановили запретить ломки камня во дворах

Старого Форштадта и засыпать их землей. За исполнение этого решения отвечал полицмейстер (11). Ломки были открыты еще в 1847 г., насчитывалось 28 лав, из которых было вырублено 5041 шт. камня (12). 31 марта 1853 г. Ставропольское купеческое и мещанское собрание при Госдуме провело совещание о каменоломнях у Карабин-колодца. Каменоломни решили взять на оброчное содержание, чтобы камень брался лишь в тех границах, которые были указаны землемером. Открытие других ломок запрещалось. С разрешения Госдумы бедный класс мог использовать камень без большого оброка, выплачивая пошлину в доход, определенный Думой (13).

Карабинскую воду было невыгодно использовать для стирки и полоскания, так как ее возили водовозами (14). В 1855 г. в городе было всего 15 водовозов (15). Воду развозили 17 хозяев: 5 купцов и 12 иногородних мещан. До постройки Карабинского водопровода, с 1861 по 1863 г., оба источника, в том числе Северный (Павловский), должны были отдать в оброчное содержание. Думой решено было взять источник от мещанина Репникова и ликвидировать сборы с горожан за право пользования. Ему было поручено следить за состоянием сада и леса и исправлять случайности в природе, несущие вред источникам. Репников получал бы доход от сада, и, кроме мойки, бассейна и водопоя, устроил бы купальню и производил сбор с водовозов, содержателей трактиров и других заведений за мытье белья и за вход в купальню. **Губернское правление при губернаторе Брянчанинове П. А.** рекомендовало Думе отдать в оброчное содержание лишь один сад, а Карабин оставить Думе. Решено было построить караулку для наблюдения за Карабином и Мойкой (Дело от 2–27 августа 1863 г., (16,17)). Старой Мойкой, возможно, являлся второй каскадный пруд Павловой дачи.

13 марта 1875 г. **при правлении губернатора Остен-Сакена М. А.** началось строительство. Над оврагом между Карабином и Старой Мойкой был возведен каменный мост, который соединил их трубой. Овраг был вымощен камнем на глине с утрамбовкой. Дождевые воды отвели от яра и места, где намечалось строительство дома с резервуаром и жилым помещением. Дверь из него к резервуару должна была быть закрытой, а наблюдение за истечением воды велось бы через окно с железной решеткой. Крышу здания рекомендовали красить медянкой. На Карабине над резервуаром была гравировка на меди «1875 г.», как и на Корытах – год запуска водопровода из чугунных труб. В часовне при Карабине прошло богослужение; приличный обед и серебряная чаша с Карабинской водой заменили акты гидравлического испытания трубопроводов, акты приема сооружений, санитарно-гигиенические процессы: промывка и дезинфекция линий водопровода, химический и бактериальный анализ воды. 327

р. 48 коп. ушли на обед, развоз захмелевших участников праздника и неизвестно куда еще. На упрочение местности на Карабине было потрачено 2376 р. 46 $\frac{1}{4}$ коп.

Невдалеке от резервуара планировалось сделать две каменные скамейки и столики на цельных каменных тумбах с плитами. Разрушающийся каменный дом с разрешения Л. Е. Павлова хотели разобрать, а также возвести акведук через овраг на Павловой даче или плотину из каменной наброски. В «Табели дворовых мест за 1 мая 1877 г.» Карабин все еще принадлежал городу, а земли дачи – Павлову. Ему же принадлежал дом № 2 по 1-й Ясиновской ул. (левая сторона), дом № 6 по ул. Хоперской (правая сторона) и дом № 8 по ул. Армянской (левая сторона) (18).

Врачебным отделением губернского правления было получено отношение от содержателя вольной аптеки провизора И. П. Лилиенкампа за 1880-е годы и данные управляющего аптекой бывшего Ставропольского военного госпиталя Б. Г. Гиргенсона за 1890 и 1900 гг. Там говорится, что вода из источника Корыта и Карабина больше не годна для питья из-за высокого содержания органики, попадающей в водоносный горизонт из пруда в Песчаном яру, балки Меснянкина и в результате застройки домами лав по трем Карабинским улицам. Наблюдения врача Бахутова за 1897, 1898 и 1902 гг. показали, что дебит воды родника уменьшился в 2,5 раза, чем при начале строительства.

В 1920-е годы Павлова дача, другие известные городские дачи (и менее известные, например, Меснянкина, Груби) и сады, например, Алафузовский, принадлежали Ставропольскому институту сельского хозяйства и мелиорации. Вопросы по Павловой даче решались в нем на протяжении всего времени существования института, с 1921 по 1923 г. Были намерения присоединить дачу к Ставропольской опытной станции. Все работы по уходу за дачей: очистка коры и лишаяев с плодовых деревьев и обмазка их, перекопка и перепашка площадей под садами, распашка огородов, заготовка и распилка дров велись с помощью студентов агрономического факультета («Дело об определении отраслевого направления пригородных дач Бибердовой и Павловой», «Вопрос об упорядочении Павловой дачи») (19).

Во время войны дача потерпела сильный урон из-за вырубki немецкими захватчиками аллеи голубых елей и тополей. Старожилы рассказывают о самшитовых бордюрах вдоль каштановой аллеи, кустах роз, которые не сохранились. П. М. Гречишкин вспоминает: «В галерее есть рисунок с часовенкой (*прим. авт.* – Северной). Слева в часовенке пустовало место для иконы. Было написано еще несколько этюдов, но они разошлись неизвестно куда. На Павловой даче в 50-е годы был полузросший пруд, все покрывал лес. Из-за этого возникали трудности с рисованием. На даче встречался карагач, белолестка, лип не помню. На огородах росла капуста и другие овощи. Мамайка стояла в

соломенных хатах и камышах. На месте общежития медицинского училища рядом с цементной тумбой бил родник. Его лучшая, чем в других родниках вода шла на железную дорогу, а не использовалась для питья (*прим. авт.* – возможно, это вода из источников Корыта, Гремучего или Юнкерского). Теперь все заровняли, и нет ничего».

Позже все строения были разобраны дачниками. Остатки круглого стола из ракушечника и четыре тумбы шестигранной формы еще можно увидеть среди травы, как и следы каменного ложа Карабинского источника, остатки каменной кладки второго пруда, заросший ивами шестой пруд. Фрагменты дорожек и ступенек из камня и дерева, фундамент беседки, каналы, соединяющие каскадные пруды и небольшие котлованы от прудов, как и места капустника, мусорной ямы, фундамента усадебных строений, еще можно отыскать. Мощный акведук с чугунными трубами стоит над Карабинским ручьем, но русло завалено бытовыми отходами. В 2007 г. под руководством главврача детской больницы В. С. Кашникова был восстановлен Павловский (Северный) родник с часовней и прудом на огороженной теперь территории вокруг него.

По данным Савельевой и Годзевича за 2001 г., Павлова дача имеет площадь 20 га. Реликтовый лес из граба, бука, дуба, карагача, ясеня, груши, с подлеском из боярышника, жимолости, шиповника здесь сочетается с искусственными насаждениями. Наши исследования показали, что верхний ярус древостоя лесного массива представлен тополем-белолисточкой, ясенем высоким, дубом черешчатым, кленом татарским, грабом обыкновенным, боярышником пятипестичным, возраст которого так велик, что высота деревьев превышает 12 м и имеет около 1,5 м в обхвате. В подлеске – бузина черная. Старовозрастными также являются тополя, дубы, ясени. Травянистый покров, представленный злаками, местами разрежен, а на месте бывших усадебных строений – заросли крапивы. По данным Кольцовой М. А. и др. (2009), дубы достигают 23 м, имея в обхвате более 4 м, ясени – до 23 м высотой при обхвате более 3 м, липа – более 20 м высотой и 3,5 м в обхвате, тополь-белолисточка – более 30 м высотой и 4,3 м в обхвате (20, с. 88–93). Старовозрастные деревья повреждены дуплами, в которых к тому же разводят костры. Грибы-трутовики также повреждают древесину. Вода Карабинского источника, как техническая, идет на полив Мамайских дач.

Являясь памятником садово-паркового искусства, она была включена в объекты, подлежащие государственной охране на основании постановления главы администрации Ставропольского края от 01.11.1995 г., № 600 и постановления главы г. Ставрополя № 3141 от 21.08.2000 г. Дача также является памятником археологии. Это – городище «Мамайское», датируемое I тыс. до н. э. Оно находится на мысе при слиянии р. Мамайки и ручья Карабина. Там же открыто поселение «Павлова дача» (I тыс. до н. э.). В постановлении главы г. Ставрополя

от 04.08.08 г., № 1814 говорится о внесении изменений в постановление главы г. Ставрополя от 12.05.2008 г., № 1181 «Об утверждении перечня озелененных территорий общего пользования в г. Ставрополе». В приложении о «Перечне озелененных территорий общего пользования» есть и Павлова дача. В соответствии с присвоенным статусом необходимы меры по сохранению и восстановлению этого памятника.

Выражаем глубокую благодарность Г. А. Беликову за любезно предоставленный архивный материал.

Использованная литература и источники

1. Беликов Г.А., Савенко С.Н. Облик старого Ставрополя – Ставрополь: ООО Изд-во «СНЕГ», Книга II, 2007.
2. Данилевич В.Г., Данилевич А.А. По страницам истории природопользования Ставропольской губернии //Материалы II научно-практической конференции «Человек. Земля. Власть. Проблемы взаимодействия», Ставрополь, СтГАУ, 2008.
3. ГАСК, о.ф. 1253, оп. 1, е.х. 1125.
4. Беликов Г.А. Дорога из минувшего. – Ставрополь: Ставропольское книжное изд-во, 1991.
5. Беликов Г.А. Град креста – Ставрополь: Ставропольское книжное изд-во, 2005.
6. СГМЗ, карты (ф. 480, е.х.5, о.ф. 21650; **1805** г.–о.ф.21645, № 480, е.х.7; **1833** г.–5525, № 14736; **1861** г. – о.ф.480/7, № 30327; **1863** г. – о.ф.29846/1, № 480/7; **1904–07** гг. – № 480/7 №14739 (5557–8), 5592, 5528, е.х. 5).
7. ГАСК, ф. 95–1, оп. 1, е.х. 2618, л. 47.
8. ГАСК, ф. 95, оп. 1, е.х. 3370, л. 4.
9. ГАСК, ф. 95, оп. 1, е.х. 3370, л. 5, 9, 10, 11л.
10. ГАСК, ф. 96, оп. 1, е.х. 123, л.
11. ГАСК, ф. 101, оп. 1, е.х. 28111, л. 18, 20, 21.
12. ГАСК, ф. 95, оп. 1, е.х. 3589. л.23.
13. там же, л. 5.
14. Спиркин Д.Я., Беликов Г.А. Вода есть жизнь. Ставрополь, 1999.
15. ГАСК, 95. е.х. 4085. оп. 1, л. 40,41, 42.
16. ГАСК, ф. 9501, е.х. 5634, л. 1–9.
17. ГАСК, ф. Р–89, оп. 1, ед.хр.91, л.3.
18. СГМЗ, ф. 39, е.х. 169.
19. ГАСК, Р–89, оп. 1, е.х. 249.
20. Кольцова М.А., Кожевников В.И., Кольцов А.Ф. Дендрологическая характеристика насаждений комплексной историко-культурной и природно-ландшафтной территории «Павлова дача» в г. Ставрополе//Материалы научно-практической конф. «Проблемы экологической безопасности и сохранение природно-ресурсного потенциала», Ставрополь, 2009.

Доронин И. В.,
г. Ставрополь,
Ставропольский государственный музей-заповедник,
младший научный сотрудник

Вклад П. А. Резника и Н. К. Верещагина в изучение амфибий и рептилий Северного Кавказа

В 2008 году исполнилось 95 лет со дня рождения Павла Александровича Резника и 100 лет – Николая Кузьмича Верещагина. Не являясь профессиональными герпетологами, они внесли значительный вклад в изучение амфибий и рептилий Северного Кавказа.

Павел Александрович Резник – зоолог, паразитолог, краевед. Родился 13 октября 1913 года в семье учителя в Ставрополе. Еще в детские годы он загорелся зоологией, постоянно посещал Городской музей. Здесь с юным Павлом произошел забавный случай: однажды, будучи в гостях у «дедушки Пправе», девятилетний Резник долго расспрашивал его о природоведческих коллекциях, а в конце беседы, показав на чучело волчицы, сказал: «Какая у Вас смиренная овчарка: полчаса говорим, она и ухом не поведет!». После окончания школы он поступил в Ставропольский агропедагогический институт на факультет естествознания. В это время на факультете, под руководством выдающегося энтомолога, директора Ставропольского музея им. Пправе, профессора Виктора Николаевича Лучника (1892–1936) работал энтомологический кружок, где на занятия собирались наиболее увлеченные изучением животного мира студенты и школьники. Среди них особо выделялся Резник (1, с. 3–7). Позже, после внезапной смерти Лучника, с мая 1937 по декабрь 1938 года, Павел Александрович работал заведующим отделом природы Орджоникидзевского краевого музея краеведения (2). В личном архиве Резника сохранилась научная картотека насекомых его учителя – Виктора Николаевича, которую смело можно принять за основу в изучении и описании энтомофауны региона, а для Музея-заповедника она может являться частью скелетной картотеки по энтомологии. Говоря о научном наследии Лучника, нельзя не сказать, что благодаря его стараниям в мае 1937 года в СГПИ был заложен ботанический сад, где было представлено свыше двухсот видов деревьев и кустарников из разных уголков страны. Работала теплица, прекрасный бассейн для водных растений и животных. Виктор Николаевич – создатель Зоологического кабинета, демонстрировавшего прекрасно изготовленные чучела птиц и зверей Северного Кавказа, коллекцию рогов, окаменелости. (3). Впоследствии на его базе возник Зоологический музей Ставропольского госуниверситета, в развитие которого свой весомый вклад внес и Резник.

Тесные рабочие контакты сложились у Резника с незаурядным герпетологом Борисом Аркадьевичем Красавцевым (1909–1943), начавшим свою научную деятельность в Нижегородской и Владимирской областях и переехавшим в 1935 году в Ворошиловск (с 1935-го по 1943 гг. – наименование г. Ставрополя), где он возглавил кафедру зоологии Педагогического института. В период с января 1935 по сентябрь 1938 года, после окончания вуза, Павел Александрович работал ассистентом данной кафедры (2). При определении насекомых, обнаруженных в желудках амфибий и рептилий, Борис Аркадьевич пользовался консультациями Лучника и Резника. Кроме того, в работе по экологии обыкновенного тритона он приводит неопубликованные данные Павла Александровича (4, с. 166–192.). От профессора Б. К. Котти нам были переданы оттиски статей Красавцева, подаренные Борисом Аркадьевичем Павлу Александровичу. На каждом титульном листе имеются дарственные надписи, датированные 1935 и 1936 годами: «... в знак искреннего расположения!», «... в знак дружественности от автора» и т. д.

После Великой Отечественной войны, в 1946 году, Павел Александрович возвращается на кафедру зоологии, которой заведовал десять лет (с 1972 по 1982 г.), до своей смерти. В Педагогическом институте профессор Резник вел курсы охраны природы, дарвинизма, зоологии, зоогеографии, руководил учебно-полевой практикой студентов по зоологии, курсовыми и дипломными работами по этой специальности. Он является автором около 100 научных работ, в которых особое внимание уделено его главной исследовательской теме – иксодовым клещам. Однако имеются работы, так или иначе затрагивающие амфибий и рептилий.

В статье, посвященной пиявкам города Ворошиловска, Павел Александрович пишет об экземпляре *Placobdella catenigera* из Кравцова озера, взятой с пластрона болотной черепахи (5, с. 163–164). Примечательной является работа Резника по изучению сублапидальной фауны (6, с. 193–201). Так, под камнями в балке молодого дубового леса в окрестностях г. Ворошиловска автор обнаружил веретеницу (*Anguis fragilis*), а на степном участке – прыткую ящерицу (*Lacerta agilis*), разноцветную ящурку (*Eremias arguta*) и степную гадюку (*Vipera renardi*).

Настольной книгой для ставропольских краеведов стала вышедшая в 1951 году работа В. Г. Гниловского, В. В. Скрипчинского, П. А. Резника и А. И. Галушко «Экскурсии по Ставрополью», в которой Павлу Александровичу принадлежат главы «Зимние зоологические экскурсии в природу», «Пруды», «В Архыз», в которых пруды краевого центра описывались как станции размножения озерной лягушки, жабы (вероятно, зеленой), квакши и тритона. В Сенгилеевской котловине, «В мелких местах (Сенгилеевского озера – прим. И. Д.) в солнечные дни встречаются ужи с двумя желтыми пятнышками на голове... ужи совершенно

безвредны. Значительно опаснее гадюки, в большом количестве заселяющие побережье. Особенно много в Сенгилеевской котловине различных ящериц... Живут на побережье небольшие черепахи – сухопутная и водяная, населяющие главным образом русло реки Грушевой» (7, с. 128–129).

Единственным на сегодняшний день определителем позвоночных животных, обитающих на территории Ставропольского края и Карачаево-Черкесской республики, является работа П. А. Резника 1962 года (8). В дальнейшем этот определитель был доработан и исправлен Павлом Александровичем совместно с Михаилом Федоровичем Тертышниковым (1937–2001) в «Методических указаниях...» (9). В данных изданиях авторы привели список практически всех видов амфибий и рептилий региона, предположив обнаружение некоторых из них. Так, в отношении ящеричной змеи высказывалось предположение, что она «... может быть обнаружена в восточной части Нефтекумского и Курского районов» (9, с. 37). Только в 1989 году в окрестностях поселка Бакрес Нефтекумского района герпетологом А. Г. Высотиным была отловлена неполовозрелая самка этого вида, считающаяся первой достоверной находкой змеи в крае (10, с. 61–62). Из группы скальных ящериц для верховий Кубани, Теберды, Зеленчука и Лабы приводилась кавказская ящерица (*Darevskia caucasica*), а для скальных выходов у г. Кисловодска и горных районов – непосредственно скальная ящерица (*D. saxicola*), при этом авторы отмечают, что в пределах Карачаево-Черкесии обитает три ее подвида «... определение которых затруднено по причине большого сходства и налегания их признаков» (9, с. 33).

Оставаясь паразитологом, Павел Александрович не мог не обратить внимания на паразитофауну рептилий. Совместно с Г. С. Марковым и М. Ф. Тертышниковым он, обработав крупную выборку ящериц (около 1 тыс. экз.), собранную в верховьях реки Томузловки и районе горы Недреманной весной и летом 1947–1970 гг., публикует «Материалы по паразитофауне массовых видов ящериц в Центральном Предкавказье» (11, с. 54–63), а с Н. М. Радченко, по сборам из разных районов Киргизии, Туркмении и Узбекистана – «Клещи, паразитирующие на агамах Средней Азии» (12, с. 145–146).

По материалам экспедиций 1937, 1940, 1949, 1952, 1958 гг. П. А. Резник и А. Д. Богатырев опубликовали «Материалы к изучению фауны позвоночных животных долины Архыза» (13, с. 143–157). Для этой территории северного склона Кавказа, принадлежащего верхней части бассейна р. Большой Зеленчук (от Водораздельного хребта на юге до Северо-Юрской депрессии на севере), авторы приводят малоазиатского тритона (*Ommatotriton vittatus*), зеленую жабу (*Bufo viridis*), обыкновенную квакшу (*Hyla arborea*), прыткую и скальную ящериц, веретеницу и кавказскую гадюку (*V. kaznakovi*). В отношении последнего вида

необходимо заметить, что, согласно современным таксономическим воззрениям, в альпийском и субальпийском поясе Карачаево-Черкесии распространена гадюка Динника (*V. dinniki*), а на сопредельной территории Краснодарского края из Шахгиреевского ущелья на р. Малая Лаба – недавно описанная реликтовая гадюка (*V. magnifica*), возможно, обитающая в республике (14, р. 117–126.). Оба вида относятся к *Vipera kaznakovi-complex*. В предшествующий период герпетологических исследований для территории республики приводили *V. berus* (15, с. 1–21; 16, с. 1–21; 17, с. 203–220 и др.). А. Е. Аренс (18, с. 245–263.) в биогеографической характеристике Тебердинского заповедника и прилегающих к нему районов также пишет об обыкновенной гадюке, делая следующее примечание: «... из недавней беседы с С. А. Черновым выяснилось, что высокогорная гадюка не обязательно должна быть *Vipera berus*. Выяснением этого вопроса следовало бы, по мнению С. А. Чернова, заняться» (18, с. 253). С целью сохранения животного мира верховьев Кубани и ее притоков Резник и Богатырев рекомендовали соединить территорию Архызского участка с Тебердинским заповедником в одно целое и перенести его западную границу до р. Уруп.

Для Атласа Ставропольского края Павел Александрович подготовил зоогеографическую карту (19, с. 18), где для Ачикулакско-Бажиганского и Терского песчаных массивов приводил песчаного удавчика (*Eryx miliaris*).

В Ставропольском государственном музее-заповеднике им. Г. Н. Прозрителева и Г. К. Пправе хранится научный архив Павла Александровича. В нем, помимо рукописных определителей и энтомологической коллекции, значительный интерес представляет картотека учетов наземных позвоночных животных, составленная по результатам экспедиций в различные районы Ставропольского края (20). В картотеке имеются данные по численности, биотопической приуроченности, особенностям поведения и экологии 4 видов амфибий, 6 – рептилий, 183 – птиц и 9 – млекопитающих. В частности, в Сенгилеевской котловине в 1964 году Резник наблюдал краснобрюхую жерлянку (*Bombina bombina*), обыкновенную чесночницу (*Pelobates fuscus*), зеленую жабу, прыткую ящерицу, каспийского полоза (*Hierophis caspius*), обыкновенную медянку (*Coronella austriaca*), обыкновенного (*Natrix natrix*) и водяного (*N. tessellata*) ужей, степную гадюку.

Отметим, что дочь Павла Александровича Елена пошла по его стопам: в настоящее время она занимается кровепаразитами ящериц.

Николай Кузьмич Верещагин – зоолог, палеонтолог, охотовед, натуралист. Он – родной внук Николая Васильевича Верещагина, известнейшего сельского кооператора, которого называют главным организатором молочного хозяйства России, и внучатый племянник знаменитого художника-баталиста, погибшего при взрыве броненосца «Петропавловск» в 1904 году – Василия

Васильевича Верещагина (кстати, в 1863 г. он посетил Ставрополь). Родился Н. К. Верещагин 21 ноября 1908 года в деревне Пертовка на реке Шексне. Один из первых выпускников МПМИ (1929 г.). В 1930–1934 годах работал во Всесоюзном НИИ пушно-мехового хозяйства и оленеводства, заведовал опытными фермами ондатры и нутрии, занимался их акклиматизацией. В 1934 году переехал в Ленинград, работал в Арктическом институте. В 1935–1948 годах – в Институте зоологии в Азербайджане, с 1949 года – научный сотрудник Зоологического института АН СССР, с 1968 года руководил там лабораторией наземных позвоночных (21, с. 91; 22). Автор одного из самых цитируемых териологических изданий – «Млекопитающие Кавказа» (23) и ряда других книг. У Николая Кузьмича имеются и специализированные герпетологические работы (24, с. 71–72; 25, с. 164–167.).

Верещагин – почетный член Териологического общества, председатель Комиссии охраны природы Географического общества, Комитета по изучению мамонтовой фауны. В очень преклонном возрасте участвовал в международных конференциях. В ночь с 27 на 28 октября 2008 года, не дожив до своего 100-летия 3 недели, Николай Кузьмич ушел из жизни. Умер один из последних корифеев зоологической науки XX века.

Значимой страницей в истории палеонтологических исследований на Кавказе стало изучение Косякинского карьера. В июне 1952 года Верещагин посетил этот объект, получивший в 1978 году статус памятника природы. Вспоминая об этой экспедиции, Верещагин писал: «... я часами работал под вертикальной стенкой карьера с кайлушкой и ситом, обгорая на жгучем солнце... Это был увлекательный поиск, и мне не хотелось прислушиваться к предупреждениям рабочих карьера о том, что пятиметровая стенка может рухнуть в любой момент и устроить новое захоронение» (26, с. 40). Обработав полученный материал и коллекции Зоологического и Палеонтологического институтов, Николай Кузьмич опубликовал работу по изучению неогеновой фауны Северного Кавказа в широко известных «Материалах по изучению Ставропольского края». В статье приводится информация об обломках щитков панциря водяных черепах (род *Trionyx*), нижней челюсти мелкой ящерицы (сем. *Lacertidae*), обломках костей мелких амфибий – лягушек или жаб (27, с. 169–175). О находках Верещагина было отдельно сказано Владимиром Георгиевичем Гниловским в главе «Подземные зоологические музеи» из книги «Занимательное краеведение» (28). Гниловской и Верещагин были хорошими знакомыми, коллегами по изучению природы Кавказа. В Ставрополе в 1940-х годах сложился прекрасный научный круг натуралистов-кавказоведов. Назовем соратника Гниловского и Верещагина – Сергея Константиновича Даля (1904–1982). Эти имена пришли на смену ставропольскому научному сообществу 1920–1930 годов.

Интересно, что уже в то время, до обнаружения и экспонирования скелетов сарматского кита, сибирского эласмотерия, южного слона, Верещагин предлагал создать в Ставропольском краеведческом музее «... специальный отдел с смонтированными скелетами вымерших животных и восстановленными палеоландшафтными картинами» (27, с. 175). Современные естественнонаучные коллекции Музея-заповедника могут послужить для создания отдельного полновесного музея. В 2001 году в музее уже была создана единственная на Северном Кавказе многопрофильная палеонтологическая экспозиция «Живое прошлое Земли».

В 1930–50 годах большинство исследователей рассматривают амфибий и рептилий как промысловых животных. Примером может служить работа Верещагина «Охотничьи и промысловые животные Кавказа» (29), где автор, в частности, в главе IV «Пресмыкающиеся и земноводные» из 57 видов черепах, змей, ящериц и 11 видов земноводных, «свойственных Кавказу», выделяет виды, имеющие промысловое значение. Болотная, или речная, черепаха (*Emys orbicularis*) может использоваться для получения высококачественных консервов. Одним из мест, рекомендованных для ловли, указаны плавни р. Кубань.

Ядовитые змеи рассматриваются как поставщики яда, который с успехом применяется для лечения некоторых нервных заболеваний, раковых опухолей пищевода, бронхиальной астмы, хронического ревматизма. Наиболее ценным видом признана гюрза, или средиземноморская гадюка (*Macrovipera lebetina*), при этом обитающая у нас степная гадюка признана немногочисленной и менее опасной, чем другие гадюки.

Среди неядовитых змей региона пригодными для галантереи были признаны 6 видов. Указывается, что в Азербайджане в 1931–32 годах было заготовлено 61000 ужовых шкурок, а в 1935 году «... только 11088» (29, с. 96). При этом из-за «... перелова и загрязнения берега нефтью количество ужей на Апшероне резко уменьшилось» (29, с. 96). Как виды, годные на шкурку, указаны ящеричная змея, краснобрюхий полоз или злой уж (по всей видимости, Н. К. имел в виду каспийского полоза), оливковый (*Coluber najadum*) и Палласов (*Elaphe sauromates*) полозы, при этом последний вид змеи, а также «... остальные виды полозов и других змей, кроме, быть может, степного удавчика» (29, с. 98), встречается редко.

Из земноводных «... некоторое промысловое значение может иметь лишь один вид – лягушка (*Rana ridibunda* Pall.)» (29, с. 98). Она рассматривается как превосходный материал для лабораторных опытов и как пищевой объект. Квакша (*Hyla arborea*) имеет «... некоторый спрос со стороны зоопарков и аквариумов» (29, с. 99).

Научный интерес представляет обзор ящериц: «На некоторые виды из отряда ящериц, обитающих на перешейке, имеется небольшой спрос в живом виде со стороны зоопарков и зоомагазинов. К ним относятся кавказские агамы, круглоголовки, ящурки, сцинки, зеленые ящерицы и гекконы. Наибольшее число видов и наибольшая плотность, обеспечивающая богатые сборы, существуют лишь в Восточном Предкавказье и Восточном Закавказье. Удобным местом сбора ушастой круглоголовки (*Phynosephalus mystaceus* Pall.) являются пески Кумторкала между Махач-кала и Буйнакском» (29, с. 98). Здесь необходимо отметить произошедшее в наше время изменение взглядов на бархан Кумторкала: теперь это не удобное место для отлова ящериц, а уникальное явление природы, где обитает не менее уникальная изолированная популяция ушастой круглоголовки, по ряду параметров отличающаяся от ящериц этого вида, живущих в других песках Восточного Предкавказья (30, с. 1272–1274; 31, с. 85–101).

Верещагин является автором известного герпетологического эксперимента: в сентябре 1944 года он выпустил 15 ушастых круглоголовок, пойманных в районе бархана Кумторкала, на северный берег Апшеронского полуострова у мыса Бильгя (32, с. 75–77). Опыт переселения ящериц удался (33, с. 102), породив при этом зоологическую сенсацию: не зная истинной причины возникновения популяции круглоголовки, трудно было объяснить факт ее появления за пределами видового ареала.

В главах, посвященных обеднению фауны и мероприятиям по ее охране, автором рассматриваются только птицы и млекопитающие.

Основные кавказские сборы амфибий и рептилий Н. К. Верещагина хранятся в герпетологической коллекции ЗИН РАН. Среди них назовем малоазиатскую лягушку (*R. macrocnemis*) с Терского хребта (10.04.1947), разноцветную ящурку из окрестностей Махачкалы (6.09.1944), прыткую ящерицу из Тебердинского заповедника (28.08.1944) и ущелья Балкарского Черка (12.08.1948), скальную ящерицу из окрестностей горы Миназы-Шахар в верховьях Кубани (10.1944).

Накопленный материал по биологии амфибий и рептилий Кавказа Николай Кузьмич отразил в коллективной многотомной работе «Животный мир СССР», в частности, в 3-й и 4-й главах пятого тома «Пресмыкающиеся» и «Земноводные» (34, с. 261–286).

Вклад Резника и Верещагина в кавказскую герпетологию позволяет говорить о них как о выдающихся зоологах широкого профиля.

Использованная литература и источники

1. Хохлов А. Н. Профессору Резнику Павлу Александровичу – 90 лет // Фауна Ставрополя. – Ставрополь, 2003. – Вып. 11.

2. Архив СГУ, ед. хр. 2287, л. 1–104.
3. Очерки истории Ставропольского педагогического института. – Ставрополь: Кн. изд-во, 1991. – 112 с.
4. Красавцев Б. А. К экологии обыкновенного тритона в Предкавказье // Труды Ворошиловского государственного педагогического института. – Пятигорск, 1940. – Т. 2.
5. Резник П. А. Пиявки окрестностей г. Ворошиловска // Труды Ворошиловского государственного педагогического института. – Пятигорск, 1939. – Т. 1.
6. Резник П. А. Зоологические заметки // Труды Ворошиловского государственного педагогического института. – Пятигорск, 1940. – Т. 2.
7. Гниловой В. Г., Скрипчинский В. В., Резник П. А., Галушко А. И. Экскурсии по Ставрополью. Маршруты экскурсий и походов. – Ставрополь: Крайиздат, 1951. – 272 с.
8. Резник П. А. Определитель позвоночных животных Ставропольского края. – Ставрополь: Ставропольское книжное изд-во, 1962. – 74 с.
9. Резник П. А., Тertyшников М. Ф. Методические указания к изучению позвоночных животных Ставропольского края для студентов второго курса очного и заочного обучения (рыбы, земноводные и пресмыкающиеся). Ставрополь: СГПИ, 1976. – 42 с.
10. Тertyшников М. Ф. О нахождении на Ставрополье ящеричной змеи // Фауна Ставрополья. – Ставрополь, 1993. – Вып. 5.
11. Марков Г.С., Тertyшников М.Ф., Резник П.А. Материалы по паразитофауне массовых видов ящериц в Центральном Предкавказье // Вопросы паразитологии животных Юго-востока СССР. – Волгоград, 1974.
12. Резник П.А., Радченко Н.М. Клещи, паразитирующие на агамах Средней Азии // Новые проблемы зоологической науки и их отражение в вузовском преподавании. Тезисы докладов научно конференции зоологов педагогических институтов. – Ставрополь, 1979. – Ч. 1.
13. Резник П.А., Богатырев А. Д. Материалы к изучению фауны позвоночных животных долины Архыза // Труды Тебердинского государственного заповедника. – М., 1967. – Вып. VII.
14. Tuniyev V. S., Ostrovskikh S. V. Two new species of vipers of «kaznakovi» complex (Ophidia, Viperidae) from the Western Caucasus // Russian Journal of Herpetology, Vol. 8, № 2, 2001.
15. Мориц Л. Д. О змеях Северного Кавказа // Любитель природы. – 1916. – № 1–2.
16. Динник Н. Я. Змеи Северного Кавказа: Ученые записки Северо-Кавказского института краеведения. – Владикавказ, 1926.
17. Федоров С. М. Пресмыкающиеся, земноводные, круглоротые и рыбы Ставропольского края. (Видовой состав, значение и использование) // Материалы по изучению Ставропольского края. – Ставрополь, 1956. – Вып. 8.
18. Аренс Л. Е. Биогеографическая характеристика Тебердинского заповедника и прилегающих к нему районов // Материалы по изучению Ставропольского края. – Ставрополь, 1960. – Вып. 10.
19. Резник П. А. Зоогеографическая карта. – М.: Главное управление геодезии и картографии при Совете Министров СССР, 1968.
20. СГМЗ. О.Ф. 28320/1–407.
21. 95 лет Николаю Кузьмичу Верещагину // Вестник охотоведения. – 2004. – Т.1. – №3.
22. Верещагин Н. К. От ондатры до мамонта. Путь зоолога. – СПб.: Астерион, 2002. – 336 с.
23. Верещагин Н. К. Млекопитающие Кавказа. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1959. – 704 с.
24. Верещагин Н. К., Громов И.М. Заметки по биологии рептилий в бассейне Шексны // Природа. – 1947. – № 1.
25. Верещагин Н. К. Земноводные и пресмыкающиеся // Природа Ленинграда и окрестностей. – Л.: Лениздат, 1964.
26. Верещагин Н. К. Записки палеонтолога. По следам предков. – Л.: Изд-во «Наука», 1981. – 168 с.
27. Верещагин Н. К. К истории фауны позвоночных и развития ландшафтов Ставрополья в неогене // Материалы по изучению Ставропольского края. – Ставрополь, 1954. – Вып. 6.

28. Гниловской В. Г. Занимательное краеведение. Беседы с юными краеведами о природе Ставропольского края. – Ставрополь: Ставропольское книжное изд-во, 1974. – 432 с.
29. Верещагин Н. К. Охотничьи и промысловые животные Кавказа. – Баку: Изд-во АН Азербайджанской ССР, 1947. – 130 с.
30. Хонякина З. П. Некоторые морфолого-меристические особенности ушастой круглголовки Дагестана // Зоологический журнал. – 1965. – Т. XLIV. – Вып. 8.
31. Даревский И. С. Охрана амфибий и рептилий в заповедниках Кавказа // Амфибии и рептилии заповедных территорий. – М., 1987.
32. Верещагин Н. К. Опыт переселения ящериц // Природа. – 1966. – № 11.
33. Алекперов А. М., Газанчан М. К., Мамедова С. А. О нахождении ушастой круглголовки в Азербайджане // Герпетология. – Ташкент, 1965.
34. Верещагин Н. К. Глава III. Пресмыкающиеся – Reptilia. Глава IV. Земноводные – Amphibia // Животный мир СССР. Горные области Европейской части СССР – М. –Л.: Изд-во АН СССР, 1958. – Т. 5.

История изучения лесов Ставропольской возвышенности как объектов природного наследия

Лесные массивы Ставропольской возвышенности интересовали людей начиная с IX в. до н. э. На археологических памятниках Татарского, Грушевского и Ташлянского городищ установлены следы пребывания кобанских племен, скифов, сарматов, а в средние века – хазар, болгар и аланов. Среди первых из дошедших до нас лесных карт Ставрополя значится «Генеральный план Астраханской губернии Кавказской линии в четырех уездах растущим лесам, начиная от города Кизляра по большой дороге и в стороне оной, до Усть-Лабинской крепости, близ границы Новороссийской губернии состоящей, с показанием порознь число десятин в особом кратком описании. 1801 года 1 декабря». Копирован план землемером Алексеем Осовицким, а заверен он подписью такого содержания – «Астраханский обер-форштмейстер Фантом Верраион». Три уезда, обозначенные на плане как Ставропольский, Александровский и Георгиевский, впоследствии составили площадь Ставропольской губернии, но в то время этими тремя уездами наш край входил в Астраханскую губернию (Поповичев, 1998).

Из архивных документов следует, что в Ставропольских лесах исследования проводили капитан-лейтенант флота Сухов, а также лейтенанты флота Стожевский и Одоевцев. Составленные ими частные планы казенных лесов в окрестностях Ставрополя, на Стрижаменте, по реке Куме, у села Новоселицкого послужили основой для разработки Генерального плана лесов Ставрополя за подписью Фантома Верраиона. «Генеральный план...» Верраиона и частные планы флотских офицеров дали первые приблизительные сведения о количестве основных древесных пород лесов Ставрополя. Учитывались чинар (бук), ясень, граб, дуб, клен и ильм. На карте Верраиона в Ставропольском уезде значатся леса дач Ставрополя, пригородов, казенных селений в Пелагиаде, Новотроицком, Рождественском, Новомарьевском, при крепости Московской, при речках Грушевке и Татарке, в Лопатином буераке – всего 7963 и 1/2 десятины.

Леса Русская лесная дача и Пригородный (Таманский) лес, по его мнению, были однотипны и могли быть названы буково-грабово-кленовыми (Гниловской, 1976). По свидетельству архивных документов 1800 года, Ставрополь имел три

лесные дачи: Мамайскую (649 десятин), Члинскую (1195 десятин) и Круглую (317 десятин).

В XX веке лесными массивами Ставропольской возвышенности интересовались множество ученых. По этой тематике ими были опубликованы научные труды, книги, статьи, учебники, учебные пособия, путеводители и т. п. Отметим наиболее интересные научные исследования, которые провели ученые.

Пионером в исследовании растительности Ставрополя (в том числе и лесной) стал А. П. Норман. В 1881 году он публикует труд «*Florula Stavropolensis*» – список более 700 видов зарегистрированных им растений Ставропольского края (Бржезицкий М., Нагорный П., 1913). Особо следует отметить 2 его более поздних труда – «Флора окрестностей города Ставрополя» (где описывается более 1000 видов растений) и «Флора Кавказа» (около 650 видов).

Огромный вклад в геоботаническое исследование Ставрополя внес доктор биологических наук профессор И. В. Новопокровский. Его дипломная работа, опубликованная еще в 1905 году, называлась «Материалы для изучения флоры Ставропольской губернии». Позже он публикует «Геоботаническое обследование Ставропольской губернии в 1915 году». Но самую большую ценность представляет собой его труд «Растительность Ставрополя» (1927). В схематической карте, которая прилагалась к работе, ученый в пределах Ставрополя выделяет 4 ботанико-географических района: 1) лесостепь (с участками предгорных луговых степей); 2) разнотравная черноземная степь с байрачными лесами; 3) безлесная злаковая степь; 4) полупустыня (низменная солонцеватая степь). Данная работа стала одной из первых попыток геоботанического районирования Ставрополя.

Знаменитый ученый-краевед, доцент кафедры физической географии Ставропольского пединститута В. Г. Гниловской в своей статье «Леса Ставропольской возвышенности по историко-географическим данным (1971)» описывает планы и карты лесов 19 века, а также делает описи и описания лесов того времени. Также им была опубликована статья «Новые данные о лесных картах Ставропольской возвышенности начала 19 века (1974)», где им расшифровываются карты лесных угодий, датированные 1799 годом. В нескольких его статьях содержатся таблицы с цифрами площадей основных лесов Ставрополя, вычисленных на основании карт и планов 1799–1800 годов и их сравнение с данными по тем же территориям за 1961–1962 годы.

Известный ботаник, доцент Ставропольского государственного педагогического института В. Н. Кононов внес большой вклад в изучение флоры лесов Ставропольской возвышенности. Его основной труд «Растительность и конспект флоры Ставропольской возвышенности и Кумо-Манычской впадины (1968)», в нем значительная роль отводится растительности лесов Ставропольской

возвышенности. В работе «Аспекты и сезонная смена травянистого покрова в лесах окрестностей города Ставрополя (1950)» он описывает травянистый покров, а также видовой состав древесных пород и кустарников лесов города Ставрополя. Совместно с В. Г. Танфильевым опубликована статья «Новые данные по флоре Ставропольской возвышенности», где показаны новые виды растительности (в том числе и лесной) Ставропольской возвышенности и дается описание каждого растения.

Известный ученый, ботаник и краевед В. Г. Танфильев активно интересовался флорой и растительностью Ставропольской возвышенности. Им опубликовано множество работ, касающихся непосредственно этой тематики. Особую ценность представляет его книга «Растительность Ставропольского края». Интересна и его статья «Некоторые сведения об изменении растительности Ставрополя за последние столетия (1976)». Эта работа дает ценный материал об изменении растительности лесов. Автор описывает дигрессию и демутиацию лесов, эрозию почв в них. В статье говорится о зарастании лесов кустарниками, а также о вырубании лесов.

В 70-е гг. большую работу по типизации лесов края и оценке их ресурсного потенциала провел профессор Б. Ф. Остапенко, с выделением типов судубрав (1974). В своей книге «Типы лесов Ставропольского края (1974)» он произвел детальное районирование растительных лесных сообществ с выделением дубрав, судубрав, бучин и др. Кроме того, он серьезно занимался изучением флоры лесных массивов.

А. А. Клопов в статье «Леса Ставропольского края (1964)» пишет об истории развития лесов, увеличении их площади во времени, описывает историю лесоразведения, породный состав, месторасположение и эрозию почв в лесах Ставропольского края. В статье «Лесоразведение на Ставрополье (1960)» ученый рассказывает об истории разведения леса в нашем крае, о разведении лесопосадок и лесополос в степи, о приемах и методах создания лесных насаждений.

Изучением и описанием ставропольских лесов ученые занимаются и сегодня.

А. Л. Ивановым опубликованы работы «Анализ флоры Ставрополья (1996)» и «Конспект флоры Ставрополя (1997)». В этих работах дается наиболее полная инвентаризация современного природного флористического комплекса края, а также его систематический, экологический, биоморфологический и географический анализ. В «Анализе флоры Ставрополья» автор пишет, что растительность лесов Ставропольского края относится к 406 видам и к 82 семействам. В статье описываются наиболее крупные семейства растений.

А. В. Скрипчинский изучал растительность с учетом ландшафтного подхода. По материалам исследований им написана работа «Травянистая растительность как индикатор морфологии лесостепных ландшафтов Ставропольской

возвышенности (2001)» и статья «К вопросу изучения внутриландшафтной дифференциации лесостепной растительности (1999)». В этих исследованиях рассмотрены внутриландшафтные различия растительности лесостепных ландшафтов Ставропольской возвышенности.

В. Н. Белоус публикует статьи «Флора лесов окрестностей города Ставрополя (2003)», «Лесные травы окрестностей Ставрополя» и «Экологические проблемы сохранения лесных ландшафтов». В этих работах подчеркивается роль лесных массивов как закрепителей почв, их санитарно-гигиеническая роль, описываются основные антропогенные изменения в наших лесах. Автор пишет о необходимости проведения масштабного исследования негативных процессов и описывает основные меры по восстановлению лесов.

Использованная литература и источники

1. Археологический и природный музей-заповедник «Татарское городище» как природное наследие / под ред. проф. Шальнева В.А. – Ставрополь, изд-во СГУ, 1999.
2. Гниловской В.Г. Леса Ставропольской возвышенности по историко-географическим данным // Материалы по изучению Ставропольского края. – Ставрополь, 1971. Вып. 12–13.
4. Годзевич Б.Л., Дударь Ю.А., Савельева В.В. Ставропольские леса как объекты природного и историко-культурного наследия // Ставрополь: социально-экологические проблемы городской среды. Материалы научно-практической конференции. – Ставрополь, 2004.
5. Клопов А.А. Лесоразведение на Ставрополье // Материалы по изучению Ставропольского края. – Ставрополь, 1960. Вып. 10.
6. Лес и степь. Очерки о лесном хозяйстве Ставрополя / Под ред. начальника Ставропольского управления лесами В.В. Поповичева. Ставрополь, Федеральная служба лесного хозяйства России, 1998.

Мозгова Т. В.,
г. Ставрополь,
Ставропольский государственный музей-заповедник,
младший научный сотрудник отдела «Татарское городище»

**Физико-географическая характеристика
ст. Боргустанской и ее окрестностей
(по материалам историко-этнографической
экспедиции 2006 г.).**

Станица Боргустанская Предгорного района Ставропольского края располагается в приграничном районе с Карачаево-Черкесской республикой: на юге ее земли соседствует с Малокарачаевским районом (пос. Рим-гора, с. Первомайское, с. Терезе, с. Учккен); на северо-западе граничит со станицей Бекешевской.

Географически территория станицы находится на территории Пастбищного хребта. В восточной части Пастбищного хребта – хр. Боргустан, который, в свою очередь, примыкает к Дарьинскому хребту. Земли станицы располагаются в равнинной части северного Приэльбрусья, в верховьях р. Бугунта (левый приток р. Подкумок). Левый берег реки занимает основную часть населенного пункта, а правый берег является выселками, которые выполняют, скорее, хозяйственную функцию. В западной части по станице протекает р. Дарья (правый приток р. Кумы). Таким образом, станица расположена в междуречье р. Бугунта и р. Дарья. В юго-западной части территории станицы, в зоне рек Большая и Малая Дарья, расположено Боргустанское лесное хозяйство, на юге оно примыкает к Дарьинскому хребту (1). На территории станицы есть 3 крупных колодца, в которые подается вода из родников, называемых местными жителями «Камышовка», «Тамбиевский» и «Бельмечетка» («Бельменчевский»).

Рельеф основной территории станицы представляет собой типичную предгорную равнину с отдельными возвышениями: на юго-востоке Боргустанские горы (максимальная высота около 1000–1010 м н. ур. м.) примыкают к хр. Боргустанскому. Они простираются на запад до территории Карачаево-Черкесии. В юго-западной части их высота от 975 м до 1166 м н. ур. м. Станица и ее северные окрестности расположены на равнинном плато, изрезанном густой сетью речных долин и балками. Берега рек имеют частые обрывистые склоны.

Территория станицы входит в состав геологического района Кавказских Минеральных Вод, сложенного неогеновыми осадочными породами: песчаниками, известняками, конгломератами, представленными моноклинальными структурами карбонатных и песчано-глинистых отложений

юры и мела. Выше расположены горизонты рыхлых лессовидных суглинков, которые подстилаются майкопскими глинами (в виде обширных линз). В окрестностях станицы находится несколько карстовых воронок. Климат характерен для региона Кавказских Минеральных Вод. Четко выражены 4 сезона с абсолютным максимумом температуры $+41^{\circ}\text{C}$ и с абсолютным минимумом температуры -33°C . На климатические особенности влияет близкое расположение горы Эльбрус. Помимо основной розы ветров, с северо-востока наблюдаются теплые сухие, с запада влажные ветры; в зоне КМВ – холодные влажные ветры с юга, распространяющиеся, в основном, по долинам рек. Это характеризует быструю перемену погоды в районе станицы. Среднегодовое количество осадков более 500 мм. Самым дождливым месяцем является июнь: от 16 до 19% годовой суммы осадков. Наименьшее количество выпадает в феврале: от 2 до 4% годовой суммы осадков. В последние годы наблюдается летнее понижение количества осадков. В конце XX века в регионе проявилась тенденция увеличения повторяемости и интенсивности неблагоприятных и опасных погодных явлений: обильных и продолжительных дождей, грозо-градовых процессов, сильных ветров, высоких температур, больших междусуточных перепадов температуры и давления. Все эти неблагоприятные явления отмечаются в теплое время года. В зимний период увеличилась только повторяемость метелей и поземка, но значительно сократилась их продолжительность. Вследствие повышения температуры воздуха и снижения средней скорости ветра во всем регионе Кавказских Минеральных Вод стабильно снижается индекс жесткости погоды. Климат смягчается: зима становится более теплой, а лето менее жарким (2).

На обследованной территории можно выделить два основных ландшафтных комплекса:

- 1) **степной**: от горных субальпийских луговых ландшафтов на юге – к степным разнотравно-злаковым на севере;
- 2) **лесной** представлен лесным массивом Боргустанского лесхоза, а также расположенным по долинам рек и балок байрачным лесом.

На юге, в возвышенной части, почвы территории представлены горными черноземами с гумусовым горизонтом до 50 см; в поймах рек – солонцеватыми выщелоченными черноземами мощностью до 100–150 см (здесь гумусовый горизонт имеет зернистую структуру) (3). К северу, в равнинной части, почвы представлены аллювиальными отложениями черноземов, каштановых черноземов, серых суглинистых черноземов, серо-каштановых и каштаново-бурых гумусовых горизонтов различной мощности. Для территории станицы характерными являются каштановые и близкие к ним черноземы значительной мощности, содержащие от 5 до 8% гумуса. Такие почвы благоприятны для выращивания овощей, в основном, корнеплодов: картофеля, свеклы и моркови. Из

беседы со специалистом по земельным вопросам Рыбниковой Н. А. мы узнали, что основные зерновые культуры, выращиваемые в станице, – пшеница, ячмень, овес; рожь возделывается крайне редко. Свеклу выращивают как сахарную, так и кормовую, но тоже в небольшом количестве. Нина Алексеевна добавила к вышесказанному: «У нас больше ничего не растет. Климат предгорный, ночью холодно, поэтому многие культуры у нас не растут, например, косточковые: персики, абрикосы, плохо растет вишня, черешни нет... Это горы... Поэтому наши культуры – картофель, свекла и морковь». Станица специализируется на выращивании картофеля, поэтому доход многих семей зависит от урожая этой культуры.

Ландшафтные зоны территории станицы являются средой обитания: в северной части – для животных и растений, типичных для степных районов Ставрополья; в южной части – для обитателей горно-луговой зоны. На территории лесничества представлена флора и фауна широколиственных лесов данного региона. В степной зоне можно встретить лису, волка, зайца, мелких грызунов. Сюда заходят кабан, косуля. В поймах рек водятся ондатра, водяная полевка.

Территория станицы примыкает на юге к первой выраженной на Кавказе зоне высотной поясности, поэтому южная часть значительно отличается по рельефу от степной равнины. В этой зоне можно встретить заходящих сюда благородного оленя и лань; чаще появляются волк, кабан. Бывали случаи, когда сюда спускался и медведь. Разнообразен мир птиц: от мелких воробьиных – это синицы, жаворонки, трясогузки и дятлы (до четырех видов) – до более крупных врановых – сойка, сорока, ворона, альпийская галка. В степи обитают перепел, угод; по берегам рек – береговая ласточка; по рекам и на прудах – водоплавающие птицы. В верховьях рек можно встретить ручьевую форель (4).

Флористический состав степной зоны представляет собой разнотравно-злаковую растительность, характерную для района Кавказских Минеральных Вод, но по-своему выраженной узкими полосами вдоль рек и по балкам. Степь простирается на юг по водоразделам рек и постепенно переходит в луговую степь субальпийской зоны. Значительную площадь территории занимает Боргустанский лесхоз. В нем представлены дуб, бук, граб, клен; в подлеске – лещина, бересклет, бузина; по балкам – терн, шиповник, калина, боярышник, отдельными куртинами – кизил.

Степная зона преобразована в результате хозяйственной деятельности.

В 2002 году станицу Боргустанскую постигло наводнение. Со слов главы администрации Холодной Р. Ф., мы узнали, что больше всего пострадал район

«Гнилушки»: затопило подвалы, частично дома, огороды. Это было самое крупное наводнение за последние годы.

Использованная литература и источники

1. Топографическая карта. Ставропольский край. Масштаб 1: 200000. – Москва: ЦЭВКФ, 2001. – С.50.
2. Бадахова Г.Х., Кнутас А.В. Ставропольский край: современные климатические условия. – Ставрополь: ГУП СК «Краевые сети связи», 2007. – 272 с.
3. Вальков В.Ф., Штомпель Ю.А., Тюльпанов В.И. Почвоведение (почвы Северного Кавказа). – Краснодар: Советская Кубань, 2002. – 728 с.
4. Хохлов А.Н. Животный мир Ставрополя (Состав и распределение наземных позвоночных). – Ставрополь: Ставропольсервисшкола, 2000. – 200 с.

Проконова Т. В.,
г. Ставрополь,
Ставропольский государственный музей-заповедник,
кандидат биологических наук,
научный сотрудник

К вопросу сохранения и рационального использования почвенных ресурсов Предкавказья

Практический интерес изучения почв заключается в их огромном значении для сельского хозяйства. Почва формируется под влиянием целой совокупности факторов ландшафта, а значит отражает их в своей структуре и морфологии. К числу таких факторов относятся климат, материнская горная порода, рельеф, растительность, почвенная фауна. В Предкавказье сочетание разнообразных климатических условий, материнской породы, пестроты рельефа, видового разнообразия флоры и почвенной фауны привели к формированию плодородного чернозема. Об этом свидетельствует работа русского ученого, основоположника почвоведения В. В. Докучаева (1, с. 572–581).

В Предкавказье исследования почв практического характера, связанные с использованием земель, начались еще в XVII в. В разные временные периоды учеными были описаны почвенные типы, представлены их морфологические характеристики, изучены факторы почвообразования, проведена бонитировка почв, в результате чего составлен земельный кадастр.

В таблице представлены в хронологическом порядке основные достижения в области исследования почв. Впервые научную основу исследования приобрели в работах В. И. Прасолова. Им отмечено фундаментальное значение сарматских глин как материнских пород в формировании почв. В составе сармата ученый отмечает три петрографически и палеонтологически резко отличающихся между собой группы: а) нижнюю из слоистых, легко разрушающихся глин, палеонтологически почти немую, за исключением неясных и редких остатков рыб; б) среднюю, большей частью глинистую, но с мергелями, характеризующуюся преобладанием типичных членистоногих; в) песчано-известковую группу с преобладанием ракушечника. Большой вклад В. И. Прасолов внес в изучение почвенных типов восточной части Ставропольского края. Им отмечены светло-бурые супеси и суглинки с вкраплением солонцеватых почв как основные, сформировавшиеся в восточной, наиболее засушливой части края (2, с.1–74).

Хронологическая таблица исследования почв Предкавказья

Исследователь	Годы	Роль в изучении почв Предкавказья
В. И. Прасолов	20-е гг. XX в.	Изучены почвенные типы восточной части

		Ставропольского края
С. А. Захаров	30-е гг. XX в.	Изучены почвенные типы Предкавказья и Северного Кавказа
Ф. Я. Гаврилюк	40-е гг. XX в.	Изучены почвенные типы Ставропольского края. Составлен земельный кадастр Северного Кавказа
А. Я. Антыков, А. Я. Стоморев	70-е гг. XX в.	Проведено агрономическое районирование, представлена бонитировка почв Ставропольского края
В. Ф. Вальков	70–90-е гг. XX в. нач. XXI в.	Изучен генезис почв Северного Кавказа

Важный вклад в становление знаний о почвах Предкавказья внес С. А. Захаров. Он отмечал, что Предкавказье может быть разделено на западную часть, в которой господство принадлежит черноземам, и восточную, где основной фон создают каштановые почвы. Это разделение, прежде всего, обусловлено климатом. Условная линия, отделяющая черноземный запад от более сухого востока, проходит от устья Западного Маныча на устье р. Егорлык, далее к г. Светлограду и вдоль р. Мокрой Буйволы почти до р. Кумы, отсюда на юго-запад к Георгиевску. К востоку от этой линии развиты каштановые почвы, а к западу – черноземы. Последние представлены несколькими типами, образующими почти правильные полосы, вытянутые с северо-запада на юго-восток. Крайняя восточная полоса представлена южными черноземами. Вторая полоса охватывает левобережье Егорлыка. Это область развития приазовских (типичных) черноземов. В третью зону входят черноземы Ставропольского плато, где господствуют обыкновенные (среднегумусные) черноземы. Однако на самой высокой части плато сформировались черноземы выщелоченные, так как здесь выпадает больше атмосферных осадков. На участках под дубово-грабово-ясеневыми лесами образовались значительные массивы серых лесных почв. Необходимо отметить, что из всех ученых-почвоведов С. А. Захаровым впервые выделены серые лесные почвы как самостоятельный тип. К востоку от черноземных районов господствуют темно-каштановые, каштановые и светло-каштановые почвы с вкраплением различно засоленных почв – солонцов и солончаков (3, с. 297–355).

Такая общая схема градации почвенных типов принята в последующем и другими почвоведом – Ф. Я. Гаврилюком, А. Я. Антыковым, А. Я. Стоморевым. Каждый из ученых внес определенные дополнения в развитие знаний о почвах Ставрополья. Так, Ф. Я. Гаврилюк впервые выделяет аллювиальные, или наносные почвы как самостоятельный тип. Такие почвы приурочены к долинам наиболее полноводных рек – Кубани, Зеленчука, Егорлыка, Калауса, Кумы, Куры. К отличительным особенностям аллювиальных почв Ф. Я. Гаврилюк относит слоистость, с резкими переходами одного слоя в другой, и наличие на некоторой

глубине темно-серых или черных погребенных перегнойных горизонтов (4). Ф. Я. Гаврилюком составлен земельный кадастр Северного Кавказа (5).

А. Я. Антыков и А. Я. Стоморев представляют подробную агрономическую характеристику почв. Ими проведено агрономическое районирование и представлены качественные показатели почв с целью возможного использования в сельском хозяйстве (6, с. 1–416).

Изучением процесса генезиса почв Северного Кавказа занимался В. Ф. Вальков. Им подробно изучены физические процессы и химические реакции, происходящие в тех или иных почвенных типах, приводящие к формированию почв определенной структуры и свойства. В частности, им изучены процессы выщелачивания (7).

Одним из существенных недостатков почв Ставрополя является подверженность оползневым процессам и эрозии. Эти процессы существенно сокращают площадь земель, используемых в сельском хозяйстве. Пристальное внимание проблемам деградации почв уделяли еще в довоенные годы. Так, доцентом Б. Ф. Каспиевым Ворошиловского государственного педагогического института были изучены оползневые явления, рост оврагов, эрозия почв с восточной стороны г. Ворошиловска (ныне г. Ставрополь). Исследования проводились в бассейне реки Мутнянки. Исследователем отмечено, что «непонимание характера и хода процессов в ряде случаев обуславливает мероприятия, способствующие ускорению этих процессов». Указаны «случаи пахоты вдоль склонов, в результате чего при первых же дождях смывался ценный почвенный мелкозем, или на проведение канав поперек склонов, что приводило к образованию новых оползней» (8, с. 138–155). Размер и динамика оползневых процессов зависят прежде всего от особенностей рельефа. Ставропольское плато в настоящее время поднимается со скоростью в среднем 3–4 мм в год, о чем свидетельствуют глубокие врезы оврагов и рек. По размерам и активности оползней Ставрополь один из самых неблагоприятных в России. В городе выделяется 4 оползневых района: Мамайский, Мутнянский, Ташлянский и Члинский. Выход из создавшейся ситуации ученые-почвоведы видят в проведении ряда агротехнических мероприятий, создании защитных лесополос (9, 10).

Борьба с негативными деградационными процессами почв — одна из основных задач агрономов, почвоведов. Не менее важная задача — выявление эталонных целинных участков почв, являющихся природным достоянием. Такие участки на территории Ставрополя имеются. В 1997 году создан почвенный заказник «Ставропольский чернозем». В настоящее время он относится к категории комплексных. Расположен на плоской вершине Ставропольской горы, в 3 км западнее Ставрополя, возле южной опушки Русского леса. Высота — 640 м н.

у. м. Площадь – 50,5 га (11,с.90). Изучен видовой состав травостоя заказника. На этом небольшом по площади участке произрастает свыше 50 видов сосудистых растений (12, с. 98–99). Проведен анализ почвенной вытяжки на предмет содержания гумуса в верхнем плодородном слое. Оказалось, что содержание гумуса составляет 6,39%. Изучен состав почвенной мезофауны заказника (13, с. 61–62). Сохранившийся типичный травянистый покров, со свойственной ему энтомофауной, и почвенный животный мир обеспечивают поддержание сложных пищевых цепей и целостность экосистемы заказника.

Таким образом, не только борьба с деградационными процессами почв, но и сохранение целинных участков – насущная задача специалистов по охране природных ресурсов и почвоведов.

Используемая литература и источники

1. Докучаев В.В. Русский чернозем //Избранные сочинения. – М., 1948. – Т.1.
2. Прасолов Л.И. Туркменская степь Ставропольской губернии. – Ставрополь-Кавказский. – 1908.
3. Захаров С.А. Почвы Предкавказья. – В кн.: Почвы СССР. Т.3. Почвы лесостепных и степных областей. – М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1939.
4. Гаврилюк Ф.Я. Почвы Ставропольского края и их агрономическая характеристика. – Ставрополь: Ставроп. кн. изд., 1947.
5. Гаврилюк Ф.Я. Земельный кадастр Северного Кавказа. – Ростов: Изд-во РГУ, 1979. – 60 с.
6. Антыков А.Я., Стоморев А.Я. Почвы Ставрополя и их плодородие. – Ставроп. Кн. изд., год - ? .
7. Вальков В.Ф. Генезис почв Северного Кавказа. Ростов н/Д, 1977. – 160 с.
8. Каспиев Б.Ф. Движение земляных масс на Ставропольской возвышенности в районе г. Ворошиловска //Труды Ворошиловского государственного педагогического института. – Т. 2. – Крайведиздателство. Пятигорск, 1940.
9. Годзевич Б. Когда возвращаются оползни //Ставропольская правда. – 1993. – 26 нояб. – С.2.
10. Прокопенко П. Беды Ставропольских почв //Ставропольские новости. – 1994. – 4 июня. – С.2.
11. Савенко С.Н., Данилевич В.Г., Охонько Н.А. Концепция создания Ставропольского государственного историко-культурного и природно-ландшафтного музея-заповедника. – Ставрополь: Ставропольское кн. изд., 2005.
12. Скрипчинский В.В. Почвенно-ботанический заказник «Ставропольский чернозем»//Актуальные вопросы экологии и охраны природы Ставропольского края и сопредельных территорий. – Ставрополь, 1995.
13. Проконова Т.В. Мезофауна почвы как показатель ее плодородия //Проблемы развития биологии и экологии на Северном Кавказе. – Ставрополь, 2003.

Шальнев В.А.,
г. Ставрополь,
Ставропольский государственный университет,
доктор геолого-минералогических наук, профессор,
заведующий кафедрой физической географии;

Ляшенко Е.А.,
г. Ставрополь,
Ставропольский государственный университет,
кандидат геолого-минералогических наук,
старший преподаватель кафедры физической географии

Проблемы сохранения природного наследия в Ставропольском крае

Природные ландшафты Ставропольского края отличаются особенностями природных условий и уникальностью биоразнообразия. Современное их состояние определяется высокой степенью освоенности человеком (до 95% от площади) и распаханностью естественной растительности (до 60%). Охраняемых территорий федерального значения в крае нет. Основной формой охраны природы являются заказники – зоологические, ботанические, гидрологические, а также памятники природы. Имеется положительный опыт в создании лечебно-оздоровительных местностей (парков).

В Ставропольском крае развивается процесс опустынивания, который сопровождается развитием эрозионных процессов, деградацией растительного и почвенного покрова. Одновременно отмечается расширение территории сельхозугодий, подвергнутых вторичному засолению, подтоплению, процессам ветровой и водной эрозии. Наиболее эффективными мерами борьбы с опустыниванием является грамотная территориальная организация ландшафтов, предусматривающая сохранение и развитие сети особо охраняемых природных территорий (ООПТ). Ее создание и поддержание – актуальная задача органов исполнительной власти края, так как современное состояние ООПТ в крае не совсем соответствует положениям концепции устойчивого развития.

Проведенные расчеты коэффициента нарушенности растительности современных ландшафтов Ставропольского края показали высокую степень их хозяйственной освоенности и нарушенности естественного растительного покрова (табл. 1).

Таблица 1

***Соотношение природной и антропогенной составляющих в ландшафтах
Ставропольского края и коэффициент нарушенности растительности***

№	Ландшафт	Природная составляющая в % к площади ландшафта	Культурная составляющая в % к площади ландшафта	Изменчивость ландшафта (нарушенность)	Коэффициент нарушенности (Кнр)
1	2	3	4	5	6
Лесостепные					
1	Верхнегорлыкский	48,6	51,4	Значительно	0,51
2	Прикалаусско-Саблинский	29,6	70,4	Сильно	0,7
3	Ташлянский	20,8	79,2	Сильно	0,8
4	Грачевско-Калаусский	34,6	65,4	Сильно	0,66
5	Прикалаусско-Буйволинский	20,8	79,2	Сильно	0,8
Степные					
6	Егорлыкско-Сенгилеевский	46,0	54,0	Значительно	0,54
7	Расшеватско-Егорлыкский	5,1	94,9	Очень сильно	0,9
8	Среднегорлыкский	16,8	83,2	Очень сильно	0,83
9	Бурукшунский	23,0	77,0	Сильно	0,8
10	Нижнекалаусско-Айгурский	23,2	76,8	Сильно	0,8
11	Чограйско-Рагулинский	27,8	72,2	Сильно	0,7
12	Карамык-Томузловский	6,6	93,4	Очень сильно	0,9
13	Кубано-Янкульский	53,6	46,4	Умеренно	0,5
14	Левокумский	16,8	83,2	Очень сильно	0,83
15	Правокумско-Терский	10,7	89,3	Очень сильно	0,9
Полупустынные					
16	Курско-Прикаспийский	73,9	26,1	Мало	0,3
17	Нижнекумско-Прикаспийский	80,0	20,0	Мало	0,2
18	Чограйско-Прикаспийский	60,6	39,4	Слабо Умеренно	0,4
19	Западно-Манычский	49,2	50,8	Значительно	0,51
Степи и лесостепи предгорий					
20	Прикубанский	29,0	71,0	Сильно	0,7
21	Воровколесско-Кубанский	36,5	63,5	Значительно	0,6
22	Подкумско-Золкинский	25,0	75,0	Сильно	0,7
23	Малкинско-Терский	10,5	89,5	Очень сильно	0,9
Лесостепи и остепненные луга среднегорий					
24	Кубано-Малкинский	60,0	40,0	Слабо Умеренно	0,4

Для прояснения ситуации в крае по созданию сети ООПТ был определен процент охраняемых территорий (Пох), который рассчитывался по формуле

$$\text{Пох} = (\text{Sox} \cdot 100\% / \text{Sl}), \text{ где}$$

Sox – площадь всех охраняемых территорий, Sl – площадь ландшафта (км²).
Полученные результаты позволили выделить группы ландшафтов с учетом коэффициента охраняемых территорий края:

- ООПТ отсутствуют, или составляют сотые доли процента (Ташлянский, Нижнекалаусско-Айгурский, Чограйско-Рагулинский, Карамык-Томузловский, Кубано-Янкульский, Прикубанский и Кубано-Малкинский ландшафты);
- доля ООПТ до 1% (Грачевско-Калаусский, Прикалаусско-Буйволинский, Среднегорлыкский, Бурукшунский, Левокумский, Нижнекумско-Прикаспийский и Западно-Манычский ландшафты);
- доля ООПТ (1,1–3,0%) (Егорлыкско-Сенгилеевский, Расшеватско-Егорлыкский, Правокумско-Терский, Курско-Прикаспийский, Чограйско-Прикаспийский, Воровсколесско-Кубанский и Малкинско-Терский ландшафты);
- доля ООПТ от 3,1 до 15% (Прикалаусско-Саблинский и Подкумско-Золкинский ландшафты);
- с долей > 15% (Верхнегорлыкский ландшафт).

Ландшафтов с очень высокими долями ООПТ (> 25%) нет.

В настоящее время разработана на утверждение органами исполнительной власти новая схема организации ООПТ края, которая в дополнение к существующим государственным заказникам (45) и памятникам природы (65) включает в себя природные парки, охраняемые природные заказники, массивы зеленых насаждений, природные малые заказники и лечебно-оздоровительные местности. Кроме того, увеличивается число государственных заказников. Всего планируется организовать 40 новых охраняемых территорий, что позволит в 2 раза увеличить их площади (до 3% от площади края). К сожалению, в перечне вновь организованных ООПТ нет заповедников и национальных парков федерального уровня подчинения.

Шевченко Н. Е.,
г. Ставрополь,
Ставропольский государственный музей-заповедник,
лаборант-исследователь

История лесопользования пойменных лесов реки Кумы

Изучение истории природопользования определенной территории дает возможность оценить причины современного состояния ее природных экосистем и спрогнозировать пути их дальнейшего использования и охраны. Особенно актуальной эта проблема является для Ставропольского края, где естественные экосистемы на протяжении многих столетий подвергались интенсивному антропогенному воздействию, что привело к их истощению. В этом отношении большой интерес представляет история лесопользования пойменных лесов реки Кумы, в особенности среднего течения, расположенных в Георгиевском и Советском районах, между г. Георгиевском и с. Солдато-Александровским. Территория леса занимает днище долины реки Кумы в пределах зоны смещения меандр. Все стороны жизни леса обусловлены режимом реки.

Отчет истории лесопользования пойменных лесов реки Кумы начинается с первой половины XVIII века. В этот период участки леса были проданы или розданы частным владельцам. При этом лес использовался как охотничьи угодья, а также в качестве источника заготовки дров и древесины для поделочных материалов. Низкое качество древесины не позволяло использовать лес в качестве строительного материала, что дало ему возможность сохраниться до настоящего времени.

После Октябрьской революции, в 1918 году, из бывших частновладельческих участков Подкумской и Минераловодской дач было организовано Подкумское лесничество. В 1921 году оно было переименовано в Георгиевское.

В 1922 году Минераловодская дача отошла в Пятигорское лесничество, а в состав Георгиевского вошла частновладельческая Солдато-Александровская дача, из расформированного Кумского лесничества.

В 1926–27 годах к Георгиевскому лесничеству перешли дачи бывшего Терского Казачьего войска: Албаровская (бывшая Архирейская) и Прикубанская, из расформированного Терского степного лесничества.

До 1929 года леса Георгиевского лесничества находились в собственности отдельных селений, где велись бесконтрольные рубки, а лесопосадки не осуществлялись вовсе. Это привело к резкому сокращению и сильной деградации лесных площадей.

В 1929–30 годах Георгиевское лесничество переименовано в Георгиевский учлесхоз, с передачей его в ведение Наркомзема, а в 1935 году учлесхоз перешел в ведение Севкавлесхозтреста, с образованием Георгиевского лесхоза. В его состав входили четыре лесные дачи, состоящие из восьми обособленных лесных массивов: Пролетарская лесная дача (Георгиевский район), в состав которой входили Подкумкое и Георгиевское урочища, общей площадью 3428 га.; Кумская лесная дача (Советский район), сформированная из урочищ Золко-Архангельской, Плаксейки и Стародубки, с общей площадью 1510 га; Владимирская лесная дача (Левокумский район), включающая урочища Урожайное и Владимирское, с общей площадью 1493 га, и Алборовская лесная дача (Моздокский район, КБР) с Алборовским урочищем, площадью 625 га. Всего в Георгиевский лесхоз входило 7065 га лесной площади.

В 1930–35 годах на территории леса проводятся лесовосстановительные мероприятия: подсев семян дуба и высадка молодых деревьев, с последующим уходом за ними, а также санитарные рубки леса.

В сентябре 1947 года на базе лесов местного значения бывшего Георгиевского лесхоза был организован Кумский лесхоз. В его состав вошли пять лесов: Александрийский (ныне урочище Дебри), Подкумский (урочище Сафоновская дача), Георгиевский, Солдато-Александровский и Аполлонский, с общей площадью 12554 га.

В 1952 году Солдато-Александровское лесничество (3419 га) было передано Нижнекумскому лесхозу. Кумский лесхоз приобрел свои современные границы.

Основная деятельность лесничества с 1947 по 1960 г. сосредоточена на лесовосстановлении (в год до 20–25 га), санитарных рубках леса, заготовке дров, деловой древесины и изделий переработки (плетней, корзин, штакетников и др.).

В 1953 году Кумский лесхоз вошел в состав Подкумского Гослесопитомника, что существенно увеличило площади лесовосстановления (в отдельные годы до 40–60 га). В этот же период происходит активное техническое оснащение лесхоза и создание его материальной базы. Не претерпев существенных изменений даже в 1990-е годы, в таком виде Кумский лесхоз дошел до 2005 года. В настоящее время он переживает новый этап реорганизации, при этом деятельность его практически приостановлена из-за отсутствия материальных средств.

Автор выражает благодарность администрации Кумского лесхоза за возможность ознакомления с архивными материалами и помощь при написании статьи.

РАБОТЫ СТУДЕНТОВ И ШКОЛЬНИКОВ

Калашова Д. А.,

г. Ставрополь,

Ставропольский государственный аграрный университет,

студентка 1 курса

Ставропольская краевая администрация в деле сохранения и использования историко-культурного и природно-ландшафтного наследия города Ставрополя

Актуальность исследования: в последние годы большое внимание научной общественностью уделяется культурному, историческому и природному наследию различных территорий России. Наследие рассматривается и как территория, и как памятники истории и культуры, и как **информационный потенциал**, запечатленный в трудах ученых. Это не столько перечень неких сведений и знаний, сколько совокупная память человечества, запечатленная в искусстве, литературе, научных трудах.

Современное состояние наследия вызывает чувство глубокой тревоги. Это связано со многими причинами. Однако главная причина заключается в недооценке места и роли наследия в жизни страны и государства. Для преодоления этого возникает необходимость формирования нового представления о наследии и его месте в жизни современного общества. Необходим переход от узкого понимания наследия, сводящегося чаще всего к памятнику, к более широкому представлению о нем.

Важнейшей частью культурного ландшафта является культурное наследие, сохраняемое в виде овеществленных объектов, традиционной деятельности людей или информации. В некоторых культурных ландшафтах наследие является доминирующим фактором, определяющим ход всех происходящих в данной местности общественных процессов. Это, прежде всего, комплексные историко-культурные и природные образования, являющиеся носителями исторической памяти, чаще всего – памятники архитектуры, археологии, этнологии, топонимы, архивные и библиографические источники, разнообразные объекты и предметы – природные и антропогенные, указывающие на связь ландшафта с историческими событиями. В этом случае объектом наследия становится сам культурный ландшафт. Это положение было зафиксировано в документах ЮНЕСКО, и, очевидно, должно найти отражение в правовых и нормативных документах

Российской Федерации. В моей работе я попыталась рассмотреть культурный ландшафт г. Ставрополя как объект наследия.

Постановлением коллегии Министерства культуры Российской Федерации и Госстроя РСФСР (от 31 июля 1970 г. № 36) Ставрополь был включен в список городов, имеющих статус исторических населенных мест России. И это неудивительно, ведь на территории города расположены 219 недвижимых памятников истории и культуры, из которых 23 имеют статус объектов культурного наследия федерального (общероссийского) значения. Самую многочисленную группу составляют памятники архитектуры и градостроительства – их 111.

В 1975 году Государственным институтом проектирования городов «Гипрогор» (г. Москва) выполнен Проект охранных зон и зон регулирования застройки памятников архитектуры и истории и Рекомендации по развитию города. В 1977 году этот документ был согласован с градостроительным советом при Ставропольском краевом отделе по делам строительства и архитектуры и утвержден решением Ставропольского городского Совета депутатов трудящихся № 423 от 30 июня 1977 года.

Таким образом, разработанный проект получил статус закона и стал программой, определяющей решение принципиальных задач охраны историко-культурного наследия города. По сути, это основной документ, который стоит на страже охраны памятников истории и архитектуры нашего города. Он включает солидный перечень графических и текстовых материалов, которые раскрывают этапы формирования архитектурного облика нашего города, выявляют наиболее ценные памятники, определяют степень их охраны и рационального современного использования некоторых из них.

Сейчас, в XXI веке, мы все чаще забываем о природной и градостроительной ценности нашей малой родины. Об этом на одном из недавних совещаний с тревогой говорил заместитель министра культуры Ставропольского края Александр Тараненко. Дело в том, что владеют, пользуются и распоряжаются памятниками истории и культуры на территории краевого центра разные ведомства. К примеру, в муниципальной собственности находится 44 здания-объекта культурного наследия, а по 13 объектам (имеющим в своем составе жилые помещения) полномочия по управлению и распоряжению переданы Комитету по управлению муниципальным имуществом. Но кому бы ни принадлежало здание-памятник, одной из самых больших проблем является поддержание его в должном техническом состоянии. Результаты проверок, которые регулярно проводит министерство культуры Ставропольского края, говорят о том, что в хорошем техническом состоянии находится не более 15 процентов зданий памятников истории и культуры, находящихся в

муниципальной собственности. А все потому, что в Ставрополе не финансируются те разделы городской программы в сфере сохранения и развития культуры, которые посвящены сохранению историко-культурного наследия. Вместе с тем выделяемые средства из краевого бюджета (начиная с 2002 года) в основном расходуются на финансирование объектов, реставрируемых в рамках Федеральной целевой программы «Культура России».

Не решается и вопрос целевого направления всех средств от использования памятников истории на их охрану и реставрацию. Получается, что администрация города не выполняет свое же постановление № 2656 от 15.06.99 г. Большинство жилых этажей в зданиях-памятниках на проспектах К. Маркса и Октябрьской революции, то есть в историческом центре города, находятся, мягко говоря, в неудовлетворительном состоянии. Еще одна головная боль – памятники истории и культуры, находящиеся в федеральной собственности. Наибольшую тревогу здесь вызывает аварийное состояние фасада здания по улице Советской, 3, которое занимает сейчас Октябрьская налоговая инспекция и Архивный отдел администрации города.

О том, как спасают и уничтожают памятники истории и архитектуры сегодня, о том, что их ждет завтра, когда федеральным законодательством будет разрешена их приватизация, шел разговор в краевой Думе.

Представители законодательного собрания края и города, правительства, министерства культуры, краевого отделения Всероссийского общества охраны памятников, руководители администраций и ученые пытались выработать пути сохранения объектов культурного наследия. Таковых в крае 2766, семьдесят из них – федерального значения. Но и те, которые не внесены в федеральный реестр, для Ставрополя – ценность. В своем докладе министр культуры края Тамара Ивенская напомнила, что уникальные памятники Ставрополя находятся в тяжелейшем положении. Сегодня 60 процентов из них нуждаются в реставрации. Средств, выделяемых краевым бюджетом на сохранение памятников, крайне недостаточно, поэтому сейчас занимаются уходом за ними, реставрацией, хотя бы внешней. Администрация занимается работой по привлечению средств федерального бюджета. В прошлом году было получено и освоено свыше 25 миллионов рублей. Но и этих средств недостаточно. Министр просила всех присутствующих учесть ситуацию с объектами культурного наследия при рассмотрении бюджета на следующий год. Тамара Павловна обозначила также и другую проблему, которая сейчас по негативному воздействию на памятники истории и архитектуры активно приближается к разрушительному влиянию на них времени, окружающей среды и отсутствия финансирования. Проблема состоит в некомпетентности отдельных должностных лиц и органов местного

самоуправления, когда неповторимый облик исторических мест утрачивается и приносится в жертву максимальной прибыли.

Новая архитектура не оглядывается на прошлое, она напориста, амбициозна и вполне соответствует вкусу богатых заказчиков. Исторически ценные здания приватизируются, продаются, а затем полностью уничтожаются. За годы так называемой перестройки мы многое потеряли. На территории края утрачено порядка 30 объектов культурного наследия. На территории исторических лесов с полным размахом идет строительство коттеджей. Бульвар в Кисловодске, исторический бульвар Кирова в Пятигорске полностью застраиваются ресторанами и рынками.

Кстати, краевое отделение Всероссийского общества охраны памятников уже подготовило ряд предложений о дополнении в этот краевой закон. Это особенно важно накануне принятия федерального закона о приватизации объектов культурного наследия. Заместитель председателя постоянной комиссии Ставропольской городской думы по социальным вопросам Валентина Сапунова выступила с предложением создать целевую программу по защите объектов культурного наследия. Проблем с этим больше, чем решенных вопросов, – с этой мыслью были солидарны все. Правда, были оптимистичны – мол, те, кто болеет за сохранение культурного наследия, сильны тем, что борются за это сообща.

Я считаю, что наиболее актуальными проблемами в сфере сохранения наследия являются:

1. Создание правовой и экономической базы сохранения наследия, отвечающего современным требованиям;
2. Создание единого информационного пространства о культурном и природном наследии России;
3. Разработка комплексных региональных программ охраны и использования культурного и природного наследия;
4. Формирование системы историко-культурных и природных территорий России;
5. Внедрение фактора наследия в систему экологического мониторинга.

НАЙТИ ♦ СОХРАНИТЬ

Липенцев Даниил,
г. Светлоград,
МОУ СОШ № 5,
ученик 7 класса.
Научный руководитель:
Липенцева Е. В.,
учитель истории

История моей семьи в истории моей страны

*Как единична жизнь. В мозгу людей
Миры летят и государства гибнут.
В ночном раздумье человека ходят
Народы по намеченным путям.
И все же ты лишь капля в океане
Истории народа. Но она –
В тебе. Ты – в ней. Ты за нее в ответе.*

В. Луговой

Род. Семейная гордость. Это не пустые слова. За ними стоит то, что отличает одну семью от другой. Родовая принадлежность помогает человеку найти свое место в обществе. Ведь человеку очень важно знать, где его корни, что является опорой его жизни, тогда ему будет легче противостоять трудностям и невзгодам, ведь у него есть родственные, кровные примеры для подражания. Каждый молодой человек должен знать историю своей страны, историю своих предков, чтобы никогда не прерывалась тонкая связующая нить поколений. Старички говорят, что когда боги наказывают человека без шансов на прощение, они лишают его потомков. Род пресекался, и постепенно о нем забывают навсегда.

Изучение своей родословной сегодня очень актуально. Это не дань моде. Подрастающему поколению сегодня не хватает положительных примеров. И лучше, если такие примеры молодежь найдет в прошлом своего рода. Объектом изучения в моей работе стала одна из ветвей рода Писаренко. Предметом исследования стал вклад представителей моего рода в историю нашей страны, а также семейные традиции. Цель работы – показать место и роль семьи в воспитании достойных граждан своей страны. Показать связь истории рода с общей историей страны и народа. Задачи исследования – изучить семейные архивы, материалы школьного музея, побеседовать со старожилками города, знавшими семью Писаренко в разные годы. Установить взаимосвязь истории семьи Писаренко с историей страны.

Генеалогия – вспомогательная историческая дисциплина, изучающая происхождение и родственные связи исторических лиц, родов, фамилий. А словарь Ожегова С. И. трактует генеалогию как историю рода, родословие.

Специалистами установлено, что на Руси слово «генеалогия» в составе греческих рукописей стало известно в XI в., при Ярославе Мудром. Русские родословия систематически создаются с XVI века, – это росписи мужских потомков, непрерывный список лиц, начиная с князя Рюриковича. Заканчивался документ обычно именами лиц, составивших роспись рода. Такие документы имели чисто служебный характер, в них не записывали имена женщин, лишь иногда делались пометки об удачных браках. Из таких родословных создавались книги – родословцы. Самым известным в XVI–XVII вв. был Государев родословец, составленный в 1555 г., где записаны родословия самых знатных семей России того времени. Ранние русские росписи, создаваемые для доказательства прав семьи занимать те или иные государственные и придворные должности, были гораздо скромнее европейских генеалогий. В России родословные росписи были официальным документом, необходимым для обоснования прав на должность. В 1682 г. была создана Палата родословных дел. Работавшие там дьяки должны были собирать родословные росписи у дворян, проверять их достоверность и составлять новые родословные книги. В петровское время вместо Палаты создается в 1721 г. Герольдия при Сенате, которая вела дела о дворянстве русских семей, выдавала соответствующие документы. При Екатерине II в каждой губернии создавалось дворянское собрание, в его обязанности входило записывать всех проживающих на данной территории дворян в особые родословные книги. Губернское собрание отчитывалось перед Герольдией. В XVIII веке генеалогия находит применение в научных исторических трудах. В XIX веке появляется большое количество работ, посвященных истории различных дворянских семей, издаются исторические документы, родословные справочники. В 1888 г. в Санкт-Петербурге организуется Русское генеалогическое общество, в 1904 г. – Историко-родословное общество в Москве. В многочисленных журналах печатались различные материалы по истории русского дворянства. Гораздо хуже была разработана генеалогия купечества и других податных сословий. После 1917 г. активные генеалогические поиски затухают.

Генеалогия вновь возрождается как знание истории своей семьи, своих предков в 1980-е годы. Создаются общественные организации, куда входят потомки дворян и купцов: их объединяет во многом интерес к генеалогии. Среди других гуманитарных наук генеалогия оказалась наиболее близкой к компьютерной технике, поэтому сейчас создаются банки генеалогических данных. В Москве появилось Историко-родословное общество, а в Санкт-

Петербурге при Российской национальной библиотеке создан Институт генеалогических исследований. Как и в прошлом, занятия историей своей семьи приводят к тому, что люди начинают больше интересоваться историей страны: ведь именно в генеалогическом поиске общественное сознание смыкается с историческими исследованиями.

В своем исследовании мы руководствовались методическими рекомендациями Будановой Н. Р., которые помогли в выборе источников и организации поиска материалов для работы. В ходе работы были изучены архивы семьи Писаренко, проведены беседы по специальным вопросам, разработанным Н. Р. Будановой. Много интересного содержалось в материалах районного краеведческого музея и школьного музея МОУ СОШ № 5. Материалы школьного музея были очень ценными для работы, так как все они собраны в микрорайоне моего исследования и охватывают временное пространство от заселения Прикалаусских высот первыми переселенцами из Украины и Центральной России до наших дней. Использован исторический очерк И. Солодилова, написанный и изданный к двухсотлетию села Петровского, и экзаменационная работа ученицы МОУ СОШ № 5 Устиновой Татьяны – «Страницы истории моего города», написанная в 2004 г.

Село Петровское, а с 1965 г. – город Светлоград, официально образовался в 1786 г., но жители города считают, что это произошло лет на тридцать раньше. Наш город неожиданно возникает среди бескрайних раскаленных степей зеленым островком. Он растянулся с юга на северо-восток по склонам горы Куцай. Исторически в нем сформировались микрорайоны, ранее называемые хуторами. Наше исследование связано с изучением двух хуторов, где проживали мои предки: Ейский и Бузиновое. Сейчас этот микрорайон носит название Бузиновое. Район большой, охватывает семь улиц, три переулочка, имеется средняя школа – самая старая в городе, Дом культуры, восемь магазинов. На территории микрорайона располагается несколько небольших предприятий. В этом районе много красивых мест, есть свои предания, сложились определенные традиции. Здесь более двух веков назад поселились мои предки и своим трудом способствовали развитию города, края, страны.

По преданиям земли Петровской беглый украинец Петр Бурлак, связанный с фамилией Писаренко, выбрал место для своего пристанища, а затем здесь возникло село, в честь него названное Петровским. Это было началом не только нашего города, это было началом моего рода. В нем были и вольные казаки, ходившие в Турцию (один был женат на турчанке), и трудолюбивые крестьяне, образованные писари. Простые работники и очень талантливые люди. Их много. До сих пор у нас в городе и в районе Писаренко – одна из самых распространенных фамилий. Многие семьи носят ее. Работа посвящена лишь

одной, относительно поздней ветви громадного дерева, корнями уходящего в середину XVIII века.

В начале XX века встретил Писаренко Иван Данилович скромную трудолюбивую девушку Лубенченко Екатерину Артемовну и создал новую семью. Трудно пришлось молодым. Грандиозные события происходили в стране. Февральская революция. Октябрьская революция. Гражданская война. Голод. Медицинская помощь на селе практически отсутствовала, и дети, рождавшиеся в этой молодой семье, умирали. Но вот закончилась гражданская война, вместо полного изъятия хлеба появился новый продовольственный налог. Жизнь налаживалась. Пришло счастье в дом Ивана Даниловича и Екатерины Артемовны. Дочь Евдокия, родившаяся в 1923 г., выжила. Это был знак, что семья состоится.

Маленькая Дуся принесла радость и надежду, что семья будет большой и крепкой. Так и случилось. Потом родились один за другим мальчики Данил и Василий. А в 1931 году дети дружно назвали новорожденную сестричку Раисой.

Все в этой семье много и добросовестно трудились, это фамильная черта рода Писаренко. Маленькая, но старшая из детей Дуся не только смотрела за малышами, но и делала почти всю домашнюю работу. Вот так семья постепенно вставала на ноги. Но началась сплошная коллективизация. Семья не спешила вступать в колхоз, уж очень не хотелось отдавать единственную коровушку. Однажды ночью за Иваном Даниловичем пришли. Он исчез на трое суток. Вернулся мрачнее тучи. Ничего не рассказал, не пояснил, а велел записаться в колхоз. Так под страхом попасть во «враги народа» вступила семья в колхоз и рассталась с единственной коровушкой-кормилицей. Как жили, вспоминают скупно. Малыши пухли от голода: ели траву, которая едва успела прорасти. Одежда была одна на всех, даже в школу ходить было не в чем. Поэтому в школу-четырёхлетку ходили только по теплу, осенью и весной. Попробовала Евдокия один раз за знаниями сбегать по морозу, да на всю жизнь ноги обморозила. Очень уж учиться хотела. Научилась немного читать, немного писать, да еще дробы по математике знала. Учиться больше не пришлось, в колхозе надо было работать. А любовь к книгам у Евдокии сохранилась на всю жизнь.

Чтоб не быть лишним ртом в семье, Евдокия в 1940 году вышла замуж. В мае 1941 года у нее родился сын Ленечка, а у Ивана Даниловича и Екатерины Артемовны 22 июня 1941 г. родился последний, шестой ребенок – Павлик. Но порадоваться этим событиям не успели.... Началась Отечественная война...

Муж Евдокии был мобилизован, а она стала труженицей тыла. Она была младшей невесткой в той семье, куда вышла замуж. А это значит, что весь тяжелый домашний труд в семье из тринадцати человек был именно на ней. Все как у тысяч других. Так жила страна.

Никаких декретных отпусков и отпусков по уходу за новорожденными в колхозах не было. Малютку Ленечку пришлось отнести в детский сад, где его накормили киселем. Так Евдокия была мамой меньше двух месяцев. Ленечка умер. Для Евдокии остался только труд на поле и ферме во имя Победы. Из этой семьи не работали только малыши, Николай и Павлик. И взрослые, и дети жили только ожиданием победы. Весь световой день в колхозе, чтобы отправить продовольствие на фронт. А когда летом 1942 года немцы стали подходить к Ставрополю, Екатерина Артемовна и Евдокия вместе с тысячами других женщин и девушек рыли окопы для армии на стратегических направлениях. Каторжный труд под палящим солнцем. Страх перед оккупацией, боязнь угона в немецкое рабство.

Даже потом, по прошествии долгих лет Евдокия Ивановна никогда не смотрела фильмы о войне, не могла. Только рассказывала короткими скудными словами, как жили, мечтая о Победе, о шести долгих месяцах немецкой оккупации и о работе, работе, работе. А еще о том, как ждали весточек с фронта, как выживали в холоде и голоде, отправляя на фронт тонны продовольствия.

Всей семье Писаренко, как и тысячам ставропольцев, пришлось пережить оккупацию, стыд, позор, унижение от «нового» немецкого порядка. Детей младшего школьного возраста заставляли ходить в школу, учить немецкий язык и немецкие песни. И все же семье повезло. Никого не угнали в немецкое рабство. Худо-бедно, но все дома. И вот освобождение! Иван Данилович, несмотря на непризывной возраст, уходит на фронт с частями Красной Армии. Всего через несколько месяцев пропадет он без вести в боях на Курской дуге, а маленький Павлик даже не будет помнить его. В 1943 году Данила мобилизовали на Дальний Восток. Ему придется участвовать в боях с Японией. А все, кто остался в селе Петровском, работали. Екатерина Артемовна и Евдокия – в колхозе. Рая, которой было тогда 12 лет, тоже трудилась. У нее был дар общения с малышами, и иногда ей доверяли нянчить деток в колхозном детском саду, но это было в виде отдыха от полевых работ. О школе пришлось забыть и ей. Свой педагогический талант Раиса Ивановна передаст одной из своих дочерей, Наде, которая всю свою жизнь проработает в школе учителем. А пока шла война... Пришло извещение «Пропал без вести», но осталась надежда, а вдруг живой, а вдруг найдется. Молча переносили боль от косых взглядов соседей. Ведь в годы войны к такой формулировке относились весьма настороженно. Потому, что не героически погиб, а пропал. А вдруг в плену, а вдруг измена! Вот так в сорок лет Екатерина Артемовна осталась ни вдовой, ни мужней женой. Ей одной пришлось поднимать младших детей. Потом люди будут вспоминать, как часто говорила она: «Поплакать бы, да слезы кончились».

Когда пришла Победа, закончилась война, всей семьей бегали встречать чужих, вернувшихся с войны. Радовались в стороне чужому счастью и надеялись, а вдруг случится чудо и в толпе появится отец Иван Данилович. Переживали и за Данила Ивановича, которому пришлось служить еще несколько лет после войны с Японией.

В ходе проведенной работы удалось установить, что из микрорайона Бузиновое на фронт ушли представители нескольких семей Писаренко. Пусть люди помнят их имена.

Писаренко Иван Данилович (пропал без вести)

Писаренко Василий Иванович

Писаренко Григорий Данилович

Писаренко Матрена Кирилловна (снайпер)

Писаренко Никифор Кириллович

Писаренко Петр Иванович

Писаренко Данил Иванович

Писаренко Яков Ермолаевич

Писаренко Влас Григорьевич

Писаренко Тимофей Леонтьевич

Писаренко Василий

Писаренко Никита

Писаренко Гавриил

Писаренко Михаил

Писаренко Владимир...

Эта ветвь рода Писаренко погибла вся. Отчества установить невозможно.

Не вернулся с фронта и муж Евдокии. Стала она вдовой в 21 год. Она вернулась в родной дом, в семью, которая жила в страшной нищете, как и многие другие семьи. Чтобы спасти семью от голодной смерти, Евдокия поехала по специальному набору (из колхозов просто так не отпускали) работать в Азербайджан на хлопковые поля. Там, вдали от родных, в другом климате, она заболела малярийной лихорадкой. Но все бросить и уехать не смогла, ведь здесь платили деньги, а в колхозе нет. А надо кормить братьев, особенно маленького Павлика. Пусть уж живет он, раз нет у нее ни мужа, ни Леночки. И Евдокия Ивановна работала. Уходила в поле еще до рассвета, чтобы к обеду выполнить норму, а уж потом свалиться в приступе лихорадки. Но зато получала зарплату и премии за добросовестный труд и исправно посылала деньги и посылки в родное Петровское. Ценой своего здоровья она спасла семью. Все выжили.

Данил и Василий женились. У Данила с Екатериной два сына (один умер в годик), у Василия с Натальей три дочери (маленький сынишка трагически погиб в шесть лет). Раиса вышла замуж за Нещадимова Ивана Михайловича. Человека

трудной судьбы, но стойкого духом. Он был на фронте, был ранен, получил контузию, пережил кошмар и позор финского плена. Вернулся он с войны, но она так и не отпустила его, правая рука у него не работала, последствие ранения и контузии. Но своим честным трудом он завоевал уважение колхозников, так как не одно десятилетие проработал в колхозе «Колос». Раиса Ивановна с Иваном Михайловичем вырастили троих детей. Отслужили в армии и женились младшие дети Екатерины Артемовны и Ивана Даниловича. Николай и Валентина вырастили четырех дочерей. Павел с Любой воспитали двух сыновей и дочь.

А старшая, Евдокия Ивановна устроила свою личную жизнь позже всех. Когда Екатерина Артемовна уже не работала, а нянчила внуков, когда у всех младших появились семьи. Свою единственную дочь Евдокия Ивановна родила почти в 43 года. Семейное счастье ее опять было недолгим. Муж Василий умер, когда их дочери Екатерине было шесть лет. После долгих раздумий Евдокия Ивановна с Катей вернулась из Азербайджана на родное Ставрополье, уже в город Светлоград. Опять много и тяжело работала. Ведь образования не имела, а дочь растила одна. Кроме того, Евдокия Ивановна хранила архив семьи: документы и фотографии. Всю жизнь она любила чтение, много читала. Была очень талантливым человеком. Оставила потомкам большую коллекцию своих работ по художественной вышивке. А ее дочь стала учителем истории.

На примере одного рода четко проявляется взаимосвязь истории страны и миллионов обычных семей. Семья Писаренко, проживающая далеко от больших городов, прошла со своей страной трудными дорогами двадцатого века. Не миновали ее лихие годы, короткие простые радости. Много трудились на благо всей страны представители этого рода, не требуя признания и наград, как и многие другие простые граждане нашей страны.

Сейчас ветвь рода Писаренко – это: шесть детей Ивана Даниловича и Екатерины Артемовны, шестнадцать внуков, двадцать семь правнуков. Жизнь рода продолжается. Все дети и внуки этой семьи остались жить на родной земле, трудятся во славу земли Петровской, гордятся прошлым своих предков. Вот такая наша семья – маленькая частица громадной истории великой страны, которая складывается из истории таких вот отдельных семей.

Использованная литература и источники

1. Луговской В. /Цит. по Страницы истории нашей. М., «Изобразительное искусство», 1988, с.5.
2. Советский энциклопедический словарь. М., «Советская энциклопедия», 1985, с. 286.
3. Ожегов С. Словарь русского языка. /Под ред. Шведовой Н.Ю. М., «Русский язык», 1989, с. 105.
4. Энциклопедический словарь юного историка. М., «Педагогика-Пресс» 1997, с. 108.
6. Энциклопедия для детей. Т.5, ч.1. История России и ее ближайших соседей. М., «Аванта +», 1995, с. 48-49.

8. Буданова Н.Р. Организация этнографических исследований. Всероссийская научно-практическая конференция «Человек на Земле». – М., 2003.
9. Солодилов И. Земли Петровской светлый город. – Ставрополь: Ставропольское книжное издательство, 1986.
11. Из воспоминаний Липенцевой Е.И. Материалы школьного музея , МОУСОШ № 5, г. Светлоград.
12. Из воспоминаний Нещадимовой Р.И. Материалы школьного музея, МОУСОШ № 5, г. Светлоград.
13. Кругов А.И. Ставропольский край в истории России. М., «Русское слово», 2006, с. 238.
14. Из воспоминаний выпускников МОУ СОШ № 5 Нещадимова Д.Н., Шутко А.И. , музей МОУСОШ № 5, г. Светлоград.

Липенцев Дмитрий,

г. Светлоград,

МОУ СОШ № 5,

ученик 7 класса.

Научный руководитель: **Липенцева Е. В.,**

учитель истории МОУ СОШ № 5

Происхождение названий и прозвищ в микрорайоне Бузиновое города Светлограда (Топонимика и ономастика микрорайона Бузиновое г. Светлограда)

Объектом изучения работы определены особенности традиционной локальной культуры микрорайона Бузиновое города Светлограда Петровского района Ставропольского края. Предметом исследования стало изучение микрорайона Бузиновое, знакомство с историей микрорайона, встречи и беседы с интересными людьми, изучение красивых мест и их названий. Задача исследования – установить происхождение ряда названий и прозвищ микрорайона в ходе изучения материалов районного краеведческого и школьного музеев, знакомства с документами и фотографиями частных архивов, бесед со старожилами. Цель работы – изучить происхождение названий и прозвищ микрорайона Бузиновое и познакомить с результатами исследования учащихся МОУ СОШ № 5, жителей микрорайона и людей, интересующихся историей своей малой родины.

Изучение топонимики и ономастики – дело интересное, тема эта сегодня очень актуальна. Но литературы по этим вопросам чрезвычайно мало, хотя многие ученые в своих трудах поясняют те или иные названия. Большой интерес для изучающих историю Светлограда представляет исторический очерк И. Солодилова «Земли Петровской светлый город». В нем собран богатый этнографический и фактический материал. Очерк был написан и издан к двухсотлетию села Петровское, которое и переименовали в 1965 г. в город Светлоград. О месте Петровского района и города Светлограда в истории края говорится в кратких очерках «История городов и сел Ставрополя». Большой интерес представляют труды ставропольских историков Невской В. П., Чекменева С. А., Шацкого П. А. и других авторов. Но эти работы содержат очень мало информации по топонимике, а информации по ономастике практически нет. Поэтому в нашей работе пришлось в большей степени полагаться на документы и музейные материалы. Большую помощь оказали экзаменационные работы выпускников нашей школы. Особенно работа Кравченко Сергея – «Заселение Ставропольской губернии государственными крестьянами», написанная в 2001 г.,

и работа Устиновой Татьяны «Страницы истории моего города», написанная в 2004 г. В этих работах собран богатый фактический и архивный материал.

В ходе работы над темой «Происхождение названий и прозвищ микрорайона Бузиновое города Светлограда Ставропольского края» я ознакомился с методическими рекомендациями по организации этнографических исследований Н. Р. Будановой. Благодаря ее разработкам были составлены опросники, которые помогали не только получать информацию в беседах с разными людьми, но и систематизировать ее.

Использовались материалы районного краеведческого музея. Но в музее недостаточно информации по микрорайону Бузиновое. Поэтому большим подспорьем стали материалы этнографического музея в МОУ СОШ № 5. Предметы и документы, собранные учениками школы, содержат информацию от основания нашего микрорайона до современности.

В ходе работы проводились беседы со многими людьми, которые интересовались прошлым, тщательно собирали фотографии, документы. А семьи Писаренко, Булавиных, Нецадимовых, Мальцевых, Чернышевых позволили ознакомиться с семейными архивами.

Проведенная работа позволила сформировать свое представление об истории моего города и микрорайона Бузиновое.

С Прикалаусских высот открывается чудесный вид. Поэтому неудивительно, что именно здесь поселились первые жители нашего города, который раньше назывался селом Петровским. Одни искали лучшей доли, другие спасались бегством на Кавказ, третьих переселяли принудительно для освоения некогда вольных земель.

По местным преданиям, одним из первых поселенцев был Петр Бурлак по фамилии Писаренко – беглый украинец, который попал в эти места, пристав к казачьему обозу. Постепенно между горой Куцай и рекой Калаус возник Петров поселок. Официально его появление относится к 1786 году, хотя по преданиям, поселение появилось лет на тридцать раньше. Развитию села помогало то, что петровские селяне держали пост по охране торгово-купеческого тракта, по которому шли обозы с продовольствием, строительным лесом, военным снаряжением для казаков Ставропольской крепости.

Поселок рос, стал городом в 1965 году и растянулся с юга на север и северо-восток по склонам горы Куцай. Издавна, еще со времен первых переселенцев сформировалось несколько микрорайонов. Это произошло из-за особенностей ландшафта. На рубеже XIX–XX веков эти микрорайоны назывались хуторами. Их развитию способствовала Столыпинская аграрная реформа. В южной части села Петровского располагались сразу два хутора: Ейский и Бузиновое.

Люди не зря облюбовали наши места. Солодилов в своем историческом очерке «Земли Петровской светлый город» приводит следующий отрывок из донесения поручика Лопухина графу Воронцову-Дашкову, где наш микрорайон описывается как « место доброе – гора с лесом дремучим, в долине земля под пашню тучная, на холмах травы в пастьбу сочные. Текут речки, прозывающиеся по-туземному Мокрый Карамык и Калаус.

Так что воды есть и людишкам и скотине. Люди начали пахать целину, рубить лес, строить избы. Промышляют охотой. В дубравах кабаны и прочая дичь, а в лиманах рыбы – шапками выбирай». Но неразумное использование даров щедрой природы привело к тому, что реки сильно обмелели, а Карамык ушел под землю. Поэтому у жителей Светлограда есть поговорка: «пойти на Карамык», что означает исчезнуть, пропасть. Так первые жители нарушили природное равновесие, и теперь в городе Светлограде есть целые районы, стоящие на воде.

Глядя с холмов на микрорайон сегодня, трудно представить, что здесь были огромные пойменные леса. Старожилы вспоминают, что когда в 30-е , а потом в конце 40-х годов строили новые дома, они еще детьми видели разборку старых. По воспоминаниям очевидцев, бревна были такими большими и толстыми, что одному человеку их трудно было обхватить.

Леса вырубали очень быстро. А поскольку в наш район в основном переселяли жителей с Дона, Украины, то дома стали строить из глиняных кирпичей (самана). Благо и песок, и глина – все рядом и в большом количестве, да и камня под фундамент достаточно.

Люди быстро осваивали наш микрорайон. Сажали фруктовые сады, виноградники, разбивали огороды, разводили скотину и домашнюю птицу.

В ходе этой работы установлено происхождение названий хуторов Ейский и Бузиновое. Бузиновое получило свое название из-за обилия зарослей бузины по холмам и оврагам, окружающим весь микрорайон. А вот объяснить происхождение Ейского хутора было не так просто. Но, ознакомившись с материалами по заселению Ставрополя государственными крестьянами и другими переселенцами, выяснено, что хутор был организован переселенцами из города Ейска, что и объясняет название.

Микрорайон наш начинается с юго-западного подножия горы Куцай – самой высокой точки города. Эта гора уникальна. Она состоит из нескольких природных зон – от лесостепи до пустыни. Жители города связывают название горы с преданием, которое гласит, что именно здесь, в стороне от всех, среди деревьев, в хижине одиноко жил человек по прозвищу Куций. К нему ходили за советом и поддержкой, а говорили: «Ходить до Куцай». До настоящего времени

одни люди считают, что прозвище человека стало географическим названием, а другие – называют гору Куцай куцей, из-за ее пустынной вершины.

Если рассмотреть другие географические названия микрорайона, то они не будут отличаться особым изыском. Самый высокий холм называется Шпиль. И уже не одно столетие с него катается детвора на санках зимой, а весной и летом здесь собирают лекарственные травы. Другие, менее высокие холмы названий не имеют.

Одним из удивительных мест нашего микрорайона – и по красоте, и по геологическому происхождению – является долина ключей с чистой и вкусной водой. Удивительно не то, что ключей много, а то, что они все бьют на возвышенности, где нет леса, а сухая каменистая земля кажется не степью, а полупустыней. Ниже, на равнинных участках, ключей нет, а подземные воды не годятся для применения из-за соленого или горького вкуса.

Долина ключей вместе с остатками лесочка, расположенного в стороне, называется Вершиной. Вода из всех больших и малых ключей собирается в небольшую речушку, впадающую в Калаус, который незатейливо называют Родник (Роднык).

Объяснение названию реки Калаус, которая с запада протекает почти параллельно нашему микрорайону, можно найти сразу в нескольких книгах по краеведению. Это слово тюркского происхождения. Обозначает оно границу, водораздел между горскими и кочевыми народами.

Многие, кто впервые попадает в наш микрорайон, гуляя среди холмов, удивляются, видя на песчаной почве абрикосовые деревья. Деревья эти старые, много сухих веток, которые обламывают многочисленные ветры, плоды мелкие, но вкусные, урожай высокий даже в очень неблагоприятные годы. Оказывается, в конце 19 века, спасаясь от геноцида, из Турции в наши края пришли беженцы, потомки тех, кто когда-то бежал из России от крепостного гнета. Крестьяне хутора разрешили им поселиться, но земли под сады и огороды не выделили. Пришлые люди засадили абрикосовыми садами четыре пустынных холма. За долгие годы многие деревья погибли, но некоторые группы сохранились и до сих пор радуют жителей богатыми урожаями. Плоды этих деревьев у нас называют перстыками. А потомки тех пришлых людей и сегодня на улице зовутся Персюками, Перстычками и с гордостью рассказывают, что эти деревья сажали еще их прадеды (например, Локоть Александр Николаевич, которому сейчас 73 года).

Очень интересно у нас называют второй переулочек Калинина. Название это появилось в 1950–60-е годы. Проработав целый день в колхозе, женщины вечером, сидя на лавочке, пели любимую песню, старательно вытягивая: «Ка-арл - Маркс-Шта-ат». Но образования-то никакого, поэтому и получилось

вместе со специфическим произношением «Мой форштак», так название и закрепилось. Даже автобусная остановка до сих пор называется Форштак или Хварштак.

Земли жители хуторов строго распределяли: в одном месте дома ставили, в других огород сажали, в третьем месте сады разводили, для свалок тоже специальные места отводили. Так же тщательно делили воду: из одних источников брали воду сами, к другим гоняли скот на водопой, а третьими поливали сады, виноградники, огороды. Позже такое деление сказалось на некоторых названиях. Так, среди жителей микрорайона первый переулочек Калинина до сих пор называется Голопузевкой. Сначала там, на участке со скудной землей была свалка. Позже, когда после Столыпинской аграрной реформы число желающих поселиться в нашем микрорайоне резко возросло, свалку убрали. А на ее месте стали селить тех, кому хороших мест не хватило, и людей более бедных, где большая часть семьи состояла из женщин, на которых земли не давали. Некоторые люди носили одежду с чужого плеча: очень большую или, наоборот, узкую и куцую. Считалось, что взять с голытьбы нечего. Так название образовалось и закрепилось. Сейчас такое название, как Голопузевка, звучит смешно, а сто лет тому назад это было обыденно и естественно.

Особенно знаменит и любим в нашем микрорайоне колодец с чистой ключевой водой. Его еще на заре двадцатого века выкопал и обложил камнем в одиночку крепкий крестьянин Кондратий Булавин, по прозвищу Кындырь. И хотя сам он пропал в годы коллективизации, которую не принял и не подчинился органам власти, колодец, устроенный им, до сих пор снабжает весь микрорайон чистой водой, особенно когда отключают водоснабжение. Сохранили люди память о Кондратии Булавине, называя этот колодец Кындырем.

В нашем микрорайоне есть много интересных прозвищ, которые передаются из поколения в поколение. Например, одна семья – Коваленко уже много десятилетий в обыденной речи зовется Гопорями. Мне удалось выяснить, что они потомки переселенцев из Украины, которые поселились у нас еще в конце 19 века. Один из предков лихо плясал гопак, так появилось прозвище Гопарь и закрепилось за потомками.

Представителей одного из родов по фамилии Николаенко называют Колтаями. Это прозвище появилось в начале 20 века, когда пожилой и очень бедный человек стал носить сшитый из ткани колпак. А местный говор переделал это слово в «калтак». Так сам Николай Николаенко стал Калтаем и передал это прозвище своим потомкам.

А потомков семи братьев с фамилией Решетняк называют Сюрьки. А прозвище такое появилось тогда, когда в микрорайоне поселился Антон Решетняк. Он эталоном красоты и элегантности считал ... птичку щур, говаривая:

«Гарный, як шурык!». Но опять, из-за особенностей говора, «шурык» превратился в «сюрыка», что и стало потом прозвищем.

Мужчин одной из ветвей рода Нещадимовых называют Генчуками. Это прозвище появилось из-за непривычного для крестьян имени прадеда Геннадий. Его детей называли Генчиными, а потом внуков и правнуков стали звать Генчуками.

Чернышевых в нашем микрорайоне часто называют Кургунами. Старожилы считают, что это прозвище пошло от предков, живших или на возвышенности, кургане, или возле такового.

А вообще в нашем микрорайоне, наверное, как и в других местах, часто вместо прозвищ используют имена родителей: Марьяшины, Володчины, Ивжины, Катчины и т. д.

В нашем крае сложился уникальный союз народов, культур, говоров. Данное явление достойно более широкого изучения. Сегодня общество проявляет повышенный интерес к традиционным, локальным явлениям культуры, и изучение топонимики и ономастики очень актуально. Это позволяет молодому поколению чувствовать свою принадлежность к истории своей страны, своего народа. Чем крепче связь поколений, тем крепче все общество. Изучение прошлого, изучение культуры своего народа и культуры своих соседей не только позволяет расширять свой кругозор, а способствует бесконфликтному сосуществованию разных культур, народов, а следовательно, общество может тратить силы на другие проблемы, например, экологические, которые существенно обострились из-за активной деятельности людей. Мне хочется, чтобы такие чудесные уголки нашей страны и края, как микрорайон Бузиновое города Светлограда, процветали и гармонично развивались.

Использованная литература и источники

1. Кучмеев В. Поэт-любитель, житель г. Ставрополя. Личный архив.
2. Солодилов И. Земли Петровской светлый город. Ставропольское книжное издательство. 1986.
3. История городов и сел Ставрополя: краткие очерки. /Науч. ред. Кочура Д.В., Кудрявцев А.А., Ставрополь, 2002.
4. Кравченко С. Заселение Ставропольской губернии государственными крестьянами. Светлоград, МОУ СОШ № 5, 2001, с.15.
5. Устинова Т. Страницы истории моего города. Светлоград, МОУ СОШ № 5, 2004, с. 11.
6. Буданова Н.Р. Организация этнографических исследований //Материалы научно-практической конференции «Человек на Земле». М., 2003.
7. Очерки истории Ставропольского края. т.1./ С древнейших времен до 1917 года. // Науч. ред. Невская В.П. Ставропольское книжное издательство. 1986, с. 328–336.
8. Воспоминания Липенцевой Е.И. Светлоград, МОУ СОШ № 5, музей.
9. Кравченко С. Заселение Ставропольской губернии государственными крестьянами. Светлоград, МОУ СОШ № 5, 2001, с.24.
10. Воспоминания Булавиной П.П. Светлоград, МОУ СОШ № 5, музей.

11. Ставропольское село: в людях, цифрах, фактах. Ставрополь, 2003.
12. Устинова Т. Страницы истории моего города. Светлоград, МОУ СОШ № 5, 2004.

Социум города Ставрополя на грани XIX – XX вв.

Изучение городской цивилизации, города как особой социально-экономической и социокультурной системы в начале XX в. наводит на мысль об интересных различиях и особенностях провинциальных городов Российской империи. Традиционно принято рассматривать город отлично от деревни и противопоставлять их друг другу. Однако особенностью провинциальной городской системы начала XX века является сохранение ее аграризации. Нельзя не согласиться с Б. Н. Мироновым в том, что именно в период пореформенного развития дифференциация города и деревни сменяется интеграцией (1, с.282). Толчком интеграции послужили буржуазные реформы 60-х гг. XIX в., в результате которых происходит распад замкнутых, традиционных городских сословий. Понятие «сословие» в городской провинциальной среде становится формальным. Происходящие изменения в экономической жизни должны были способствовать улучшению жизни горожан, однако модернизационные процессы обнажают социальные противоречия и незавершенность буржуазных реформ. В городской среде происходит столкновение традиционного, замкнутого стиля жизни с новыми капиталистическими тенденциями. Земля в черте города становится предметом купли-продажи всех сословий, являясь не только средством выживания мещан-земледельцев, но источником обогащения купеческого сословия, тем самым, порождая социальные противоречия.

Формально в России к 1785 г., с принятием «Жалованной грамоты городам», произошло окончательное размежевание города и деревни в административном и социальном отношении. Грамота закрепила за городскими обывателями исключительное право на занятие торговлей и промышленностью в черте города, усилила их корпоративные права, перевела в собственность общин городские земли, в собственность отдельных лиц – торгово-промышленные заведения (1, с.112).

В отношении провинциальных городов России начала XX в., близка к истине точка зрения Ф. Броделя об индустриальных городах, где город от деревни фактически никогда нельзя было отделить (2, с. 517). Этим обуславливался характер деятельности городского населения, которое зачастую лишь наполовину было горожанами.

Что собой представлял провинциальный город Ставрополь в начале XX столетия в социальном отношении? По итогам переписи 1897 г. население города составляло 41.621 человек, из них потомственное дворянство – 4,21 %, личное дворянство и чиновники – 5,51 %, духовенство – 3,25 %, почетные граждане – 1,16 %, купцы – 1,61 %, мещане – 54,29 %, крестьяне – 24,57 %, лица прочих сословий и состояний – 5,38 % (3. С. 6). Ставрополь, имея в сословном отношении большинство мещан-земледельцев и крестьян, живших в условиях поземельной мещанской общины, сохранял в значительной степени аграрный характер.

Новая система учреждений городского самоуправления, вводимая в 1870 г. Городовым положением, больно ударила по мещанскому населению города. Городские думы и управы были созданы на буржуазном принципе единого имущественного ценза. Крупным недостатком являлось то, что незначительная горстка наиболее состоятельных людей, вносящая 3-ю часть налогов, могла послать в общественное управление столько же своих представителей, сколько их избирала основная масса малоимущих горожан (4, с. 72). Мещане тем самым, из-за высокого ценза, были отстранены от городского самоуправления, в том числе и городским земельным хозяйством. Их интересы некому было отстаивать. Анализ периодики дает основание полагать, что этот процесс был болезнен в обществе. Мещане жалуются на то, что в городскую думу попадают «только купцы – крупные домовладельцы», они составляют менее 2 % населения, а городские обыватели, являющиеся налогоплательщиками, «не идут в думу, потому что не имеют права» (5, л. 2).

Купечество Ставрополя, несмотря на свою малочисленность – 1,61 %, было достаточно состоятельным. Например, купец первой гильдии М. В. Попов, владелец кожевенных заводов, ежегодный оборот капитала которого составлял 250 т. р., размер вносимого им процентного сбора по 3/4 к. с рубля стоимости имения – 971 р. 64 к. В целом 51,2 % гласных думы принадлежало купечеству (4, с. 78). Такой состав гласных позволял купцам лоббировать свои интересы в решении вопросов землеустройства, многие решения «купеческой думы» не совпадали с желанием мещанского большинства города.

Земля становится не столько ценным источником благосостояния горожан, сколько предметом выгодных коммерческих сделок купечества. Поскольку основной, наиболее выгодной и надежной формой вложения капитала в условиях модернизации страны и для купечества, и зажиточного мещанства являлась земельная собственность, приносящая доход не производством, но выгодными арендными сделками. Анализ архивных источников дает основание полагать, что купечество и часть зажиточного мещанства, скупая или беря в аренду крупные участки земли, выступали в качестве посредников между мелкими арендаторами и городом. В начале века расценки на распашную землю колебались от 3 до 7 р. за

1 дес., срок аренды – 3 года (6, л. 5). Отметим, что благодаря беспорядочности рыночных отношений в земельной собственности, город в 1899 г. потерял в условиях срочной годовой аренды 25.360 р. 68 к. (7, с. 5).

Для того чтобы упорядочить аренду городских земель, в 1903 г. была образована земельная комиссия, которая ведала текущими земельными делами г. Ставрополя (7, с. 7). Деятельность комиссии была направлена на улучшение земельного положения мещанского сословия.

Привилегией владения, арендования и пользования землей владело мещанское сословие, поскольку земля была единственным источником выживания их семей. В 1893 г. вводится так называемая «раздробительная» или «благотворительная» земля, которая раздается беднейшим жителям, занимающимся обработкой земли, без торгов, с платой по 4 р. за 1 дес., на 12-летний срок (8, л. 233). Регулирование арендных отношений входило в компетенцию мещанского общества. Это мероприятие было якобы направлено на интересы мелких арендаторов, которым было трудно конкурировать на торгах с земельными посредниками. Тем не менее, эта земля «фактически разделяется в размере 1–2 дес., и лишь в нескольких, исключительных случаях в размере 3 дес., а иногда и в размере всего полдесятины на семью» (8, л. 233). Очевидно, что данной земли не хватало для процветания мещанского хозяйства.

Социальная мобильность, усилившаяся в начале XX века, способствовала уменьшению «благотворительных» земель. По сведениям мещанского старосты Д. М. Желяева, население окраин города возросло. На юго-западе города возникло новое поселение, получившее название Армавира и занявшее несколько улиц (8, л. 233). Изучение архивных данных дает основание полагать, что название поселения связано с переселением крестьян из Кубано-Черноморской области, именно там существовало поселение Армавир. В мещанское сословие переходили государственные крестьяне, освобожденные, частновладельческие, временнообязанные, которые также претендовали на городские земли Ставрополя.

Анализ архивных источников показал, что увеличение городского населения, занимающегося исключительно земледелием, приводит к повышению арендной платы, которое способствовало обеднению большей части мещан, за которыми числились огромные недоимки (9, л. 558). Требования мещан были достаточно жесткими: «вся земля распашная и сенокосная не должна сдаваться посторонним и в Ставрополе живущим крестьянам и купцам» (6).

Явная социальная дифференциация и попытка сохранения замкнутости мещанского сословия, отстаивание своих интересов и «прав» на землю грозили городу острыми сословными противоречиями. В городе, вокруг аграрных

отношений, происходит борьба традиционных и буржуазных форм социальной и экономической структуры.

В 1906 г. ставропольская управа пошла на уступки мещанам. Мещане, по докладу агронома Походни, также добились исключительного права пользования землей, устранив от земли даже купцов, чего раньше не было (7, с. 21).

Чтобы обезопасить город от потери дохода с земли, обязательным было заключение контракта на арендное пользование (10, л. 2.). Иногда мещане шли на хитрость, арендуя сенокосные земли, самовольно их распахивали. Однако эта афера была не всем по карману, так как штраф за самовольство составлял в 1906 г. 45 р. 83 к. (11, с. 2).

Влияние на социально-экономические отношения в городе оказала столыпинская аграрная реформа, которая требовала радикальных изменений в сфере аграрных отношений и в городе. Одним из негативных последствий «раздробительной» земли стало появление и процветание барышничества. Также участились недовольства среди арендаторов на неудобства применения одинаковой расценки на качественно различные земли, на беспорядки, происходящие от запашки произвольно свободной городской земли и чужих загонов (12, л. 4).

Под влиянием данных событий в январе 1910 г. городская Дума определяет следующую форму аренды городских земель. «Благотворительная» земля упразднялась, устанавливалась аренда земли с торгов, арендаторы, у которых земледелие является подсобным занятием, не должны были арендовать распаханной земли более 2 дес. на двор. Срок аренды зависел от «надежности плательщиков» и колебался от 2 до 6 лет. Заключение контрактов стало обязательным для всех арендаторов (13, с. 38).

Жизнь провинциального города начала XX в. во многом определялась аграрными отношениями. Буржуазные реформы, тем не менее, формировали новое отношение к земле, наряду с архаичными землепользовательскими формами, происходит коммерциализация земли. К земельной собственности города приобщаются буржуазные слои города, для которых характерна мобильность, предприимчивость. Однако наиболее консервативное мещанство, привыкшее жить по-старому и менее подверженное буржуазным преобразованиям, старалось сохранить присущие сельскому укладу жизни замкнутость и традиционность. Модернизационные процессы обнажили сословные противоречия.

Использованная литература и источники

1. Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX вв.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. В 2-х т. т. 1. – СПб. 2000.

2. Бродель Ф. Структуры повседневности: возможное и невозможное// Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV–XVIII вв. – М. 1986.
3. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897г. Т.LXVII. – Ставрополь, 1905.
4. Иманаева И.С. Городское самоуправление на Северном Кавказе во II половине XIX – начале XX века. – дис. на соиск. к.и.н. – Ставрополь – 2002.
5. Письмо к мещанам. //Голос. 23апреля 1906, № 1.
6. ГАСК. Ф. 96. Оп.2. Д.1894.
7. Походня Н. К. К вопросу о городском землепользовании на землях г. Ставрополя с 1878 по 1911г. – Ставрополь. 1911.
8. ГАСК. Ф. 95. Оп.1. Д. 8694.
9. ГАСК. Ф. 95. Оп.1. Д. 8701.
10. ГАСК. Ф. 96. Оп. 2. Д. 1147.
11. ГАСК. Ф. 96. Оп. 2. Д. 1897.
12. ГАСК. Ф. 96. Оп. 2. Д. 1704. Л. 4
13. О форме аренды и порядке сдачи в аренду земель города Ставрополя. – Ставрополь, 1912.

Перевертайло Алексей,
г. Ставрополь,
МОУ СОШ № 42,
ученик 9 класса.
Научный руководитель:
Никулина Е. В.

Федор Давыдович Кулаков – первый секретарь Ставропольского крайкома КПСС

Современной молодежи имя Ф. Д. Кулакова ничего не скажет. Его не найдешь в учебниках истории. Но старшее поколение помнит, что Федор Давыдович сделал головокружительную карьеру, работая в Ставропольском крае. В учебнике для 10–11 классов по краеведению Кругова А. И. четыре биографических строки рассказывают о руководителе нашего края.

Кулаков Федор Давыдович родился 04.02.1918 года. Уроженец села Фитиж Льговского района Курской области, выходец из крестьянской семьи, он окончил сельскохозяйственные техникум и институт, а потом, начав работать управляющим отделением совхоза, стал быстро и высоко подниматься по служебной лестнице. В его трудовой биографии – множество вех, связанных с партийной и советской деятельностью. Работа на руководящих должностях в Пензенской области и Ставропольском крае оказалась стартовой площадкой для других, более сложных и ответственных постов – заместителя министра сельского хозяйства, министра хлебозаготовок, заведующего сельхозотделом Центрального комитета КПСС. Кулаков избирался его секретарем и являлся членом политбюро. В 1960–64 гг. – 1-й секретарь Ставропольского крайкома КПСС. В эти годы проходили и кукурузная кампания, и подъем промышленного производства (в Ставрополе сданы в эксплуатацию здания 1 очереди НИИ люминофоров, промышленный комплекс вакцин и сывороток, завершено строительство мясокомбината, достроены кинотеатр «Экран», гостиница «Кавказ», средняя школа № 16...), и повышение цен на продукты, вызвавшее массовое недовольство в соседней Ростовской области...

Ставропольский край стал трамплином для карьеры многих партийных руководителей. В разное время с ним были связаны Сулов, Андропов. Не без их помощи появился на политической сцене и Михаил Горбачев. Кулаков прошел довольно короткую дистанцию партийно-хозяйственной карьеры и вышел на финишную прямую. Вполне возможно, что его знания, целеустремленность, молодость (он умер в возрасте 60 лет) настораживали партийную элиту. Федор Давыдович как раз предлагал новую модель развития аграрного сектора СССР. Уже тогда он говорил о выделении людям дачных участков, о создании

фермерских хозяйств. Все или многое из задуманного им мы позже получили. Кстати, Кулакова дальше социалистических стран в командировки не пускали. Опасались чего-то. «Невозможно было поднять сельское хозяйство, – говорил он, – да его никто и не поднимет при той системе управления, когда лапу на все накладывали, жили по принципу: все забрать – ничего не отдать. Нельзя работать при закрытом хозяйствовании, нужно сделать его свободным. Пусть сами крестьяне выбирают путь, по которому нужно идти». Если бы они выбрали путь фермерства, на два года Федор освободил бы их от налогов. Но политики того времени считали, что сельское хозяйство нужно держать в кулаке: всегда легче забрать, чем отдать... «Кулаков был первым секретарем на Ставрополье. Вот там ему нравилось – сам себе хозяин. Нравился климат, богатый и щедрый край», – вспоминал в своей книге Б. Кучмаев.

Из газеты «Правда» 1978 года читатели узнали о вручении Кулакову в Кремле ордена Ленина и золотой медали «Серп и Молот». Этим наград он удостоился за большие заслуги перед Коммунистической партией, Советским государством и в связи с 60-летием. Под крупным фото руководителей КПСС, присутствовавших на торжественной церемонии, – выступление Л. И. Брежнева. Выдержка из него передает дух той эпохи: «Вы, Федор Давыдович, почти ровесник Великого Октября. И уже без всякого можно сказать, что Ваша биография, Ваша деятельность целиком связаны с великой работой нашей ленинской партии по претворению в жизнь бессмертных идей Октября, идей коммунизма».

К слову сказать, у Кулакова имелись и другие солидные награды – например, еще два ордена Ленина, орден Трудового Красного Знамени, медали СССР, ему было присвоено звание Героя Социалистического Труда. В том же году в «Курской правде» появился некролог, извещавший о том, что «17 июля в возрасте 60 с лишним лет верный сын партии, отдавший всю свою жизнь великому делу строительства коммунизма», скоропостижно скончался. В медицинском заключении была указана причина смерти – острая сердечная недостаточность с внезапной остановкой сердца. Правительственная комиссия по организации похорон уведомляла, что попрощаться с покойным можно было 18 числа в Краснознаменном зале Центрального Дома Советской Армии.

Летом 1978 года на Красной площади хоронили Федора Давыдовича Кулакова, члена политбюро и секретаря ЦК по сельскому хозяйству. По этому случаю с Мавзолея к народу впервые обратился Михаил Сергеевич Горбачев, тогда еще провинциальный партсекретарь, своей карьерой обязанный Кулакову. Это было первое выступление Горбачева на Красной площади. А из высшего руководства почти никто не пришел проводить коллегу в последний путь. Хотя в Москве шептались, что Кулаков – один из вероятных наследников Брежнева на

посту генерального секретаря. Только что к шестидесятилетию он получил золотую звезду Героя Социалистического Труда.

Имя Кулакова носит промышленная магистраль г. Ставрополя, на проспекте Кулакова возведена памятная стела.

Я считаю, что недостаточно уделено исторического внимания такой личности! Советский период развития Ставрополья и страны в целом в школьной программе освещен сухо и скупо. Мы сейчас часто вспоминаем руководителей города и края, которые стояли у истоков Ставропольской губернии, и неоправданно умалчиваем о первых лицах Ставропольского края периода СССР. Но именно в этот период в нашем крае началась эпоха индустриального Ставрополья. И развитие таких спецотраслей в промышленности на Ставрополье, как энергетика, машиностроение, химическая промышленность, связано с Ф. Д. Кулаковым – первым секретарем Ставропольского крайкома КПСС.

Использованная литература и источники

1. БСЭ, т. 13, 24, М. 1973.
2. Кругов А.И. «Ставропольский край в истории России», Ставрополь, 2001, 2007.
3. Соловьев В. «Кремлевские заговоры», М. 2001.
4. Любимов И. «Малознакомая Москва», М. 2003.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АКАК	– Акты, собранные Кавказской археографической комиссией
АСГЭ	– Археологический сборник Государственного Эрмитажа
БЭС	– Большая Советская энциклопедия
ГАСК	– Государственный архив Ставропольского края
ГУ «МИИР»	– Государственное учреждение «Музей истории Изобильненского района»
ИА РАН	– Институт археологии Российской Академии наук
МГУ	– Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
ОФ	– Основной фонд
ПСЗ РИ	– Полное собрание законов Российской империи
САИ	– Свод археологических источников
СА	– Советская археология
СГМЗ	– Ставропольский государственный историко-культурный и природно-ландшафтный музей-заповедник им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Пправе
СГУ	– Ставропольский государственный университет
СОИГСИ	– Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева

